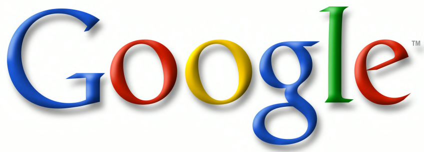
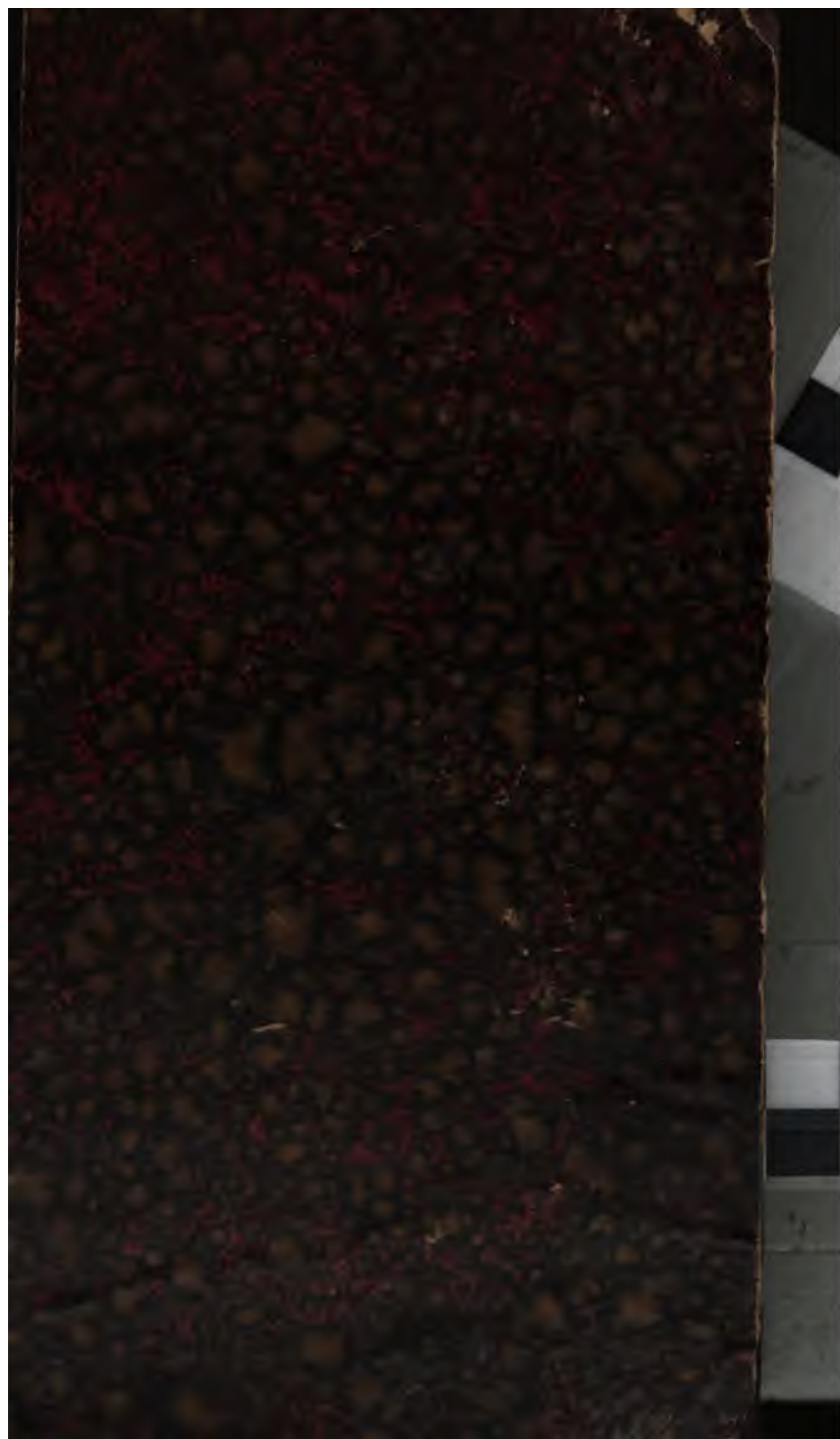

Google



6 p

12 — 3 —

КРЫЛАТЫЯ СЛОВА

НЕ СПРОСТА̀ И НЕ СПУ́СТА СЛОВО МОЛВИТСЯ

И ДО̀ ВѢКУ НЕ СЛОМИТСЯ

У—слова и бесѣда.
(Народная пословица)

ПО ТОЛКОВАНІЮ

С. МАКСИМОВА

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1899

КРЫЛАТЫЯ СЛОВА

КРЫЛАТЫЯ СЛОВА

НЕ СПРОСТА И НЕ СПУСТА СЛОВО МОЛВИТСЯ

И ДО ВѢКУ НЕ СЛОМИТСЯ

У — слова и бесѣда.
(Народная пословица)

ПО ТОЛКОВАНІЮ

С. МАКСИМОВА

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1899

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въ одномъ изъ суворинскихъ календарей помѣщенъ былъ объяснительный списокъ тѣхъ изреченій и словъ, взятыхъ изъ иностранныхъ языковъ, которыя часто употребляются въ различныхъ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ. Эти чужія замѣчательныя мысли, въ немногихъ словахъ высказанныя по большей части латинскими классиками, конечно, потребовали не только перевода, но и указаній на первоначальные источники, какъ корень и причину ихъ происхожденія. Для незнакомыхъ съ иностранными языками, для громаднаго большинства газетныхъ читателей, вовсе не знающихъ латинскаго языка, тотъ календарь, по истеченіи года, не былъ забытъ и брошенъ, какъ вчерашняя театральная афиша, а сдѣлался настольною справочною книгою. Въ ней газетный читатель могъ находить объясненіе мимолетныхъ выраженій изъ мертвыхъ языковъ отъ изъѣзженныхъ «suum cuique», «sapienti sat», «dixi» и т. под. до внушительнаго возгласа покойнаго желѣзнаго германскаго канцлера «beati possidentes».

Я задался подобною же задачею, но сдѣлалъ опытъ въ противоположномъ направленіи, остано-

вившись для объясненій не надъ учеными и книжными апофегмами, а надъ тѣми мимолетными разговорными, такъ сказать летучими и крылатыми, словами и ходячими выраженіями, которыя исключительно принадлежатъ отечественной рѣчи, имѣютъ корень въ русскомъ разнообразномъ мірѣ и даже получили значеніе народныхъ пословицъ и поговорокъ. Съ наибольшимъ вниманіемъ необходимо было (само собою разумѣется) остановиться на толкованіи тѣхъ изъ нихъ, которыя, въ переносномъ смыслѣ, съ утратою первоначальнаго, оказались либо темною безсмыслицею, либо даже совершенной чепухой. Иныя изъ этихъ изреченій, принятыхъ по наслуху и на вѣру, но непонятныхъ, не только безсознательно и безотчетно срываются съ языка въ обиходной разговорной рѣчи, но также ежедневно проникаютъ въ журнальную и газетную печать, уже какъ бы по навыку узаконенными и, повидимому, для всѣхъ и каждаго обязательными къ разумѣнію.

Конечно, по самому смыслу основной задачи, не привелось рыться въ классическихъ сочиненіяхъ, а необходимо было обращаться прямо къ живому источнику текущей народной жизни, къ народнымъ преданіямъ, вѣрованіямъ и сказаніямъ, — и всего чаще къ отечественной старинѣ, когда родилась и сама пословица и придумались всякія поговорки, т. е. во времена первобытной простоты рѣчи.

Объясненія однихъ выраженій и словъ слѣдовало искать въ юридическомъ бытѣ древней Руси, въ пріемахъ розыскного процесса съ отвратительнымъ по-

лосованіемъ человѣческихъ спинъ (слова «подлинный», «подноготный» «московскія правды» и т. п.). Толкованіе другихъ выраженій и пословицъ можно было найти въ мирно-налаженной и спокойно-текущей струѣ сельской жизни, свободной въ ея бытовыхъ проявленіяхъ: земледѣльческихъ, промышленныхъ, ремесленныхъ и т. д. (таковы выраженія: «баклуши бить», «попасть въ просакъ», «лясы точить», «нужда заставитъ калачи ѣсть», «ни кола— ни двора», «канитель тянуть»). Смыслъ третьихъ подсказывается и возстановляется доселѣ сохранившимися (и лишь отчасти исчезнувшими, но памятными) народными обычаями и вѣрованіями (слова: «черезчуръ», «чуръ меня»; выраженія: «семь пятницъ на недѣлѣ», «горохъ при дорогѣ», «на улицѣ праздникъ» и проч.). Многія изъ бытовыхъ пословицъ оправдываются бывалыми событіями, успѣвшими облечься въ форму притчей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ анекдотовъ («собаку съѣлъ», «на ворѣ шапка горитъ», «вора выдала рѣчь», «огонь и попа жжетъ», «семипудовый пшикъ», «хоть тресни» и друг.). Этимъ послѣднимъ способомъ съ полною откровенностью народъ поспѣшилъ объяснить и оправдать свои недостатки и характерныя свойства: «заднiй умъ», «русскій духъ», «русскія сваи», что́ вообще значитъ—дѣлать и поступать по-русски, «привѣчать — угостить», и т. д. Среди всѣхъ подобныхъ выраженій (вообще сравнительно небольшого количества), въ замѣчательно рѣдкихъ случаяхъ, доводится искать толкованій въ языкахъ сосѣдящихъ съ нами инородцевъ (въ родѣ:

«кавардакъ», «алала», «ни бельмеса»), а поиски за словами, вкравшимися въ русскій языкъ изъ европейскихъ языковъ, составляютъ уже особенный самостоятельный трудъ. Теперь же представляю кстати лишь нѣсколько образчиковъ («галиматья», «камень въ воду» и проч.).

Углубляясь въ дремучій и роскошный лѣсъ родного языка, богатаго, сильнаго и свѣжаго, краткаго и яснаго, на этотъ разъ, конечно, довелось пробраться лишь по опушкѣ. Здѣсь легче было осмотрѣться, пересчитать все, что было наглазнымъ, произвести изслѣдованія и дать описаніе всему многочисленному разнообразію родовъ, видовъ и породъ до валежника включительно.

При объясненіи темныхъ словъ и непонятныхъ выраженій пришлось остановиться на тѣхъ изъ нихъ, которыя подсказаны были личною памятью, либо подхвачены на лету при случайныхъ бесѣдахъ, либо указаны запросами лицъ, обратившихъ вниманіе на эту работу. Въ значительной долѣ сослужилъ дѣлу драгоцѣнный памятникъ отечественнаго языка: «Толковый словарь живаго великорусскаго языка В. И. Даля», и, конечно, не разъ случалось прислушиваться къ тѣмъ объясненіямъ, которыя даны были раньше, съ цѣлію ихъ повѣрки и оцѣнки. Тѣ и другія необходимо было принять, по старой памяти и школьной привычкѣ, какъ классный урокъ по предмету русскаго языка: стараться разгадать эти своеобразныя темы, какъ загадки, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, и явить скрытую тайну въ полномъ освѣщеніи съ надлежащею обстановкою

и обязательными подробностями. Если, по св. Писанію: «когождо дѣло явлено будетъ—день бо явитъ», то по народной пословицѣ: «загадка—разгадка, а въ ней семь верстъ правды». Quod potui—feci,—скажу древнѣйшимъ и авторитетнымъ крылатымъ выраженіемъ изъ совершенно-чужого языка (хотя бы оно и достаточно уже попорхало по бѣлому свѣту): faciant meliora potentes!

КРЫЛАТЫЯ СЛОВА.

Долетаютъ до слуха отрывочныя выраженія изъ разговора двухъ встрѣчныхъ на улицѣ про третьяго:

— Самъ виноватъ: вѣкъ свой билъ баклуши — вотъ теперь подѣлòмъ и попался въ просакъ.

— Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ, — огонь и попа жжетъ. Погоди: будетъ и на его улицѣ праздникъ.

Эти жосткія выраженія упрека и мягкія слова утѣшенія, принятыя съ чужихъ словъ на вѣру, до такой степени общеизвѣстны, что во всякое время охотно пускаешь ихъ нà вѣтеръ, не вдумываясь въ смыслъ и значеніе. Равнымъ образомъ и самъ ихъ выговоришь не одну сотню разъ въ годъ, въ увѣренности, что поймутъ другіе: можно смѣло пройти мимо. Мало ли вращается въ обыденныхъ разговорахъ разныхъ метафоръ, гиперболъ, пословичныхъ выраженій и поговорокъ?—За всѣми не угоняешься.

Впрочемъ, мы на этотъ разъ общему примѣру не послѣдуемъ, хотя бы и по тому поводу, что въ иной поговоркѣ слышится совсѣмъ ужъ безсмыслица: будто бы огню дано особое преимущество и

попа жечь, а стало быть можетъ найтись и такой, предъ которымъ безсиленъ горящій и палящій огонь.

Да, наконецъ, что это за баклуши, и какой такой просакъ? И гдѣ эта улица, на которой, кромѣ мѣста для прохода и проѣздовъ, полагается еще и праздничное время?

Любознательные пусть не скучаютъ тѣмъ, что имъ придется, по примѣру русскаго мужика, который для тѣхъ поговорокъ до Москвы ходилъ пѣшкомъ и при этомъ износилъ трое лаптей,—углубиться въ давно-прошедшія времена и побывать въ мѣстахъ весьма глухихъ и отдаленныхъ.

ОГОНЬ ПОПА ЖЖЕТЪ.

Въ смутное время московскаго государства или въ народную разруху не только потрясена была русская жизнь въ корень, но и сдвинута со своихъ основъ.

Когда, съ призваніемъ дома Романовыхъ, все понемногу начало успокоиваться и всѣ стали осматриваться и принялись чинить разбитое и разрушенное,—появилось первое стремленіе къ новшествамъ. А такъ какъ русскій человѣкъ издревле жилъ преимущественно вѣрою, то въ этой области и обнаружились первыя попытки исправленія. Вскорѣ по восшествіи на престолъ, новоизбранный царь Михаилъ озаботился возстановленіемъ печатнаго дѣла: отстроилъ печатный домъ, сожженный поляками, собралъ разбѣжавшихся по инымъ городамъ мастеровъ и приступилъ къ исправленію текста церковныхъ книгъ.

Въ 1616 году, по царской грамотѣ, троицкому Сергіева монастырю архимандриту Діонисію (успѣвшему прославиться патріотическими подвигами въ Смутное время) указано было исправленіе Потребника—книги, содержащей въ себѣ чинъ совершенія всѣхъ церковныхъ требъ, въ особенности пострадавшей отъ различныхъ искаженій и невѣжественныхъ вставокъ переписчиковъ и печатниковъ.

Справщики первымъ дѣломъ натолкнулись на лишнее прибавочное слово въ молитвѣ на освященіе воды: «Самъ и нынѣ Владыко, пріиди и освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ и огнемъ». Справщики, глубоко убѣжденные въ правильности своего открытія, что слово «и огнемъ»—позднѣйшая вставка невѣжественныхъ переписчиковъ, порѣшили слово это уничтожить. Если бы дѣло исправы происходило въ Москвѣ, на глазахъ у царя, и обсуждалось церковнымъ совѣтомъ, оно обошлось бы мирно, но въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ изъ-за краткаго слова загорѣлся сыръ боръ и началась долговременная борьба, имѣвшая печальныя трагикомическія послѣдствія. На кроткаго архимандрита поднялись два «мужика-горлана»: головщикъ Логинъ и уставщикъ Филаретъ. Первый считалъ себя знатокомъ дѣла, такъ какъ при Шуйскомъ печаталъ «уставы» и наполнялъ ихъ ошибками, а второй едва зналъ азбуку, а «священная философія и въ рукахъ не бывала». Сговорившись съ прочими, оба они отправили доносъ исправлявшему патріаршія обязанности крутицкому митрополиту Іонѣ—человѣку также мало свѣдущему въ подобныхъ дѣлахъ. Въ доносѣ было сказано, что архимандритъ-справщикъ «Святаго Духа не исповѣдуетъ, яко огнь есть». Іона потребовалъ обвиняемыхъ къ допросу къ себѣ на Кру-

тицы, съ безчестіемъ и позоромъ, какъ еретиковъ, а потомъ допрашивали въ Вознесенскомъ монастырѣ въ кельяхъ матери царя Марфы Ивановны. Позорили архимандрита тѣмъ, что водили на допросъ нарочно въ праздничные и базарные дни пѣшкомъ и въ рубищѣ или верхомъ на клячѣ и безъ сѣдла, въ цѣпяхъ. Мало того: подучали уличныхъ бродягъ бросать въ страдальца пескомъ, каломъ и грязью за то, что онъ-де хочетъ вывести огонь со свѣта. Діонисій все это кротко терпѣлъ, съ веселымъ видомъ, а товарищи его на соборѣ при допросахъ «слюнами глаза запрыскивали тѣмъ, которые съ ними спорили». Не смотря на всѣ эти споры и перенесенныя поруганія, праведнаго Діонисія заключили въ курной и угарной избѣ Новоспасскаго монастыря, кормили въ проголодь и, когда вздумается, сажали на цѣпь, заставляли каждодневно класть по тысячѣ поклоновъ. Въ концѣ порѣшили обвиненнаго въ ереси навѣчно заточить въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ и только за бездорожьемъ пріостановились исполненіемъ указа. Въ это время вернулся изъ польскаго плѣна царскій родитель Филаретъ патріархомъ, взялъ сторону Діонисія и оправдалъ его тѣмъ, что навелъ справку у всѣхъ вселенскихъ патріарховъ въ ихъ требникахъ. Мѣстная и мелкая церковная смута затихла. Исправленіе книгъ продолжалось безъ помѣхи, а роковое слово приказано уничтожить и не говорить. Чтобъ старый попъ не натыкался, а бойкій и грамотный не набѣгалъ на это слово, — указано его замазать (пишущему эти строки доводилось въ архангельскихъ церквахъ видѣть это слово въ книгахъ до-никоновской печати заклеенным бумажкой).

Указъ исполнили. Описывали между прочими нижегородскія десятины Костромского уѣзда, города Кинешмы и Кинешемскаго уѣзда поповскіе старосты (т. е. благочинные): «привезъ воскресенскій попъ Стефанъ Дементьевъ съ посаду и изъ уѣзду десять служебниковъ печатныхъ, да служебникъ письменной, да потребникъ печатной. Что приложено въ нихъ было прилогъ «огня» въ водосвященіе богоявленскія воды въ молитвѣ: Самъ и нынѣ Владыко, освятивъ воду сію Духомъ твоимъ святымъ, а прилогъ огня въ томъ въ одномъ мѣстѣ въ нихъ замазали». И такія операціи произвели въ 12 случаяхъ (см. «Русская Историческая Библіотека», изд. археологическою комиссіею, т. 2, Спб., 1875 г., подъ № 221).

Успокоились такимъ образомъ на томъ, что замазали чѣмъ-то слово въ книгахъ; но что могли предпринять противъ языка поповскаго, который, какъ и у всѣхъ простецовъ, оказался безъ костей и мололъ, по навыку? Легкое ли дѣло съ такимъ легкимъ словомъ бороться, когда натвердѣло оно въ памяти и закрѣплялось на языкѣ не одинъ только разъ въ году, именно за вечерней подъ Богоявленіе, а срывалось съ перебитаго языка и предъ Іорданью на другой день, и во многіе дни, когда приводилось освящать воду въ домахъ по заказу, и на поляхъ по народному призыву, и на Преполовеніе, и на перваго Спаса по уставу, и въ храмовые и придѣльные церковные праздники для благолѣпія и торжества передъ литургіями.

Стали спотыкаться на этомъ лишнемъ и запретномъ роковомъ словѣ чаще всѣхъ, конечно, старики-священники, у которыхъ, по выраженію царской граматы, «обычай застарѣлъ и безчинія вкоре-

нились». Какъ его не вымолвить, когда сроднился съ нимъ языкъ? Старый священникъ, хотя, по пословицѣ, воробей старый, котораго на мякинѣ не обманешь, да и слово—тоже воробей: вылетитъ—не поймаешь. Стало быть, тутъ споръ о томъ, кто сильнѣе? Догадливый и памятливый стережется не попасть въ просакъ. Идетъ у него все по-хорошему, начинаетъ истово и ведетъ по уставу косно, со сладкопѣніемъ, не борзяся, а попало слово на глаза, то и пришло на мысль, что приказано: говорить его, или вовсе не говорить? А легкое слово тѣмъ временемъ сѣло на самомъ кончикѣ языка: и сторожитъ, и дожидается, когда ему спрыгнуть придетъ чередъ и время, и вылетитъ, что воробей: лови его. Да изъимется языкъ мой отъ гортани моея! Въ книгѣ-то слово запретили, а въ памяти тѣмъ самымъ закрѣпостили еще больше. А тутъ, вонъ и свидѣтели бѣды такой обступили со всѣхъ сторонъ; другіе даже нарочно и уши насторожили, словно облаву сдѣлали, какъ на какого нибудь звѣря.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ на тотъ разъ и свидѣтелямъ быть спокойными и безучастными: скажетъ попъ это слово и точно горячій блинъ схватилъ или проглотилъ ложку щей, съ пылу горячихъ. Потянулъ съ силой воздухъ, тряхнулъ головой; иной и ногой съ досады пристукнулъ и плечами покрутилъ. Обидчивый, и нетерпѣливый съ досады, надумалъ поправляться и опять налеталъ на бѣду. И дивное-то дѣло: смотритъ попъ въ книгу, предъ нимъ слова стоятъ, а онъ про огонь вспоминаетъ, и про него говоритъ.

Такъ и сложилась въ то время (и до насъ дошла) насмѣшливая поговорка: въ книгу глядитъ (или на воду глядитъ), а огонь говоритъ. Съ тѣхъ

самыхъ поръ началъ огонь жечь попа въ особину, въ исключеніе предъ другими. Стала ходить вѣковѣчная, несокрушимая въ правдѣ пословица о неизбѣжности для всякаго человѣка бѣды и грѣха, съ новымъ привѣскомъ, вызваннымъ полузабытымъ неважнымъ историческимъ случаемъ.

Впрочемъ, только этою незлобивою насмѣшкою народъ и покончилъ съ церковнымъ словомъ, смущавшимъ священниковъ, но самъ нисколько не убѣдился въ томъ, чтобы легкой помаркой можно было покончить съ великимъ смысломъ и глубокимъ значеніемъ самаго слова и объясняемаго имъ предмета. Съ огнемъ не велитъ другая пословица ни шутить, ни дружиться, а знать и понимать, что онъ силенъ. Силенъ живой огонь, вытертый изъ дерева, тѣмъ, что помогаетъ отъ многихъ прітокъ и порчей съ вѣтру и съ глазу, а, между прочимъ, пригоденъ при скотскомъ падежѣ, если провести сквозь него еще не зачумленную животину. Божій огонь, то-есть происшедшій отъ молніи, народъ боится тушить, и если разыграется онъ въ неудержимую силу великаго пожара, заливаетъ его не иначе, какъ парнымъ коровьимъ молокомъ. Огонь очищаетъ отъ всякія скверны плоти и духа, и на Ивана Купалу прыгаетъ черезъ него вся русская деревенщина, не исключая и петербургскихъ, и заграничныхъ нѣмцевъ. Святость огня, горѣвшаго на свѣчѣ во время стояній, на чтеніи 12-ти евангелій въ Великій Четвергъ признается и почитается даже въ строгомъ Петербургѣ, и непотушенныя свѣчи изъ церквей уносятся бережно на квартиры. Въ мѣстахъ первобытныхъ и темныхъ, гдѣ, какъ въ Бѣлоруссіи, языческія преданія уберегаются цѣльнѣе, почитаніе огня обставляется такимъ множествомъ обрядовъ, кото-

рые прямо свидѣтельствуютъ о томъ, что въ огнѣ и пламени не забыли еще стараго бога Перуна. На Срѣтеньевъ день (2-го февраля) въ тѣхъ мѣстахъ, въ честь огня, установился даже особый праздникъ, который зовется громницей.

Въ юридическихъ обычаяхъ еще съ тѣхъ временъ, когда люди находились въ первобытномъ состояніи, огонь служилъ символомъ пріобрѣтенія собственности. Вожди народныхъ общинъ, вступая на новыя земли, несли горящія головни, и вся земля, которую они могли занять въ теченіе дня съ помощью огня, считалась собственностью племени. Такъ какъ огнемъ же добыты отъ лѣсовъ пашни и у насъ по всей Руси, то поэтому въ древнихъ актахъ населенныя, при помощи такихъ способовъ, мѣста постоянно называются огнищами и печищами. Около очага, около одного огня группировались потомъ семьи, изъ нихъ выростали цѣлыя села. Появилось въ древней Руси прозваніе пахарей огнищанами, справедливое въ обоихъ значеніяхъ: отъ очага и дыма, и отъ расчистки срубленнаго и спиленнаго лѣса.

ВЪ ПРОСАКЪ ПОПАСТЬ.

Попасть въ просакъ немудрено каждому, и всякому удается это не одну тысячу разъ въ жизни и притомъ такъ, что иногда всю жизнь тѣ случаи вспоминаются. Между прочимъ, попалъ въ просакъ тотъ иностранецъ, который въ нынѣшнемъ столѣтіи пріѣзжалъ изучать Россію и, увидѣвъ въ деревняхъ нашихъ столбы для качелей, скороспѣло принялъ ихъ за висѣлицы и простодушно умоза-

ключилъ о жестокихъ варварскихъ нравахъ страны, о суровыхъ и дикихъ ея законахъ, худшихъ, чѣмъ въ классической Спартѣ. Что бы сказалъ и написалъ онъ, еслибы побывалъ въ городѣ Ржевѣ? Побывши въ сотнѣ городовъ нашихъ, я самъ чуть-чуть не попался въ просакъ, и на этотъ разъ разомъ въ два: и въ отвлеченный, иносказательный, и въ самый настоящій. Разскажу по порядку, какъ было.

Шатаясь по св. Руси, захотѣлось мнѣ побывать еще тамъ, гдѣ не былъ, и на этотъ разъ—на Верхней Волгѣ. Съ особенной охотой и съ большой радостію добрался я до почтеннаго города Ржева, почтённаго, главнымъ образомъ, по своей древности и по разнообразной промышленной и торговой живучести. Городъ этотъ, старинная «Ржева Володимірова», вдобавокъ къ тому, стоя на двухъ красивыхъ берегахъ Волги, раздѣляется на двѣ части, которыя до сихъ поръ сохраняютъ также древнерусскія названія: Князь-Дмитріевской и Князь-Федоровской,—трижды княжескій городъ. Когда всѣ старинные города лѣсной новгородской Руси захудали и живутъ уже полузабытыми преданіями, Ржевъ все еще продолжаетъ заявляться и сказываться живымъ и дѣятельнымъ. Не такъ давно перересталъ онъ хвалиться баканомъ и карминомъ — своего домашняго изготовленія красками (химическія краски ихъ вытѣснили), но не перестаетъ еще напоминать о себѣ яблочной и ягодной пастилой (хотя и у нея нашлась, однако, соперница въ Москвѣ и Коломнѣ) и подъ большимъ секретомъ—погребальными колодами, т. е. гробами, выдолбленными изъ цѣльнаго отрубка древеснаго съ особеннымъ изголовьемъ (въ отличіе отъ колоды вяземской), за которыя истые староверы

платятъ большія деньги. Не увядаетъ слава Ржева и гремитъ, главнѣйшимъ образомъ, и въ приморскихъ портахъ ржевскаго прядева судовая снасть, парусная бичевка и корабельные канаты: тросты, вантросты, кабельты, ванты и ходовые канаты для тяги судовъ лошадьми. Эта слава Ржева не скоро померкнетъ. Не въ очень далекихъ сосѣдяхъ разлеглась пеньковая смоленщина, которая давно проторила сюда дорогу, и по рѣкамъ и по сухопутью, и съ сырцовой пенькой и съ трепаной, а пожалуй и съ отчесаной.

Обмотанными той или другой густо кругомъ всего стана отъ низа живота почти по самую шею, то-и-дѣло попадаются на улицахъ молодцы-прядильщики (встрѣчныхъ въ иномъ видѣ и въ другой формѣ можно считать даже за рѣдкость). Промыселъ городской, такимъ образомъ, прямо на глазахъ и при первой встрѣчѣ. Полюбовались мы однимъ, другимъ молодцомъ, обмотаннымъ по чресламъ, пока онъ проходилъ на свободѣ: сейчасъ онъ прицѣпится и мы его въ лицо не увидимъ.

Въ концѣ длиннаго, широкаго и, вообще, просторнаго двора установлено маховое колесо, которое вертитъ слѣпая лошадь. Съ колеса, по обычаю, сведена на поставленную поодаль деревянную стойку съ доской струна, которая захватываетъ и вертитъ желобчатые, торопливые въ поворотахъ шкивы. По шкивной бородкѣ ходитъ колесная снасть и вертитъ желѣзный крюкъ, вбитый въ самую шкиву. Если подойдетъ къ этому крюку прядильщикъ, то и прицѣпится, т. е. припустить съ груди прядку пеньковаго прядева и перехватить руками и станетъ отпускать и пятиться. Предъ глазами его начинаетъ закручиваться веревка. Крутится она скоро и сильно,

сверкая въ глазахъ и, чтобы не обожгла бѣлаго тѣла и кожи на рукахъ, надѣты, у всѣхъ рабочихъ, кожаные рукавицы или голицы. Прихватитъ ими мастеръ свѣжую бичевку и все пятится, какъ ракъ, и зорко предъ собою поглядываетъ, чтобы не оборвалось въ его рукавицахъ прядево на бичевкѣ. Онъ уже не обращаетъ вниманія на то, что не выбитая кострика либо завертывается вмѣстѣ съ пенькой въ самую веревку, либо сыплется, какъ песокъ, на землю. Пропятился мастеръ на одинъ конецъ, сколько указано, скинулъ бичевку на попутныя торчкомъ стоящія рогульки съ 7-ю и больше зубцами, и опять начинаетъ снова. Время отъ времени, когда при невниманіи или при худой пенькѣ разорвется его пуповина и разъединится онъ и со слѣпой лошадью и съ колесомъ,—онъ тпрукнетъ и наладится. Впрочемъ, иныя колеса (и, конечно, на бѣдныхъ и малыхъ прядильняхъ) вертитъ удосужившаяся баба, а по большей части—небольшіе ребята.

Такъ не хитро налаженъ основной механизмъ прядильной фабрики первобытнаго вида. Къ тому же, по старинному закону, и это маленькое заведеніе кочуетъ: оно переносное. У хозяина невеликъ свой дворъ и притомъ коротокъ, а на вольномъ воздухѣ свободнѣй работать, если время не дождливое и не осеннее. Вотъ онъ и выстроилъ свой заводъ прямо на общественномъ мѣстѣ, вдоль по улицѣ — вдоль по широкой. Кто хочетъ тутъ проѣхать, — объѣзжай около; тамъ оставлено узенькое мѣсто: лошадь пройдетъ и телѣгу провезетъ. Остальную и большую половину улицы всю занялъ заводчикъ: выдвинулъ колесо. Отступая отъ него аршина на два, онъ вбилъ доску со шкивами и дальше вдоль, одинъ за другимъ, по прямой линіи, стойки или многозубцы на

кольяхъ. Колья эти вбилъ онъ прямо въ размокшую и мягкую землю просохшей городской водосточной канавы, какъ вздумалось. И по кольямъ-стойкамъ знать, что они порядочно покочевали: били ихъ по головамъ до того, что измочалили. Вертитъ колесо въ 16 спицъ, длиною въ 2 1/4 аршина, баба въ ситцахъ, а на другомъ концѣ валяются обгрызанныя полѣнья «сани» съ прикрѣпленною бичевкою отъ колеса и припрыгиваютъ, словно бумажка на ниткѣ, которой любятъ играть молодые котята. По мѣрѣ того, какъ колесо крутитъ веревку, эти полѣшки, или «сани»—тяжелые, грубаго устройства полозья, пошевеливаясь, пятятся ближе къ машинѣ.

Во Ржевѣ, вообще, нѣтъ никакого уваженія къ улицамъ или, по крайней мѣрѣ, объ нихъ господствуетъ своеобразное понятіе: онѣ далеко не всѣ служатъ для проѣзда.

Дѣйствительно, во Ржевѣ по такой улицѣ не проѣдешь, потому что тамъ-и-сямъ выстроены столбы съ перекладиной, до которой самый высокій мужикъ не достанетъ рукой. Въ полное подобіе висѣлицъ, на всѣхъ перекладинахъ ввинчены рогульками крѣпкіе желѣзные крючья. Это—большіе заводы, у болшихъ хозяевъ, у которыхъ со дворовъ выходятъ на просторъ прешырокія ворота. У одного такого заводчика оказалось 20 колесъ: по 12 человѣкъ на каждомъ—это прядильщики. Затѣмъ 28 человѣкъ колесниковъ да 56 вьюшниковъ. Эти послѣдніе на каждую вьюху наматываютъ девять пудовъ пеньки; т. е. 27 концовъ по 4 нитки, и работаютъ по три перемѣны.

Я зашелъ въ одну изъ такихъ диковинныхъ непроѣзжихъ улицъ и прямо широкихъ воротъ на задахъ большого дома едва не былъ сбитъ съ ногъ

и не подмять подъ сапоги съ крѣпкими гвоздями. Выступила задомъ изъ воротъ и пятилась до самой средины улицы цѣлая ватага рабочихъ, человѣкъ въ двадцать, а тотчасъ слѣдомъ за нею другая такая же. Все спины широкія, гладкія, крѣпкія, сѣрыя, бѣлыя, синія: — такія можно загадать только въ вооображеніи на богатырей.

Ржевскіе богатыри, выдвинувшись изъ воротъ, покрутились на серединѣ улицѣ передъ висѣлицей Здѣсь весело и громко они переговаривались, пересмѣиваясь и насмѣхаясь, и опять, съ гуломъ и быстро, потянулись впередъ, куда потребовали ихъ вороты съ колесами, установленные въ концѣ двора подъ навѣсомъ. Эти веселые молодцы считаются первыми бойцами на кулачныхъ бояхъ, которые извести во Ржевѣ никакъ невозможно. Тутъ все налицо, что надо: ребятки, что вертятъ колеса — застрѣльщики, рабочіе одного большого хозяина — враги и супротивники сосѣдняго заводчика. Да и самый городъ, съ незапамятной старины, разбитъ Волгой на двѣ особыя половины, подъ особыми, какъ сказано выше, прозваніями: правая сторона за князя Дмитрія Ивановича (Князь-Дмитріевская), лѣвая — за Федора Борисовича (Князь-Федоровская), а мѣсто, въ которомъ выходить можетъ стѣнка на стѣнку, гдѣ хочешь, если уже удалось отбить отъ начальства почти всѣ улицы. Если же начальство несогласно, то Волга дѣлаетъ въ окрестностяхъ города такіе причудливые, какъ бы по заказу, изгибы и колѣна, что за любымъ такъ ухоронишься, что никто не замѣтить и не помѣшаетъ побиться на кулачки.

Я заглянулъ на тотъ дворъ, куда ушла шумливая и веселая ватага бойцовъ, и увидѣлъ на немъ

цѣлое плетенье изъ веревокъ, словно основу на ткацкомъ стану. Кажется, въ этомъ веревочномъ лабиринтѣ и не разберешься, хотя и видишь, что къ каждой привязано по живому человѣку, а концы другихъ повисли на крючкахъ висѣлицъ. Сколько людей, столько новыхъ нитей, да столько же и старыхъ, четъ въ четъ понавѣшено съ боковъ и надъ головами. Дѣйствительно, разобраться здѣсь трудно, но запутаться даже на одной веревочкѣ — избави Богъ всякаго лиходѣя, потому что это-то и есть настоящій бѣдовой «просакъ», т. е. вся эта прядильня или веревочный станъ, — все пространство отъ прядильнаго колеса до саней, гдѣ спускается вервь, снуется, сучится и крутится бичевка.

Все, что видитъ нашъ глазъ на дворѣ, — и протянутое на воздухѣ, закрѣпленное на крючьяхъ, и выпрядаемое съ грудей и животовъ, — вся прядильная канатная снасть и веревочный станъ носитъ старинное и столь прославленное имя «просакъ». Здѣсь, если угодитъ одинъ волосъ попасть въ «сучево» или «просучево» на любой веревкѣ, то заберетъ и всѣ кудри русыя и бороду бобровую такъ, что кое-что потеряешь, а на побитомъ мѣстѣ только рубецъ останется на память. Кто попадетъ полой кафтана или рубахи, у того весь нижній станъ одежды отрываетъ прочь, пока не остановятъ глупую лошадь и услужливое колесо. Ходи — не зѣвай! Смѣясь, поталкивай плечомъ сосѣда, ради веселья и шутки, да съ большой оглядкой, а то скрутитъ бѣда — не выдерешься, просидишь въ просакахъ — не поздоровится.

НА УЛИЦѢ ПРАЗДНИКЪ.

Не забывая ржевскихъ улицъ, вспомнимъ, къ слову и кстати, про всякія на Руси улицы. Смотрѣть же, гдѣ настоящія баклуши бьютъ, пойдемъ потомъ въ другую и дальную сторону.

Не только та полоса или дорога, которая оставляется свободною для прохода и проѣзда у лица домовъ, между двумя рядами жилыхъ строеній, называется улицей, но и весь просторъ внѣ жильевъ, насколько хватаетъ глазъ, все вольное поднебесье означается этимъ именемъ во всей сѣверной лѣсной Руси. Старинный народъ, любя селиться на просторѣ и прорубаясь въ темныхъ дремучихъ лѣсахъ, хлопоталъ именно о томъ, чтобы открыть глазамъ побольше видовъ. Для этого онъ безпощадно рубилъ деревья, какъ лютыхъ и непримиримыхъ враговъ, въ вѣковѣчной борьбѣ съ которыми надорвалъ свои силы. Затѣмъ уже онъ поспѣшилъ встать деревней такъ, чтобы кругомъ было свѣтлое мѣсто. Не оставлялось на корню ни одного деревца подлѣ жильевъ. Оттого тамъ, въ лѣсныхъ русскихъ селеніяхъ, всякій человѣкъ, пришедшій съ воли, незнаемый, а тѣмъ болѣе нежеланный и даже недобрый, называется человѣкомъ «съ улицы», съ «вѣтру». Тамъ, если приглашаютъ пріятеля «пойти на улицу», то это вовсе не значитъ посидѣть на завалинкѣ или пошататься между рядами домовъ, а значитъ погулять на вольномъ воздухѣ, въ полѣ и къ лѣсу. Собственно тѣхъ улицъ, которыя мы понимаемъ и чувствуемъ подъ этимъ строгимъ именемъ и образцы которыхъ, съ европейскаго примѣра, указалъ намъ Петръ Великій,—въ прямую стрѣлу

проспектовъ, коренные русскіе люди пробивать и проламывать не умѣютъ. Они настолько о томъ не заботятся, что выводятъ ихъ, какъ бы намѣренно и совсѣмъ противно Петровскому вкусу и указамъ, и вкривь, и вкось, и тупиками, и такими узкими, что двумъ встрѣчнымъ не разъѣхаться. Въ тупикахъ или глухихъ улицахъ нѣтъ вовсе сквозныхъ проѣздовъ, въ узкихъ же — съ трудомъ прилаживаются обочины или тротуары для пѣшеходовъ, а въ настоящихъ и коренныхъ городахъ и во всѣхъ деревняхъ, безъ исключенія, уличныхъ полосъ вдоль дороги даже вовсе не полагается. Уважая и любя сосѣда, пристраиваются къ боку и сторонкой, такъ, чтобы его не потѣснить, и потомъ жить съ нимъ въ миру и согласіи: не всегда въ линіи, какъ въ хороводѣ, а отчего же и не въ розсыпь? Должно строиться такъ, какъ велятъ подъемы и спуски земли, берега рѣкъ и озеръ, лишь бы только всѣмъ міромъ, или цѣлой общиной. Безъ мірского строя, безъ общинныхъ законовъ, какъ извѣстно, нигдѣ и никогда русскіе люди и не останавливались на жительство, потому что воевать съ могучей и суровой природой и съ докучливымъ инородцемъ одиночной семьѣ было не подъ силу. Не только земледѣльцы, но и отшельники въ монастыряхъ жили артелями. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ кругомъ облагали бѣды и нужды и приходилось ютиться другъ къ другу какъ можно тѣснѣе и ближе, зародилось что-то похожее на нынѣшнія улицы съ проулками и закоулками. Такъ сталось въ большихъ городахъ, спрятавшихся за двумятремя стѣнами. Здѣсь, когда развилась, обезпечилась и развернулась жизнь и стали разбираться люди по заслугамъ, по ремесламъ и занятіямъ, —

отобрались бояре въ одно мѣсто и устраивались. Духовные, торговые, ремесленные и черные люди выбирали свои особыя мѣста и строили избы другъ противъ друга и рядомъ, чтобы опять-таки не раздѣляться, а жить общинами, и всѣмъ быть вмѣстѣ и заодно. Старинная городская улица, какъ сельская волость, естественно сдѣлалась политической и административной единицей, устроила свое управленіе. Она выбирала себѣ старостъ и выходила на торжище или площадь, когда собирались другіе общины-улицы судить и думать, толковать не только о дѣлахъ своего города, но и всей земли, тянувшей къ нему податями и сносившей въ него разнообразные поборы.

Во Псковѣ и Новгородѣ нѣскóлько улицъ, будучи каждая въ отношеніи къ другимъ до извѣстной степени самобытнымъ тѣломъ, всѣ вмѣстѣ образовывали «конецъ», а всѣ вмѣстѣ концы составляли цѣлый городъ, какъ Новый Торгъ (или нынѣшній Торжокъ) съ 17-ю концами или улицами, какъ и государь Великій Новгородъ, съ 5-ю, «господинъ Великій Псковъ» съ 6-ю концами. По этимъ, дѣйствительно, великимъ центрамъ и сильнымъ примѣрамъ взяло образцы все множество большихъ городовъ въ сѣверной Россіи вплоть до Камчатки, такъ какъ вся Русь по хвойнымъ лѣсамъ устраивалась исключительно новгородскимъ людомъ и по новгородскимъ образцамъ. Уладились въ нихъ улицы—стали они общинами; жители назвались «уличанами» и еще охотнѣе и вѣрнѣе «сусѣдями». Сближаясь интересами, дѣлали и судили дѣла за «единый духъ», въ полное согласіе: своего не давали въ обиду. Какъ на Прусскую улицу въ Новгородѣ, населенную боярами, хаживали съ боемъ другія

улицы и на Торговую подымался Людинъ конецъ, гдѣ жила рабочая и трудовая чернь, такъ и въ остальныхъ старыхъ лѣсныхъ городахъ ходили кулачнымъ боемъ, стѣнка на стѣнку, на Проломную или Пробойную (срединную) улицу Ильинская (нагорная) и Власьевская (окрайная). По русскому древнему обычаю, гдѣ ссорились и дрались, тутъ же вскорѣ и мирились, какъ въ тѣ времена, когда бои затѣвались изъ-за политическихъ несогласій, такъ и потомъ до нашихъ дней, когда большіе вопросы измельчались до домашнихъ дрязгъ, до простого желанія пораспрaвить свои могутныя плечи, ради удовольствія и досужества или изъ уваженія къ обычаямъ родной старины. Задорнѣе другихъ были улицы: Плотницкія и Гончарныя, сильнѣе всѣхъ — Мясницкія, или, по старинному, «кожемяки»,—вольный слободскій народъ изъ окольныхъ слободъ.

Захотятъ свести счеты — и пустяшный поводъ разожгутъ изъ конца въ конецъ города: станетъ каждому досадно и всѣмъ не въ терпежъ. А лишь вышла стѣна на улицу, и мальчишки впередъ бѣгутъ задирать, — другая стѣнка смекаетъ и, какъ вода съ горъ сливается, выступаетъ навстрѣчу первой, не медля. Бѣжитъ каждый въ кучу въ чемъ слухъ засталъ и, засучивъ рукава выше локтей, каждый приготовился къ бою. Когда направятъ ребятишекъ, тогда разгорятся, и сами погонятъ малыхъ назадъ. Большіе и сильные начнутъ выступать, могучіе силачи — «кирибеевичи» издали смотрятъ и ухмыляются, пока не придетъ ихъ часъ и не позоветъ своя ватага на дѣло, въ помощь. Были на улицахъ свои старосты,—бывали и свои молодцы-силачи, по 25 пудовъ поднимали и клали на сто-

рону лихихъ супротивниковъ, какъ снопы, по десятку. Были на улицахъ свои силачи (теперь ихъ смирили и повывели), были и свои красавицы; нарождались свои обиды и придумывались насмѣшливыя прозвища и укоры за недостатки и прегрѣшенія, жили свои свахи и знахарки. И непремѣнно для всякой избы, въ каждой улицѣ, обязательны были свои праздники, съ пирами и пирогами, съ гулянками, брагой и орѣхами. На кулачныхъ бояхъ подерутся, изместятъ накипѣлыя за долгое время обиды на сердцѣ, а на уличныхъ праздникахъ—«братчинахъ» помирятся, размоютъ руки и нагуляются. Оттого-то мудреный смыслъ русской улицы опять на народномъ языкѣ извратился: «улицей» стали называть всякую гулянку съ хороводными пѣснями, соберется ли она у деревенской часовни или на лужайкѣ за овинами. Улица этого рода и званія не лежитъ неподвижно въ пыли и грязи, а капризно кочуетъ съ облюбленнаго мѣста на хорошее новое,—въ послѣднія времена въ московскихъ ситцахъ и суконныхъ пиджакахъ, веселыми ногами и съ улыбающимися празднично лицами.

«Петровскіе сосѣди,—пишетъ старая лѣтопись,—разбивши костеръ старый (т. е. башню, какъ называли ихъ во Псковѣ) у св. Петра и Павла, и въ томъ камени создаша церковь святый Борисъ и Глѣбъ». Вотъ и указаніе на время праздниковъ и поводъ къ нимъ, если только они падаютъ непремѣнно на лѣтнее время и, по возможности, на безработное. Богатые города, впрочемъ, послѣдняго не соображали; имъ до этого дѣла не было: на городъ всегда работала деревня и за него она хлопотала. На улицѣ въ городѣ тогда и праздникъ, когда подойдетъ онъ въ главномъ или придѣльномъ храмѣ

той церкви, которую, дѣйствительно, всегда строила на своей грязной улицѣ, своимъ трудомъ и коштомъ вкупѣ и складѣ вся жилецкая улица. Если попадетъ тотъ церковный праздникъ на теплое время, придумается такой, когда чествуютъ икону какой либо явленной или чудотворной иконы Богоматери. Впрочемъ, большая часть и такихъ богородскихъ празднествъ какъ разъ установлена на лѣтнее время: и казанская, и тихвинская, и смоленская—всероссійскія и другія многія мѣстныя, «мѣстно-чтимыя».

Не безъ причины приходится подольше останавливаться на этомъ объясненіи обиходной и столь распространенной поговорки. Какъ тотъ же огонь, который исключительно жегъ старинныхъ поповъ — «на улицѣ праздникъ», представляемый въ лицахъ, становится уже такимъ же преданіемъ и съ такимъ же правомъ на полное забвеніе. Мы переживаемъ теперь именно это самое время. Однако около сорока пяти лѣтъ тому назадъ я еще былъ очевидцемъ и свидѣтелемъ такого уличнаго праздника въ далекомъ, заброшенномъ и полузабытомъ костромскомъ городѣ Галичѣ, который нѣкогда гремѣлъ на всю Русь своимъ безпокойнымъ и жестокимъ княземъ Дмитріемъ Шемякой, и до сихъ поръ славится плотниками и каменщиками [1]).

Въ моей дѣтской памяти ярко напечатлѣлось необычайное повсюдное безлюдье въ городѣ, не исключая всегда шумливой рыночной площади, и припоминаются теперь огромныя толпы народа, сгрудив-

[1]) Впрочемъ, еще въ 1857 году писали въ «Москвитянинъ» Погодина изъ Новгорода: «Съ главныхъ улицъ праздницкія» (такъ называемыя тамъ хороводы и гулянки) «уже исчезли, а справляются еще по закоулкамъ и пригороднымъ слободамъ: Троицкой и Никольской».

шіяся на одной улицѣ, главной и трактовой, называемой Пробойною. Почтовый ямщикъ не рѣшился по ней ѣхать и свернулъ въ сторону, зная, что Пробойная на этотъ день принадлежитъ празднику. Большія непріятности и очень тяжелыя послѣдствія ожидали бы того смѣльчака, который рискнулъ бы разстроить налаженные хороводы и другія игры. Вся Пробойная превратилась въ веселый и оживленный балъ, развернувшійся во всю ширину и длину ея: «улица не дворъ—всѣмъ просторъ». Нѣсколько хороводовъ кружилось въ разныхъ мѣстахъ чопорно и степенно по городскому, съ опущенными глазами, съ подобранными сердечкомъ губами, выступая въ серединѣ густой стѣны изъ добрыхъ молодцовъ, еще въ длинныхъ на тотъ разъ сибиркахъ, теперь, ради куцаго пальто и жилетки, совершенно покинутыхъ.

Всѣ дѣвушки вертѣлись въ кругу съ лицами, закрытыми бѣлыми фатами, въ бабушкиныхъ, шитыхъ позументами и унизанныхъ каменьями, головныхъ повязкахъ и надглазныхъ понизяхъ или рясках, въ коротенькихъ со сборами парчевыхъ безрукавныхъ тѣлогрѣяхъ, въ широкихъ, вздутыхъ на плечахъ кисейныхъ рукавахъ и со множествомъ колецъ на рукахъ (галицкій нарядъ пользовался на Руси, вмѣстѣ съ калужскимъ и торжковскимъ, равною извѣстностью и славою). Хороводы собственно были очень чинны и степенны, а потому скучны. Ни одна дѣвушка не рѣшалась поднять фаты, а покусившійся на это смѣльчакъ жестоко поплатился бы, передъ молодежью-уличанами, своими боками. Веселились собственно на томъ и другомъ концѣ, гдѣ большіе и малые играли въ городки или чурки. И въ самомъ дѣлѣ, было забавно смотрѣть, когда изъ побѣдившей партіи длинный верзила садился на

плечи крѣпкаго коротыша и ѣхалъ на немъ отъ кона до кона, и гремѣла толпа откровеннымъ несдерживаемымъ хохотомъ. Веселились еще по домамъ, смотрѣвшимъ на эту улицу, большею частію, тремя или пятью окнами, гдѣ для степенныхъ и почтенныхъ людей было сварено и выдержано на ледникахъ черное пиво и брага и напечены классическіе рыбники, поддерживавшіе славу города, который расположился около тинистаго большого озера, прославившагося въ отдаленныхъ предѣлахъ сѣверной Россіи ершами, крупными и вкусными.

Теперь эти праздники тамъ совершенно прекратились, когда, на смѣну хоровода, привезли изъ европейской столицы досужіе питерщики французскую кадриль. Готовыя пальто и дешевые ситцы побѣдили въ конецъ бабушкины сарафаны и шубейки, и въ народныя пѣсни втиснулся нахаломъ и хватомъ, съ гармоніей и гитарой, кисло-сладкій вѣтреный и нескромный романсъ вмѣстѣ съ «частушками» — коротенькими куплетцами водевильнаго строя. Теперь и въ глухихъ мѣстахъ пошло все по новому, и на улицахъ праздниковъ мы больше никогда не увидимъ, и иныхъ, кромѣ иносказательныхъ, пословичныхъ понимать не будемъ.

ВСТАТЬ ВЪ ТУПИКЪ.

Очутиться въ безвыходномъ положеніи, оказаться въ очумѣломъ состояніи, стать какъ пень въ смущеніи и недоумѣніи, растеряться такъ, что не знать что дѣлать, — обычное выраженіе, народившееся на городскихъ улицахъ. Городскіе жители хорошо зна-

ютъ, что «тупиками» называются такіе закоулки, которые, подобно мѣшкамъ, имѣя входъ, не даютъ свободнаго выхода. Эти непроходимыя и непроѣзжія улицы называются также «глухими переулками». Наши города, зачастую расположившіеся у подножія горъ и въ распредѣленіи жилищъ очутившіеся въ зависимости отъ направленія косогоровъ и рѣчныхъ береговъ, въ особенности обилуютъ такого вида улицами; наиболѣе же прославилась ими холмистая Москва. Не селились люди какъ прямѣе, а строились какъ ладнѣе. Въ старинныхъ городахъ, когда, вопреки новымъ узаконеніямъ, дома ставились даже въ такомъ порядкѣ, какъ вздумалось и какъ пришлось по зависимости отъ сосѣдей,—къ тупикамъ этимъ оказалась какъ бы намѣренная и упрямая наклонность. Много возни и хлопотъ они причинили тѣмъ, кто пускался передѣлывать и перестраивать этотъ неудобный порядокъ. Не избѣгнулъ тупиковъ даже и такой втиснутый въ струну аккуратный нѣмецъ, какъ регулированный три раза Петербургъ въ своихъ глухихъ переулкахъ. Такими еще очень недавно славились его окраины и въ особенности первоначально заселенный пунктъ, какова Петербургская сторона. Доводились и здѣсь, на ровныхъ болотистыхъ, поемныхъ водою, низинахъ «вставать въ тупикъ, что некуда вступить» въ прямомъ смыслѣ.

БАКЛУШИ БЬЮТЪ.

Баклуши бить—промыселъ легкій, особаго искусства не требуетъ, но за то и не кормитъ, если принимать его въ томъ общемъ смыслѣ, какъ понимаютъ всѣ и, особенно здѣсь, въ Петербургѣ, гдѣ на всякіе пустяки мастеровъ не перечтешь, а по театрамъ, островамъ и по Лѣтнему саду — ихъ невыгребная яма. Собственно незачѣмъ и ходить далеко, но за объясненіемъ коренного слова надобно потрудиться хотя бы въ такую мѣру, чтобы подняться съ мѣста, пересѣсть въ Москвѣ въ другой вагонъ и, оставивъ привычки милаго Петербурга, снизойти вниманіемъ до Нижняго Новгорода. Нижнимъ непремѣнно и обязательно слѣдуетъ по пути полюбоваться: стоитъ онъ того! Перехвасталъ онъ и острова, и Поклонную гору, что подъ Первымъ Парголовомъ. Красота его видовъ — неописанная. Есть у него соперникъ въ городѣ Кіевѣ, да еще обѣ эти силы не мѣряли и не вѣшали, а потому сказать трудно, кто изъ нихъ внѣшнимъ видомъ привлекательнѣе и красивѣе.

Если посмотрѣть на Волгу и ея берега со стороны города, хотя бы съ такъ называемаго и столь знаменитаго «откоса», то просторъ, разнообразіе и широкое раздолье въ состояніи ошеломить и ослѣпить глаза, обезсилѣвшіе въ тѣсныхъ и душныхъ высочайшихъ корридорахъ столичныхъ улицъ и проспектовъ. Тамъ, на Волгѣ, на этомъ мѣстѣ все есть, къ чему безсильно стремятся всяческія, и всѣ вмѣстѣ взятыя, театральныя декораціи, размалевывая прихотливые изгибы рѣки, зелень острововъ и блѣдноватую синеву лѣса, обыкновенно завершаю-

щіе задніе планы картины. Все это здѣсь могущественно и величественно, какъ тѣ двѣ рѣки, которыя вздумали именно въ этомъ мѣстѣ начать обоюдную борьбу своими водами. На нихъ — перевозный паромъ, на которомъ установлено до 20 телѣгъ съ лошадьми и работаютъ пароходы. И они, и этотъ уродливый и большой дощаникъ кажется орѣховой скорлупкой. До того высока гора и до того мелко, какъ игрушечныя издѣлія на вербахъ, вырисовываются на противоположномъ низменномъ берегу церкви села Борокъ. Теперь уже оно не оправдываетъ своего лѣсного названія: лѣса очень далеко ушли вглубь синѣющаго горизонта. Но за то какіе это лѣса, тѣ, — которыхъ не видно (но они еще уцѣлѣли тамъ, дальше, за предѣломъ, положеннымъ силѣ человѣческаго взора), лѣса «чернораменные»: керженскіе, ветлужскіе! Ихъ рѣдкій изъ читающихъ людей не знаетъ. Ими вдохновился покойный знатокъ Руси П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій) въ такую мѣру и силу, что написанная имъ бытовая поэма сдѣлала тѣ лѣса общественнымъ народнымъ достояніемъ, въ видѣ и смыслѣ крупнаго художественнаго вклада въ отечественную литературу.

Слѣдомъ за нимъ на короткое время и мы заглянемъ сюда, въ эти интересные лѣса, куда П. И. Мельниковъ съумѣлъ такъ мастерски врубиться для иныхъ цѣлей. Въ этихъ первобытныхъ дремучихъ дебряхъ, которыя также начинаютъ изживать свой достопамятный вѣкъ, хотя, послѣ П. И. Мельникова, и не осталось щепы, за то процвѣтаетъ еще «щепеное» промысловое дѣло.

Въ самомъ дѣлѣ, эти боры и раменья или совсѣмъ исчезли, или очень порѣдѣли: много въ нихъ и об-

ширныхъ полянъ, и широкихъ просѣкъ, и еще того больше вѣтроваловъ и буреломовъ. Здѣсь производится издавна опустошительная порубка деревьевъ на продажу, которой подслужилась столь извѣстная въ исторіи старовѣрья рѣка Керженецъ. Въ лѣсахъ этого Семеновскаго уѣзда Нижегородской губерніи издавна завелся и укрѣпился промыселъ искусственной обработки дерева въ формѣ деревянной посуды, говоря общепринятымъ книжнымъ терминомъ, или, по просту, заготовляется на всю Русь и Азію «горянщина» или щепеной товаръ: крупная и мелкая домашняя деревянная посуда и утварь. Сильный ходовой товаръ,—лопаты, лодки-долбушки (они же душегубки), дуги, оглобли, гробовыя колоды, — излюбленныя народомъ, но запрещенныя закономъ. Для разносныхъ и сидячихъ торговцевъ, съ легкимъ или съѣстнымъ товаромъ и для хозяйства—лотки, совки, обручи, клепки для сбора и вязки обручной посуды—это горянщина; и мелочь: ложки, чашки, жбаны для пива и квасу на столы, корыта, ведра, ковши — квасъ пить, блюда, миски, уполовники и друг.—это щепеной товаръ. Отъ этой мелочи и мастера точильнаго посуднаго дѣла называются «лошкарями». Они мастерятъ и ту ложку «межеумокъ», которою вся православная Русь выламываетъ изъ горшковъ крутую кашу и хлебаетъ щи, не обжигая губъ, и «бутызку», какую носили бурлаки за ленточкой шляпы на лбу вмѣсто кокарды. Здѣсь же точатъ и тѣ круглыя росписныя чашки, въ которыхъ бухарскій эмиръ и хивинскій ханъ подаютъ почетнымъ гостямъ лакомый пловъ, облитый бараньимъ саломъ или свѣжимъ ароматнымъ гранатнымъ сокомъ, и въ которыя бывшая французская императрица Евгенія бросала визитныя карточки знаменитыхъ посѣтителей ея роскошныхъ салоновъ.

Для такого почетнаго и непочетнаго назначенія ходитъ съ топоромъ семеновскій мужикъ по раменьямъ, т. е. по сырымъ низинамъ, богатымъ перегноемъ. На нихъ любитъ расти быстрѣе другихъ лѣсныхъ деревьевъ почитаемое всюду проклятымъ, но здѣсь почтенное дерево—осина. Оно и вкраплено одиночными насажденіями среди другихъ древесныхъ породъ и силится устроится рощами, имѣющими непривлекательный видъ по той всклокоченной, растрепанной формѣ деревьевъ, которая всѣмъ осинамъ присуща, и по тому въ самомъ дѣлѣ отчаянному и своеобразному характеру, что осиновая роща, при сѣроватой листвѣ, блѣдна тѣнями. Ея сухіе и плотные листья не издаютъ пріятнаго для слуха шелеста, а барабанятъ одинъ о другой, производя немелодическій шорохъ. Это-то неопрятное и некрасивое, сорное и докучливое по своей плодовитости дерево, которое растетъ даже изъ кучи вѣтроваловъ, изъ корневыхъ побѣговъ и отпрысковъ, трясетъ листьями при легкомъ движеніи воздуха, горитъ сильнымъ и яркимъ пламенемъ, но мало грѣетъ,—это, не похожее на другихъ странное дерево кормитъ все населеніе семеновскаго Заволжья. Полезно оно въ силу той своей природной добродѣтели, что желтовато-бѣлая древесина его легко рѣжется ножомъ, точно воскъ, не трескается и не коробится, опять-таки, къ общему удивленію и въ отличіе отъ всѣхъ другихъ деревьевъ.

Ходитъ семеновскій мужикъ по раменьямъ и ищетъ самаго крупнаго узорочнаго осиноваго пня, надрубая топоромъ каждое дерево у самаго корня. Не найдя любимаго, онъ засѣкаетъ новое и оставляетъ эти попорченныя на убой лютому вѣтру. То дерево, которое приглянется, мужикъ валитъ, а за-

тѣмъ отрубаетъ сучья и вершину. Осина легко раскалывается топоромъ вдоль ствола, крупными плахами. Сколетъ мужикъ одну сторону на треть всей лѣсины, повернетъ на нее остальную сторону и ее сколетъ, попадая носкомъ топора, къ удивленію, въ ту же линію, которую намѣтилъ, безъ циркуля, глазомъ. Среднюю треть древесины, въ вершокъ толщиной, или рыхлую серцевину, онъ бросаетъ въ лѣсу: никуда она не годится, потому что, если попадетъ кусокъ ея въ издѣліе, то на этомъ мѣстѣ будетъ просачиваться все жидкое, что ни нальютъ въ посудину. Наколотыя плахи лѣсникъ складываетъ тутъ же въ клѣтки, чтобы продувало ихъ: просушитъ, и затѣмъ, по санному пути, свезетъ ихъ домой. Эти плашки зовутъ «шабалой» и ими же ругаются, говорятъ: «безъ ума голова—шабала». Есть ли еще что дряннѣе этого дерева, которое теперь лѣсникъ сложилъ у избы, когда и цѣны такой дряни никто не придумаетъ,—есть ли и человѣкъ хуже того, который много вретъ, безъ отдыха мелетъ всякій вздоръ, ничего не дѣлаетъ путнаго и мало на какую работу пригоденъ?

Шабалы семеновскій мужикъ привезъ въ деревню «оболванивать»: для этого насадитъ онъ нё вдоль, какъ у топора, а поперекъ длиннаго топорища полукруглое лёзо и начнетъ этимъ «тесломъ», какъ бы долотомъ, выдалбливать внутренность и округлять плаху. Сталась теперь изъ шабалы «баклуша», та самая, которую опять надо просушивать и которую, опять-таки, пускаютъ въ бранное и насмѣшливое слово за всякое пустое дѣло, за всякое шатанье безъ работы съ обычными пустяковскими разговорами. Ходитъ глупая шабала изъ угла въ уголъ и ищетъ, кого бы схватить за шиворотъ или за пуговицу и

поставить своему бездѣлью въ помощники, заставить себя слушать. Насколько нехорошо въ общежитіи «бить баклуши» — всякій знаетъ безъ дальнихъ объясненій; насколько не хитро сколоть горбыльки, стесать негодную въ дѣло блонь, если тесло само хорошо тешетъ, — словомъ, бить настоящія, подлинныя баклуши—сами видимъ теперь. Такихъ же пустяковъ и ничтожныхъ трудовъ стоило это праховое дѣло и въ промыслѣ, какъ и въ общежитіи.

Въ самомъ дѣлѣ, притесалъ мужикъ баклушу вчернѣ и дальше ничего съ ней подѣлать не можетъ и не умѣетъ, такъ вѣдь и медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ,—за что же баклушнику честь воздавать, когда у него въ рукахъ изъ осиноваго чурбана ничего не выходитъ? Впрочемъ, онъ и самъ не хвастается, а даже совѣстится и побаивается, чтобы другой досужій человѣкъ не спросилъ: какимъ-де ты ремесломъ промышляешь? Однако, съ баклушника начинается искусство токарное. Приступаютъ къ самому дѣлу токари, ложкари — мастера и доточники (настоящіе) съ Покрова и работаютъ ложки и плошки до самой Св. Пасхи. Вытачиваютъ, кромѣ осиновыхъ, изъ баклушъ березовыхъ, рѣдко липовыхъ, а того охотнѣе изъ кленовыхъ. За ложку въ баклушахъ даютъ одну цѣну, за ложки въ отдѣлкѣ ровно вдвое. При этомъ осиновая цѣнится дороже березовой, дешевле кленовой. Да и весь щепеной товаръ изо всѣхъ издѣлій рукъ человѣческихъ — самый дешевый: сходнѣе его развѣ самая щепа, но и та, судя по потребамъ, въ безлѣсныхъ мѣстахъ, лѣзетъ иногда цѣною въ гору. Если дешева иголка по силѣ и смыслу политико-экономическаго закона раздѣленія труда, то здѣсь около де-

ревянной посуды еще дробнѣе раздѣленіе это, когда ложка пойдетъ изъ рукъ въ руки, пока не окажется «завитой» (съ фигурной ручкой), «заолифленной» (бѣлилами, сваренными на льняномъ маслѣ) и подкрашенной цвѣтнымъ букетомъ, когда, однимъ словомъ, ее незазорно и исправнику подложить къ яичницѣ-скородумкѣ, на чугунной сковородѣ, съ топленымъ коровьимъ масломъ. Для господъ и сами лошкари приготовляютъ особый сортъ: «носатыя» (остроносыя) и тонкія самой чистой отдѣлки: «ѣдоку и ложкой владѣть».

Стоитъ у лошкаря его мастерская въ лѣсу: это—цѣлая избушка на курьихъ ножкахъ, безъ крыши, только подъ потолочнымъ накатомъ и немшоная: лишь бы не попадалъ и не очень билъ косой дробный дождикъ въ лицо и спину. Въ избѣ дверь одна, на подобіе звѣринаго лаза, и окно одно подымное, да другая дыра большая. Въ эту дыру просунулъ хохломскій токарь толстое бревно, насадилъ на томъ его концѣ, который вывелъ въ избу, баклушу и приладился къ ней точильнымъ инструментомъ. Къ другому концу бревна, что вышелъ на улицу, прицѣпилъ лошкарь колесо, а къ нему привязалъ пріученую лошадь: на нее если свиснуть, она остановится, если крикнуть да нукнуть, она опять начнетъ медленно переставлять разбитыя ноги. Ей все равно: она знаетъ, что надо слушаться и ходить, надо хвостомъ вертѣть, а иногда и сфыркнуть въ полное наслажденіе и для развлеченія. Тпру!—значитъ десять чашекъ прорѣзалъ рѣзецъ. Теперь другую баклушу слѣдуетъ насаживать на бревно, а готовыя чашки съ того бревна-баклуши будутъ откалывать другіе. Въ третьихъ рукахъ ложечная баклуша такъ отдѣлается, что станетъ видно, что это будетъ ложка, а

не уполовникъ. Четвертый ее выглаживаетъ, пятый завиваетъ ручку; у шестыхъ она подкрашенною сушится въ печахъ и разводитъ въ избѣ такую духоту и смрадъ, что хоть бѣги отсюда назадъ и прямо въ лѣсъ. Кто бы, однако, ни купилъ потомъ эту ложку, всякій сначала ее ошпаритъ кипяткомъ или выварить, чтобы эта штучка была непоганая да и не липла бы къ усамъ и губамъ.

Покупать у лошкарей готовый щепеной товаръ станутъ «лошкарники», кто этимъ товаромъ торгуетъ въ посадѣ Городцѣ и селѣ Пурехѣ (въ послѣднемъ главнѣйшимъ образомъ). Они умѣютъ доставлять и продавать эти дешевыя, но непрочныя издѣлія туда, гдѣ ихъ успѣваютъ скоро изгрызать малые ребята, дѣлая молочные зубы, и ломаютъ сами матери, стукая больно по лбу шаловливыхъ и балованныхъ дѣтокъ, привыкшихъ дома бить баклуши.

СЛОНЯТЬСЯ И ЛОДЫРНИЧАТЬ.

Слоняться въ смыслѣ бездѣльничать; водить слоновъ—ничего не дѣлать, даромъ теряя время, одинъ толковникъ пустился объяснять случаемъ изъ временъ Екатерины. Слоновъ, приведенныхъ царицѣ отъ персидскаго шаха, «цѣлые дни водили по Петербургу на показъ народу, а за ними цѣлыя толпы, преимущественно молодежи, побросавшее всякой занятіе, ходили разиня отъ изумленія ротъ». Для Петербурга такое объясненіе можетъ быть и понятно, и вполнѣ заслуженное, но дѣло въ томъ, что изстари поется въ одной пѣснѣ не слонъ слóнится (см. слоняется)—грузно идетъ, неуклюжій;—валитъ тяжелой

походкой, а въ сборникѣ былинъ Кирши Данилова, при описаніи богатырскаго лука, говорится, что у него «полосы были булатныя, а жилы слоны сохатныя». Отсюда Даль имѣлъ полное основаніе заключить, что не одно лишь животное жаркихъ странъ называлось слономъ, но что̀ подъ этимъ именемъ разумѣлось встарь вообще тяжелое или большое животное, которое «сло̀номъ слоняется» по лѣсамъ, хотя бы подобно тому же сохатому сибирскому лосю нашихъ лѣсовъ (а сохатый онъ за то, что рога у него широкіе, вилообразные, т. е. развилистые или съ разсохою). Но и въ послѣднемъ выраженіи «сло̀номъ слоняться» все-таки слона не видно изъ-за обычнаго родному языку пріема выраженій подобныхъ, напримѣръ, нижеслѣдующимъ: поѣдомъ ѣстъ, поколотомъ бьется, живмя живетъ, ревмя реветъ, бѣгомъ бѣжитъ, потребовавшихъ дѣепричастій для поддержки съ цѣлію усиленія впечатлѣній и значенія. Едва ли также съ большею удачею принимались толковать однородное слово —

Ло̀дырничать отъ лодыря и отъ лодера. Лодырь или лодеръ—повѣса и бездѣльникъ, шатунъ и плутъ, гуляка и оборванецъ—по мнѣнію Даля, происходитъ отъ нѣмецкаго слова Luder, liederdich. По другимъ же толкованіямъ (и также на руку нѣмцамъ)—отъ московскаго доктора Лодера, завѣщавшаго, между прочимъ, Московскому университету превосходный кабинетъ восковыхъ препаратовъ анатомическихъ аномалій. Этотъ докторъ первый познакомилъ русскихъ со способомъ леченія искусственными минеральными водами, обязывая паціентовъ, послѣ питья, продолжительными прогулками и быстрой ходьбой. Тяготясь мучительными ожиданіями господъ, кучера собственныхъ экипажей, недоумѣвая при видѣ этой

суетни и бѣготни взапуски, отвѣчала испуганнымъ прохожимъ на вопросы, что это дѣлается: «лодыря гоняютъ. Мы сами видѣли, какъ изъ Москвы рѣки воду брали» [1]). Такимъ образомъ съ экипажныхъ козелъ раздалось и разлетѣлось по бѣлому свѣту вѣрное и острое слово въ успокоеніе довѣрчивымъ людямъ.

Видимо, и въ этихъ случаяхъ приходится съ примѣты пословичной старухи про дождь — сказывать на-двое, либо, слѣдуя пословичному выраженію, «клещами на лошадь хомутъ натягивать». Это особенно примѣнимо при истолкованіяхъ чужихъ словъ, заимствованныхъ съ иностранныхъ языковъ. Такъ, напримѣръ, происхожденіе слова «шерамыга» отъ французскаго cher ami, приспособленное къ тѣмъ плутамъ и обманщикамъ, которые любятъ и привыкли все брать «шаромъ да даромъ», «поживляться на шаромышку», — безспорно. Между тѣмъ и здѣсь даютъ два объясненія. Одни относятъ время происхожденія къ 1812 г., когда голодные французы протягивали руки, прося о помощи своимъ обычнымъ ласковымъ привѣтомъ, другіе—къ 1814 г. когда, въ свою очередь, наши полуголодные солдаты, находившіеся въ Парижѣ, заходили въ лавки за провизіей, и продавцы, ненавидѣвшіе пруссаковъ, охотливо давали нашимъ все даромъ: viens, cher ami! Третье толкованіе также и здѣсь готово прислужиться тѣмъ, чтобы съ барскихъ кучеровъ перевести на лакеевъ. Эти-де, видя, какъ барыни ласково ухаживаютъ за французскими плѣнными (послѣ 1812 г.),

[1]) Нашелся еще и третій толковникъ, который то же слово производитъ отъ англійскаго loiterer (лѣнтяй), но до этого уже такъ далеко идти, что и съ мѣста вставать не хочется.

принятыми въ качествѣ гувернеровъ, подсмѣивались надъ счастливцами, напыщенными и гордыми передъ низшими, вертлявыми передъ господами, и прозвали ихъ шерамыгами.

Пожалуй, что здѣсь можно и кончить, имѣя въ виду безспорныя указанія на тѣ пословицы и поговорки, которыя поступили въ русскій обиходъ изъ чужихъ земель. Остановимся на болѣе извѣстныхъ.

Съ нѣмецкаго переведены: «задать кому феферу» (перцу); «строить воздушные замки», «знаютъ его, что пеструю собаку»; голодъ — лучшій поваръ; лебединую пѣсню спѣть; смотрѣть сквозь пальцы; свинью подложить, пускать пыль въ глаза и т. д.

Съ французскаго: куры строить; онъ не въ своей тарелкѣ; нѣтъ героя у камердинера; рискъ—благородное дѣло, и т. д. — все придумано для городского обихода, что собственно не въ задачѣ этого труда.

Съ болѣе важной стороны для непосредственныхъ заимствованій самимъ народомъ имѣется превосходный источникъ — церковныя чтенія и пѣніе — преимущественно для грамотѣевъ. Таковы наичаще встрѣчающіяся, полученныя всего больше изъ псалтыри: притча во языцѣхъ; оставиша остатки младенцамъ твоимъ; око за око, зубъ за зубъ; отъ дѣлъ твоихъ сужу тя; истина отъ земли, а правда съ небесъ, и проч.

ЛЯСЫ ТОЧАТЪ.

Въ тѣхъ же заволжскихъ лѣсахъ, о которыхъ было сказано прежде и гдѣ бьютъ настоящія баклуши и вытачиваютъ изъ нихъ безконечнаго разнообразія вещи, также не обманнымъ, а настоящимъ образомъ «точатъ лясы или балясы».

Тамъ не ведутъ шутливыхъ разговоровъ на веселое сердце, въ свободный часъ и досужее время, истрачивая ихъ на пустяки или «лясы», на потѣшную или остроумную болтовню. Усердно и очень серьезно изъ тѣхъ же осиновыхъ плахъ точатъ тамъ фигурныя балясины, налаживая ихъ на подобіе графиновъ и кувшиновъ, фантастическихъ цвѣтовъ и звѣриныхъ головокъ, въ видѣ коня или птицы: кому какъ вздумается и взбредетъ на умъ, или кто какъ выученъ съ малыхъ лѣтъ. Работа веселая позываетъ на пѣсню и легкая уже потому, что даетъ просторъ воображенію и нерѣдко руководится рисункомъ, которымъ можно угодить, заслужить похвалу и «на водку». Дѣлается напоказъ для похвальбы и идетъ на украшеніе лѣстничныхъ перилъ, поручней на балконахъ и т. п... все не въ прямую пользу и не для всякаго мужика, сколько его ни народилось на свѣтѣ, а только для богатаго и, стало быть, тщеславнаго. Въ глазахъ ложкарей, приготовляющихъ нужныя всѣмъ и полезныя вещи, такое веселое занятіе кажется менѣе внушающимъ уваженія за послѣдствія и точеные, на разный рисунокъ, столбики—пустяковиной, сравнительно съ ложкой, чашкой и уполовникомъ. Лѣсной житель привыкъ видѣть въ природѣ отупляющее однообразіе и обязанъ всегда любоваться ея строгимъ и хму-

рымъ видомъ и среди ея жить чаще буднями, чѣмъ праздниками. Съ другой стороны, на обоихъ оживленныхъ берегахъ Волги, среди открытаго простора и безконечнаго движенія, особенно «на горахъ», народились охотники на яркія и пестрыя бездѣлушки, которымъ придаютъ они большую цѣну,— особенно богатые судохозяева.

Отвѣчая спросу и угождая вкусу поволжскихъ богачей, въ средѣ семеновскихъ токарей издавна завелся особый сортъ промышленниковъ, которыхъ и называли «балясниками». Ихъ досужеству обязаны были своей пестротой и красотой всѣ тѣ суда, въ особенности коноводки и расшивы, которыя плавали вдоль Волги. Когда они выстраивались рядами, во время Макарьевской ярмарки, въ самомъ устьѣ Оки, вдоль плашкоутнаго наводнаго моста,— выставка эта была, дѣйствительно, своеобразною и поразительною. Подобный въ иныхъ мѣстахъ уже и нельзя было встрѣтить. Она мѣстами напоминала и буддійскія храмы, съ фантастическими драконами, змѣями и чудовищами. Мѣстами силилась она уподобиться выставкѣ крупныхъ по размѣрамъ и яркихъ по цвѣтамъ лубочныхъ картинъ, а все вмѣстѣ очень походило на нестройную связь построекъ старинныхъ теремковъ, гдѣ балкончики, крыльца, сходы и повалуши громоздились одни надъ другими и кичились затѣйливой пестротой другъ передъ другомъ. Идя по мосту съ Нижняго Базара города на песчаный мысъ ярмарки, нельзя было не остановиться и можно было подолгу любоваться всѣмъ этимъ неожиданнымъ цвѣтистымъ разнообразіемъ.

Строгій дѣловой и казенный видъ однообразныхъ пароходовъ, которые въ послѣднее время, по американскому способу, стали уподобляться даже на-

стоящимъ многоэтажнымъ фабрикамъ и заводамъ, сбилъ спѣсь съ расшивъ и коноводокъ до такой степени, что онѣ теперь почти совершенно исчезли. Исчезло, съ ними вмѣстѣ, въ семеновскихъ лѣсахъ и спеціальное ремесло балясниковъ, уступивъ мѣсто подложнымъ,—тѣмъ ловкимъ людямъ, которые «лясы точатъ—людей морочатъ», хвастливыми рѣчами «отводятъ глаза и заговариваютъ зубы», а угодливыми поступками берутъ города, т. е. все то, чего не достигаютъ другіе люди честнымъ трудомъ и прямыми заслугами. Много такихъ мастеровъ въ большихъ городахъ и въ высшихъ сословіяхъ.

СЫРЪ БОРЪ ЗАГОРѢЛСЯ.

Говорятъ это, когда неожиданно, снѣгомъ на голову, нагрянула великая неизживная бѣда, либо поднялся шумъ изъ пустого. Обѣ крайности сведены все на тотъ же сухой сосновый лѣсъ, такъ называемый красный—строевой, величественный въ непочатомъ видѣ, который докучливъ сѣверянину по своему изобилію, но драгоцѣненъ по разнообразію приносимой пользы. Нѣтъ для великоросса болѣе сокрушительной бѣды, какъ если когда займется пожаромъ этотъ сырой боръ и помрачится солнце, и потонетъ въ непроглядномъ дыму вся эта поднебесная красота. Гдѣ эти горныя кряжи, какъ добрый конь гривой, покрытыя зеленой щетиной сосенъ, стоявшихъ стройными рядами, какъ сказочные богатыри, и гдѣ эти зеленыя долины между горъ, пересѣченныя такими же веселыми оврагами? Среди нихъ, какъ стадо пугливыхъ овецъ, стояли бѣлыя кудрявыя березы. Въ полугорѣ безъ вѣтра шумѣла осиновая роща, а за ней въ го-

лубой дали опять подымалась щетина дальныхъ боровъ тамъ за рѣкою, которая сверкала широкимъ изгибистымъ колѣномъ, какъ зеркало. По ребру ближней горы цѣплялась узенькая дорога, и ее пересѣкалъ, весело журча, говорливый ручей. Все теперь поглощено огнемъ, и онъ ничего не пощадитъ. Вотъ уже затрещало и занялось и то мѣсто, которое «заповѣдали: звали священника съ образами и хоругвями, пѣли всѣмъ міромъ «Слава въ вышнихъ Богу» и обходили кругомъ и никто не смѣлъ въѣзжать въ тотъ лѣсъ съ топоромъ». Огонь теперь и заповѣдное пожретъ, все перемѣнитъ,—старые виды велитъ забывать и закажетъ привыкать къ новымъ. Теперь остается одно: прислушиваться и ужасаться—ужасаться тому шуму и треску, который разводитъ пожаръ и въ сухоподстояхъ, и въ молоднякѣ. Кто бывалъ свидѣтелемъ лѣсныхъ урагановъ, въ огненномъ морѣ производимомъ большими пожарами, тотъ во всю жизнь о томъ не забудетъ (мнѣ уже пришлось одинъ разъ вспомянуть, какъ самовидцу, и посильно описать). Кому посчастливило не быть свидѣтелемъ подобныхъ ужасовъ народнаго бѣдствія, тотъ въ «Лѣсахъ» Мельникова найдетъ довольно близкія правдѣ картины. Кто же пожелаетъ проникнуть глубже въ этотъ вопросъ и очевиднѣе понять и ужасы картины, и ужасы послѣдствій опустошенія, тотъ найдетъ ихъ въ безхитростномъ, прямодушномъ и умно написанномъ сочиненіи «Очерки Заволжской части Макарьевскаго уѣзда». Здѣсь и авторъ «Въ лѣсахъ» принужденъ былъ искать неподдѣльно-живыхъ и свѣжихъ красокъ. Слѣдуетъ, въ заключеніе этой замѣтки, посѣтовать на злоупотребленіе, допускаемое въ разговорной рѣчи, позволяющей себѣ уподоблять людской пустяковскій шумъ

тому могучему и устрашающему, который подымаетъ лѣсной богатырь, когда снимется съ нимъ бороться другой такой же силачъ.

ЛАПТИ ПЛЕТУТЪ.

Лапти плести въ иносказательномъ смыслѣ собственно значитъ путать въ дѣлѣ и въ разговорѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разумѣетъ сельщина и деревенщина («путаетъ, словно кашу въ лапти обуваетъ»). Въ городахъ примѣняютъ это выраженіе къ тѣмъ, которые медленно, вяло и плохо работаютъ, и примѣняютъ, пожалуй, также основательно, такъ какъ самый хорошій и привычный работникъ на заказъ успѣваетъ приготовить въ сутки лаптей не больше двухъ паръ. Легко плетутся: подошва, передъ и обушникъ (бока); замедляется работа на запятникѣ, куда надо свести всѣ лыки и связать петлю такъ, чтобы, когда продѣнутся оборы, они не кривили бы лаптя и не трудили бы ногъ въ одну сторону. Не всякій это умѣетъ. «Царь Петръ (говоритъ народъ) все умѣлъ дѣлать, до всего дошелъ самъ, а надъ запятникомъ лаптя задумался и бросилъ. Въ Питерѣ тотъ недоплетеный лапоть хранятъ и показываютъ». Оправдывая такимъ невѣрнымъ сказаніемъ самое немудреное дѣло на свѣтѣ, предоставленное въ деревняхъ ветхимъ старикамъ, которые уже больше ничего не могутъ дѣлать,—народъ около лаптя умудрился выискать нѣкоторыя поученія, выдумалъ и пустилъ въ оборотъ еще нѣсколько обиходныхъ выраженій. Изъ области техническихъ деревенскихъ производствъ вообще взято

довольно выраженій для живого языка и ежедневнаго руководства.

Кто шатается безъ дѣла и не находитъ мѣста, гдѣ бы найти работу и присѣсть за нее, — тотъ «звонитъ въ лапоть». Кто вдругъ и сразу захотѣлъ сдѣлать дѣло, да не вышло, — остался хвастливый не причемъ,—говорятъ тому въ укоръ: «это не лапоть сплесть!» Обѣднѣлъ кто по своей неосмотрительности, которая, однако, не возбуждаетъ сожалѣнія, про того говорятъ, что онъ переобулся изъ сапогъ въ лапти; а случается, что «переобуваютъ» другіе ловкіе люди—товарищи въ дѣлѣ и въ предпріятіи. На кого ничѣмъ нельзя угодить, хоть разорвись,—на того «чортъ плететъ лапти по три года кряду». Собственно «лапти плесть: однова въ день ѣсть»—немного заработаешь, потому что пара лаптей дороже 3 и 5 копѣекъ бываетъ рѣдко, и то подковыренная паклей или тѣмъ же лыкомъ. Между тѣмъ на этого явнаго и всѣми основательно обвиненнаго врага и злодѣя красивыхъ и, по примѣненію къ общежитію, наиболѣе полезныхъ и дорогихъ деревьевъ истрачивается ежегодно неисчислимая масса. Достаточно вспомнить, что на лыки для пары лаптей обдирается три молоденькихъ липовыхъ деревца и что только въ такомъ раннемъ возрастѣ (до 4 — 6 лѣтъ) они способны удостоиться чести превратиться въ обувь. Ее добрый мужикъ въ худую пору изнашиваетъ въ одну недѣлю въ количествѣ двухъ паръ.

Происходитъ это отъ умѣнья ровно подбирать сплошной рядъ лыковыхъ лентъ въ дорожку по прямой чертѣ, а также и отъ добросовѣстнаго выбора только самыхъ чистыхъ лыкъ. Не всякое лыко годится въ лапотную строку; отсюда и распростра

ненное выраженіе: «не все въ строку, не всякое лыко въ строку», обращаемое совѣтомъ къ тѣмъ, которые чрезмѣрно взыскательны и строги, и къ тѣмъ, которые неразборчивы въ дѣлахъ, расточительны до излишества въ словахъ, и т. под. «Не все лыкомъ, да въ строку»,—кое о чемъ можно и помолчать.

Пока еще дадутъ мужику возможность обуться въ сапоги и въ томъ ему помогутъ, лапоть все-таки сохранитъ достоинство отличной обуви: дешевой и легкой для ходьбы по лѣсамъ и при томъ зимою—теплой, а лѣтомъ — прохладной. Свалился онъ съ ногъ на улицѣ или завязъ въ грязи — не жалко: слезъ терять не станутъ, а догадливая баба подниметъ на палку и поставитъ въ огородѣ: начнетъ лапоть воронъ и воробьевъ пугать.

Въ старину едва ли не всюду, а теперь во многихъ глухихъ мѣстахъ липовый лапоть игралъ почетную роль измѣрителя земли при общинныхъ передѣлахъ, когда малые клочки хорошей почвы имѣли важное значеніе для уравненія всѣхъ въ правахъ владѣнія или торжества общинной справедливости. Пахари становятся одинъ противъ другого и, считая вслухъ, приставляютъ одинъ лапоть къ другому непосредственно и такъ, чтобы передокъ головы одного приходился къ запятнику (задку) другого. Поэтому и пол-лапти принимаются въ расчетъ, и двое соглашаются «войти въ одинъ лапоть», и т. д.

ВЪ ДУГУ ГНУТЪ.

Не въ иносказательномъ, всѣмъ понятномъ, смыслѣ, а въ прямомъ, породившемъ это общеупотребительное «крылатое слово», дуги гнутъ не одни медвѣди, а тѣ же простые мужики-сермяги. Медвѣди въ лѣсу дуги гнутъ — не парятъ, а если переломятъ, то не тужатъ. Паритъ и тужитъ тотъ, кто работаетъ этотъ покупной и ходовой товаръ на базары обычно въ то время, когда настоящій медвѣдь, отыскавши ямы въ вѣтровалахъ, заваливается въ нихъ спать до первыхъ признаковъ весны. Зимой, — временемъ, столь вообще властнымъ въ жизни нашего народа, — и дуги гнутъ, и колеса тутъ же, по сосѣдству, работаютъ и сами же собираютъ ихъ. Особыхъ мѣстъ не предоставлено: самый промыселъ сталъ теперь кочевать, отыскивая подходящіе лѣса въ нынѣшнее время ихъ поголовнаго и безсовѣстнаго истребленія. Напримѣръ, ильмовыя и вязовыя дуги считались самими лучшими и предпочитались другимъ, а теперь тамъ, гдѣ владычествовало чернолѣсье (въ срединной Россіи), илимъ, какъ говорятъ, ходитъ въ сапожкахъ, т. е. можно еще найти, но деревья оказываются никуда негодными: всегда съ гнилой сердцевиной. Поневолѣ стали обращаться къ ветлѣ и осинѣ. Осина и на этотъ разъ нуждающихся въ ней выручаетъ. Въ 35—50 лѣтъ возрастомъ та осина, которая выростаетъ на «суборовинахъ» или на возвышенныхъ мѣстахъ, прилегающихъ къ настоящимъ борамъ, не хрупка и прямослойна, а потому признается годной; изъ нея гнутъ дуги и ободья. Но гдѣ же ей сравниться съ высокими качествами древесины илима

или вяза? Если живописному дереву — вязу задалась глубокая и рыхлая, а въ особенности свѣжая и сырая почва по низменнымъ пологостямъ рѣкъ и овраговъ, онъ даетъ древесину очень вязкую и твердую, крѣпкую и упругую. Ее трудно расколоть; она не боится ударовъ и при этомъ прочна. Съ ней много хлопотъ столярамъ, но за то въ издѣльѣ она красива по темно-коричневому цвѣту ядра и по широкой желтоватой заболони, и хорошо при этомъ полируется.

На смѣну исчезающихъ вязовъ всегда, впрочемъ, годится и даже напрашивается ветла или ива различныхъ породъ и многочисленныхъ названій (верба, ракита, бредина, лоза, черноталъ, шелюга и т. д.). По Россіи она распространена повсемѣстно, а въ средней полосѣ, гдѣ умѣютъ гнуть дуги и полозья, она является въ наибольшемъ количествѣ. Ивушка за то воспѣвается въ пѣсняхъ чаще прочихъ деревъ, потому что докучливо мечется въ глаза: по лѣсамъ, между другими деревьями, по рѣкамъ, оврагамъ, на выгонахъ, по сырымъ покосамъ. Можетъ она расти на сухихъ пескахъ и безцеремонно лѣзетъ въ чистыя мокрыя болота, причемъ растетъ необыкновенно скоро: даже срубленный пень быстро покрывается множествомъ молодыхъ побѣговъ. Вотъ почему и дуга—чаще ветловая, уподобляемая весьма образно въ живомъ народномъ языкѣ человѣческой неправдѣ: «если концы въ водѣ, такъ середка наружу; когда середка въ водѣ—концы наружу».

За то, что эти деревья упруги,—съ ними обычно поступаютъ такъ. Сначала непремѣнно парятъ. На это дѣло годится всякая жарко-натопленная банька, а гдѣ уже этимъ промысломъ живутъ и кормятся, тамъ относятся къ дѣлу съ большимъ вниманіемъ

и почтеніемъ. Тамъ гнутъ дуги на двѣ руки: либо на котловой, либо на огневой паркѣ. Для этого приспособлены и особыя заведенія: простой деревянный срубъ, смахивающій на плохую избенку, аршина на два въ вышину. На потолкѣ навалено земли и дерна, сколько онъ сможетъ сдержать, а сквозь стѣны внутрь проведены двѣ слеги и прорублена дыра съ дверкой, чтобы можно было пролѣзать. Въ оконце мужикъ влѣзетъ, на слегахъ уложитъ вязовые кряжи, на полу зажжетъ полѣнья дровъ и вылѣзетъ вонъ чернѣе чорта. Дверцу въ оконцѣ онъ за собою запретъ. Дрова тлѣютъ, а кряжи млѣютъ. Ветлы и вязъ такъ распариваются, что гни ихъ потомъ, куда хочешь. Это—огневая парня. А если налить водой котелъ, подложить подъ него огонь и заставить пустить паръ также въ наглухо-закрытую парню, то и сыръ-могучъ дубъ сдается: придвигай теперь станокъ и сгибай дерево—не сломится. Свяжи только концы веревкой, да даже хотя бы и мочаломъ (цѣной всего на копѣйку), и оставь лежать: кряжъ попривыкнетъ, слежится, ссыхаясь и замирая такъ, какъ ты того хочешь. Когда дуги остынутъ, ихъ обтесываютъ топоромъ, потомъ проходятъ скобелью, затѣмъ просушиваютъ въ теплыхъ избахъ. На просушенныхъ можно уже вырѣзать всякіе узоры, а затѣмъ и кольцо продѣть, и колокольчикъ повѣсить. На охотниковъ, сверхъ всего, приготовляется краска изъ коры крушины (которую кое-гдѣ кстати называютъ «кручиной»). Толкутъ ее въ порошокъ и разводятъ кипяткомъ: выходитъ оливковый цвѣтъ. Въ росписной, кичливой дугѣ и не узнаешь теперь красиваго вяза и величественнаго, гордаго и могучаго дуба.

КОЛОКОЛА ЛЬЮТЪ.

— По городу сплетни пошли, и одна другой несбыточнѣе и злѣе,—что это значитъ?

— Колоколъ гдѣ нибудь льютъ.

— По деревнямъ бродятъ вести и соблазняютъ народъ на вѣру въ нихъ. Иная хватаетъ черезъ край, а хочется ей вѣрить: придумано ловко.

— Не вѣрьте, не поддавайтесь: это — колокольный заводчикъ прилаживается расплавленный колокольный составъ изъ олова и мѣди вылить въ форму и застудить, чтобы вышелъ изъ печи тотъ вѣстовщикъ, который, какъ говоритъ загадка, самъ въ церкви не бываетъ, а другихъ въ нее созываетъ.

Этотъ обычай народился, конечно, въ то время, когда деревянныя и чугунныя доски, подвѣшенныя къ церковнымъ дверямъ, начали замѣнять звонкими благовѣстниками. Шелъ обычай, вѣроятно, изъ Москвы, гдѣ, кстати, на Балканахъ, рядомъ и о бокъ съ колокольными заводами, живутъ въ старыхъ и ветхихъ лачужкахъ первыя московскія вѣстовщицы и опытныя свахи. Вся задача на этотъ разъ состоитъ въ томъ, чтобы пустить слухъ самый несбыточный и небылицу поворотить на быль. Мудрено ли? Съ древнихъ временъ забавныя небылицы и дикія вѣсти и слухи привыкли ходить по стогнамъ этого города: на тараканьихъ ножкахъ и подъ нихъ здѣсь никогда не было нужды нанимать подводы.

Выходила сплетня обыкновенно прямо съ колокольнаго завода, а выпускали ее въ угоду хозяину и съ полною вѣрою въ ея несомнѣнную пользу, какъ обязательный придатокъ къ искусству отливки, заинтересованные удачею дѣла работники. Съ Бал-

канъ быстро перелетала вѣсть, какъ по телеграфной проволокѣ, въ Рогожскую, оттуда перекидывалась, какъ пожарная искра по вѣтру, въ благочестивое Замоскворѣчье, а отсюда разлеталась мелкими пташками по Гостиному двору и по всѣмъ трактирамъ, съ прибавками и подвѣсками.

— Проявился человѣкъ съ рогами и мохнатый: рога, какъ у чорта. Ѣсть не проситъ, а въ люди показывается по ночамъ: моя кума сама видѣла. И хвостъ торчитъ изъ-подъ галстука. По этому-то его и признали, а то никому бы не въ догадъ.

Это глупое извѣстіе—самое употребительное въ такихъ случаяхъ вездѣ и въ такой степени, что его можно назвать «колокольнымъ». Конечно, бываютъ и другія сплетни, какихъ въ Москвѣ, вообще, не оберешься. Доходитъ дѣло до того иногда, что самые недовѣрчивые люди впадаютъ въ сомнѣніе: въ сущую ли правду слѣдуетъ вѣрить ходячему слуху или и въ самомъ дѣлѣ какой нибудь тароватый церковный староста заказалъ новый колоколъ.

Пущенъ же нелѣпый слухъ съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе праздной и докучливой толпы отъ своей работы, въ увѣренности, что въ новомъ колоколѣ не будетъ пузырей. Такимъ способомъ отвлекаютъ вниманіе, скрывая день и часъ родовъ женщинъ (лишній человѣкъ—помѣха).

Недавно по берегамъ Камы въ селеніяхъ и городахъ Вятской и Пермской губ. упорно ходили слухи, что вотяки въ одномъ селеніи зарѣзали православнаго священника, который между тѣмъ здравствуетъ и до сихъ поръ. Въ 1890 г. тамъ же и особенно въ Сарапульскомъ уѣздѣ на 10 декабря ждали мороза въ 60 градусовъ, потомъ на 15 число 100 градусовъ, и потому запасали дрова, пищу для себя, кормъ

для скота, обоконки для оконъ. Эти слухи распускали заводчики г. Слободскаго, получившія большой заказъ на колокола.

Вообще слѣдуетъ сказать, что этимъ церковнымъ благовѣстникамъ не только приписывается врачебная сила (напримѣръ для глухихъ, для больныхъ лихорадками и проч.), но народное суевѣріе зачастую подозрѣваетъ въ нихъ нѣчто мыслящее и дѣйствующее по своему желанію. Такъ, напримѣръ, одинъ сосланъ былъ въ ссылку за то, что, когда во время пожара хотѣли бить набатъ, онъ «гулку не далъ». Царь Борисъ сослалъ углицкій колоколъ въ Тобольскъ за то, что онъ цѣлый городъ собралъ на мѣсто убіенія царевича Димитрія. При подъемахъ новыхъ на колоколенныя башни иные упрямятся и не поддаются ни силѣ блоковъ, ни тягѣ веревокъ, предвѣщая нѣчто недоброе и во всякомъ случаѣ зловѣщее. Въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, на рѣкѣ Вохмѣ, невидимый колоколъ отчетливо и слышно звонилъ, указывая мѣсто, гдѣ надо было строить церковь. Это было въ 1784 г. Въ 1845 году эта церковь сгорѣла, причемъ колокола тоскливо и жалобно звонили,—и съ той поры сберегается тамъ поговорка: «звономъ началась — звономъ и кончилась». Не говоримъ уже о чрезвычайномъ множествѣ провалившихся городовъ съ церквами, колокола которыхъ не перестаютъ въ извѣстные дни слышно звонить и подъ землею, и подъ водами, напр. въ рѣкѣ нижегородскаго города Большого Китежа. Въ одной Бѣлоруссіи я знаю такихъ мѣстъ больше десятка. Въ заволжскихъ лѣсахъ Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи большой колоколъ Желтоводскаго монастыря будто бы и по сіе время подаетъ знакъ на св. Пасху въ святую заутреню, когда начинать хри-

стосоваться въ тѣхъ селеніяхъ, которыя разобщены съ селами и лежать среди дремучихъ лѣсовъ, въ 60 верстахъ отъ гор. Макарьева, и т. п.

Не забудемъ также и тѣхъ историческихъ фактовъ, когда колокола имѣли даже и политическое значеніе. Перевозка ихъ изъ одного города въ другой служила однимъ изъ знаковъ утраты самостоятельности. Оба вечевые, новгородскій и псковскій, перевезены въ Москву (псковичи такъ и говорили царскому послу: «воленъ князь въ насъ и въ колоколѣ нашемъ»). Въ XIV вѣкѣ Александръ Суздальскій, возведенный ханомъ въ достоинство великаго князя, перевезъ соборный колоколъ изъ Владиміра въ Суздаль. Тверскіе князья Константинъ и Василій Михайловичи должны было отправить въ Москву соборный колоколъ, какъ знакъ зависимости отъ Калиты, и т. д. Теперь на колокольнѣ Ивана Великаго цѣлая такъ наз. «колокольная фамилія», состоящая изъ 31 звона, въ числѣ которыхъ находятся и удѣльные: ростовскій, новгородскій, корсунскій и проч. Въ старину за дѣйствіемъ этой «фамиліи» наблюдали сами патріархи; къ настоящему времени многіе колокола лежали неподвѣшенными, иные неизвѣстно куда исчезли. Звонили только 16, у другихъ висѣвшихъ не было языковъ (кленалъ или телепней).

СТОЯТЬ ПОДЪ КОЛОКОЛАМИ.

Въ самой Москвѣ, въ которой еще въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству иноземцевъ, насчитывалось до пяти тысячъ колоколовъ, «дивныхъ слышаніемъ»,—впослѣдствіи оказалось удобнымъ «стоять подъ коло-

колами въ прямомъ и переносномъ смыслѣ, т. е. въ послѣднемъ значеніи «слышать» не всегда подколокольный звонъ, но и сущую «правду-матку». Въ 60-хъ годахъ мнѣ показывали въ Москвѣ того оглашеннаго, который «ходилъ подъ колоколами», т. е. принялъ столь рѣдкую вообще, но не уничтоженную и новымъ закономъ «очистительную присягу».

Ограбилъ онъ, подъ видомъ опекуна, капиталъ сиротъ, и когда подросшіе наслѣдники потребовали отчета, а уликъ и доказательствъ никакихъ въ рукахъ не имѣли, онъ согласился «пройти подъ колоколами». Обычно сдѣлали ему сначала увѣщаніе въ церкви, и онъ потомъ присягалъ на крестѣ и евангеліи при колокольномъ звонѣ во-вся и среди всенароднаго множества, которое едва не разрушило церковныя стѣны. Шелъ онъ туда посреди живой стѣны народа съ непокрытой головой, но вышелъ (какъ и всегда во всѣхъ такихъ случаяхъ) неоправленнымъ: люди такимъ крайнимъ и рѣзкимъ случаямъ опасаются вѣрить. Они внутренно убѣждены, что «Богъ очистительной присяги не принимаетъ». Она остается лишь въ видѣ добровольной сдѣлки отвѣтчика со своею совѣстью, да приканчиваетъ дѣло съ наслѣдниками или вообще съ обвинителями, не добившимися удовлетворенія иными способами.

Московскій купецъ, среди бѣлаго дня, на виду всей Ножевой линіи Гостинаго двора, наполненной праздными зубоскалами и несомнѣнными остряками,— купецъ, прогулявшійся по Красной площади подъ колоколами Василія Блаженнаго и Казанской, считался человѣкомъ отпѣтымъ: на него указывали пальцами. Жилъ онъ точно на томъ свѣтѣ, всѣми покинутый и презираемый. Вообще этотъ способъ очистительной присяги признавался самымъ неудобнымъ

и тяжелымъ, пригоднымъ на крайніе случаи и породившимъ поговорку: «Горе идущему, горе и ведущему». «Хоть при колокольномъ звонѣ подъ присягу пойду»—осталось теперь въ видѣ, божбы или клятвы необязательной къ исполненію и однородной съ подобными: «лопни утроба (глаза); хоть голову на плаху; даю руку на отсѣченіе; изсуши меня, Господи, до маковаго зернушка; сквозь землю въ таръ-тарары провалиться; съ мѣста не встать; дѣтей не видать; всему высохнуть; первымъ кускомъ подавиться, ослѣпнуть; оглохнуть; коли вру, такъ дай Богъ хоть печкой подавиться», и т. д.

НА ВОРѢ ШАПКА ГОРИТЪ.

Разсказъ довольно простой для объясненія и, къ тому же, весьма извѣстный. Кто его успѣлъ забыть, тѣмъ напомню.

Укралъ что-то воръ тихо и незамѣтно и, конечно, скрылъ всѣ концы въ воду. Искали и обыскивали—ничего не нашли. Думалось на кого нибудь изъ своихъ близкихъ. Къ кому же обратиться за совѣтомъ и помощью, какъ не къ знахарю? И не знаясь съ бѣсомъ, онъ, какъ колдунъ, умѣетъ отгадывать.

Знахарь повелъ пострадавшихъ на базаръ, куда обыкновенно всѣ собираются. Тамъ толпятся кучей и толкуютъ о неслыханномъ въ тѣхъ мѣстахъ худомъ дѣлѣ: все о томъ же воровствѣ.

Въ толпу эту знахарь и крикнулъ:

— Поглядите-ко, православные: на ворѣ-то шапка горитъ!

Не успѣли прослушать и опомниться отъ зловѣщаго окрика, какъ воръ уже и схватился за голову.

Дальнѣйшаго объясненія не требуется, но два однородные разсказа просятся подъ перо. Въ видахъ же полноты и надлежащей точности, обязанъ я напомнить о существованіи однородныхъ анекдотовъ—изъ восточныхъ азіатскихъ нравовъ (напримѣръ, одинъ записанъ въ какомъ-то даже учебникѣ для переводовъ съ русскаго подъ мудрено-длиннымъ заголовкомъ «Верблюдо-вожатый»). Тѣмъ не менѣе два представляемые мною—коренные русскіе.

Посланный министерствомъ государственныхъ имуществъ лѣсничій (по фамиліи, сколько помнится мнѣ, Боровскій) описывалъ лѣса Печорскаго края и бродилъ по нимъ, тщетно розыскивая цѣльныя лиственичныя рощи,—ходилъ, конечно, съ астролябіей и со съѣстными запасами. За нимъ бродила цѣлая партія рабочихъ, — такихъ простаковъ, что даже позднѣе этого событія я не нашелъ у нихъ замковъ, кромѣ деревянныхъ противъ блудливой рогатой скотины. У этихъ устьцылемовъ также, по обычаю, была сплочена артель, хотя она, при такомъ казенномъ дѣлѣ и заказѣ, и не нужна было вовсе. Сбились въ артель или «котляну», какъ говорятъ тамъ, т. е. «покрутились» всѣ въ одинъ котелъ и кошель или составили артель продовольственную, чтобы уваривались щи погуще, а каша покруче: «артельно за столомъ, артельно и на столѣ».

Все шло хорошо. Котляна была крѣпка и работой, и товарищескимъ согласіемъ. Ходитъ лѣсничій по глухой и мокрой тайболѣ—не налюбуется. Вдругъ жалоба: пришли всѣ, сколько народу ни было (и воръ пришелъ, конечно, вмѣстѣ съ прочими), и просятъ:

— Воръ завелся—изведи! Вотъ у этого смирнаго парня запасные теплые пимы (сапоги) украли. Гдѣ

ихъ укупишь теперь, когда заворотятъ осенины? А въ пимахъ-то были у него деньги запрятаны: не такъ, чтобы очень много, однако около рубля—говоритъ.

— Стрѣлы-бы тому въ бокъ, кто такую напасть навелъ! Ты—ученый, все произошелъ: помоги намъ,—укажи вора!

Не желая «дискредитировать науки», ученый (по званію и въ самомъ дѣлѣ) лѣсничій рѣшился поддержать и уваженіе къ себѣ, и вѣру въ привезенныя имъ изъ самаго Питера знанія. Придумалъ онъ позвать предварительно на совѣщаніе одного старика, который пользовался у всѣхъ большимъ уваженіемъ и былъ, что называется тамъ, «умная башка».

— Не думаютъ ли на кого товарищи, дѣдушко? спрашивалъ старика молодой лѣсничій.

— Да всѣ—хорошіе люди. Всѣ по артелѣ-то, что и по работѣ, равны, какъ восковыя свѣчи передъ Богомъ въ матушкѣ церквѣ. Одинаково горятъ!

— Однако, и пальцы на рукахъ не всѣ равны, замѣтилъ лѣсничій.

— Такъ вѣдь эдакъ-то, — борони Богъ! — выйдетъ, пожалуй, у тебя, что кто меньше ростомъ, тотъ и виноватый. На такой законъ ты не выходи: согрѣшишь! Можетъ оказаться при такой скорости, что всѣ мы тому злому дѣлу причинны. Думай по-божески!

— Есть у васъ парень чужой, пришлой,—одинъ изо всѣхъ не вашъ: не онъ ли побаловалъ? Можетъ быть, ему чужихъ-то и не жалко?

— Былъ — чужой, сталъ теперь свой, и парень онъ больно хорошій. Замѣчаемъ, по котлянѣ-то, что онъ ѣстъ лютой: «ѣсвяной» такой парень! Ну, да вѣдь на работушкѣ силу-то тратитъ, изъ котла опять ее назадъ беретъ. Не сумлѣвайся,—не кори молодца,—охъ, грѣхъ великій!

— На мои глаза больно онъ шустеръ и пройдошливъ: ловчѣй всѣхъ вашихъ.

— А и слава тѣ, Господи! Скоро изъ котла ложку таскаетъ да ѣсть поторапливается,—это по нашимъ примѣтамъ и очень прекрасно. Скоръ на ѣду—значитъ скоръ и въ работѣ. Однако, съ чужой ложки не хватаетъ: пошто же на него напраслину выводить за это за самое?

Увидѣлъ ученый лѣсничій, что съ атаманомъ артели не сговоришь; у заступника ея ничего не добьешься: правитъ онъ законъ и обычай—стоитъ за артель горой.

Послушалъ лѣсничій того совѣта, который сказалъ ему старикъ, уходя:

— Коли хочешь узнать сущую правду, ты ищи ее по другому. Сдѣлай милость, не пугай парня, не обижай его и никому на него не указывай! А я съ тѣмъ и ухожу, что словно бы и не слыхалъ отъ тебя ничего. Суди по-божьему!

Оставшись одинъ, лѣсничій задумался. Передъ глазами сыръ-боръ да мшины, вѣтровалы да буреломы: ничего отъ нихъ не допросишься. Вдругъ на глаза ему попала астролябія: онъ такъ и прискочилъ съ мѣста. Изъ памяти его никакъ не выходитъ тотъ самый пришлый рабочій: на Печорѣ онъ къ одному нанимался—отошелъ, у другого—тоже не сжилъ до срока. Надо было показать и старику, и артели, что этотъ человѣкъ нетвердый, а стало быть и ненадежный, въ отмѣну отъ прочихъ и—вѣроятнѣе другихъ—виноватый.

Поставилъ лѣсничій всѣхъ своихъ рабочихъ въ кругъ, по знакомому всѣмъ имъ знахарскому способу. Чтобы они не сомнѣвались, онъ около нихъ и кругъ очертилъ палкой, и зачуралъ:

— Синусъ—косинусъ, тангенсъ—котангенсъ, діагональ, дифференціалъ, интегралъ. Биномъ Ньютона выручай! Астролябія и мензула, помогайте!..

Рабочіе такъ и застыли на мѣстѣ: угадалъ и угодилъ баринъ страшными словами. Когда же онъ поставилъ въ самой серединѣ ихъ круга астролябію, раздвинулъ ея ножки и самъ къ ней приблизился,— они уже и глаза опустили въ землю, и волоса на бородахъ не шелохнутся. Заподозрѣнный лѣсничимъ рабочій установленъ былъ прямо противъ сѣвернаго румба компасика.

— Смотрите всѣ на меня!

Лѣсничій шибко разогналъ стрѣлку: она посуетилась, помигала подъ стекломъ и встала передъ нимъ остріемъ прямо противъ того парня. Его такъ и взмыло!

— Вретъ она на меня. Она сможетъ указать и на другого. Я не согласенъ.—Надо, по закону, до трехъ разъ пытать. Гони ее опять!

И во второй разъ, конечно, стрѣлка указала его: всѣ молчатъ, словно мертвые. Лѣсничій опять проговорилъ «замокъ» по новому и снова разогналъ стрѣлку. Всѣ повыступили съ мѣстъ; подозрѣваемый дальше всѣхъ. Стрѣлка побѣгала, вздрагивая, и, словно охотничья собака, тыкалась и суетилась, обнюхивая и отыскивая виноватое мѣсто. Рабочіе старались догнать стрѣлку глазами и, какъ вкопанные, остановили ихъ вмѣстѣ съ нею на парнѣ. А онъ ужъ палъ на колѣна и лицо въ траву спряталъ. Полежалъ и говоритъ:

— Моя вина: берите вашу вещь! Ничего теперь не подѣлаешь! Вашъ мечъ—моя голова!

Артель долго не расходилась, посматривая то на «начальника», то на мудреный «штрументъ». Качали всѣ головами и не могли надивиться:

— Вѣдь, ишь ты!—словно перстомъ указала.

На подобную же находчивость извѣстнаго проповѣдника московскаго митрополита Платона указываютъ въ двухъ анекдотахъ. По одному изъ нихъ онъ обличилъ плотника, укравшаго топоръ у товарища въ артели въ то время, когда Платонъ строилъ свой историческій скитъ Виѳанію, въ 3-хъ верстахъ отъ Троице-Сергіевской лавры. Я передалъ его въ «Задушевномъ словѣ» для старшаго возраста въ VIII томѣ, въ №№ 5 и 6. Теперь замѣняю его болѣе коротенькимъ, заимствованнымъ изъ книжки «Русскаго Архива», но совершенно однороднымъ съ тѣмъ, который переданъ былъ мною въ 1885 году.

«Однажды докладываютъ митрополиту Платону, что хомуты на его шестерикѣ украдены, что ему нельзя выѣхать изъ Виѳаніи, а потому испрашивалось его благословеніе на покупку хомутовъ. Дѣло было осенью, грязь непролазная отъ Виѳаніи до Троицкой лавры, да и въ Москвѣ немногимъ лучше. Митрополитъ приказываетъ вездѣ осмотрѣть, разузнать, кто въ этотъ день былъ, и т. п. Все было сдѣлано, но безъ всякаго успѣха. Митрополитъ рѣшается дать благословеніе на покупку, но передумываетъ. Онъ распорядился, чтобы въ три часа, по троекратному удару въ большой виѳанскій колоколъ, не только вся братія, но и всѣ рабочіе, даже живущіе въ слободкахъ, собрались въ церковь и ожидали его.

Въ четвертомъ часу доложили митрополиту, что всѣ собрались. Входитъ митрополитъ. Въ храмѣ уже полумракъ. Передъ царскими вратами въ придѣлѣ Лазаря стоитъ аналой и передъ нимъ теплится единственная свѣча. Іеромонахъ, принявъ благословеніе владыки, начинаетъ мѣрное чтеніе псалтиря. Про-

читавъ каѳизму, онъ останавливается, чтобы перевести духъ, а съ укрытаго мракомъ Ѳавора раздается звучный голосъ Платона:

— Усердно ли вы молитесь?

— Усердно, владыко.

— Всѣ ли вы молитесь?

— Всѣ молимся, владыко.

— И воръ молится?

— И я молюсь.

Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ окружающаго и отрѣшившись мысленно отъ житейскаго, воръ невольно проговорился. Воромъ оказался кучеръ митрополита. Запираться было нельзя, и онъ указалъ мѣсто въ оврагѣ, гдѣ спрятаны были хомуты».

ВОРА ВЫДАЛА РѢЧЬ.

Послѣ указанныхъ случаевъ, конечно, нѣтъ надобности прибѣгать къ объясненію однороднаго и прямо-таки изъ нихъ вытекающаго пословичнаго выраженія «вора выдала рѣчь». Однако не могу удержаться, къ слову и поспопутью, чтобы не передать народной легенды, выслушанной мною въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ сотворилъ свое чудо лѣсничій,—сказаніе о бродячемъ попѣ и встрѣчномъ угодникѣ. Не могъ разсказчикъ съ точностію опредѣлить подлинное имя святого, но толковалъ:

— Ссылаются иные на Миколу угодника, что наши приморскія и водяныя мѣста «порато» полюбилъ: «отъ Холмогоръ до Колы тридцать три Миколы»— сказываютъ въ народѣ, а говорятъ,—ихъ больше.

— Здѣшнія старухи, «однако», думаютъ на батюшку Іова Праведнаго, что видѣлъ ты могилку въ

Ущельѣ — селѣ. Тамъ его Литва убила, «честную его главу отсѣкоша». А онъ, угодникъ Божій, какъ охранялъ свою матушку-черкву!..

Затѣмъ, слѣдовали тому доказательства въ настоящей легендѣ, которую я записалъ тамъ, на рѣкѣ Мезени, и теперь о ней кстати вспомнилъ.

ПОПОВСКІЕ ГЛАЗА.

Вспоминаются на рѣкѣ Мезени почернѣлыя отъ времени церкви; вспоминается и этотъ бѣдный примезенскій, пинежскій и кеврольскій народъ, которому и свою избу вычинять очень трудно и некогда: все въ отлучкахъ за промыслами и за ячменнымъ хлѣбцомъ вдали, гдѣ нибудь на морѣ.

При такой-то церкви жилъ и тотъ попъ, о которомъ сохраняется въ тамошнемъ народѣ живая память. Жилъ онъ, конечно, на погостѣ: на высокой и красивой горкѣ, — далеко кругомъ видно. «Звону много, а хлѣба на погостѣ ни горсти».

На погостахъ, какъ извѣстно, крестьяне не селятся иначе, какъ на вѣчныя времена до второго Христова пришествія. Ихъ кладутъ около церкви въ гробахъ, а живутъ въ трехъ-четырехъ избахъ только церковники: попъ-батюшка съ многочисленнымъ семействомъ и работницей, да кое-гдѣ дьяконъ, да два дьячка, если не считать на иной случай стараго и безголосаго, доживающаго свой вѣкъ «на пономарской ваканціи».

На такомъ-то погостѣ проживалъ и тотъ священникъ, съ которымъ случились дивныя происшествія.

Жилъ онъ тутъ очень долго — и сильно маялся. Окольнымъ мужикамъ было не лучше, да тѣ, по

крайней мѣрѣ, звѣря били, а священникамъ, приносящимъ безкровную жертву, какъ извѣстно, ходить на охоту, т. е. проливать кровь, строго воспрещено издревле. Если крестьянъ очень потѣснитъ нужда и обложитъ со всѣхъ сторонъ бѣдами, они выселятся на другое мѣсто и семьи уведутъ. Стало въ храмѣ добрыми молельщиками и доброхотными дателями меньше. Въ тѣхъ мѣстахъ, сверхъ того, охотливъ народъ уходить въ расколъ безпоповщины: свадьбы вѣнчаютъ кругомъ пня, хоронятъ мертвыхъ плаксивыя бабы; при встрѣчѣ со священникомъ наровятъ изругать и плюнуть на слѣдъ. Не стало попу житья и терпѣнья, хоть самъ колокольнѣ молись, а про одного себя пѣлъ онъ обѣдни что-то чуть ли не десять лѣтъ кряду. На этотъ разъ, по необычному на Руси случаю, этотъ попъ былъ очень счастливъ: вдовъ и бездѣтенъ.

Рѣшился онъ на крайнее дѣло: со слезами отслужилъ обѣдню въ послѣдній разъ въ церкви, поплакалъ еще на могилкахъ, да по пословицѣ «живя на погостѣ, всѣхъ не оплачешь». Помолился онъ на всѣ четыре стороны вѣтровъ, заперъ церковь замкомъ, и ключъ въ рѣку бросилъ. Самъ пошелъ куда глаза глядятъ: искать въ людяхъ счастья и такого мѣста, гдѣ бы можно было поплотнѣе усѣсться.

— Идетъ онъ путемъ-дорогою (разсказывалъ мнѣ, по пріемамъ архангельскаго говора, нараспѣвъ, старикъ съ Мезени). Шелъ онъ дремучей тайболой, низко ли—высоко ли, близко ли,—далеко ли, «челкомъ» (цѣликомъ),—ижно пересадился, «изусталъ». На встрѣчу ему пала новая (иная) дорога. А по ней идетъ старецъ сѣдатой и съ лысиной во всю голову «шибко залѣтной» (очень старый). Почеломкалися:—кто да откуда, и куда путь держишь?—

Да такъ, молъ, и такъ (обсказываетъ попъ-отъ).—«Да и я, батюшко, тоже хожу да ищу по-міру счастья (старецъ-отъ): хорошо намъ теперь, что встрѣтились. Худо «порато», что ты черкву свою покинулъ и замкнулъ: ты въ гости, а черти на погостѣ. И какой же приходъ безъ попа живетъ? Не урекать мнѣ тебя, когда въ дорогѣ встрѣлись, а быть, знать, тому, какъ ведется у всѣхъ: пойдемъ вмѣстяхъ. Я тоже бѣдный. Станемъ дѣлить, что есть вмѣстѣ, чего нѣтъ—пополамъ.

«Согласился. Шли—прошли, до большущаго села дошли: въ «облюдѣлое» мѣсто попали. Постучались они подъ окномъ въ перву избу: пустили ихъ ночевать и накормили въ досталь-таки, не «уѣдно да улёжно». Да и обсказываютъ имъ про такое-то ли страшенное матерущее дѣло. У самаго богатѣющаго мужика одинъ сынъ есть, какъ перстъ одинъ: вселился въ того богатѣлева сына бѣсъ лукавый. Днемъ бьетъ его до кровавой пѣны, ночью въ немъ на нехорошій промыселъ ходитъ: малыхъ дѣтокъ загрызаетъ, да сталъ и за дѣвокъ приниматься. Заскучали мужики, а пособить нечѣмъ. Самъ отецъ большія деньги сулитъ, кто бѣса выгонитъ; бери сколь на себѣ унесть сможешь. А попъ-отъ тутъ и замутился умомъ, и товарищу покучился.

«— Хороши бы теперь деньги-то на голодные зубы. Эка втôра, и лихъ мнѣ!—способить (лечить) не умѣю. А старецъ-отъ на отвѣтъ: «Однако, попробуемъ — я умѣю. Ты ступай затымъ за мной,—быть-то бы я тебя затымъ въ помощники взялъ.

«Пришли они къ багатѣлю и обсказались. Вывели къ нимъ парня, что моржа лютаго: глазища кровью налиты и словно медвѣдь наровитъ, какъ бы зубами схапать, да когтями драть. Старичокъ взялъ свой

мечъ и разсѣкъ его пополамъ: одну половинку въ рѣкѣ помылъ, другую половинку въ рѣкѣ помылъ: перекрестилъ обѣ—сложилъ вмѣстяхъ: сталъ живъ человѣкъ. И палъ затѣмъ ему сынъ въ ноги, благодаритъ Миколу многомилостиваго.

«Вотъ тутъ я тебѣ на Миколу разсказываю (замѣтилъ старикъ): да, надо быть, онъ самый и былъ, затымъ, что у него въ рукахъ ни откуда мечъ взялся, какъ его и на иконахъ пишутъ. А черковь-то свою онъ завсегда при себѣ имѣетъ. Носитъ онъ ее на другой рукѣ: за то, знать, онъ попа-то и попрекнулъ при встрѣчѣ.

«Дошло у нихъ дѣло до разсчета. Богатый мужикъ въ своемъ словѣ твердъ, что камень: привелъ ихъ въ кладуху, кладену изъ кирпича, да столь большую, что и сказать неможно. Справа стоятъ сусѣки съ золотомъ, слѣва стоятъ сусѣки съ серебромъ: по мѣднымъ деньгамъ лаптями ходятъ, денегъ—дивно. «Берите, сколько на себѣ унесете!» И началъ попъ хватать горстями золото: полну пазуху навалилъ, полны карманы наклалъ (знаешь, какіе они шьютъ глубокіе), въ сапоги насовалъ, въ шапку: «жадаетъ». Началъ ужъ за щеки золотыя деньги закладывать, да еще товарища въ бокъ толкаетъ: «что же ты не берешь?» — и приругнулъ даже, — «побѣднился». — А мнѣ-ка (говоритъ старецъ)—ничего не надо. «Да хоть чего нибудь схвати! (попъ-отъ). Сказано: поповы глаза завидущіе, руки загребущія. Взялъ старецъ съ полу три копіецки и разложилъ по карманамъ, третью за пазуху пѣхнулъ. И изъ села пошли. Попъ «одва» ноги волочитъ,—столь тяжело ему! Прошли лѣсомъ, а онъ и «присталъ»: отдохнуть припросился, «ясти» похотѣлъ. Изъ себя «тѣлесной» такой мужикъ былъ!

«Пѣняетъ ему старецъ, святой угодничекъ:

«— Вотъ ты денегъ-то нахваталъ, а хлѣба на дорогу не выпросилъ. Денегъ при себѣ много, купить не у чего, а на животѣ «скётъ»: Я, вотъ, запасливъ: у меня три просвирки осталось. Одну дамъ тебѣ, другую самъ съѣмъ. Отдохнемъ, да поспимъ маленько, проспимся: я третью просвирку пополамъ разломлю». Съѣлъ попъ свою просвирку, да словно бы ему еще хуже стало. Скажу ужъ, согрѣшу съ попомъ вмѣстѣ: попово-то брюхо изъ семи овчинъ шито. Старецъ положилъ кулачокъ подъ головку и заснулъ батюшко, а попъ-отъ изъ кармана у него просвирку-ту схитилъ и съѣлъ, и спитъ, словно правой. Пробудился старецъ: нѣту просвирки. «Ты, попъ, съѣлъ?» — Нѣту, говоритъ. «Можетъ, звѣрь лѣсной приходилъ?»—Мало ли его по лѣсу-то шатается. «А можетъ, и птица стащила?» — Да вонъ коршунъ-то надъ головами вьется, — знать разохотился: глядитъ онъ, нѣтъ ли у тебя еще запасной, а я не ѣлъ. «Дѣлать нечего—дальше пойдемъ!»

«— Похряли и опеть. Супротивъ пала имъ наустрѣту рѣка большая да широкая, что наша Печорушка: воды-тѣ благо. А на ней—ни карбасика, ни лодочки, хоть бы на смѣхъ колода какая, плотъ сказать. Попъ затосковалъ, «бѣднится», а старецъ догадался: «иди за мной, ничего, что нѣтъ на рѣкѣ мосту«. И пошли по водамъ, какъ по стеклышку. На середкѣ-то старецъ остановился, да на самомъ-то глубокомъ мѣстѣ помянулъ и спросилъ о просвиркѣ.—«Нѣту, говоритъ попъ: не ѣлъ». И сталъ тонуть. «Признавайся до зла: вишь, какъ худо бываетъ».—Нѣту, сказываетъ: не видалъ просвирки. Охлябился попъ, что «урасливой» (упрямой) конь. И по шею въ воду ушелъ. И въ третій разъ ужъ изъ-подъ воды выстаЛъ, высунулъ голову: и буль-

каетъ, и волоса отряхиваетъ, и захлебывается, а все свое твердитъ: «не ѣлъ я твоей маленькой просвирки: много ли въ ней сыти-то? Обозлитъ только!»

— «На нѣтъ и суда нѣтъ: пойдемъ, значитъ, дальше. Вышли на берегъ—отдыхать надо.—Ты бы, батько, посчиталъ, сколько ухватилъ съ собой денегъ-то.—«А теперь и впрямъ самое время». Хватилъ попъ въ карманѣ,—и вытащилъ уголья. Сунулся въ другой — тѣ же самые черные-расчерные уголья, и за пазухой они же, а въ сапогахъ ужъ онъ надавилъ одну черную пыль. Такъ онъ и заревѣлъ, задиковалъ. А старецъ началъ его унимать, да разговаривать.—«Ужоткова, баетъ, и я свои денежки смекну». Взялъ рукой въ карманъ, гдѣ лежала копіецка,—вытащилъ пригоршню золота; гдѣ другія двѣ копіецки лежали, тамъ то же самое золото. У товарища и слезы высохли. Сталъ старецъ сгребать золото въ три кучки, — у товарища и глаза запрыгали. — «Вотъ я опеть стану дѣлиться: эту кучку тебѣ». И сгребаетъ ее: которая монета отваливается, ту опять въ ту же кучку кладетъ и поправляетъ. А самъ задумался глубоко такъ-то, словно бы скрозь землю ушелъ. Вторую кучку сталъ складывать: «это, говоритъ, мнѣ». Третью началъ сгребать: а у него, надо быть, и глаза не видятъ, и пальцы не слушаются, и кладетъ-то ихъ, словно бы отдыхаючи, а глаза у него слезинками застилаетъ. Разсыпается кучка врозь и никакъ онъ эту послѣднюю-то наладить не сможетъ. Долго онъ ее складалъ. А попъ-отъ таращилъ-таращилъ глазищи-то, да какъ спроситъ:

«— А эта-та, третья кучка, кому?

«— А тому, кто просвирку съѣлъ.

«— Да вѣдь я просвирку-то съѣлъ.

«— Скажи на милость (нравоучительно толковалъ мой разсказчикъ): тонулъ—не признался; увидалъ деньги: — я, говоритъ, просвирку-то съѣлъ. Охъ, грѣхи наши, всѣ мы таковы! Не выноситъ намъ платнà безъ пятна, лица—безъ сорому».

ОПРОСТОВОЛОСИТЬ.

Подѣлившись двумя случайными примѣрами, никакъ нельзя не припомнить, что въ тѣхъ дальнихъ мѣстахъ не такъ давно приходилось наталкиваться во-очію на остатки старинной простоты и честности. Напримѣръ, въ архивѣ г. Повѣнца, въ дѣлахъ бывшей паданской нижней расправы (Олонецкой губ.) сберегались записки должниковъ, обзпечивавшихъ долгъ обязательствомъ: «да будетъ мнѣ стыдно и воленъ онъ пристыдить меня привсенародно». Не могло быть въ этихъ случаяхъ пущаго позора, когда снимали съ воровъ и неплательщиковъ на базарахъ и на сходкахъ шапки на квитъ, въ полный расчетъ. Отсюда и объясненіе поговорки: «воръ съ мошенника шапку снялъ (т. е. уличилъ)», «съ недруга хоть шапку долой» и другія имъ подобныя. Насколько зазорно для женщины, когда ее опростоволосятъ» и всѣмъ непріятно «опростоволоситься», настолько и для мужчинъ важно держать голову покрытою. Изъ самыхъ раннихъ историческихъ актовъ видно, сколько требователенъ былъ обычай прикрывать волоса. Шапки, называвшіяся клобуками, не снимались ни въ комнатахъ, ни даже въ церкви. «И видѣ Ярослава сидяща на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, тако же и вси мужи его». Это въ княжескихъ покояхъ, а вотъ, и въ церкви; «И

начаша пѣти св. литургію; и рече Святославъ ко Броновинѣ, что мя на главѣ бодетъ, и сня клобукъ!»
Впослѣдствіи Московскіе послы въ чужихъ земляхъ не снимали даже передъ королями своихъ горлатныхъ шапокъ. Имъ это разъ замѣтили. Старшій посолъ отвѣчалъ:

— У насъ шапку снимаютъ, когда въ нее горохъ насыпаютъ.

Вслѣдствіе всѣхъ такихъ изстаринныхъ обычаевъ, и до сихъ поръ глупыхъ и безразсудныхъ людей называютъ «непокрытой головой». Въ деревенскомъ женскомъ быту «покрывать дѣвушкѣ голову» одно-значуще съ тѣмъ желаемымъ всѣми обрядомъ, когда расплетутъ косу, накроютъ голову бабьимъ повойникомъ и поведутъ подъ вѣнецъ въ церковь. Нелегко перечислить всѣ обряды, которые сопровождаютъ это важнѣйшее въ дѣвичьей жизни событіе. Съ тѣхъ поръ замужняя женщина не осмѣлится появляться на людяхъ съ открытыми волосами. Эта честь и право остается лишь за дѣвицами, которыя, сдѣлавшись невѣстами, показываются жениху не иначе, какъ подъ покрываломъ, а находчивая и суевѣрная, даже и ставши подъ вѣнцомъ, кладетъ кресты, чтобы жить богато, не иначе, какъ покрытой рукой. Самыя молитвы о женихахъ пріурочиваются къ празднику Покрова, съ котораго и начинаются зазывныя для жениховъ посылки. Излишне объяснять теперь, насколько невыносима обида лишиться головной покрышки насиліемъ постороннихъ людей, что примѣняется къ зазорнымъ женщинамъ въ насмѣшку или въ видахъ мщенія. Было бы долго разсказывать, сколь упорны, ожесточены и продолжительны были тѣ войны, которыя предпринимались въ защиту этого головного

украшенія, дарованнаго Самимъ Творцомъ небеснымъ и явленнаго въ особенности въ бородѣ. Въ старину существовало выраженіе «быть въ волосахъ», что означало современный трауръ и заключалось въ томъ, что при всенародной печали, какова царская кончина, кромѣ одѣванья печальной одежды, отращивали еще волоса ниже плечъ.

У ЧОРТА НА КУЛИЧКАХЪ.

Русскій человѣкъ вообще любитъ часто вспоминать про эту нѐжить, нечистаго, лукаваго и злого духа, причемъ богомольные люди стараются незамѣтно сдѣлать рукой крестное знаменіе или творятъ про себя глухую молитву. Иные «чертыхаются» впрочемъ не столько съ сердцовъ, сколько по дурной, худо-сдерживаемой привычкѣ. Посылаютъ и недруга, и докучливаго человѣка, и всѣхъ «ко всѣмъ чертямъ» или въ «тартарары», еще не такъ далеко, какъ это кажется и какъ думаютъ о томъ сами сердитые и вспыльчивые люди. Богатырскія сказки и священныя легенды учатъ, застращивая, и увѣряютъ, назидая, что какъ вымолвишь чорта, такъ онъ тутъ и появится съ длиннымъ хвостомъ и острыми рогами. Онъ готовъ купить душу и потомъ оказывать за то всякія услуги. Около святыхъ, по пословицѣ, они любятъ водиться даже въ особину, какъ и въ болотахъ, въ такомъ множествѣ, что кажется, здѣсь у нихъ самое лакомое и любимое мѣсто для недремлющей и неустанной охоты и стойки. Если же кто живетъ у чорта, да еще при этомъ на куличкахъ—это уже такъ далеко, что и вообразить трудно. Послѣднее выраженіе только въ такомъ

смыслѣ и употребляется, хотя (слѣдуетъ замѣтить), произносится неправильно. Никакого слова «кулйчки» въ русскомъ языкѣ нѣтъ и уменьшительнаго имени этого рода ни отъ какого коренного произвести невозможно. Отъ кулича выйдутъ куличики, а отъ кулика—куличкѝ съ знаменательнымъ переносомъ ударенія. Если же возстановимъ въ этомъ словѣ одну лишь коренную букву и скажемъ «на кулйжкахъ», тѣмъ достигаемъ настоящаго смысла выраженія и можемъ приступить къ его объясненію и оправданію, какъ къ православному и крещеному.

Кулиги и кулижки — очень извѣстное и весьма употребительное слово по всему лѣсному сѣверу Россіи, хотя оно, очевидно, не русское, а взято на прокатъ у тѣхъ инородческихъ племенъ, которыя раньше славянскаго заняли студеныя страны. Они не сладили съ ними и мало-по-малу начали вырождаться и «погибоша аки обри», говоря словами одного изъ древнѣйшихъ, но уже въ народѣ давно и совершенно исчезнувшихъ лѣтописныхъ присловій. Слово «кулига» взято у этихъ несчастныхъ языческихъ племенъ и, по обычаю, приведено и окрещено въ русскую вѣру [1]). Вотъ какъ это случилось.

Когда дремучій и могучій богатырь студеныхъ странъ Россіи хвойный лѣсъ ослабѣваетъ въ силахъ растительныхъ, въ немъ мѣстами являются прогалины, плѣшины, поляны. Здѣсь растетъ торопливо, сильно и густо трава съ цвѣтами всякаго вида и

---

[1]) Инородческое окончаніе «га» повторяется въ безчисленномъ множествѣ словъ домашняго обихода, но въ особенности знаменательно въ названіяхъ такихъ крупныхъ урочищъ, какъ озера и рѣки. Таковы, напримѣръ, Волга, Ветлуга, Онега (рѣка и озеро), Мягрига, Синдега, Куенга, Лапшенга, Пинега, Вага и т. д.

ягодами всякаго рода въ обиліи. Эти лѣсные острова и есть «кулиги». Дикіе инородцы, у которыхъ всѣ боги злые и немилостивые, признали такія рѣдкія мѣста за жилища старшаго кереметі. А такъ какъ и его тоже, что и старшинъ и всякое начальство, надо умилостивлять приношеніями цѣннаго и пріятнаго, то въ такихъ мѣстахъ собираются до сихъ поръ приносить кереметі жертвы. Колютъ оленей, овецъ, телокъ, жеребятъ; наѣдаются до-сыта и напиваются до-пьяна, поютъ и скачутъ. Другого примѣненія этимъ кулигамъ дикіе звѣроловы не могли придумать. Пошумятъ, поломаются, обманутъ совѣсть и разойдутся по лѣснымъ трущобамъ, чтобы не сердить и не безпокоить бога. Его это мѣсто: оно имъ зачуровано, и потому для всѣхъ свято.

Когда пришелъ сюда же русскій человѣкъ, то онъ сейчасъ вспомнилъ, что отъ перегноя травъ на этихъ мѣстахъ самая плодородная почва, которую любятъ и рожь, и ячмень. Тутъ онъ и поставилъ избу и приладилъ крестъ. Кереметь испугалась, отступилась и ушла съ того мѣста прочь. А такъ какъ русскіе люди тянулись сюда, по своему обычаю и привычкѣ, цѣлыми артелями, лѣсныя же деревья тоже размножались и жили плотными общинами (сосна—такъ кругомъ сосна, ель—такъ все ель), то переселенцамъ и пришлось немного призадуматься. Непролазные лѣса въ этихъ суровыхъ мѣстахъ на кулиги неохотливы, легче имъ жить плотной стѣной. Полянъ, т. е. травяныхъ острововъ или безлѣсныхъ равнинъ, въ нихъ немного,—все больше сырыя болота, гдѣ хорошо живется только однимъ чертямъ, да и изъ нихъ подбираются особенные — водяники: нагіе, всѣ укутанные въ тину, умѣлые

плавать на колодахъ, цѣлый день жить въ водѣ и показываться только ночью.

Задумываться однако же привелось недолго такимъ людямъ, которые пришли въ дремучіе лѣса съ сохой, топоромъ и огнивомъ; начали они рубить деревья топоромъ подъ самый корень, валить вершинами въ одну кучу и въ одно мѣсто и жечь. Стали выходить искусственныя поляны, какъ мѣста для жильевъ и пахоты: звали ихъ назади, когда врубались въ покинутые лѣса, «лядами, лядиками, огнищами». Это въ западныхъ лѣсахъ. Въ сѣверныхъ лѣсахъ, когда начали валить ихъ, углубляясь въ чащи съ рѣчныхъ и озерныхъ побережьевъ, прозваля такія новыя мѣста и валками, и новями, и новинами, и гарями, и росчистями, и пожегами, и подсѣками, и починками. Чѣмъ дальше заходили въ глубь, тѣмъ больше растеривали и забывали старыя слова и всѣ такія «чищобы» подъ пожню (для травы) и подъ пашню (для хлѣбовъ) стали звать чужимъ и готовымъ словомъ «кулиги». Такъ и осталось оно за ними на всемъ огромномъ Востокѣ Россіи, и выраженіе «кулижное хозяйство» принято теперь учеными людьми для пользованія въ книгахъ и пущено въ ходъ въ ихъ сочиненіяхъ. Для хлѣбопашца въ лѣсахъ это единственный выходъ и исключительный способъ, отчего, какъ убѣждается читатель, и такое множество синонимовъ на одно и то же слово, обозначенное въ старинныхъ актахъ общимъ именемъ «на сыромъ корени». «Да то все управитъ Мати Божія, что есть бѣды принялъ о мѣстѣ семъ!» — воскликнулъ святой и смиренный Антоній Римлянинъ одинъ изъ первыхъ насельниковъ новгородскихъ кулигъ и покорителей сѣверныхъ суровыхъ странъ.

Для пущаго убѣжденія въ географической распространенности и исторической извѣстности слова «кулига» имѣемъ возможность указать даже на Москву. Въ тѣ времена, когда этотъ городъ, по обычаю и пріемамъ всего государства, созидался и ширился въ лѣсныхъ тѣснинахъ и трущобахъ, подъ жилыя слободы отбили мѣста такимъ же новиннымъ или кулижнымъ способомъ. Въ слободахъ этихъ, которыя потомъ вошли въ составъ Москвы, выстроились церкви, устоявшія до нашихъ дней подъ непонятнымъ теперь для москвичей названіемъ Троицы (за Ивановскимъ монастыремъ), Рождества Богородицы (на Стрѣлкѣ) и Всѣхъ Святыхъ (за Варварскими воротами) «на кулижкахъ». Это въ трехъ мѣстахъ Москвы, гдѣ на сухой горѣ, среди сосноваго лѣса, т. е. на настоящемъ бору, нѣсколько раньше выстроена была одна изъ древнѣйшихъ церквей Кремля, соборъ Спаса на бору. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что московскіе чистобаи (нарѣчіе которыхъ принято литературой и въ разговорномъ языкѣ) произносятъ слово «кулижки» правильно. Грамотѣи же, въ родѣ настоятелей тѣхъ церквей и составителей указателей, пишутъ его невѣрно, замѣняя букву ж буквою ш. Повторился тотъ же придатокъ къ живымъ урочищамъ и церквамъ и въ другихъ русскихъ городахъ, гдѣ селенія на кулижныхъ росчистяхъ также вошли въ городскую границу.

Если остановимся на одной изъ московскихъ кулижекъ, — именно на той, гдѣ близъ Ивановскаго монастыря стояла при царѣ Алексѣѣ изба—патріаршая «нищепитательница» — то въ житіи Иларіона Суздальскаго прочитаемъ о томъ событіи. Въ богадѣльнѣ этой (женской) поселился демонъ и никому

не давалъ покоя ни днемъ, ни ночью: стаскивалъ съ лавокъ, съ постелей, по угламъ кричалъ и стучалъ, говоря всякія нелѣпости. Благочестивый царь повелѣлъ духовнаго чина людямъ творить молитвы на изгнаніе этого бѣса. Но онъ сталъ еще свирѣпѣе: началъ явно укорять всѣхъ, обличать въ грѣхахъ и стыдить, а иныхъ билъ и выгонялъ вонъ. На борьбу съ нимъ вышелъ старецъ Иларіонъ изъ г. Суздаля и началъ одолѣвать его обычнымъ способомъ молитвы, но лишь начнетъ вечернее пѣніе, бѣсъ съ палатей кричитъ ему: «не ты ли, калугере, пришелъ выгонять меня?» Начнетъ старецъ ночью читать молитвы на изгнаніе бѣса, а чортъ кричитъ ему: «еще ты и въ потемкахъ расплакался!» И крѣпко застучитъ на полатяхъ и устрашаетъ: «Я къ тебѣ иду, къ тебѣ иду». Свидѣтели, какъ напр. схимонахъ Марко, бывшій самовидцемъ, испугались и хотѣли бѣжать изъ избы, но Иларіонъ остановилъ ихъ увѣреніемъ, что «даже и надъ свиніями дьяволъ безъ повелѣнія Божія не имѣетъ власти». Тогда избяной дьяволъ обернулся чернымъ котомъ и сталъ прискакивать къ старцу всякій разъ, когда этотъ хотѣлъ положить поклонъ. Цѣли бѣсъ не достигъ. Иларіонъ былъ столь незлобивъ, что самъ врагъ похвалилъ его: «хорошо этотъ монахъ передъ Богомъ живетъ»,—и въ заключеніе неравной борьбы принужденъ былъ сознаться, что его зовутъ Игнатіемъ, что онъ «былъ тѣлесенъ и княжескаго рода», но что мамка послала его къ чорту, что изъ богадѣльни онъ выдти не можетъ, такъ какъ не по своей волѣ пришелъ сюда. Не послушался онъ и бродячихъ поповъ съ Варварскаго Крестца, стоявшихъ тамъ съ калачами за пазухой (см. дальше ст. «Эй, закушу»), а даже обругалъ: «Охъ вы, по-

жиратели! Сами пьяны, какъ свиньи! Меня ли вамъ выгнать?»

На этомъ сравнительно позднѣйшемъ сказаніи, записанномъ въ малоизвѣстномъ житіи, иные сами готовы (и совѣтуютъ) основывать объясненіе заглавнаго выраженія (конечно, на произволящаго).

Когда и на искусственныхъ кулигахъ становилось жить тѣсно, а почва начала утрачивать силу плодородія, уходили отъ отцовъ взрослые и старшіе сыновья, отъ дядей племянники и т. п. При полной свободѣ переходовъ, съ помощію людей богатыхъ, которые давали отъ себя даромъ и соху, и топоръ, и рабочую лошадь, брели врозь съ насиженныхъ и родимыхъ мѣстъ такъ далеко, что и вѣсти достигать переставали. Да и какъ и черезъ кого перекинуться словомъ, когда стали жить у чорта на кулижкахъ? Когда припугнули трусливыхъ и дикихъ народцевъ огненнымъ боемъ, который вспыхивалъ внезапно, гремѣлъ гулко и разилъ наповалъ и на-смерть,—кулиги стали подвигаться еще дальше, гдѣ уже, по присловью, и небо заколочено досками, и колокольчикъ не звонитъ.

СОРЪ ИЗЪ ИЗБЫ —

деревенская пословица-законъ выносить не велитъ и, конечно, не учитъ она этимъ приказаніемъ нечистоплотности и неряшливости, не совѣтуетъ жить грязно (что несовмѣстимо и съ распространенностью повсюднаго выраженія, и съ его долговременной устойчивостью). Я, при изданіи своихъ объясненій, обошелъ ее какъ такую, которая далеко прежде превосходно истолкована В. И. Далемъ. При-

вожу теперь это образцовое объясненіе обиходнаго выраженія въ его прямомъ и переносномъ смыслѣ.

«Въ переносномъ: не носи домашнихъ счетовъ въ люди, не сплетничай, не баламуть; семейныя дрязги разберутся дома, коли не подъ однимъ тулупомъ, такъ подъ одной крышей. Въ прямомъ: у крестьянъ соръ никогда не выносится и не выметается на улицу. Это черезъ полуаршинные пороги хлопотно, да притомъ соръ стало бы разносить вѣтромъ, и недобрый человѣкъ могъ бы по сору, какъ по слѣду, или по слѣдку, наслать порчу. Соръ смѣтается въ кучу подъ лавку, въ печной или стряпной уголъ, а когда затапливаютъ печь, то его сжигаютъ. Когда свадебные гости, испытуя терпѣніе невѣсты, заставляютъ ее мести избу и сорятъ вслѣдъ за нею, а она все опять подметаетъ, то они приговариваютъ: «мети—мети, да изъ избы не выноси, а сгребай подъ лавку, да клади въ печь, чтобъ дымомъ вынесло».

СЕМЬЮ ПРИКИНЬ—ОДНОВА̀ ОТРѢЖЬ.

Выставляя въ первобытной старинной формѣ эту древнюю, ясную по смыслу и столь вразумительную для руководства въ жизни, пословицу, останавливаемъ вниманіе собственно на цифрѣ, которая рекомендуется ею.

Цифра семь никогда не служила народу единицею измѣреній, если не считать семисотныхъ верстъ, которыя, однако, въ началѣ нынѣшняго столѣтія покинуты и законная мѣра версты опредѣлена въ пятьсотъ саженъ.

У народа свой счетъ: обходя десятокъ, онъ предпочитаетъ вести счетъ дюжинами, обходя двѣ и

три дюжины, начинаетъ считать дробныя вещи и болѣе мелкіе предметы сороками. Въ старину, не признавая десятковъ, не ввели въ обычай сотенъ и, не доходя до нихъ, вели счетъ девяностами, а потому и выходило тогда «все равно, что девять сороковъ, что четыре девяноста», а девять сороковъ съ девяностомъ—пять девяноста; полпята сорока—два девяноста. Отсюда и сόроки московскихъ старыхъ церквей и нынѣшнихъ церковныхъ благочиній, и базарный счетъ, долго сохранявшійся въ поволжскихъ городахъ, породившій насмѣшку надъ безтолковыми торговками-бабами: «сорочѝ не сорочѝ, а безъ рубля будешь». Отсюда и «сорочки» шкурокъ пушныхъ сибирскихъ звѣрей: куницъ и соболей, вложенныхъ въ чахолъ и разсчитанныхъ ровно на полную шубу, а «полсорокъ» — на женскую шубку. Сорокъ недѣль каждый человѣкъ сидитъ въ темницѣ (по народной загадкѣ), т. е. въ утробѣ матери, и, стало быть, въ самомъ дѣлѣ, какъ часто говорится, «сорокъ недѣль хоть кого на чистую воду выведутъ». Черезъ сорокъ дней или шесть недѣль надо брать роженицѣ очистительную молитву и столько же дней молиться объ усопшемъ или справлять такъ называемый сорокоустъ. Въ послѣдній разъ покойникъ пообѣдаетъ въ 40-й день съ оставшимися въ живыхъ домашними изъ той чашки и той ложкой, которыя обычно выставляются и кладутся на столъ. Не мало посчастливилось этой цифрѣ и въ старинныхъ народныхъ сказкахъ, гдѣ богатыри ѣздятъ къ цѣли неустанно сорокъ дней и сорокъ ночей, наѣзжаютъ на города, въ которые ведутъ сорокъ воротъ; въ царскихъ дворцахъ—сорокъ дверей, богатырскій мечъ въ сорокъ аршинъ длины, и т. под. Вообще, «сороковой-роковой» не только въ мед-

вѣжьей охотѣ, но и въ домашной «забавѣ» съ нынѣшними «сороковками» зеленаго вина, которое, по смѣшной случайности, разливается и продается изъ бочекъ мѣрою въ сорокъ ведеръ. «На девяносто» мы уже имѣли случай натолкнуться, а на «дюжинахъ» боимся заговориться, хотя не можемъ не вспомнить, что торговля въ нѣкоторыхъ мѣстахъ требовала считать, въ видахъ личной корысти и разсчета на деревенскую простоту, единицъ въ дюжинѣ тринадцать.

Между тѣмъ цифра семь является въ счетѣ такъ часто, что нельзя на ней не остановиться, и представляется такой подозрительной, туманной и необъяснимой, что невольно хочется признавать этотъ счетъ ненароднымъ, а чужимъ и приноснымъ. Къ нему довелось прилаживаться, какъ прилаживались и пришлые обычаи къ установившимся, крѣпкимъ и кореннымъ народнымъ порядкамъ. Христіанская вѣра принесла семь таинствъ, даровъ Св. Духа, вселенскихъ соборовъ, смертныхъ грѣховъ, звѣздъ въ вѣнцѣ, мудрецовъ на свѣтѣ, свѣчей въ свѣтильникѣ алтарномъ и запрестольномъ. Седьмой день въ недѣлѣ указано отдавать Богу, и т. д.

Послѣдній фактъ указалъ не только на важное значеніе цифры семь въ старину, но и на вліяніе ея на судьбы научныхъ міровыхъ истинъ. Когда Галилей открылъ спутниковъ великана-Юпитера и по цѣлымъ ночамъ, не отрываясь, любовался системой этой планеты, противники его не только не вѣрили открытіямъ, но утверждали, что они невозможны. Ученое невѣжество говорило: «какъ въ недѣлѣ семь дней, такъ и на небѣ семь планетъ (Солнце, Луна, Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ) и больше быть не можетъ. Соединеніе малаго міра, предста-

вляемаго человѣкомъ, съ безграничнымъ міромъ, вселенной, происходитъ, при помощи нашихъ органовъ чувствъ, расположенныхъ въ семи отверстіяхъ головы, а именно: два глаза, два уха, двѣ ноздри и ротъ. Какъ нѣтъ болѣе такихъ отверстій въ головѣ, такъ точно не можетъ быть и на небѣ болѣе семи планетъ». За такую еретическую вѣру въ систему Коперника, бывшую тогда въ гоненіи, Галилея преслѣдовали инквизиція и римскій дворъ. Въ 1633 г. совѣтъ изъ семи кардиналовъ осудилъ его на заточеніе. Профессоръ три года долженъ былъ прочитывать еженедѣльно псалмы покаянія и на колѣнахъ, держа руки на св. писаніи, объявлять, что мнѣніе о вращательномъ движеніи земли есть ересь; но четыре спутника Юпитера движутся вокругъ него и въ настоящее время такъ же точно и непрестанно.

Впослѣдствіи оказалось, что у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу, какъ и у этихъ семи совершенно слѣпыхъ мудрецовъ міровая истина. Оказалось также, что у семи пастуховъ не стадо, и самые праведники (настоящіе, а не эти самозванные словесные пастухи), осудившіе геніальнаго изобрѣтателя телескопа, стали семь разъ въ день согрѣшать.

На св. Руси пригодился и семикъ,—старый языческій праздникъ,—какъ дозволенный церковью веселый весенній праздникъ на седьмой недѣлѣ по Пасхѣ, въ четвергъ, и не перестала широкая «масляница звать его къ себѣ въ гости». У обманщика и невѣрнаго въ словѣ человѣка, также и у бражника объявились на одной недѣлѣ семь пятницъ («ни одного срока»—для исполненія обѣщаній, для отдачи взятаго взаймы—и «семь праздниковъ»—всѣ про себя, на прогулъ и полное забвеніе обязательствъ).

Наконецъ полюбилась народу и узаконилась въ его живой рѣчи эта цифра такъ, что, напримѣръ человѣка, находящагося въ самомъ отдаленномъ свойствѣ или родствѣ, начали называть «седьмой водой на киселѣ», хотя уже и пятой водѣ не даетъ промываемая мука̀ для киселя ни запаха, ни сору, ни пыли того зерна, изъ котораго заквашивается это любимое народное кушанье. Да, къ тому же, «седьмая водина на квасинѣ» даетъ уже такое жидкое пойло, что его и въ ротъ не возьмешь. Положено закономъ «семерымъ одного не ждать» ни на пиръ, ни къ работѣ, ни къ обѣду. Бойкіе и смѣлые, не дающіеся въ обиду люди и сами склонные обижать, стали «отгрызаться на распутьи» ровно отъ семи собакъ»,—ни меньше, ни больше. Начали считать «семь пяденей во лбу» умнаго человѣка; дружескую услугу, сопряженную съ неудобствами, въ несвободное время, признали пустякомъ, не стоющимъ никакого вниманія: «для друга семь верстъ не околица». Однако убѣдились, что кому не удастся взять что-либо добромъ, убѣдительнымъ уговоромъ и ласкательнымъ словомъ, тотъ возьметъ «самъ-сёмъ и силкомъ». Такъ и случилось это разъ въ Москвѣ въ памятную годину государственной разрухи и въ «семибоярщину», когда семеро бояръ насильственно захватили власть. Тогда, точно въ самомъ дѣлѣ по заказу, оказалось «у одной овечки семь пастуховъ» и говорили всѣмъ народомъ про Москву: «невеликъ городокъ, да семь воеводъ» (а полагалось на каждый не больше двухъ). Понадобилось для нея семь холмовъ, когда, возвеличивая свой городъ по общечеловѣческому тщеславію, стали цари почитать и называть Москву вторымъ Римомъ («а третьему не быть»). Всегда удивлялись бывалымъ и опытнымъ, и выражались про нихъ такъ, что какъ будто

они, въ самомъ дѣлѣ, «изъ семи печей хлѣбъ ѣдали», и назадъ вернувшимися домой ни съ чѣмъ, безъ всякой науки, прибытка и успѣха—подсмѣивались: «онъ за семь верстъ ходилъ ѣсть киселя», этого самаго дешеваго кушанья, которымъ, однако, по пословичной же примѣтѣ, никто, кромѣ бабъ, до-сыта не наѣдается. Сильный человѣкъ обязанъ ходить на семерыхъ, а иначе его и богатыремъ не назовутъ. Не назовутъ виноватаго преступникомъ, а зовутъ несчастнымъ, признавая въ немъ жертву обстоятельствъ падшаго брата, и преступленіе его называютъ бѣдою. Поэтому всякій мелкій проступокъ относится къ бѣдѣ и называется этимъ именемъ (бѣдниться значитъ жаловаться въ обидѣ). Отсюда и распространенная поговорка, снова понуждавшаяся въ цифрѣ семь: «семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ». Ханжамъ совѣтуетъ высокая народная мудрость, въ согласіе съ Христовымъ ученіемъ: «не строй семь церквей—пристрой семь дѣтей», когда такіе явные суевѣры намѣреваются фарисейски тщеславно замаливать тяжкіе старые грѣхи сооруженіемъ храмовъ съ золочеными иконостасами и громкими колокольными звонами, и т. д. Впрочемъ, если подводить полный счетъ всѣмъ случаямъ, гдѣ придается мистическое значеніе цифрѣ «седмь», можно и конца не найти.

ДЕСЯТАЯ ВИНА.

Современный и общеупотребительный счетъ десятками во всякомъ случаѣ позднѣйшаго приспособленія на практикѣ. Едва ли не съ прошлаго вѣка стали «брать десятаго» изъ бунтовавшихъ скопищъ, въ которыхъ всѣ были виноваты, но

каждый взятый отдѣльно не имѣлъ самостоятельнаго значенія. Въ плотно сплоченномъ заговорѣ невозможно отыскать зачинщиковъ или подстрекателей, да и лѣнь было производить это, имѣя передъ глазами ясно опредѣленный практическій образецъ. Считали съ перваго головнаго изъ разставленныхъ въ строй и оцѣпленныхъ, и выводили изъ круга слѣдующаго за девятымъ. Его и въ солдаты брили на барабанѣ, и кнутомъ били на кобылѣ, и плетьми стегали, и батожьемъ-палками колотили, какъ указывалъ законъ или приказъ укротителя. Отсюда и приговоръ и поговорка: «десятая вина виновата», хотя для домашняго обихода давно практиковалось правило: «десятью отмѣряй, однова̀ отрѣжь».

СЕМЬ ПЯТНИЦЪ [1]).

Роковое мистическое число семь, примѣненное къ одному изъ дней недѣли, обращается въ справедливый упрекъ тѣмъ общественнымъ дѣятелямъ, на которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя полагаться и имъ довѣрять. Эти люди, давая обѣщанія твердыя и надежныя, повидимому, не исполняютъ ихъ: либо

[1]) Предлагаемому толкованію одинъ изъ рецензентовъ, разбиравшихъ эту книгу (въ первомъ ея изданіи) авторитетно предлагаетъ свое, какъ безспорную поправку. По его мнѣнію оказывается, что потому семь пятницъ на недѣлѣ, что нѣкогда въ Москвѣ на Красной площади вдоль Кремлевской стѣны стояло 15 церквей и между ними большинство пятницкихъ (всѣ ли семь?). Коренной москвичъ, приглядѣвшійся ко множеству церквей, въ правѣ придти въ изумленіе, какъ могло умѣститься столько зданій, хотя бы и малаго размѣра, на такомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ (отъ Никольскихъ воротъ до Спасскихъ)? Удивившись, любой москвичъ,

не платятъ долговъ въ указанные сроки, либо не исполняютъ обѣщанныхъ просьбъ; виляютъ и обманываютъ, отлагая со дня на день на всѣ семь дней недѣли, на всѣ 52 недѣли круглаго рабочаго года. Эти люди, у которыхъ всегда «живетъ и такой годъ, что на день семь погодъ», а это все одно и то же, что «приходи завтра», объявляемое просителямъ и кредиторамъ. Не иной какой нибудь день недѣли изъ семи взятъ въ упрекъ другимъ и въ поученіе себѣ по очень давнимъ историческимъ причинамъ, и выбранъ обѣтнымъ по экономическимъ бытовымъ условіямъ нашей народной жизни.

привыкшій ко всякимъ своимъ диковинкамъ, въ родѣ незвонившаго колокола, нестрѣлявшей пушки, обязательно спроситъ: для чего и кому понадобилась эта диковинная церковная выставка узенькихъ, стѣна объ стѣну, на подобіе гостинодворскихъ шкапчиковъ, деревянныхъ зданій. Не для соревнованія же или соперничества въ раздачѣ даровъ благодати скучились шеренгой молитвенныя зданія, хотя бы даже и случайно скопившіяся на одномъ мѣстѣ? Да и сколько между ними было пятницкихъ храмовъ, авторомъ не указано, — неужели такъ-таки въ пользу его толкованія ровно семь. Кто же не знаетъ, что для успокоенія тоскующей души объ усопшихъ вовсе не надобились именно пятницкіе храмы. Важны поминальные дни девятый, двадцатый, сороковой, полугодовой, годовой—личные и установленные церковью (Радуница, Дмитріевская суббота, и проч.)—общіе. Куда и какъ исчезли эти церкви сразу и безвѣстно — очень поучительно было бы знать теперь, когда осталась одна пятница, да и та помѣстилась въ примѣтномъ отдаленіи отъ указанной площади (именно въ Охотномъ ряду). — Все это самоувѣреннымъ, но обманутымъ критикомъ и не указано, а между тѣмъ мѣста упраздненныхъ храмовъ у знатоковъ московской старины всѣ на счету. Что же касается меня лично, какъ обвиняемаго въ ошибкѣ, то въ данномъ вопросѣ считаю себя въ правѣ придержаться прежняго личнаго мнѣнія и въ немъ укрѣпиться, поминаючи присныхъ, въ указанные церковью дни и предпочтительно на самыхъ могилахъ.

Нѣкогда, въ древнія, еще языческія времена, этотъ день недѣли считался свободнымъ отъ работъ, т. е. праздничнымъ, замѣнявшимъ воскресные нынѣшнихъ христіанскихъ временъ. Въ эти дни собирались общественные сходки сосѣдей для торга, т. е. обмѣна своими произведеніями и всякими избытками хозяйства. Не привезъ кто нужнаго въ этотъ день, или получилъ на это новое требованіе, обыкновенно назначалъ срокъ исполненія заказа и обязательство на установленный еженедѣльный торгъ и сборище, — на базаръ и ярмарку. Обычай этотъ сохранился до нашихъ дней не только въ мелочныхъ заказахъ, но и въ такихъ крупныхъ предпріятіяхъ, какъ многотысячные платежи по вновь придуманнымъ векселямъ. Отъ Макарья до Макарья, т. е. отъ времени закупки товаровъ на Нижегородской ярмаркѣ до спуска флаговъ на ней же въ слѣдующемъ году, или отъ Макарья до Ирбита,— для сибиряковъ, отъ Макарья до Коренной или иной срочной ярмарки устанавливаются денежные платежи по вѣковѣчному русскому обычному торговому праву. Отъ базара до торжка: отъ послѣдняго до ближайшей ярмарки, — это значитъ одно и то же, что отъ пятницы до пятницы, но такъ, чтобы каждая изъ нихъ не нарушала въ исполнительности обѣта дружбы и взаимнаго кредита,—было бы слово твердо — по старинѣ. Особенно это было важно въ тѣ далекія времена, когда не развито было бумажное производство съ вексельнымъ правомъ и работали на честное слово въ промыслахъ и торговлѣ.

Что пятница была праздникомъ (въ подтвержденіе указанію толковаго словаря Даля и въ опроверженіе предполагаемаго имъ объясненія) и что она, по этому самому случаю, издревле была на Руси

эбѣтнымъ срочнымъ днемъ для исполненія многоразличныхъ и неуловимыхъ обязательствъ, представляемъ вкратцѣ собраныя нами доказательства.

Девятая пятница, какъ девятый валъ въ разбушевавшемся морѣ, не чета другимъ днямъ въ году и, какъ исключительная, пользуется въ нашемъ народѣ и русскомъ быту особеннымъ почетомъ. Не обходятъ этого дня, считая его отъ дня св. Пасхи, ни Малая, ни Бѣлая, ни Великая Русь: вся святорусская земля съ до-историческихъ временъ помнитъ и до сего дня чтитъ эту почтенную «девятуху». Примѣтна и памятна эта пятница суевѣрнымъ и торговымъ людямъ.

Если изъѣздимъ всю сѣверную Россію вдоль и поперекъ, присмотрѣвшись къ тѣмъ днямъ, въ которые собирается народъ для вымѣна и покупки необходимыхъ товаровъ, то неизбѣжно убѣдимся въ томъ, что пятницамъ для маленькихъ торжковъ или базаровъ принадлежитъ самое видное мѣсто. Когда же товарный обмѣнъ производится въ обширныхъ размѣрахъ и вызываетъ людныя торговыя сходбища, удостоиваемыя названія ярмарокъ — девятой пятницѣ также отдается особенное передъ всѣми преимущество. Если сдѣлаемъ справку, даже самую легкую, напримѣръ по сподручнымъ справочнымъ книжкамъ, мы узнаемъ, что такъ называемымъ «девятымъ» отведено больше строкъ и мѣста, чѣмъ сосѣднимъ съ нею по времени вознесенскимъ, троицкимъ и ивановскимъ. Тѣмъ не менѣе говоримъ это про всю Великороссію, а, принимая въ соображеніе исключительно ея сѣверную лѣсную половину, увидимъ, что большая часть «девятыхъ» съ двумя-тремя днями подторжья и самыхъ ярмарокъ, приходится производить въ грязи по колесную ступицу и въ

слякоти по колѣна. Мы имѣемъ полное право удивляться такому неудобному выбору ярмарочныхъ сроковъ и, по усвоенной всѣми дурной привычкѣ, пуститься даже въ обличенія, насмѣшки и гражданскія сѣтованія, но на этотъ разъ удержимся. Примемъ въ соображеніе то, что девятыя ярмарки, не смотря на бездорожицу и распутицу, все-таки вездѣ бываютъ многолюдны. Всѣ эти торговые съѣзды превращаются въ ярмарки въ тѣхъ преимущественныхъ случаяхъ, когда входятъ въ сближеніе и вступаютъ въ дѣловыя торговыя сдѣлки разныя мѣстности, исключительно удаленныя другъ отъ друга и не похожія по роду занятій и промысловъ. На девятыхъ, какъ на международныхъ промышленныхъ выставкахъ, собирается самый разнообразный товаръ, именно такой, какого ни за какія деньги нельзя пріобрѣсти въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заусловлены одинъ разъ въ годъ на этотъ самый день эти самые большіе годовые съѣзды. Довольно указать на Коренную въ Курскѣ (убитую на нашей лишь памяти бойкою и ловко разсчитанною желѣзною дорогою), которая именно тѣмъ и была знаменита, что на девятую пятницу по Пасхѣ обѣ Россіи, сѣверная промышленная и южная земледѣльческая, здѣсь обмѣнивали взаимно свои издѣлія.

Умудрившіеся на тяжкихъ урокахъ въ борьбѣ съ суровой природой практическіе сѣверяне привычнымъ способомъ подвергаютъ себя неудобствамъ бездорожицы весенняго времени именно съ тѣмъ, чтобы воспользоваться удобствами самой весны. Къ концу ея въ нашихъ деревняхъ выдается время нѣкотораго досуга. Тогда обезпечиваются на предстоящее страдное время полевыхъ работъ необходимыми предметами и орудіями, да кстати и легкимъ

отдыхомъ съ пріятными развлеченіями на народѣ: либо въ большомъ селѣ, либо въ городѣ.

Какою бы раннею ни была Пасха, къ девятой недѣлѣ послѣ нея, ко второй по Пятидесятницѣ, посѣвы обыкновенно бываютъ окончены, а по положенію даже и всѣ поздніе. Тянется то самое скучное время, когда при дѣлѣ не у дѣлъ, въ ожиданіи чего-то важнаго и отвѣтственнаго, надо бы дѣло дѣлать, а взяться не за что. Между тѣмъ теперь рабочія руки всѣ на-лицо и дома. Всѣ собрались на полевую страду, какъ бы далеко, ради подспорья и денегъ, ни уходили они на отхожіе промыслы. Даже фабричные баловни вылѣзли изъ-за ткацкихъ станковъ и побросали челноки и шпульки, и всѣ ткацкія свѣтелки въ девяти среднихъ губерніяхъ заперты на замокъ до глубокой осени. Мужская сила явилась на выручку женской и теперь (обыкновенно съ послѣднихъ дней Великаго поста) всѣ крестьянскія земледѣльческія семьи домой принесли съ заработковъ деньги. Починныя весеннія работы задѣланы, но затѣмъ подъ руками не осталось ничего подходящаго и неотложнаго. Велятъ ждать. Желающіе могутъ приправляться и охорашиваться, но безпощадное и неустанное колесо еще не вертится, еще не захватываетъ всѣми петлями и спицами, еще не закручиваетъ до обморока и оцѣпенѣнія, и сорвавшійся съ одной петли еще не попадаетъ и не крутится въ другой. Девятая и десятая пятницы, съ задними и передними соименными сосѣдками, совпадаютъ именно съ этимъ временемъ гаданья и страховъ всего чаще за яровые всходы, которое называется въ деревняхъ «межипарьемъ». Эта пора отъ посѣвовъ до начала сѣнокоса, продолжающаяся иногда до четырехъ недѣль, показываетъ только на легкія

работы и обязываетъ лишь самыми грязными, на какія охотливѣе посылаются дѣвки да ребята. Въ самомъ затрапезномъ платьѣ, подоткнувши высоко подолы, возятъ онѣ въ одноколкахъ навозъ со дворовъ на поля подъ озимые хлѣба, сваливаютъ на полосахъ кучами и потомъ, не торопясь и полегоньку, разбрасываютъ и запахиваютъ. По этой-то причинѣ самая пора называется также «навозницей». Исконные и коренные пахари запасаются силой и предпочитаютъ, во всемъ лучшемъ и чистомъ нарядѣ, потолкаться и погалдѣть на томъ и на другомъ торжкѣ въ ближнемъ сосѣдствѣ. Девятая пятница здѣсь — указчица, вопреки извѣстной пословицѣ, и, кромѣ торгу подходящимъ товаромъ, бываетъ еще тѣмъ хороша, что, собирая народъ во многолюдствѣ, облегчаетъ достаточнымъ хозяевамъ наймы рабочихъ. Послѣ девятой и десятой, и безъ особаго напряженія слуха, достаточно ясной становится близость одной изъ тяжелыхъ крестьянскихъ работъ. Стукъ по дворамъ и избамъ даетъ себя знать и подсказываетъ, что отбиваютъ косы, купленныя на пятницкихъ торгахъ вмѣстѣ и кстати съ серпами и другимъ необходимымъ желѣзнымъ товаромъ. Косы острятъ теперь, оттягивая лѣзвіе молоткомъ, въ родѣ тупой кирки, на маленькой наковальнѣ и потомъ подтачиваютъ на брускѣ и правятъ деревянной лопаткой, усыпанной пескомъ по смолѣ. Послѣ Петрова-дня начинается законное и обязательное для всей сѣверной Руси время сѣнокоса (въ болѣе благодатныхъ странахъ по-западнѣе и по-южнѣе первый покосъ начинается раньше недѣлей и болѣе, чаще съ Иванова дня, т. е. — 24-го іюня).

Я, впрочемъ, далеко забѣжалъ впередъ: весеннія пятницы велятъ остановиться и задаютъ серьезный

вопросъ о себѣ самихъ, о девятой и десятой въ особенности. Въ самомъ дѣлѣ, подозрѣвается за ними что-то таинственное и символическое и при таковой исключительности ихъ, въ силу множества однородныхъ завѣдомыхъ народныхъ обычаевъ, предполагаются признаки языческихъ вѣрованій не совсѣмъ ясные, по сравненію, напримѣръ, съ семикомъ, колядой, купалой и т. п., а потому въ особенности любопытные.

За справками всего благонадежнѣе отправиться туда, гдѣ старинная народная жизнь сохранилась цѣльнѣе и языческія вѣрованія мало поколебались и отлично сбереглись, благодаря изумительному домосѣдству жителей и уединяющему географическому положенію. Около года мнѣ привелось тамъ производить наблюденія, видѣть эти самыя пятницы лично и слышать про нихъ довольно много, чтобы быть въ отвѣтѣ и разсказать объ одной пятницѣ, которая навязывается всякому, изучающему нравы бѣлоруссовъ.

Буквально, на первыхъ шагахъ, когда привелось удалиться отъ городовъ и отдаться наблюденіямъ въ бѣлорусскихъ деревняхъ, завѣтнымъ днемъ недѣли оказался не тяжелый день понедѣльникъ и даже не воскресенье, называемое здѣсь по-старинному и по-славянски «недзѣлей» (недѣля). Выдѣляется пятница или, по-тамошнему, «пяценка» и «петка», тѣмъ, что по всей этой лѣсистой, болотистой и исключительно земледѣльческой странѣ этотъ день полагается днемъ нерабочимъ: по крайней мѣрѣ еще до сихъ временъ нельзя шить, нельзя купать ребятъ, мыть и золить бѣлье. Начатую работу, обойдя запретный день, кончаютъ въ субботу и съ тѣмъ, чтобы тогда же непремѣнно начать новую,

предназначенную на слѣдующую недѣлю. До изумленія старательный, терпѣливый и трудолюбивый бѣлоруссъ семи русскихъ губерній въ этотъ день старается не работать на себя, не пашетъ полосъ пашни своимъ семействомъ. Онъ искушается на такой тяжкій грѣхъ лишь по найму, трудится въ людяхъ и на чужихъ съ глубокой вѣрой, что эти уже примутъ на свою душу грѣхъ и отвѣтятъ за него, кому слѣдуетъ и, между прочимъ, самой Пятницѣ. Когда въ Великороссіи остались въ народной памяти и въ чести только три пятницы (9, 10 и въ особенности Ильинская), въ Бѣлоруссіи, такимъ образомъ, опасны и страшны всѣ 52, и между ними требуютъ особеннаго себѣ почета и чествованія всѣ весеннія, до дѐсятухи (десятой). На нихъ выпали всѣ праздники и игрища съ дудой и пѣснями, такъ называемыя «весенины». Понятно, что, пользуясь такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ свободныхъ отъ работъ дней, на нихъ основались и тѣ сроки торжковъ, бѣлорусскихъ «кермашей» и «краснаго торга», которые особенно дороги и умѣютъ удачно подслужиться передъ страдою. Точно также всѣ работы въ большихъ хозяйствахъ, когда своими силами не управиться и надобится великорусская «помочь» или бѣлорусская «толокà» за приличное угощеніе, вездѣ, по всему русскому западу, производятся въ эти дни, какъ бы въ воскресные или праздничные. Принося хозяйству значительную помощь, пятницы, какъ и прочіе обѣтные дни (заказанные по случаю градобитій, сильныхъ наводненій и другихъ народныхъ бѣдствій),—являются однимъ изъ основныхъ краеугольныхъ камней и нынѣшнихъ хозяйствъ. Въ то же самое время для неимущей братіи эти дни—великое спасеніе и утѣшеніе,

и потому она здѣсь является на глазахъ у всѣхъ первою и послѣднею, выманиваетъ и благодаритъ, непрестанно распѣвая «за поящихъ, за кормящихъ, за весь міръ православный».

Въ Бѣлоруссіи вышло естественнымъ путемъ также и то, что торговые дни разбросаны по всѣмъ пятницамъ, а болѣе удачнымъ и счастливымъ мѣстечкамъ досталось на долю по нѣскольку таковыхъ разомъ. Такъ, въ Могилевской губерніи, близъ самаго губернскаго города, въ одномъ изъ самыхъ древнихъ мѣстечекъ, расположенномъ по подолу Днѣпра, въ Полыковичахъ (въ старину—Отмутъ) чествуются три пятницы: десятая, одиннадцатая и двѣнадцатая; въ гор. Быховѣ и мѣстечкѣ Кричевѣ — десятуха, въ мѣстечкахъ Шкловѣ и Журавичахъ — девятница, да еще, сверхъ того, сама по себѣ, осенью Параскевьевская передъ днемъ 14-го октября, когда празднуется память мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы, пострадавшей при Деоклитіанѣ въ Иконіи и, въ первыя времена христіанства на Руси, смѣнившей древнее божество кривичей. Уже потому оно было важно и почиталось сильнымъ, что потребовало такой замѣны, и боготвореніе его несомнѣнно было повсемѣстнымъ, такъ какъ понадобилось при этомъ религіозномъ переворотѣ изображеніе святой греческой не иначе, какъ въ видѣ изваяній изъ дерева.

Въ мѣстечкѣ Лукомлѣ (въ Сѣнненскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи) таковое изваяніе «Пятенки» собираетъ въ 11-ю пятницу послѣ Великодня (св. Пасхи), до трехъ тысячъ человѣкъ богомольцевъ изъ трехъ сосѣднихъ губерній (Могилевской, Витебской и Смоленской). При мѣстномъ храмѣ сохраняется камень, называемый «стопà», съ изображеніемъ креста

и славянской надписи, которую, по причинѣ давняго, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, усердія богомольцевъ, выражаемаго прикладываніемь губъ, въ настоящее время прочесть нѣтъ никакой возможности. Почитается камень, какъ святыня, но по какой причинѣ и съ какого повода, нельзя было дознаться о томъ даже изъ темныхъ преданій. Такую же чудотворную икону завѣдомо чтутъ еще въ мѣстечкѣ Дивинѣ (Гродненской губерніи) и въ послѣднее время еще съ усиленнымъ рвеніемъ съ той поры, когда, во время пожара, хотѣли ее вынести, но не могли сдвинуть съ мѣста). Вездѣ, конечно, пристраивается также шумный и живой торжокъ съ тою неизмѣнною особенностію его, что количествомъ народа онъ, во всякомъ случаѣ, уступаетъ осеннимъ пятницкимъ торгамъ, когда свободны всѣ руки и покойно сердце: полевыя работы всѣ кончены и начинается время отдыха; для всякихъ праздниковъ (если имѣется на что̀) — широкій досугъ. Тогда выбираются сроками для сходокъ послѣднія пятницы передъ колядами (Рождествомъ Христовымъ) и носятъ общее названіе «красныхъ торговъ». Впрочемъ, какъ бы ни путалась въ годовыхъ недѣляхъ удобная для торговъ обѣтная пора, она старательно выбираетъ преимущественно пятницы.

Всматриваясь въ списки ярмарочныхъ сроковъ, невольно убѣждаешься въ томъ, что если обойденъ гдѣ-нибудь занимающій насъ день, то навѣрное потому, что по сосѣдству въ другомъ ближнемъ мѣстѣ воздано ему обязательное вниманіе. Точно также кажется, что если весеннія и осеннія ярмарки пріурочены къ другимъ выдающимся праздникамъ, ежегодно смѣняющимъ дни, то устроилось это лишь

за недостаткомъ требуемаго числа пятницъ, т. е. спросъ совершенно превысилъ на этотъ разъ предложеніе. Изъ пятницкихъ торговъ въ этомъ древнѣйшемъ русскомъ краѣ составляется поразительно длинный списокъ: достаточно сказать, что на одну Могилевскую губернію приходится 17 пятницкихъ ярмарокъ и въ 14 городахъ и мѣстечкахъ происходятъ базары обязательно въ каждый пятый день христіанской недѣли, несомнѣнно бывшій главнымъ праздничнымъ и первымъ въ недѣлѣ у языческихъ кривичей. Соображаясь же съ тѣмъ обстоятельствомъ, что и у западныхъ славянъ (у сербовъ въ бадній день, у босняковъ, галичанъ и т. д.) почитается «святая Пятка» (и ее поминаютъ во всѣхъ молитвахъ по поводу хлѣбнаго урожая рядомъ съ Пресвятой Дѣвой)—въ Бѣлоруссіи пятницкіе торги, часовни на подолахъ рѣкъ и при нихъ игрища, церкви во имя св. Параскевы служатъ признаками и прямыми указаніями на древнѣйшія славянскія поселенія въ краѣ, совершившіяся во времена дохристіанскія.

Въ самомъ дѣлѣ, при учетѣ пятницкихъ храмовъ во всей обширной бѣлорусской странѣ сравнительно большое число ихъ рѣзко бросается въ глаза и притомъ часто сопровождается слѣдующими обстоятельствами. Первый христіанскій князь въ землѣ кривичей (Брячиславъ, а по другимъ Вячеславъ) строитъ въ стольномъ городѣ Полоцкѣ три храма: Софіи, Бориса и Пятницу въ 1203 году. Первая православная церковь въ Вильнѣ (и притомъ каменная и, конечно, весьма небольшая, недавно возобновленная)—пятницкая. Это та самая, въ которой Петръ Великій крестилъ предка нашего безсмертнаго поэта А. С. Пушкина—любимаго арапа Ибрагима (Ганнибала);

построена женой литовскаго князя Ольгерда, княжной витебской Маріей, на мѣстѣ языческаго капища около 1330 года[1]) (здѣсь она и погребена).

Изъ другихъ историческихъ памятниковъ выводится именно то прямое заключеніе, что славянская Пятница, какъ божество, была покровительницею усопшихъ душъ. Монастыри ея всѣ — кладбищенскіе или, какъ называли въ старину, «божедомки». Въ такомъ смыслѣ вѣрованіе это перешло и въ Великую Россію, на Востокъ и Сѣверъ. Здѣсь изваяніямъ Пятницъ принадлежитъ такое же исключительное право и почетное мѣсто, здѣсь пятницкія церкви богаты синодиками, такъ какъ богатые люди предпочитали творить молитвы за своихъ умершихъ именно тутъ. Поэтому Пятница явилась покровительницею убогихъ и нищихъ во всей древней Руси, и около этихъ церквей (обычно выстроенныхъ на подолѣ, у рѣкъ и самой воды),—во всѣхъ мѣстахъ селилась нищая братія своими хатами и логовищами[2]). Гдѣ не было воды, тамъ непремѣнно рыли колодцы и пруды. До сихъ поръ бѣлорусскія женщины не перестаютъ молиться святой Пятенкѣ о дождяхъ для урожаевъ, поступая при этомъ такъ:

---

[1]) Во всѣхъ завѣдомо древнѣйшихъ городахъ неизбѣжно являются пятницкія церкви, такъ что перечисленіе и указанія постройки въ первые годы христіанства на Руси становятся совершенно излишними. Припомнимъ лишь при этомъ, что имя Параскевы было любимымъ въ великокняжескихъ древнихъ родахъ, и дочь того же полоцкаго Брячислава, отданная замужъ за Александра Невскаго, носила это имя.

[2]) Такъ, между прочимъ, было и близъ Москвы, въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, гдѣ Дольный или Пятницкій монастырь (отъ котораго сохранилась теперь только кладбищенская церковь подъ лаврской горой, на Подолѣ) собралъ слободку изъ бѣдныхъ и потребовалъ отъ обители особаго пріюта для убогихъ и престарѣлыхъ, преимущественно женщинъ.

Когда наступаетъ время жатвы, одна изъ деревенскихъ старухъ, легкая на руку и этимъ достоинствомъ всѣмъ извѣстная, отправляется въ поле ночью и сжинаетъ первый снопъ. Связавъ его, ставитъ она на землю и три раза молится въ это время Прасковьѣ-Пятницѣ, чтобы помогла рабамъ Божіимъ (помянетъ всѣхъ женщинъ своей деревни, на которыхъ, по бѣлорусскому хозяйскому обычаю, лежитъ обязанность жнитва). Проситъ старуха объ окончаніи, безъ скорбей и болѣзней, тяжелой работы и быть заступницей отъ лихихъ людей, особенно тѣхъ, которые умѣютъ дѣлать «заломы». Затѣмъ беретъ она свой снопъ и, крадучись ото всѣхъ, несетъ его въ свою избу. Всякая встрѣча при этомъ—недобрый знакъ.

Для окончательнаго подкрѣпленія представленныхъ здѣсь наблюденій и убѣжденія въ древнѣйшемъ значеніи пятаго дня всѣхъ годичныхъ недѣль, въ той же Бѣлоруссіи поступаютъ такъ:

Осенью, въ урочный день поминокъ по родителямъ, въ такъ называемый праздникъ «дзядовъ» (дѣдовъ), непремѣнно вечеромъ, съ пятницы на субботу, каждый домъ для своего семейнаго покровителя — духа-дѣда—печетъ блины, рѣжетъ кабана (свинью), и варитъ борщи съ саломъ, которыхъ бываетъ четыре сорта. Всѣ эти кушанья въ горшкахъ и на латкахъ разставляются по лавкамъ. Выступаетъ живой дѣдъ, самый старшій старикъ, беретъ черепеньку съ угольями въ родѣ церковнаго кадила, кладетъ въ нее смолу и машетъ, чтобы охватило дымомъ кушанья. Сядетъ онъ потѣмъ за столъ, положитъ на него плеть и зачитаетъ самодѣльныя молитвы безъ склада и смысла,—и бѣда тому, кто осмѣлится усмѣхнуться: — подъ руками лежитъ и орудіе расправы.

А безсмысленныя и смѣшныя молитвы читаетъ старикъ передъ всякимъ блюдомъ, послѣ чего слѣдуетъ легкій загулъ. Меня увѣрялъ этотъ самый живой образъ и религіозное лицо кривскаго культа, старѣйшина Несторовой лѣтописи, заблудившійся въ бѣлорусскихъ пущахъ до нашихъ дней, что маленькая семья въ этотъ вечеръ выпиваетъ не меньше четверти водки.

Послѣ всего сказаннаго, намъ уже не зачѣмъ переходить въ Великоруссію, потому что если и попробуемъ поступить такъ, то неизбѣжно встрѣтимся съ тѣмъ же языческимъ обликомъ пятницы, нѣсколько потускнѣлымъ (сравнительно съ бѣлорусскимъ) и съ христіанскими образами Параскевы, совершенно потемнѣвшими отъ времени. Великоруссы на большую часть вовсе забыли въ чествуемыхъ пятницахъ соименное имъ женское божество. Но изваянія св. мученицы Параскевы въ очень многихъ мѣстахъ по сѣверной лѣсной Россіи (въ особенности по Олонецкой губерніи, вплоть до села Шуи, Аргангельской, лежащаго уже на берегу Бѣлаго моря) почитаются либо явленными, либо чудотворными. Они занимаютъ видныя мѣста (въ красивыхъ и богатыхъ кіотахъ), либо въ церквахъ, либо въ нарочно-сооруженныхъ часовняхъ, при обязательныхъ родникахъ и копаныхъ колодцахъ. Затѣмъ, кто же по всей Россіи не благоговѣетъ въ страхѣ передъ Ильинской пятницей?

ИЛЬИНСКАЯ ПЯТНИЦА.

Ильинская пятница—всѣмъ пятницамъ мать и на̀большая: всѣ пятницы въ году—тяжелые дни, но эта—опаснѣе всѣхъ прочихъ и считается таковою съ тѣхъ самыхъ темныхъ временъ, какъ зачались на землѣ русская жизнь и народная вѣра. Какъ ни напрягали свои усилія христіанскіе учители, чтобы ослабить это суевѣріе, всѣ попытки ихъ оказались втунѣ. Замѣняли они пятницу мученицей греческой церкви Параскевой,—народъ слилъ оба имени вмѣстѣ и счелъ за одно. Снисходя слабости душъ и сердецъ и уважая твердость убѣжденій и прочность вѣрованій, проповѣдники отдѣлили 12 особенныхъ, обязавши ихъ постомъ, но народъ отстоялъ всѣ 52, окружилъ каждую почтеніемъ и суевѣрными страхами и давалъ въ томъ даже формальныя записи. Извѣстна, между прочимъ, заповѣдная крестьянъ тавренской волости, писанная въ 1590 году: «а въ пятницу ни толчи, ни молотити, ни каменья не жечи, проводити съ чистотою и любовію» (см. «Крестьяне на Руси»—Бѣляева, стр. 70). Выкидывали пятницу изъ списка или «Сказанія, какимъ святымъ каковыя благодати отъ Бога даны и въ каковые дни имъ подобаетъ возносити молитвы», — народъ все-таки продолжалъ чтить въ ней богиню: «водяную и земляную матушку» и чествовалъ праздникомъ по сосѣдству и въ равенствѣ съ Ильей—бывшимъ Громовникомъ. Когда историческія судьбы назначили русскому народу новыя встрѣчи, пятница у мусульманскихъ народовъ оказалась еженедѣльнымъ праздничнымъ днемъ, а у самаго многочисленнаго и сильнаго изъ языческихъ инородческихъ племенъ

«мордвы» — такимъ же исключительнымъ и завѣтнымъ: вотъ, стало быть, и новые вѣскіе поводы укрѣпиться въ прадѣдовскомъ вѣрованіи. Въ молодой Россіи, гдѣ православіе сильно мутится новыми толками въ духѣ раціонализма или обезличивается равнодушіемъ къ дѣламъ и обрядамъ вѣры, языческая пятница все-таки не перестаетъ смущать. Въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, въ 1872 г. пронесся слухъ, что одинъ крестьянинъ встрѣтилъ Пятницу, за которою гнался черный чортъ — и теперь всѣ крестьяне празднуютъ этотъ день, какъ воскресенье (см. корреспонденція «Спб. Вѣдом.», 21-го іюля 1872 г., № 197). Пробовали въ апокрифическихъ писаніяхъ, въ спискахъ, распространенныхъ въ народѣ въ громадномъ количествѣ (разнообразныхъ и несходныхъ), умалить и самое значеніе поста въ Ильинскую пятницу; писали, что «тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ всего только отъ плача и рыданія [1]),— и этому не вняли вѣрующіе. До сихъ поръ въ этотъ заповѣдный день ни пашутъ, ни боронуютъ. Увѣряли, что въ награду за этотъ постъ поведутся въ благочестивомъ хозяйствѣ хорошія, крѣпкія лошади, а у матерей семействъ будутъ легкіе роды [2]). Народъ твердитъ свое: «если зародится въ тотъ день чадо, то оно будетъ либо глу-

[1]) По моему списку, пріобрѣтенному на Печорѣ въ 1857 г.

[2]) По списку протоіерея Малова, помѣщенному въ его «Письмахъ къ воинамъ» (Спб. 1831 г.). Во многихъ, впрочемъ, спискахъ Ильинская даже не упоминается вовсе: такъ, во всѣхъ распространенныхъ по Малороссіи и Бѣлоруссіи, и тоже между собою не схожихъ, ее замѣняетъ либо та, которая предшествуетъ второй Пречистой (Рождеству Богородицы), либо зеленымъ святкамъ (Троицѣ), либо, наконецъ, той, которая бываетъ передъ «Ушесцьемъ» (т. е. Ушествіемъ или Вознесеньемъ) Разное распредѣленіе,—разное и значеніе у каждой пятницы.

хое, либо нѣмое, либо выродится изъ него воръ, разбойникъ, пьяница, чародѣй или вообще всѣмъ злымъ дѣламъ начальникъ». Дѣвицы-невѣсты молятся 28-го октября, въ день св. мученицы Парасковы, нареченныя Пятницы, такъ: матушка-Прасковея, пошли женишка поскорѣе!», но на Ильинскую пятницу о таковомъ желаніи своемъ помалчиваютъ. Въ Бѣлоруссіи онѣ даже въ открытую распѣваютъ: «Породзила меня матушка у несчастный день у пятницу, не велѣла мнѣ матушка бѣлиться и румяниться».

А гдѣ такимъ образомъ поютъ и молятся, тамъ, когда сладится свадьба, перины и все невѣстино имущество отпускаютъ въ домъ жениха не иначе, какъ въ пятницу вечеромъ. Въ Малороссіи обрядовый свадебный хлѣбецъ «лежень» кладется на столъ невѣсты въ пятницу же и лежитъ до вѣнца подъ двумя ложечками, связанными красной ленточкой, и т. д.

Въ столицѣ Бѣлоруссіи, въ Смоленскѣ, духовенство достигло, однако, того, что отбило пятницы первыхъ четырехъ недѣль св. четыредесятицы. Тамъ пріучили народъ (однако, лишь только съ половины прошлаго вѣка) ходить въ Авраамієвъ-Спасскій монастырь (одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи, какъ основанный еще въ XII вѣкѣ) и выстаивать особыя службы въ воспоминаніе Страстей Господнихъ, извѣстныя въ Смоленскѣ подъ католическимъ именемъ «Пассій». На повечеряхъ читались, среди церкви, евангелія Страстей, пѣлись двѣ пѣсни: «Тебѣ, одѣющагося свѣтомъ яко ризою» и «Пріидите ублажимъ Іосифа приснопамятнаго» и читалось поученіе съ очевиднымъ намѣреніемъ службою величайшей въ христіанствѣ пятницы Страстной недѣли

сокрушить неодолимую мощь и силу языческихъ пятницъ.

Въ свою очередь въ разныхъ мѣстахъ Великороссіи слышится одна и та же легенда о дѣвушкѣ, которой госпожа приказала въ этотъ день работать. Она, конечно, послушалась. Пришла къ ней Пятница и въ наказаніе велѣла, подъ страхомъ смерти (и смерть стояла при ней вживѣ), спрясть сорокъ мычекъ и занять ими сорокъ веретенъ. Испуганная до лихорадки дѣвушка, не зная, что думать и дѣлать, пошла посовѣтоваться съ опытной и умной старухой. Эта велѣла напрясть ей на каждое веретено по одной лишь ниткѣ. Когда Пятница пришла за работой, то сказала дѣвушкѣ: «догадалась!» — и сама скрылась, и сошла бѣда на этотъ разъ съ рукъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ бываетъ хуже именно потому, что Пятница, ходя по землѣ, сама за всѣми наблюдаетъ (а хожденіе Пятницы — повсемѣстно распространенное вѣрованіе). Ходитъ она всюду вмѣстѣ со смертью, а потому немедля и наказуетъ ею: обычно дѣлаетъ такъ, что скрючитъ на рукахъ пальцы, а мужчинамъ вложитъ въ спину стрѣлье и ломоту. Пятницу всѣ могутъ видѣть, и кто видѣлъ—тотъ хорошо распозналъ, что это еще молодая женщина. Иногда она очень милуетъ и награждаетъ, а въ иную пору жестоко наказываетъ. У одной женщины, не почтившей ее и работавшей, она просто-на-просто содрала съ тѣла кожу и повѣсила на томъ же стану, на которомъ та ткала холстъ. Попался ей разъ навстрѣчу по дорогѣ работникъ, который отошелъ отъ хозяина. Сѣлъ этотъ прохожій закусить, а къ нему и напрашивается невѣдомая красавица, чтобы раздѣлилъ съ нею хлѣбъ-соль. Поѣли они: «Вотъ тебѣ за то награда: иди въ это

село, найди тамъ богатую дѣвушку-сиротку, бери ее за себя замужъ. А я даю тебѣ сто лѣтъ вѣку». Онъ такъ и сдѣлалъ. Жилъ онъ ровно сто лѣтъ, и пришла къ нему Пятница съ тѣмъ сказомъ, что пора-де, умирать. Умирать не хочется: — «Прибавь еще одну сотню!» Прибавила. Когда исполнился послѣдній день этой второй сотни лѣтъ, она опять пришла. — «Еще прибавь сотню!» — Прибавила. Жилъ-жилъ человѣкъ и самому даже надоѣло, и такой онъ сталъ старый, что по всѣму тѣлу мохъ выросъ. Приходитъ святая Пятница и смерть съ собой привела: «Ну, теперь пойдемъ: и вотъ тебѣ хорошое мѣстечко здѣсь остаться». Мѣсто очень понравилось, но она повела на другое, которое ветхому старику еще больше полюбилось. Когда привела его на третье, то отворила дверь и пихнула его прямо въ адъ и промолвила: «Когда бы ты померъ на первой сотнѣ своихъ лѣтъ, то жилъ бы въ первомъ мѣстѣ, на второй — на другомъ мѣстѣ, а то въ триста-то лѣтъ ты столько нагрѣшилъ, что гдѣ же тебѣ и жить, какъ не у чертей въ когтяхъ?»

Этою легендою дается, между прочимъ, объясненіе тому повсюдному на Руси обстоятельству, что пятницкимъ церквамъ отводятся мѣста на кладбищахъ (какъ св. Власію на выгонахъ) и «девятничаютъ и пятничаютъ», т. е. по старинному старухи весь день проводятъ въ строгомъ постѣ, воздерживаясь даже отъ рыбы, и по нынѣшнимъ обычаямъ — пьянствуютъ въ память умершихъ родителей именно въ Ильинскую пятницу особо и сверхъ прочихъ поминальныхъ и панихидныхъ дней. Понятнымъ дѣлается и названіе въ древнѣйшихъ городахъ пятницкихъ концовъ, приходившихся за окрайнами города, какъ было то, напримѣръ, въ древнемъ

Торжкѣ и въ самомъ древнемъ Новгородѣ, а равно и учрежденіе на «божедомкахъ» скудельницъ. Сюда въ старину свозились и сваливались въ кучу умершіе насильственною или неестественною смертію, погибшіе на поединкахъ и самоубійцы. Ихъ тѣла, безъ отпѣванія, оставлялись непреданными землѣ до Ильинской пятницы (въ иныхъ мѣстахъ до Семика), когда благочестивые люди обыкновенно рыли для несчастныхъ могилы, погребали ихъ и, за свой страхъ, пѣли по нимъ панихиды.

Въ Ильинскую пятницу изстари, какъ и во всѣ прочія годовыя, по селамъ и городамъ собирались земледѣльцы и купцы для торгу, но Ильинская отличалась отъ прочихъ тѣмъ, что тогда производился судъ, расправа и казни, конечно, наводившія еще больщій страхъ и запечатлѣвшіяся въ народной памяти. Съ преклоненной головой, съ согнутой въ кольцо спиной, ползаетъ подъ образами мученицы Параскевы вся женская деревенская Русь. На колѣнкахъ до жгучей боли и до крови оползаютъ онѣ безчисленныя часовни при родникахъ, посвященныхъ ея же имени. Любознательные, не утруждая себя слишкомъ и не ходя далеко, могутъ отчасти видѣть это всего лишь за Охтами, на казенныхъ пороховыхъ заводахъ,—и въ поразительныхъ размѣрахъ, и съ изумительными подробностями, съ небольшимъ въ 100 верстахъ отсюда, въ селеніи Ильешахъ, Ямбургскаго уѣзда. Сюда, въ теченіе многихъ недѣль, общество балтійской желѣзной дороги зазываетъ богомольцевъ объявленіями объ экстренныхъ поѣздахъ по три раза въ день, сверхъ трехъ обычныхъ. Поѣзда довозятъ до станціи Молосковицы, отъ которой до завѣтнаго мѣста всего 14 верстъ.

Народное религіозное усердіе къ ильешевской церкви оправдывается еще тѣмъ усугубляющимъ обстоятельствомъ, что при двухъ предѣльныхъ алтаряхъ—пророка Иліи и великомученицы Пятницы[1])— главный посвященъ Николѣ, издревле завѣтному для русскаго народа въ такой степени, что всѣ разноплеменные инородцы считаютъ мирликійскаго святителя русскимъ богомъ и уже давно чтутъ его, въ свою очередь, наравнѣ со своими богами. Ильешевская же Пятница для поклоненія своего указала богомольцамъ два мѣста: «явленія» въ неизвѣстныя отдаленныя времена, въ полутора верстахъ отъ церкви, въ полѣ (гдѣ теперь часовня) и «поставленія», т. е. самую икону въ храмѣ погоста. Погостъ этотъ въ XVI вѣкѣ носилъ названіе Григоровскаго Лѣшаго (т. е. лѣсного), не смотря на то, что церковь звалась «Великій Никола». Старый погостъ успѣлъ слиться съ позднѣйшею деревнею въ нынѣшнее село.

Образъ изваянъ изъ дерева и, какъ всѣ такого рода иконы, наглядно свидѣтельствуетъ о древнѣйшемъ своемъ происхожденіи и чрезвычайномъ народномъ почитаніи. Послѣднее обстоятельство подтверждается именно тѣмъ, что образъ устоялъ на мѣстѣ въ числѣ немногихъ въ Россіи даже въ тѣ строгія времена, когда энергически и рѣшительно изгонялись изъ русскихъ храмовъ этого вида и характера иконы. Значительное число ихъ было све-

[1]) Въ предупрежденіе читателей, могущихъ принять имя Параскевы за переводное (съ греч. яз. на славянскую «пятницу»), какъ это въ самомъ дѣлѣ на Руси сдѣлано, напримѣръ, съ именемъ Ѳеодота въ Богдана, Милія въ Воина, Синетоса въ Разумника и т. д., сообщаемъ справку о томъ, что Параскева въ переводѣ съ греч. на русскій языкъ значитъ «уготованная».

зено въ Новгородъ и свалено подъ софійскою звонницею. Какая судьба постигла ихъ впослѣдствіи — неизвѣстно. Значительную часть, конечно, сожгли.

Передъ столь же древнимъ и замѣчательнымъ изваяніемъ въ Ильешахъ шумно и открыто проявляются, въ согласномъ и дружномъ сочетаніи, силы двоевѣрія, несомнѣнныя также и по историческому и этнографическому значенію самой мѣстности. Напомню еще разъ, что здѣсь, на этомъ самомъ пунктѣ, кончилась свободная, необузданная въ стремленіяхъ новгородская колонизація, не знавшая предѣловъ и отдыха отсюда вплоть до Камчатки и американскаго берега. Здѣсь же ладно поселилась и мирно ужилась новгородская вѣра и народность при взаимныхъ одолженіяхъ и обязательномъ обмѣнѣ всѣмъ съ тою инородческою, которая въ лѣтописяхъ путалась подъ названіями Ижоры и Веси. Когда освящали въ недавнее время въ Ильешахъ новую каменную церковь, собравшійся народъ проявилъ такой религіозный экстазъ и обставилъ его такими необычными видами, что удивлялись даже приглядѣвшіеся къ диковинкамъ. Не отказывается толпа пооткровенничать здѣсь запоздалыми выходками темнаго суевѣрія и теперь, въ болѣе спокойное время, не вдохновляющее какою либо чрезвычайностью событія, хотя бы въ родѣ освященія новаго храма. Благоговѣйно припадаютъ эти толпы народа подъ образъ, высоко поднимаемый надъ головами преклоненныхъ богомольцевъ и несомый на особыхъ носилкахъ въ кіотѣ во время крестныхъ ходовъ съ мѣста поставленія на мѣсто явленія и обратно. Затѣмъ, по обычаю всѣхъ подобныхъ сборищъ, послѣ церковныхъ утреннихъ торжествъ, съ полудня начинается ярмарка съ шумомъ и гамомъ не одной тысячи празд-

нично настроеннаго люда. Часовенное мѣсто въ Ильешахъ въ особенности знаменательно: въ то время, когда около иконы сосредоточиваются обряды христіанскаго характера, на мѣстѣ явленія ея обнаруживаются другого рода картины.

Подлѣ самой часовни растетъ развилистая береза, почитаемая священною за то, что на ней спаслась Пятница отъ преслѣдованія соблазнителя въ видѣ чорта. Онъ съ досады началъ бросаться въ убѣгающую камнями и завалилъ ими всю окрестность. Одинъ булыжникъ попалъ на березу и тамъ вросъ въ кору такъ, что теперь его едва видно. И дерево это, и камень на немъ удостаиваются особаго народнаго благоговѣнія, но главнымъ образомъ почитается другой камень, который лежитъ близъ корня. По одной изъ множества легендъ, существующихъ въ народѣ объ этой мѣстности, на этотъ камень ступила преслѣдуемая злымъ духомъ Пятница и съ него прыгнула на березу, оставивъ слѣдъ ступени. Послѣдняя ясно обозначается большимъ углубленіемъ, достаточно глубокимъ для того, чтобы просунуть туда руку. Въ немъ скопляется и тщательно сберегается дождевая вода, конечно, грязноватая и сорная. Вода эта цѣлебная: это — слезы праведницы, плакавшей о людскихъ прегрѣшеніяхъ. Вода врачуетъ отъ всякихъ болѣзней и преимущественно отъ глазныхъ. Впрочемъ, исцѣляетъ здѣсь и сельскій колоколъ, подъ который во время благовѣста и звона становятся всѣ глухіе. Врачуетъ и песокъ, и все прочее на этомъ святомъ мѣстѣ, которое привлекаетъ всѣхъ болящихъ. Характеръ послѣднихъ въ особенности разновиденъ: это не только окрестные простолюдины, но и та столичная интеллигенція, на которую разсчитываетъ Балтійская желѣзная до-

рога, настойчиво напоминая о близости Ильинской Пятницы. Для наблюдателя на мѣстѣ въ особенности можетъ быть интересна именно эта категорія наѣзжихъ и ихъ классификація. Здѣсь всѣ дѣйствуютъ въ открытую, не стѣсняясь. То, что подъ извѣстнымъ давленіемъ въ столицѣ таится или скрывается, тò въ Ильешахъ, какъ у себя дома — какъ бы въ какомъ нибудь мертвомъ и глухомъ захолустьѣ — откровенно высказывается въ самыхъ разнообразныхъ съ трудомъ услѣдимыхъ картинахъ. Онѣ часто обставляются крайними выходками несдержаннаго фанатизма и, между прочимъ, обязательно требуютъ раздирающихъ душу воплей кликушъ.

Главный интересъ для наблюдателя, конечно, представляютъ во всякомъ случаѣ эти слѣды древняго почитанія дерева и камня, стариннаго по существу и облеченнаго лишь въ новую форму. Въ газетныхъ корреспонденціяхъ нерѣдко наталкиваешься на подобныя указанія, и въ особенности на эти слѣды человѣческихъ ногъ на каменьяхъ. Такъ, напримѣръ кромѣ знаменитой стопы, показываемой въ Почаевской лаврѣ, имѣется указаніе на мѣстечко Лукомль (Могилевской губ., Сѣнненскаго уѣзда), гдѣ въ мѣстной церкви хранится такой же камень со стопой, какъ уже сказано нами.

Указаніемъ на эти живыя урочища и вещественные слѣды древняго языческаго культа мы желаемъ обратить вниманіе изслѣдователей и на покинутыхъ славянскихъ боговъ, и на мѣста ихъ почитанія. Сколько извѣстно, изученія въ этомъ направленіи не производились до сихъ поръ. Не нашлось до сихъ поръ ни одного досужаго человѣка, который составилъ бы, по готовымъ матеріаламъ, хотя бы

краткій перечень сохраняемыхъ, какъ завѣтныя, деревьевъ и почитаемыхъ за святыню каменьевъ. Тѣ и другіе въ изумительномъ множествѣ разсажены и разсыпаны по лицу земли Русской, оживленные различными интересными легендами, съ достаточною ясностью свидѣтельствующими о живучести старой народной вѣры. Вотъ она въявѣ съ мельчайшими подробностями всего во ста верстахъ отъ цивилизующаго города и въ 14-ти отъ той самой дороги, которая имѣетъ претензію возить прямо на европейскій Западъ. Мало того: эти доисторическіе обычаи и вѣрованія имѣли твердость уберечься въ такомъ пунктѣ, гдѣ кончаются крайнія русскія поселенія, гдѣ предполагаются по этому случаю три соединенныя усилія: католическаго ксендза, протестантскаго пастора и православнаго священника. Наконецъ, эта мѣстность—вовсе не трущобное захолустье, а весьма извѣстная всей гвардіи, какъ посѣщаемая ею въ послѣдніе дни маневровъ; издавна пролегало здѣсь Нарвское шоссе и примыкалъ одинъ изъ косяковъ того окна, которое прорубалъ Петръ Великій.

СЕМИПУДОВЫЙ ПШИКЪ.

Какъ у портного на ножницахъ,—у нѣкотораго кузнеца осталось «на клещахъ» семь пудовъ желѣза. Куда съ нимъ дѣться и на что употребить? Мѣсто глухое и бѣдное, заказовъ никакихъ нѣтъ. Ѣздятъ всѣ на одноколкахъ и не только не обиваютъ шинами колесъ, но и въ самой телѣгѣ не найдешь ни одного желѣзнаго гвоздя. Такихъ мѣстностей на Руси еще очень много, и для примѣра можно взять даже

цѣлую страну, Бѣлоруссію, которая захватила собою шесть русскихъ губерній. Кто купитъ топоръ или обзаведется сошникомъ или запасется заступомъ, тотъ уже показываетъ ихъ всѣмъ и хвастается. Кто это видитъ, тотъ завидуетъ. Ждетъ кузнецъ, пока у какого проѣзжаго лопнетъ шина или потеряется подкова, а скопленное желѣзо тѣмъ временемъ лежитъ пò-пусту и ѣстъ его ржавчина. Надо же его, наконецъ, къ чему нибудь приспособить.

Выдумалъ кузнецъ выковать изъ него крестъ.

— Свезу на базаръ: приглянется какому купцу, захочетъ порадѣть на матушку-церкву,—купитъ.

Вскорѣ въ ближнемъ селѣ, подлѣ церковной ограды, на свѣжемъ навозѣ и по колѣна въ грязи загалдѣлъ базаръ на сотни крикливыхъ голосовъ. Громко, во все горло, заговорила деревенская нужда, не стѣсняясь и не оглядываясь. Шатаются между возами мужики и бабы: смотрятъ товары и ощупываютъ, хлопаютъ по рукамъ и торгуются, божатся и ругаются, увидятъ крестъ—дивуются:

— Какой ты большой крестъ выковалъ!

— Одной рукой не поднимешь!

— Кабы поменьше выковалъ — на нашу бы колокольню годился.

— Наша не выдержитъ;—разсыплется.

— Ты бы свезъ его въ городъ: тамъ купятъ.

— Словно бы онъ топоромъ его тесалъ, а рубанкомъ-то и не прошелся: въ городѣ не понравится.

Подходили къ кресту и зубоскалили; поднимали за одинъ край—крякали и отходили прочь.

Базаръ тѣмъ временемъ сталъ замирать, и наконецъ, разъѣхался. Повезъ кузнецъ свое издѣлье опять домой непроданнымъ.

— Надо крестъ поменьше сдѣлать: этакой ско-

рѣй подойдетъ, и купятъ — подумалъ кузнецъ про себя и началъ перековывать.

Выковался крестъ въ пять пудовъ; опять лежитъ на возу на базарѣ и опять ждетъ охотника.

— Великонекъ, другъ, великонекъ: давно присматриваюсь, купилъ бы да не подходитъ.

Сдѣлалъ кузнецъ поменьше: вѣсилъ крестъ три пуда. Кто подговаривался на прошломъ базарѣ, теперь не пришелъ. Изъ новыхъ никто не присматривается: всѣ проходятъ мимо. Одинъ фабричный привязался, захотѣлъ пожалѣть, а самъ насмѣялся:

— Ты бы его надѣлъ на себя, да и прошелся бы по базару-то; базаръ на всякое диво охотливъ; можетъ, кто бы еще и подалъ на бѣдность.

Кузнецъ былъ упрямъ, какъ быкъ. Онъ сказалъ себѣ: хоть надорвусь да упрусь, а потому базарной мірской науки не послушался.

Опять и на этомъ базарѣ остался товаръ на рукахъ. А такъ какъ у кузнеца рука легка, а шея крѣпка, то и на этотъ разъ принялся онъ за ту же работу, и новый крестъ сдѣлалъ въ пудъ. Съ нимъ снова набивается. Подошелъ къ базарному товару попъ, постукалъ по немъ пальцами, перевертывалъ. На низу посмотрѣлъ, чего не написано ли, — сказывалъ:

— Поставить на церковь—малъ; къ осѣненію— не годится; для напрестольнаго — грубъ, въ воздвизальныхъ — какъ его такимъ-то народу покажешь? А хорошъ: нескоро изотрется. Ты-бы, сынъ мой, походилъ по монастырямъ: не отыщется ли гдѣ отшельникъ. Къ веригамъ твой крестъ ладно приложенъ: и неуклюжъ, и тяжелъ.

Въ монастыряхъ кузнецу вездѣ одно толковали:

— Не тѣ времена. Къ намъ ты припоздалъ: былъ

одинъ такой, что все уходилъ въ лѣсъ спасаться, а наконецъ и совсѣмъ сокрылся.

— У насъ есть спасенники: по кабакамъ валяются,—юродствуютъ. Сходи къ которому—примѣряй!

Въ кабакахъ кузнеца утѣшали:

— Хорошъ былъ бы твой крестъ, когда бы его на шею нашего міроѣда надѣть разрѣшили тебѣ, а ему бы приказано было тотъ крестъ носить, не снимаючи во всю жизнь до гроба.

— Большіе бы заказы мужикъ доспѣлъ, кабы этакъ-то!..

— А бывало такое дѣло: одному такому-то гдѣ-то изъ самаго Питера дослали, слышь, не то желѣзную медаль, не то крестъ, тоже вотъ въ пудъ вѣсомъ: носи на здоровье! Какъ въ люди идти, такъ и надѣваетъ. Дома, если спать ложится, разрѣшали снимать.

Все-таки надо было крестъ передѣлывать, а въ фунтовыхъ крестахъ кузнеца еще больше стали путать. Никому онъ не угодилъ, да и ставилъ товаръ въ большую цѣну; довелось просить и за маленькій ту же плату, во что обошлись и большіе; ставилъ въ счетъ всѣ семь пудовъ стараго желѣзнаго лома. Не клалъ и не считалъ только то, что уходило на угаръ да на обрѣзки: все, что, по обычаю, кузнецу на клещи полагается.

Наконецъ, порѣшилъ онъ такъ, что быть кресту тѣльникомъ: станетъ его носить самъ на груди подъ рубахой, на доброе здоровье и на спасенье. Незачѣмъ въ люди ходить срамиться.

Сталъ онъ его накаливать да поколачивать. Разстукаетъ въ плиточку,—обрѣжетъ. Раздуетъ мѣхами уголья,—опять крестъ всунетъ и накалитъ и опять расколачиваетъ: все ему великимъ кажется.

Началъ калить такой уже крестикъ, что едва клещами защемливаетъ, чуть онъ въ нихъ держится.

На бѣду пришла босомыга-дѣвчонка отъ матери угольковъ попросить. И нашла, дура, мѣсто: просить углей у кузнеца, что у калашника тѣста, когда ихъ либо у самого нѣтъ, либо самому нужны. И сказала ту просьбу подъ руку, когда переносилъ кузнецъ крестикъ изъ горна на наковальню. Сорвался онъ съ клещей да прямо въ ведро съ водой, о которое кузнецъ еще на пущую бѣду спотыкнулся. «Пшикъ» — зашипѣло въ ведрѣ и клубочекъ бѣлаго пара взыгралъ и обозначился. Пришлось кузнецу хлопнуть по бедрамъ, разставить ноги, вскинуть руками и вымолвить такія слова, что на всю Русь и теперь еще все отдаются эхомъ:

— Вотъ-тѣ и семипудовый пшикъ!

Впрочемъ, толкуютъ про иного кузнеца и по другому. Этотъ былъ несчастливѣе: къ нему на домъ или прямо въ кузню принесли работу. Понадобилось мужику наварить лемехъ для сохи.

— Надо бы, вотъ, другъ, поточить: спусти малость!

Пришла, наконецъ, мужику пора установлять эту соху,—пришелъ онъ къ кузнецу справиться: не готово ли?

— Прости, другъ, ради Бога! маленько перекалилъ я твое желѣзо: лемеша у меня теперь не выйдетъ, а выйдетъ развѣ сошникъ.

— Навари сошникъ, что дѣлать!

Сталъ кузнецъ сошникъ ладить — не выходитъ.

— Что же выйдетъ?

— Топоръ я тебѣ выкую, такой топоръ, что съ нимъ весь свѣтъ пройдешь и мнѣ спасибо назадъ принесешь.

Похвасталъ мастеръ—не травы покосилъ: спина не заболѣла, а топора не выковалось. Посулилъ сдѣлать косарь,—и на немъ пережегъ желѣзо. Выхвастался потомъ на ножъ, — и на томъ погорѣло желѣза столько, что обушекъ вышелъ такимъ же острымъ и тоненькимъ, какъ самое лёзо.

— Что теперь станешь дѣлать?

— Да гвоздь можно выковать, какой хочешь: хоть двоетесъ, чтобы стѣна затрещала.

Визжалъ подъ молотомъ и ножикъ, а гвоздь изъ него вышелъ такой маленькій, что въ сапогъ вбивать его не стоитъ, и даже въ рукахъ держать стыдно.

— Сдѣлай что нибудь поладнѣе: что сможешь?

— Можно теперь сдѣлать одинъ только пшикъ.

— Дѣлай пшикъ, сдѣлай милость! Хоть чѣмъ нибудь на счастье съ тобой поквитаться!

СЪ КОЛОМЕНСКУЮ ВЕРСТУ.

Въ такомъ нелестномъ подобіи является въ представленіи московскихъ людей высокій человѣкъ, превосходящій на цѣлую голову прочихъ и, стоя, напримѣръ, въ толпѣ, мѣшающій заднимъ видѣть впереди себя. По большей части такой человѣкъ неуклюжъ, неловокъ, неповоротливъ, что называется на сѣверѣ «жердяемъ», и «долгаемъ», а повсемѣстно «верзилой» и «долговязымъ». Для московскихъ жителей такіе большерослые люди представляли подобіе тѣхъ столбовъ, которые царь Алексѣй Михайловичъ разставилъ отъ отъ Москвы до своей любимой загородной лѣтней резиденціи — села Коломенскаго. Это былъ первый опытъ обозначенія

видными знаками верстовыхъ измѣреній, существовавшихъ издавна въ одномъ лишь призрачномъ представленіи съ обязательною неточностію самой мѣры. Неточность зависѣла столько же отъ сметки разстояній на глазомѣръ, сколько и отъ условной подвижности или измѣняемости самой мѣры, и при этомъ не однихъ только верстъ, но и саженей. Древнѣйшая сажень была короче нынѣшней и такихъ требовалось въ версту цѣлая тысяча. Впослѣдствіи верста стала составляться изъ семисотъ саженъ, и такое-то количество ихъ и велѣлъ уложить царь Алексѣй въ ту видимую версту, которая ушла въ поговорку. Царь Петръ I повелѣлъ считать въ верстѣ пятьсотъ саженъ, что и намѣчали впослѣдствіи по всѣмъ казеннымъ почтовымъ дорогамъ пестрыми верстовыми столбами, покрашенными въ три національные цвѣта. За такой-то столбъ задѣлъ въ степи хохолъ, изумленный невиданною диковинкою—и остался недоволенъ.

— Ажно проѣхать стало неможно: проклятые москали верстовъ по дорогѣ понаставили!

На самомъ дѣлѣ консервативное начало высказалось и въ этомъ нововведеніи: еще на нашей памяти въ захолустныхъ мѣстахъ семисотныя версты предпочитались пятисотнымъ, взаимно соперничая. Требовался переспросъ: по какому счету принято на поселкахъ, гдѣ не поставлено столбовъ, разумѣть дорожную версту. Конечно, всего чаще случалось получать въ отвѣтъ всѣмъ извѣстное объясненіе разстояній въ нашей пространной и неоглядной Руси: «мѣряла баба клюкой, да и махнула рукой,—быть-де такъ!»

КОРЕЛЬСКІЙ ВЕРСТЕНЬ.

Кромѣ коломенской версты на св. Руси доводится набѣгать еще на «корельскій верстень». Такъ произносятъ слово верста сѣверные инородцы, да и въ самомъ дѣлѣ, «верстень» представляетъ собою весьма характерную особенность и своеобразную единицу мѣры въ тѣхъ непроходимыхъ лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ. Не спуста у архангельскихъ поморовъ сохранилась поговорка: «корельскій верстень, — поѣзжай цѣлый день». «Баба мѣряла, да оборвала веревку». Такія версты и называются «корельскими»: тонки да долги. Прямо смотрѣть, рукой подать, да надо тянуться черезъ такіе зыбуны, гдѣ и легкая лисичья нога не удержится. Объѣзды десятками верстъ оставляютъ такое мучительное впечатлѣніе, что̀ не забывается десятками лѣтъ, и при воспоминаніи о корельскомъ верстенѣ у испытавшаго такое горе пробѣгаетъ морозъ по кожѣ. Переѣзжаетъ лѣсничій съ кореломъ на дырявой лодкѣ черезъ широчайшее Топозеро, чтобы попасть на интересный островъ съ остатками знаменитаго раскольничьяго скита Федосѣевскаго толка, — и мучается ожиданіемъ половины пути. Отъ берега до берега насулили 12 верстъ, — истратили пять часовъ, а все еще далеко до мѣста. По пути оказался маленькій болотистый, топкій островокъ:

— Вотъ теперь половина будетъ,—подсказываетъ корелъ.

— Вотъ тутъ-то, должно быть, и оборвалась у вашей бабы веревка.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе слѣдуетъ точное и

откровенное объясненіе въ утѣшеніе измученнаго проѣзжаго человѣка:

— Задняя половина больше, — передняя половина «гораздъ — поменьше».

ДВА ДЕВЯНОСТА.

Одно девяносто потребовало филологическихъ изслѣдованій, два девяноста имѣютъ уже историко-географическое значеніе. Въ запискахъ Академіи Наукъ 1878 года, томъ 31-й, напечатана статья Прусика, директора гимназій въ Рудницѣ, въ Богеміи, въ которой доказывается, что это слово неправильно пишется девяносто, и на основаніи сличеній съ греческимъ и латинскимъ названіемъ этой цифры, необходимо писать девеносто. По слѣду этой записки въ «Филологическихъ Запискахъ» 1879 г., выпускъ I, другой изслѣдователь, Ф. Ржига, на основаніи законовъ русскаго языка, настойчиво и доказательно опровергаетъ мнѣніе чеха и совѣтуетъ писать девяносто, какъ принято. Онъ производитъ это слово отъ девять до ста, что подтверждается и въ звуковомъ отношеніи въ области славянской рѣчи. «Непосредственный или послѣдній десятокъ ко сту, до ста будетъ = 90. Итакъ спросимъ еще: что значитъ «девять дȯ ста? или къ какому числу можно добавить до ста?

$$x + 9 - (100 - 1)$$
$$x + 9 - 99$$
$$x = 90.$$

Отвѣтъ заключается въ самомъ вопросѣ, — это значитъ, что число 90 достаточно обозначено славянами: девять дȯ ста = (девяноста) = девяносто».

Вполнѣ подчиняемся этому рѣшенію и будемъ впередъ слѣдовать этому указанію, какъ поступили уже въ самомъ заголовкѣ предлагаемой статьи. Для насъ же важны не одно, а именно два девяноста.

Народныя несчастія, крутыя историческія невзгоды, когда приводилось плохо всей Руси, больнѣе всѣхъ городовъ и областей (даже пограничныхъ) отзывались на срединномъ городѣ русской земли, властительномъ, вліятельномъ и богатомъ. Обездолить военнымъ разореніемъ, обезсилить грабежомъ и пожарами, унизить позоромъ набѣга и надругаться разрушеніемъ, — все это кстати было именно здѣсь, въ самомъ центрѣ Руси. Таковымъ въ данномъ случаѣ является Москва, не въ примѣръ прочимъ городамъ и въ строго-математическомъ смыслѣ.

Эта видимая случайность, въ самомъ дѣлѣ, весьма знаменательна. Первые города отъ Москвы отстоятъ на «два девяноста верстъ»: Владиміръ, Тверь, Тула, Калуга, Рязань, Егорьевскъ, Юрьевъ (**Полѣскій**, Владимірской губ., очутившійся на полянѣ, въ поляхъ, среди вырубленыхъ лѣсовъ и совершенно истребленныхъ дебрей,—одинъ выдѣлившійся этою особенностью среди всѣхъ «залѣсскихъ» городовъ и передъ своимъ стольнымъ городомъ — Володиміромъ). При этомъ первому изъ московскихъ сосѣдей, на котораго обращены были исключительно поглощающія стремленія Москвы, досталась самая печальная участь, выразившаяся въ очень горькой насмѣшкѣ народнаго присловья: «у Владиміра два угодья: отъ Москвы два девяноста, да изъ Клязьмы воду пей». Это—первые изъ старыхъ, которые не успѣли обезсилѣть отъ поглощающаго сосѣдства Москвы и удостоились почетнаго прозвища губерн-

скихъ, когда Петербургъ, при Екатеринѣ Второй, началъ раздавать званія и дипломы всѣмъ заслуженнымъ и производить въ соотвѣтствующіе чины и степени городовъ не всегда того достойныя села, посады и слободы. При этомъ замѣчательно, что промежуточные города, соблюдающіе до сихъ поръ то или другое значеніе и сберегшіе прежнюю силу и извѣстность, отстоятъ отъ Москвы на «одно девяносто» (Коломна, Клинъ, Серпуховъ, Руза, Можайскъ, Переяславль-Залѣсскій), т. е. на ту мѣру, какая изъ глубокой старины принята была для опредѣленія разстояній и, вмѣстѣ съ сороками, составляла общеупотребительный способъ и любимую форму счета. Два девяноста значитъ четыре съ половиной сорокá, сто восемьдесятъ. Вышло такъ, что «четыре девяноста что девять сороковъ—одно; полпятà сȯрока—два девяноста», а затѣмъ, какъ говорятъ въ глухихъ мѣстахъ опытныя счетчицы: «что полпятàста, что пять-девяноста — все тѣ же девять сȯроковъ съ девяностомъ» (вотъ такимъ образомъ и это несклоняемое числительное, вопреки нашимъ грамматикамъ, народомъ склоняется).

Пройти пѣшкомъ треть девяноста за единый духъ и пріемъ очень трудно: — надобенъ на половинѣ пути отдыхъ. Пройти еще такую же треть, какъ отъ Москвы до Троицы-Сергія, считается уже подвигомъ, достаточно успокоивающимъ религіозное настроеніе москвичей. Чтобы одолѣть цѣлое девяносто, надо уже запрягать лошадь. Ходà лошади стала единицею мѣры разстояній и невольно выразилась въ распредѣленіи населенныхъ мѣстъ тамъ, гдѣ русскому племени пришлось колонизовать страну въ междурѣчьяхъ, гдѣ переставали служить плоты и лодки и выручали свои ноги или ходà благороднаго

животнаго. На тридцати верстахъ оно уже уставало само и требовало отдыха и корму. Послѣ отдыха оно снова служило на томъ же пространствѣ или перегонѣ и, при взаимныхъ сношеніяхъ и обмѣнахъ сосѣдей, помогало тому, что хозяинъ могъ въ однѣ сутки доѣхать, сдѣлать дѣло и вернуться назадъ. Тамъ, гдѣ этимъ тридцативерстнымъ дорогамъ, какъ радіусамъ въ кругѣ, доводилось опредѣлять центръ, — выростали торговыя села. Группа таковыхъ, тянувшихъ другъ къ другу, опредѣляла центръ уже городомъ, нерѣдко «стольнымъ» въ старину и еще живымъ въ нынѣшнее время. Города же перваго девяноста на второмъ, — порождали города уже первопрестольные, царствующіе, княжескіе. Таковы всѣ пять вышеупомянутыхъ. Какъ бы то ни было указываемое нами явленіе неотразимо и обязательно явилось во всей суздальской и рязанской Руси; пусть прогуляется циркуль отъ Москвы, какъ центра, на Владиміръ до Мѵрома, на Ярославль за Кострому до водораздѣловъ и т. д. въ любую сторону. Этимъ способомъ мы отчасти объясняемъ себѣ и ту видимую случайность, при которой города съ двумя девяностами разстоянія могли создать такой громадный городъ, какъ Москва, уже не знающій себѣ на Руси соперниковъ, имѣли основаніе признать его срединнымъ и наименовать сердцемъ и, какъ своей и личной, интересоваться его судьбами. Стали поговаривать: «въ Москвѣ къ заутренѣ звонятъ, а на Вологдѣ тотъ звонъ слышатъ».

МОСКОВСКІЯ ПРАВДЫ.

ПЕРВАЯ и ВТОРАЯ: ПОДЛИННАЯ и ПОДНОГОТНАЯ.

На свѣтѣ правда — одна, и другого приличнаго эпитета ей нельзя придавать: «ложью, какъ хошь верти, а правдѣ путь одинъ»; «все на свѣтѣ минѐтся, опять-таки одна только правда останѐтся»,— увѣренно и смѣло говоритъ народъ нашъ. Умѣлый въ родномъ языкѣ до поучительнаго образца и ревнивый къ отступленіямъ и неправильностямъ обиходной рѣчи, нашъ народъ, несомнѣнно, неспроста и неспуста рѣшился прилаживать къ правдѣ странные придатки, поставленные въ заголовкѣ нашей статьи. Не назвалъ бы онъ правду подлинной на томъ же основаніи, какъ не зоветъ на-смѣхъ всѣмъ масло маслянымъ, и потому, что неподлинная правда есть уже просто кривда [1]). Равнымъ обра-

[1]) Названіе кривды народъ объясняетъ тѣмъ, что неправда на землѣ пошла отъ первой женщины Евы, которую Богъ создалъ изъ кривого ребра. Правда осталась у Бога, а кривда на землѣ. Она свѣтомъ началась,—свѣтомъ и кончится. Оттого и выучились люди жить такъ хитро и ловко, что «гдѣ въ волчьей нагольной, а гдѣ и въ лисьей подъ плисомъ».

зомъ намъ приходится теперь говорить не о той правдѣ, которая есть первая изъ самыхъ первыхъ основъ нравственности и справедливости и то первое же и главное, что необходимо имѣть всѣмъ и каждому и которая въ нынѣшнее время, болѣе чѣмъ во всѣ предыдущіе періоды человѣческаго развитія, является вопіющею необходимостію. Настоящее наше толкованіе вынуждается спеціальною правдою, которая обычно всяческими способами отыскивается на судѣ и при юридическихъ дознаніяхъ, розыскахъ и слѣдствіяхъ, въ прямомъ разсчетѣ, что затаенная правда гдѣ-нибудь да отыщется.

Въ старину до этой правды добирались впотьмахъ ощупью слѣдующими путями и способами:

Доносчикъ и обвиняемый приводились въ судную избу вмѣстѣ, но допрашивались порознь: «истцу первое слово, а отвѣтчику послѣднее». Такъ это и въ пословицу попало.

Первымъ ставили передъ судейскимъ столомъ обвинителя, который и повторялъ доносъ. Приводили обвиняѐмаго. Онъ божился и клялся всѣми святыми и родителями, отпираясь отъ поклеповъ и оправдываясь. Мѣстами и временами онъ изругивался, искоса и въ полуоборотъ волчьимъ взглядьемъ посматривая на злодѣя-доносчика. Приводили снова этого и ставили очи нà-очи. Давалась «очная ставка».

«Очи на очи глядятъ, очи рѣчи говорятъ»: доносчикъ стоитъ на своемъ, обвиняемый, конечно, отпирается. «И не видалъ, и не слыхалъ, и объ эту пору на свѣтѣ не бывалъ». Тогда, по Уложенію царя Алексѣя Михайловича и по древнимъ судейскимъ обычаямъ, уводили доносчика въ особую пристройку «за стѣной» судной избы или въ «за-

стѣнокъ». Тамъ раздѣвали его дȯ-нага, «оставляли босого и безъ пояса, въ однихъ гарусныхъ чулочкахъ и безъ чоботовъ» — какъ поется въ одной старинной пѣснѣ. Затѣмъ клали его руки въ хомутъ, или связывали назадъ веревками, обшитыми войлокомъ, чтобы не перетирали кожи; на ноги привязывали ремень или веревочныя путы. На блокѣ и въ хомутѣ двое вздымали къ потолку, двое другихъ придерживали за ноги внизу, оставляя всего человѣка на вѣсу вытянутымъ на «дыбѣ» и не допуская его концами ножныхъ пальцевъ упираться въ полъ. Палачъ становился на бревешки, и вывертывалъ изъ лопатокъ руки (что называлось «встряскою»), и затѣмъ, какъ опытный костоправъ, вправлялъ ихъ, вдвинувъ изо всей силы на старое мѣсто. Давали висѣть полчаса и больше. Если «на подъемѣ» онъ не говорилъ того, что хотѣли слышать, тогда начинали «пытать»—допытывалися правды. Палачъ, или заплечный мастеръ, мѣрно билъ по нагнутой спинѣ «длинникомъ», хлыстомъ или прутомъ («батогомъ»), а то и просто палкой или даже кнутомъ,— словомъ, что первое подвернется палачу подъ руку, или на что укажутъ ему. Съ вывернутыми изъ суставовъ руками, со жгучею болью въ груди, — на вискѣ «подъ длинниками» или «подъ линьками» говорилъ пыточный съ пытки «подлинныя рѣчи». Посѣдѣлый въ приказахъ дьякъ придвигалъ къ дыбѣ въ застѣнкѣ свой столикъ: перо у него за ухомъ и пальцы въ крюкъ. Мучительно-медленнымъ почеркомъ, чтобы какой нибудь на бумагѣ крюкъ не выпустить изъ рукъ, «нижетъ приказный стрȯку въ стрȯку, хоть въ рядѣ словъ нѣтъ проку». Въ это время доносчикъ виситъ на вискѣ и говоритъ первыя пыточныя рѣчи, или измѣненныя и дополнен-

ныя показанія, ту «подлинную», понятія о которой несправедливо и неправильно перенесли потомъ на все то, что называется настоящимъ и имѣетъ видъ безобманнаго и истиннаго. Часто случалось, что доносчикъ, подъ длинниками, т. е. батогами или хлыстами, гибкими и хлесткими прутьями на дыбѣ, отъ своихъ показаній отказывался и сознавался, что поклепалъ напрасно или спьяну, или изъ мести и по злобѣ. Тогда его опять пытали три раза. И сталось такъ, какъ говорятъ пословицы: «на дѣлѣ правъ, а на дыбѣ виноватъ; пытаютъ татя на три перемѣны». Если доносчикъ съ этихъ трехъ пытокъ подтверждалъ свое пыточное сознаніе, обвиняемаго отпускали. Онъ успокоивался на той мысли, что «нескорбно поношеніе извѣтчика». Въ противномъ случаѣ подвѣшивали на дыбу и этого: «оправь Богъ праваго, выдай виноватаго».

«Били добраго молодца на правежѣ въ два прутика желѣзные. Онъ стоитъ удаленькій,—не тряхнется, и русы-кудри не шелохнутся, только горючи слезы изъ глазъ катятся»,—выпѣваютъ по настоящее время слѣпые старцы по торгамъ и ярмаркамъ. Правится онъ на правежѣ («на жемчужномъ перекрестычкѣ», какъ добавляется въ московской пѣснѣ съ указаніемъ на то урочище, гдѣ было мѣсто старыхъ казней), правится онъ, какъ береста на огнѣ коробится, и съ ущемленными въ хомутѣ руками, — «хомутитъ» на кого нибудь, т. е. или клевещетъ и взводитъ напраслину на неповиннаго, или сваливаетъ свою и чужую вину на посторонняго. Въ такомъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ и значеніи уберeглось это слово до нашихъ дней вмѣстѣ съ пословицей, обязательно предлагающей «первый кнутъ доносчику». Оно, впрочемъ, справедливо со всѣхъ

сторонъ, во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ: старинныхъ и новѣйшихъ, въ школахъ и артеляхъ, и въ общественномъ быту. Доносчику первый кнутъ не только отъ стариннаго палача, но и отъ современныхъ товарищей и сожителей за этотъ самый извѣтъ.

Если ни страхъ дыбы въ виду подъема и пытокъ первыхъ, ни хомутъ, ни кнутъ не вынуждаютъ вымученнаго сознанія, то подозрѣваемыхъ «ставили на спицы» (объясненія которымъ въ старинныхъ актахъ не сохранилось, хотя извѣстны спицы въ томъ орудіи старинной мучительной казни, когда колесовали, т. е. колесомъ ломали преступнику кости). Затѣмъ сажали на цѣпь и къ ножнымъ кандаламъ, сверхъ сыта, привязывали тяжести. Кормили соленымъ,—и не давали пить. На ободранныя спины трясли зажжеными сухими вѣниками; посыпали солью по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ кожа содрана была лоскутьями. Очевидецъ подъячій Сыскного Приказа, бывшаго тогда на Житномъ дворѣ у Калужскихъ воротъ, нѣкто Горюшкинъ, разсказывалъ, что старые судьи хвастались другъ передъ другомъ изобрѣтеніемъ новыхъ средствъ и новыхъ орудій для допросовъ и пытокъ. «Случилось мнѣ,— говорилъ онъ, — зайти въ пытальную палату, или застѣнокъ, по окончаніи присутствія. На полу я увидѣлъ кучу лоскутьевъ окровавленной кожи, — спрашиваю у палача: «Что это такое?—Какъ что?! выкройка изъ спины». Этотъ же Горюшкинъ и въ томъ же Сыскномъ Приказѣ слыхалъ пословицу пытаемыхъ: «терпи голова — благо въ кости скована», и «привѣты» колодниковъ однихъ идущихъ на пытку отъ испытавшихъ ее: «Какова баня?» — «Остались еще вѣники». Пытки считались вполнѣ

дѣломъ законнымъ и справедливымъ [1]). Ни власти, ни народъ нисколько въ томъ не сомнѣвались: пытка была закономъ, а дыба и заплечные мастера встрѣчались даже въ народныхъ волостныхъ избахъ, не только въ казенныхъ городскихъ. Необходимость и законность пытки были укрѣплены твердо въ понятіяхъ всѣхъ и каждаго. Надо лишь изумляться всеобщему равнодушію и той нерѣшительности, съ какою подходили законодатели къ уничтоженію этого позорнаго, безчеловѣчнаго, безнравственнаго и безсмысленнаго способа отысканія слѣдовъ преступленія и степени виновности. Въ незлопамятномъ народѣ остались воспоминанія только о самыхъ мучительныхъ и лютыхъ пыткахъ, хотя, правду сказать, нѣкоторыя изъ старыхъ практиковались и въ очень недалекія отъ насъ времена.

Осталась, между прочимъ, въ народной памяти— «подноготная», та пытка, которою добивалась на судѣ, въ самообманчивой простотѣ, никому невѣдомая и отъ всѣхъ скрытая правда, завѣтная и задушевная людская тайна. Въ старину думали, что она, несомнѣнно, явится во всей наготѣ и простотѣ, когда палачъ начнетъ забивать подъ ногти на рукахъ и ногахъ желѣзные гвозди или деревянные клинушки, когда судья закричитъ и застращаетъ подозрѣваемаго возгласомъ: «Не сказалъ подлинной, — заставлю сказать всю подноготную!» Тогда пыточному закрѣпляли кисть руки въ хомутъ, а пальцы въ клещи,

---

[1]) Этотъ Горюшкинъ самообразованіемъ достигъ того, что былъ впослѣдствіи приглашенъ къ преподаванію въ университетѣ практическаго законовѣдѣнія. Своимъ лекціямъ онъ давалъ драматическую форму и классъ его представлялъ присутствіе, гдѣ производился судъ по законному порядку.

чтобы не могли они сложиться въ кулакъ или не изловчилась бы дать наотмашъ.

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, въ числѣ замысловатыхъ инструментовъ пытокъ находились особаго вида клещи, которыми нажимали ногти до такой боли, что человѣкъ приходилъ въ состояніе лгать на себя и, въ личное избавленіе, разсказывать небылицы цѣлыми повѣстями. По внѣшнему виду по особому устройству верхней половинки клещей, похожей на столь извѣстную и любимую овощь (brassica napus), орудіе пытки носило названіе «рѣпки». Ею выдавливали правду изъ ногтей, какъ колятъ теперь машинкой орѣхи и сахаръ. Отсюда и столь извѣстное и общеупотребительное выраженіе: «хоть ты матушку рѣпку пой», а я на то несогласенъ, по твоему не быть ни за что и ни въ какомъ случаѣ.

ТРЕТЬЯ ПРАВДА: «У ПЕТРА И ПАВЛА».

Въ Москвѣ, гдѣ очень многое по другому и все своебычно, потому собственно шла правда отъ церкви Петра и Павла, что вблизи ея находился страшный Преображенскій приказъ, особенно памятный народу съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стрѣльцы разсердили Петра, вооружили его противъ Москвы и онъ задумалъ съ ней въ конецъ разсориться и навсегда разойтись. Здѣсь были застѣнки и дыбы въ несчетномъ количествѣ; производились безчисленныя пытки и казни и примѣнялись и получали дальнѣйшее развитіе всѣ разнообразные способы допытыванія правды. Собственно же «московская правда» давно уже была во всей тогдашней Руси

на худомъ счету. Она обращена была даже въ насмѣшливое слово и понималась, какъ укоръ и попрекъ съ тѣхъ временъ, какъ Москва стала забирать въ свои руки всю Русь и мало-по-малу становилась главою государства. Любопытнымъ и сомнѣвавшимся совѣтовали искать этой правды «московской» особенно въ Псковѣ, гдѣ она съумѣла выразиться во всемъ неприглядномъ безобразіи. Псковъ помогъ князю московскому подъ Новгородомъ,—псковичи пожаловались ему на московскихъ пословъ, обижавшихъ людей по дорогѣ, отнимая у проѣзжихъ лошадей и имущества и требуя грубо поминокъ не по силѣ, — великій князь взглянулъ на жалобу грозно, подивился и гораздо больше повѣрилъ своимъ боярамъ. Послѣ паденія Новгорода, Псковъ объявилъ полную покорность, а изъ Москвы посылались нарочно такіе намѣстники, изъ которыхъ на каждаго приходилось жаловаться. Избранныхъ челобитчиковъ великій князь принималъ, но вскорѣ велѣлъ отдавать подъ стражу. Они думали покорностію смягчить Москву, авось тамъ смилуются и сжалятся: вышли за городъ навстрѣчу князя Василья, прибывшаго во Псковъ, поклонились ему до земли, а онъ лучшихъ людей велѣлъ схватить и увезти въ Москву. Триста саней потянулось по московской дорогѣ подъ стражей. Князь выѣхалъ изъ Пскова, по словамъ лѣтописи, безъ крови, съ великою побѣдою, но москвичи, оставленные править городомъ, не разбирали средствъ увеличивать свои доходы. Они подстрекали ябедниковъ на богатыхъ людей, брали взятки и посулы и раззоряли. Добро, нажитое въ прежнія времена независимости торговлею и промыслами, теперь переходило въ руки московскихъ дьяковъ. Лучшіе люди бросали домы

и убѣгали въ чужія земли; иногородніе покинули Псковъ всѣ до единаго. Одинъ за всѣ вольные города русскіе челобитьемъ къ потомству пожаловался на московскую правду псковскій лѣтописецъ такими глубокаго смысла словами: «О, славнѣйшій граде Пскове-Великій! Почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: прилетѣлъ бо на мя многокрылый орелъ, исполнь львовыхъ когтей, и взя отъ мене три кедра ливанова, и красоту мою, и богатство, и чада моя восхити. И землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иныя торжища коневьимъ каломъ заметаша, а отецъ и братіи наша разведоша», и т. д. Съ этихъ поръ создались и уберeглись историческія поговорки, что «Москва слезамъ не вѣритъ», ее не разжалобишь («не раскведишь»), она «по чужимъ бѣдамъ не плачетъ» и прочія живучія поговорки, которыя примѣтываются ко всякому подходящему случаю въ обиходной жизни [1].

Послѣ стрѣлецкаго бунта, въ 1698 году, дѣла по полиціи и общественной безопасности стали вѣдаться въ Преображенской приказной избѣ. Новые полки: преображенскій, семеновскій и бутырскій держали постоянные и временные караулы въ Кремлѣ, у городскихъ воротъ, у кабаковъ, у церквей, около монастыря, на площадяхъ и прочее. Съ 1702 года

[1] Въ пословичныхъ выраженіяхъ сохранилась еще память объ однородномъ съ правдою московскомъ «часѣ». Хотя, вообще, русскій часъ — «все сейчасъ», но полагается очень долгимъ: со днемъ тридцать. Московскому же часу опредѣлила русская старина срокъ ровно въ цѣлый годъ: «подожди съ московскую годинку,—съ московской часъ!» Это же и «московская волокита».

всѣ дѣла изъ Суднаго приказа перешли въ Преображенскій, который «изъ избы» переименованъ былъ въ «приказъ».

Здѣсь всѣми дѣлами вѣдалъ, и правду искалъ, и судъ творилъ—никто иной, какъ царскій любимецъ и ближній человѣкъ, самъ князь-кесарь Федоръ Юрьевичъ Ромадановскій, рѣшавшій всякія дѣла и даже самыя страшныя о «словѣ и дѣлѣ» безъ апеляцій. Это былъ (по словамъ кн. Куракина, современника его) «человѣкъ характера партикулярнаго (то-есть своеобразнаго), собой видомъ какъ монстръ, нравомъ злой тиранъ, превеликій нежелатель добра никому; пьянъ во вся дни; но его величеству вѣрный такъ былъ, что никто другой». Сидя за столомъ въ старомъ боярскомъ кафтанѣ, отороченномъ узенькимъ золотымъ галуномъ, съ длинными густыми усами, всякое дѣло выслушивалъ самъ этотъ страшный человѣкъ, передъ которымъ никто не смѣлъ садиться и во дворъ къ которому никто не имѣлъ права въѣзжать (даже самъ царь Петръ выходилъ изъ одноколки у воротъ). Словомъ, судила та исключительная суровая личность, подобныя которой, по русскимъ примѣтамъ, нарождаются въ цѣлое полустолѣтіе одинъ только разъ. Конечно, въ эти времена охотливѣе, чѣмъ въ другія, совѣтовали не бояться суда, а бояться судьи: судъ стоялъ прямой, да судья сидѣлъ кривой. Въ его рукахъ законъ былъ дышломъ: онъ его куда хотѣлъ, туда и воротилъ. «Зачесали черти затылки отъ его расправы», и долго сохранялась въ народѣ память о «петропавловской» правдѣ, все время, пока поддерживалась она робкими, медленными и неудачными попытками къ истребленію въ корнѣ тѣхъ поводовъ, которые породили самую пословицу. Петръ III

въ сенатѣ, 7-го февраля 1762 года, запретилъ ненавистное «израженіе слова и дѣла»; Екатерина II назвала употребленіе пытки «противнымъ здравому, естественному разсужденію», но уничтожить ее формальнымъ образомъ не рѣшилась. Счастливая доля пріостановить ее досталась въ 1800 году императору Александру I.

Обнаружилась въ Москвѣ правда, вмѣсто Петра и Павла—«у Воскресенья въ Кадашахъ», въ Замоскворѣчьѣ, въ то время, когда на городскихъ выборахъ оказались въ громадномъ большинствѣ голоса за Шестова, имѣвшаго свой домъ въ этомъ приходѣ. Шестовъ, въ 1830-хъ годахъ, выбранъ былъ въ городскіе головы.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРАВДА «У ВОСКРЕСЕНЬЯ ВЪ КАДАШАХЪ».

Нравы и обычаи того времени требовали, чтобы въ городскихъ головахъ на Москвѣ сидѣлъ такой, который бы всѣмъ и всему потрафлялъ, а если онъ, сверхъ того, богатъ, тароватъ и хлѣбосоленъ, то еще того лучше. Противъ такихъ сговаривались цѣлымъ обществомъ и если они сами не напрашивались, то ихъ выбирали заочно и потомъ кланялись и неотступно упрашивали. Особенно важныхъ требованій, какъ къ хозяину такого огромнаго и богатаго города, тогда не предъявлялось; ни образованія, ни убѣжденій, ни особенной силы воли и характера вовсе не требовалось. Производились самые выборы на добрую половину въ шутку. Разъ, однако, привелось ошибиться.

Голова Шестовъ оказался недюжиннымъ. Загадали на простого, а получили прямого; на иную хитрость хватало и его простоты. Практически полагали всѣ, что онъ будетъ не лучше и не хуже прежнихъ, и вдругъ довелось услыхать, что голова начинаетъ чудить по-своему: до всякаго пустяка въ думѣ доходитъ самъ и суетъ носъ во всякія мелочи не жалѣя своей головы. Что-то будетъ?

Сталъ онъ, напримѣръ, до того доходить, кто пожарныхъ лошадей кормитъ, почемъ для нихъ покупаютъ овесъ и сѣно. И когда дознался до старыхъ цѣнъ, — объявилъ на̀ново, что самъ будетъ кормить по прямому закону, съ вольной цѣны, какая установится на торгахъ. Доискался такими же путями и до фонарнаго масла, которое покупалось вмѣстѣ съ овсомъ, и до другихъ статей городскихъ расходовъ, которые шли особнякомъ. Шелъ онъ просто, все по дорогѣ, просто и доходилъ, не жа̀лѣя себя и словно не вѣдая того, что на дворѣ стояло самое ненастное время, хозяйничала голая, какъ пузырь, голова графа Закревскаго, топала и кричала, угрожала и исполняла угрозы. Не замѣчалъ, да и не хотѣлъ слышать и видѣть Шестовъ, что противъ него собирались враги и предпринимались воинственные походы. На городскую казну смотрѣлъ онъ купеческимъ окомъ и сторожилъ и умножалъ ее такъ, что когда къ концу перваго года стали ее считать, то вышло дивное дѣло, неслыханное событіе: возросла казна до большихъ размѣровъ отъ скопленій и сбереженій и отъ умнаго хозяйства. Самъ Шестовъ вошелъ въ большую цѣну и славу, и имя его сдѣлалось извѣстнымъ даже малымъ ребятамъ, и—шутка сказать!—перевернулъ изъ-за него на̀ново московскій людъ старую, уже твердо устоявшуюся на ногахъ, пословицу:

«правда къ Петру и Павлу ушла, а кривда по землѣ пошла».

Въ 50-мъ году вся Москва только и говорила, что о подвигахъ этого Шестова и даже лубочная пресса, въ тѣ времена столь далекая отъ всякихъ политическихъ вопросовъ дня и притомъ въ то суровое цензурное время, вынуждена была обмолвиться о правдѣ «отъ Воскресенья въ Кадашахъ» полуграмотнымъ легкимъ намекомъ [1]). Въ нынѣшнія времена это почтенное имя совсѣмъ исчезаетъ изъ народной памяти подъ давленіемъ и вліяніемъ новыхъ выборныхъ земскихъ порядковъ. Сколько намъ извѣстно, заслуги Шестова не почтены толковыми печатными воспоминаніями людей, близко и лично знавшихъ его и, конечно, во множествѣ еще обрѣтающихся въ живыхъ (припоминается лишь небольшая замѣтка, видимо урѣзанная цензурой, напечатанная въ «Современникѣ)». Никольскій «Пѣтушокъ» изданія тамошняго книгопродавца И. Г. Кольчугина (подъ заглавіемъ «Турусы на колесахъ» 1846 г. въ типографіи Евреинова, съ одобренія цензора Зернова) тоже уже не поетъ о Шестовѣ, представляя своего рода библіографическую рѣдкость. А онъ, самъ пѣтушокъ [2]), робко спрятавшись гдѣ-то далеко на насѣстѣ, сиплымъ, простуженнымъ голосомъ, все-таки дерзалъ

---

[1]) Въ приходѣ этой церкви Воскресенья въ Кадашахъ, гдѣ въ старину жили бондари-бочары, обручники-кадочники,—по старинному кадаши или кадыши, а въ указанное время жилъ историческій городской голова въ своемъ домѣ.

[2]) «Пѣтушками», какъ извѣстно, издавно принято называть въ книжной торговлѣ всѣ тѣ дешовыя лубочныя книжки, которыя стаями нарождаются въ Москвѣ на Никольской улицѣ и разносятся въ коробахъ владимірскими офенями по всей деревенской Россіи.

выкрикивать: «пришла къ намъ правда не отъ Петра и Павла, а отъ Воскресенья въ Кадашахъ и стала матушка въ барышахъ, а то вѣдь наша матушка все бѣднѣла да блѣднѣла, все хромала да головушкой хворала, — перестала наша матушка хромать», и т. д. [1]).

НУЖДА ЗАСТАВИТЪ КАЛАЧИ ѢСТЬ.

Нужда безхлѣбныхъ и малохлѣбныхъ губерній обычно увлекала народъ на низовую Волгу. Здѣсь, за малою населенностію края, очень нуждались въ рабочихъ рукахъ для косьбы роскошныхъ степей и жнитва неоглядныхъ хлѣбныхъ полей, а также и для лова рыбы въ устьяхъ Волги и на Каспійскомъ морѣ. Тамъ всѣ ѣдятъ хлѣбъ пшеничный, потому что пшеница — господствующій хлѣбный злакъ, и ржаного хлѣба не допроситься верховому бурлаку или рабочему. Пшеничные хлѣбы и булки до сихъ поръ называютъ тамъ калачами. Въ подкрѣпленіе нашихъ словъ мы находимъ такую замѣтку извѣстнаго ростовскаго археолога А. А. Титова (въ предисловіи къ изданію г. Вахрамѣева «Расходная книга патріаршаго приказа кушаньямъ, подававшимся патріарху Адріану и разнаго чина людямъ съ сентября 1698 по августъ 1699 г.)»: «Русскіе въ XVII столѣтіи ѣли преимущественно ржаной хлѣбъ. Онъ былъ принадлежностью не только убогихъ людей, но и богачей. Наши предки даже предпочитали его пшеничному и приписывали ему (да и теперь также) больше питательности. Названіе «хлѣбъ» значило

[1]) См. также далѣе въ ст. «Турусы на колесахъ».

собственно ржаной. Пшеничная мука употреблялась на просфоры, а въ домашнемъ быту — на калачи, которые вообще для простого народа были лакомствомъ въ праздничные дни. Отъ этого и поговорка «калачомъ не заманишь»—самымъ рѣдкимъ кусомъ не привлечешь къ себѣ того, кто испыталъ въ чужихъ рукахъ горькую долю, суровую нужду. За то иного человѣка и калачомъ не корми, а сдѣлай ему то и то, или: лозою въ могилу не вгонишь, а калачомъ не выманишь», и т. д. До пароходства эта нужда искать заработковъ при калачахъ самымъ главнымъ образомъ находила удовлетвореніе здѣсь. Десять губерній поступали такимъ образомъ. Отсюда идетъ и другое темное выраженіе: «неволя идетъ внизъ, кабала вверхъ». По толкованію В. И. Даля, тутъ рѣчь идетъ все о той же Волгѣ и о разгульномъ бурлацкомъ промыслѣ, съ которымъ связана кабала: задатки взяты, усланы домой въ оброкъ, а остатки пропиты. «Неволя, то-есть нужда, идетъ внизъ, по водѣ, искать работы; вверхъ, противъ воды, идетъ или тянетъ лямкою кабала», а за нею слѣдомъ рваная и голодная нищета. Или по иному толкованію этого же знатока народной рѣчи въ буквальномъ смыслѣ: «рабъ ждетъ милости за вѣрность, а кабальный все болѣе и болѣе должаетъ и въ кабалу затягивается».

ПОПАСТЬ ВЪ КАБАЛУ,—

въ нынѣшнія времена, вслѣдствіе неблагополучныхъ условій быта, легче, чѣмъ въ старину отдаться въ кабалу, отчего первое выраженіе общеупотребительное, а второе, утративъ практическій смыслъ,

сохранилось лишь въ историческомъ значеніи, какъ древній юридическій терминъ. Беззаботный человѣкъ, живя спустя рукава, очень часто незамѣтно и неожиданно для себя попадаетъ въ безъисходную нужду или, какъ говорится, «выводитъ на себя кабалу». Она хотя и не имѣетъ на этотъ разъ стариннаго смысла, требующаго вѣчной работы или продолжительной выслуги за неоплатный долгъ, за неустойки въ платежахъ деньгами и трудомъ, и хоть эта «кабала не кабала, а голова все-таки не своя», по пословицѣ. Зачастую случается, что рабочій, идущій въ наймы, принимаетъ на себя кабалу, и таковая въ недавнее даже время опредѣлялась сроками, если и на слово, безъ письменныхъ кабальныхъ записей, но съ заручкой благонадежными свидѣтелями, какъ довѣренными поручителями. Такъ, напримѣръ, на шесть лѣтъ приходилъ на заработки, чтобы выслужить потраченныя деньги, тотъ, котораго выкупалъ купецъ или священникъ изъ крѣпостного состоянія отъ помѣщика, либо иной богатый человѣкъ изъ податного состоянія освобождалъ выкупомъ отъ рекрутства, и т. под.

МОСКВА — ЦАРСТВО.

Такъ обмолвилось одно изъ присловій, обрисовывающихъ характеръ всѣхъ городовъ русскихъ и въ наибольшемъ числѣ (сравнительно съ прочими) сгруппировавшихся около этого города. Его нашъ народъ и очень любитъ, и нѣжно ласкаетъ; любя прибраниваетъ и лаская подсмѣивается; ее боится и остерегается, но ею же живетъ и хвалится. Назвалъ

народъ Москву матерью всѣмъ городамъ и говорить, что кто въ ней не бывалъ, тотъ и красоты не видалъ, хотя она и «горбатая старушка». Въ ней «хлѣба-соли покушать, краснаго звону и ее самое послушать», хотя въ ней и толсто звонятъ, и сама она «стоитъ на болотѣ и ржи не молотитъ». Она тѣмъ и люба народному сердцу, что когда ея соперникъ Питеръ «строился рублями и стоилъ большихъ милліоновъ», она, бѣлокаменная и золотоглавая, «создалась вѣками». Обмолвилось присловье, по обыкновенію, не спуста и не спростà и въ томъ случаѣ, когда создавалось изреченіе «Москва приносъ любитъ». «Безъ дарственнаго воздаянія не можетъ Москва дѣлъ никакихъ дѣлать»—писали посыльщики устюжскаго архіепископа Александра еще въ XVII вѣкѣ на Устюгъ. Московскіе приказные, по словамъ тѣхъ же посыльщиковъ «говорятъ не обинуяся, что отъ того же дѣла мы ѣсть-де хотимъ». Нѣсколько раньше то же самое и въ тотъ же Устюгъ протопопу Владиміру пишетъ протодьяконъ Владиміръ (мая 24-го 1658 г.): «сволочись даромъ не хочется, т. е. съѣздить въ Москву безъ успѣха въ ходатайствѣ), а на челобитныхъ только помѣты: взять къ дѣлу... а къ дьякамъ приступъ тяжекъ».

Неудивительно, что за долгое время и въ силу историческихъ судебъ и русской народной воли, за Москвою признанъ такой важный и крупный эпитетъ, который взятъ нами въ заголовокъ прямо изъ устъ самого народа. Онъ очень хорошо помнитъ, что Москва населялась жителями изо всѣхъ областей земли русской, которые тянули къ ней и промысломъ, и торгомъ, и неволей. Онъ отлично знаетъ, что Москва собрала всю завѣтную областную святыню, палладіумы покорившихся княжествъ,

и до сихъ поръ бережно сохраняетъ ихъ, главнымъ образомъ, въ Кремлѣ и въ Успенскомъ соборѣ или въ нарочно-выстроенныхъ храмахъ и монастыряхъ. Тѣмъ и другимъ она и привлекла къ себѣ народную любовь и закрѣпила внутреннюю связь со всею обширною страною Русскаго царства, сдѣлавшись сама, въ миніатюрномъ видѣ музеума, ея подобіемъ и представительницею, со званіемъ и титуломъ «сердца Россіи».

Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ тѣ святыни, которыя взяты были изъ покоренныхъ городовъ и свезены въ Москву, какъ побѣдные трофеи вмѣстѣ со знатными и богатыми семьями горожанъ. Намъ не время доказывать, что еще не такъ давно у московскихъ заставъ можно было, безъ труда и усилій, прислушиваться къ разнообразнымъ оттѣнкамъ говоровъ и наблюдать наряды и шляпы, какъ этнографическіе признаки пришельцевъ изъ тѣхъ мѣстностей, откуда вышли къ этимъ заставамъ шоссейныя дороги. Нарѣчія и говоры русскаго племени были здѣсь всѣ на лицо. Всѣмъ хорошо извѣстно, что выселеніе изъ дальныхъ городовъ въ Москву не только не прекратилось, но еще и усиливается. Намъ, однако, время и мѣсто—не въ первый разъ—и снова пожалѣть о томъ, что столь глубокое и очевидное значеніе города Москвы до сихъ поръ не остановило на себѣ въ надлежащей мѣрѣ вниманія: мѣстные изслѣдователи пробѣгаютъ мимо этихъ интересныхъ фактовъ, сильно бьющихъ въ глаза и въ ухо. Всѣ говорятъ, что Москву собирала вся Русь и сама въ ней засѣла во всей цѣломудренной чистотѣ и неприкосновенной цѣлости, но подлинныхъ признаковъ не приводятъ. Безспорными доказательствами этотъ городъ переполненъ.

Между тѣмъ сколько любви и ласки народной, въ самомъ дѣлѣ, сосредоточивается около этого срединнаго русскаго города, который, какъ цѣльная государственная область, заручился внутри себя городами, посадами, цѣлыми слободами, классическимъ, не существующимъ на самомъ дѣлѣ, но дѣйствующимъ, въ видѣ церковныхъ благочиній, «сорокомъ сороковъ» и 22 монастырями (послѣдніе, въ указанномъ количествѣ, полагаются обыкновенно на цѣлую губернію или область) и т. под.

БЕЙ ВЪ ДОСКУ — ПОМИНАЙ МОСКВУ!

Городъ Москва и богата всѣмъ, и таровата: все найдешь, кромѣ птичьяго молока да отца родного съ матерью. Была бы догадка, а въ Москвѣ денегъ кадка. И диковинная, не въ примѣръ всѣмъ другимъ городамъ и селеніямъ: «въ ней каждый день праздникъ (по необыкновенно великому числу церквей); у Спаса бьютъ, у Николы звонятъ, у стараго Егорья часы говорятъ», и при этомъ «грязь не марается, и спать широко». «Москва широка, какъ доска», у этого города «нѣтъ околицы», а потому онъ нигдѣ «не сошелся клиномъ».

Захотятъ ли похвастаться роднымъ городомъ, называютъ его «уголкомъ Москвы». Она служитъ мѣркою для опредѣленія величинъ и разстоянія: на свѣтѣ такъ много дураковъ, что ихъ «до Москвы не перевѣшаешь». Иванъ Великій — измѣритель высотъ «повыше высокаго»; Царь-колоколъ — тяжестей: «подними-ко!» Прѣсня хвалится женихами, «все скоморохи»; вся Москва до нашихъ дней и по всей

Руси—невѣстами. Всякій русскій городъ обязательно заручился «московской» заставой, и очень мало такихъ, гдѣ бы не было Московской улицы.

Поминаютъ Москву и въ карточной игрѣ («на пикахъ», напримѣръ, «вся Москва вистуетъ») и въ дѣтскихъ забавахъ: прихватываютъ ладонями оба уха, приподнимаютъ съ полу, чтобы показать именно Москву пожелавшему ее видѣть; впрочемъ, сквозь жидкій чай ее всегда видно, а «показать Москву въ рѣшето» значитъ уже на-голо обмануть, либо больно одурачить. На Москву загадываются загадки и ея именемъ упрекаютъ богатыхъ, насмѣхаются надъ тщеславными и щеголями, и проч. («а что просишь за Москву?» — спрашиваетъ надменный и хвастливый глупый богачъ и лѣзетъ за пазуху вынимать готовыя деньги). Быть въ Москвѣ и видѣть «золотыя маковки» считается за большое счастье и полагается первымъ душевнымъ утѣшеніемъ богомольнаго люда и всего православнаго народа. Все за Москву и все про нее: «бей въ доску, — поминай Москву»; «звони во всю Ивановскую».

За долгіе и многіе годы Москва успѣла выработать свои обычаи и нарѣчіе, свои пѣсни, пословицы и поговорки и провела ихъ во всенародное обращеніе вслѣдствіе долговременныхъ связей и неизмѣримо-обширнаго знакомства съ ближними и дальними русскими областями. Недаромъ говорится, что отсюда «до Москвы мужикъ для поговорки пѣшкомъ ходилъ».

ДОЛГІЙ ЯЩИКЪ И МОСКОВСКАЯ ВОЛОКИТА.

Когда говорятъ про недобрыхъ дѣльцовъ и судей, про вліятельныхъ лицъ и рѣшителей судебъ, упрекая ихъ въ лѣности, что они «откладываютъ дѣла въ долгій ящикъ», тѣмъ вспоминаютъ про тотъ длинный ящикъ, который нѣкогда царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ прибить у дворца своего въ селѣ Коломенскомъ, въ столбѣ. Онъ ежедневно прочитывалъ самъ вложенныя туда челобитья. До того времени челобитныя на имя царя клались на гробницы царскихъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ. Богомольный царь, ревностный къ церковному благолѣпію, поспѣшилъ отмѣнить обычай. Ящикъ сдѣланъ былъ длинный въ соотвѣтствіе свиткамъ, на которыхъ писались всѣ документы до Петра, замѣнившаго ихъ листами голландскаго формата, существующими до сихъ поръ. Изъ царскихъ теремовъ выходило рѣшеніе скорое, но, проходя черезъ руки ближнихъ бояръ и дальнихъ дьяковъ, дѣло «волочилось»: индѣ застрянетъ, индѣ совсѣмъ исчезнетъ, если не были смазаны колеса скрипучей приказной машины. Недобрые слухи про московскую «волокиту» или еще образнѣе про «московскую держь» въ народномъ представленіи остались все тѣ же, а кремлевскій ящикъ изъ длиннаго превратился въ «долгій», про вѣковѣчный обиходъ несчастныхъ просителей и жалобщиковъ на всемъ раздольѣ русскаго царства. Особенно же это было чувствительно и тягостно для пріѣзжихъ изъ областей и дальнихъ мѣстъ. Въ первопрестольномъ городѣ имъ доводилось задерживаться и издерживаться. Это — то же «хожденіе по переднимъ» нынѣшнихъ вліятельныхъ

лицъ, равносильное стоянію на Красномъ времлевскомъ крыльцѣ или у дверей старинныхъ приказовъ. Насколько тяжело было положеніе просителей, свидѣтельствуетъ св. Митрофанъ, епископъ воронежскій. Отправляясь въ Москву, онъ считалъ необходимымъ, для сокращенія сроковъ московской держи, каждый разъ запасаться достаточнымъ количествомъ денегъ. Если въ монастырской казнѣ ихъ не было, то онъ прибѣгалъ къ займамъ и издержки аккуратно записывалъ въ тетрадь. Одна изъ нихъ сохранилась. Въ ней мы читаемъ о покупкѣ святѣйшему патріарху «въ почесть 40 алтынъ на лещей и на 23 алтына и 2 деньги осетрины» въ то время, когда на себя лично во всю дорогу издержалъ святитель всего лишь 17 алтынъ «за постой и квасъ». Въ Москвѣ онъ поднесъ патріарху калачъ, далъ патріаршимъ истопникамъ 40 алтынъ, патріаршимъ пѣвчимъ славленныхъ 62 алтына, пономорямъ Успенскаго собора гривну, подъячему Кириллову на сапоги двѣ гривны и прочая «прѡтори и прѡѣсти, убытки и волокиты», какъ привычно выражались въ тѣ времена, приравнивая даже взятки къ волокитамъ всякаго рода.

ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ.

Въ такой, а не иной формѣ сохраняется это выраженіе въ устахъ народа, и взявшійся поправлять мое прежнее толкованіе самъ попался въ просакъ именно по той причинѣ, что обратился не къ прямому источнику, а принялъ его съ чужихъ словъ по довѣрію и обычаю въ нѣсколько искаженномъ «Кричать «во всю Ивановскую» (улицу) да хотя бы

и «во всю» площадь, что примыкаетъ къ Московскимъ соборамъ (какъ старается объяснить новый толковникъ)—нельзя. Это—не въ законахъ живого языка: такой разстановки словъ не допуститъ строгое и требовательное народное ухо. Можно и кричать (и при этомъ, конечно, осрамиться и прославиться) на всю улицу, на всѣ площади русскихъ городовъ, и нѣтъ нужды, для объявленія во всеуслышаніе царскихъ указовъ, выбирать изъ нихъ именно Кремлевскую Ивановскую. Для такой цѣли и по величинѣ и удобствамъ гораздо приличнѣе Красная площадь съ торговыми рядами, съ народной толкучкой, съ Лобнымъ, которое такъ любилъ грозный ораторъ Иванъ IV и «тишайшій» царь Алексѣй — въ дни церковныхъ «дѣйствъ». Къ тому же съ тѣхъ же самыхъ давнихъ временъ бирючи обязательно кочевали, разыскивая мѣста наибольшихъ народныхъ скопленій и тамъ кликали на всѣхъ крестцахъ и на всѣ улицы. Вотъ если зазвонитъ Иванъ Великій во всю свою Ивановскую «колокольную фамилію» (какъ выражались изстари), «во всѣ кампаны» въ 30 колоколовъ своихъ,—это окажется внушительнѣе, величественнѣе и памятнѣе для народа въ роды и роды, чѣмъ крики сиплыхъ отъ невоздержанія дьяковъ всѣхъ многочисленныхъ московскихъ приказовъ, и на всѣхъ площадяхъ широко раскинувшагося города. Издревле Иванъ Великій былъ глашатаемъ великихъ событій не одной лишь церковной, но и государственной жизни: предупреждалъ о подступѣ къ кремлевскимъ стѣнамъ и святынѣ злыхъ враговъ въ видѣ татаръ и ляховъ, извѣщалъ о побѣдахъ надъ ними, о радостныхъ событіяхъ въ царской семьѣ, и проч. И до сихъ поръ звонъ Ивана Великаго возвѣщаетъ о вступленіи на прародительскій престолъ новыхъ

царей, и первымъ на всей святой Руси привѣтствуетъ ихъ Богомъ вѣнчанными и превознесенными. Кто бывалъ въ Москвѣ, въ пасхальную ночь, тотъ на всю жизнь запечатлѣваетъ въ памяти очарованіе необычайнымъ колокольнымъ концертомъ и входитъ въ должную силу разумѣнія, что значитъ «во всю Ивановскую»—въ самомъ настоящемъ смыслѣ. А голосомъ кричать охотнымъ и безбоязненнымъ людямъ можно на всѣхъ Ивановскихъ улицахъ, безъ которыхъ дѣйствительно ни одинъ городъ на Руси не обходится и безъ которыхъ, вопреки мнѣнію моего обвинителя, едва ли ему удастся объяснить распространенное выраженіе «кутить во всю Ивановскую».

У добрыхъ сосѣдей во всей гостепріимной Руси не почтить завѣтнаго очереднаго (такъ наз. уличнаго) праздника значитъ кровно обидѣть: всѣ гости на счету, а близкихъ людей ожидаетъ болѣе радушный пріемъ. Вотъ почему вѣрные дѣдовскимъ обычаямъ непремѣнно заходятъ во всякій домъ и обязательно отвѣдываютъ хлѣба, соли и зелена вина, чтобы не показать (хозяйкамъ-стряпухамъ), что они ею гнушаются. Къ вечеру такого праздничнаго дня на улицѣ, носящей любое названіе), да хотя бы и безъ всякаго названія) иной, не твердый на ногахъ, вопреки полицейскимъ и грамматическимъ запрещеніямъ, возьметъ да и вскрикнетъ весело и громко: «катай-валяй во всю Ивановскую», а не то съ этимъ же окрикомъ нахлещетъ лошаденку и наладится домой [1]).

---

[1]) Г. Никольскій и на это изреченіе даетъ свое объясненіе: «въ Москвѣ въ XVII в. совершались казни и объявлялись правительственные акты (?) и распоряженія на Ивановской пло-

Въ живой рѣчи чаще всего «во всю Ивановскую» требуетъ именно удалыхъ или отчаянныхъ выкриковъ съ призывомъ «во вся тяжкая», а не исключительно со словомъ «кричать». У Даля имѣется прекрасный примѣръ того, сколь измѣняетъ смыслъ пословицы даже одно слово, невѣрно подслушанное или намѣренно перевранное.

ВО ВСЯ ТЯЖКАЯ.

Хотя говорится такимъ образомъ чаще всего о такихъ людяхъ, сбившихся съ правильнаго жизненнаго пути, которые безвольно отдались всякимъ порокамъ, «пустились во вся тяжкая», тѣмъ не менѣе едва ли не изъ того же источника вытекло это выраженіе, какъ и предыдущее «во всю Ивановскую», т. е. отъ того же колокольнаго звона. Основываюсь въ этомъ отношеніи на самой формѣ выраженія церковно-славянскаго склада, припоминаю начальныя строки служебной книги «Пентико-

---

щади (за Москвою рѣкою), куда вела Ивановская улица. Глашатай, оповѣщая жителей о какомъ-либо распоряженіи или о предстоящей казни, проходя по Ивановской улицѣ, дѣйствительно кричали «на всю Ивановскую» (опять-таки на всю, а не во всю). Никакой площади и улицы тамъ, гдѣ указываетъ нашъ толковникъ, нѣтъ, если только они не исчезли при нивелировкѣ города въ позднѣйшія времена и на нашей памяти. Въ нынѣшнихъ справочныхъ изданіяхъ указанная за Москвой рѣкой Ивановская улица изстари и по сейчасъ называется «Кожевниками». Даже ранѣе XVII в. за Москвой рѣкой была (да и теперь есть) мѣстность, называемая «болотомъ», и вотъ на ней-то дѣйствительно производились казни, и еще въ XVII в. здѣсь былъ четвертованъ Пугачевъ и казнены его сообщники.

старіонъ» или проще «цвѣтной тріоди». Въ ней повелѣвается передъ пасхальной заутреней: «вжигать свѣщи вся и кандила; устроять сосуды два съ угліемъ горящимъ и влагать въ нихъ фиміама много благовоннаго». «Тоже ударяютъ во вся кампаны и тяжкая и клеплютъ довольно» (текстъ этотъ, по обычаю, печатается киноварью).

Въ подкрѣпленіе этого предположенія имѣется въ виду слѣдующее очевидное и доказанное обстоятельство. Въ числѣ проводниковъ въ народъ различныхъ пословичныхъ и поговорочныхъ изреченій довольно видное мѣсто занимаютъ духовныя лица до семинаристовъ включительно (съ которыми равную честь и славу дѣлятъ также охотливые передатчики—солдаты). По словарю Даля, а особенно по его пословицамъ, такихъ изреченій, которыя могли выдти изъ стѣнъ семинарій, насчитываются десятки. Таково напр. названіе вина цѣльнымъ выраженіемъ: «его же и монаси пріемлютъ»; и оправданіе потребленія первой и слѣдующихъ чарокъ «стомаха ради и частыхъ недуговъ»; товарищескій совѣтъ: «иже не ври же, его же не пригоже» и таковой же отвѣтъ (слыхали мы эту пѣсню) «пѣсня стара» «пѣта бяху». Изъ закоптѣлыхъ семинарскихъ стѣнъ, не такъ давно наполнявшихся воплями истязуемыхъ, объявились въ живомъ языкѣ: и выраженіе «задать субботки», и молитва: «только бы перенесъ Богъ черезъ субботу», въ память того, что по субботамъ обычно и обязательно сѣкли розгами; «азъ да увязъ, да не выдрахся», «отъ Ѳиты подвело животы». «Гласъ шестый подымай шесты на игумена, на безумена». Когда наши духовныя училища пріяли малую толику отъ латинской премудрости, многія изреченія классиковъ, приводимыя примѣрами на

грамматическія правила, также пущены въ обиходъ, часто въ намѣренно искаженномъ видѣ; нерѣдко переиначивались латинскія фразы передѣлкою на русскій ладъ въ родѣ: «Квисъ нонъ габетъ клячамъ, пѣхотаре (или пѣши ходаре) дебетъ»: такъ весело подтрунивали школьники надъ собою, таскаясь гурьбою съ котомками за плечами за сотни верстъ въ родныя села, когда на Кирика и Улиту (15 іюля) распускали на лѣтній отдыхъ, и т. под.

Между прочимъ припоминается мнѣ изъ школьнаго возраста одинъ образчикъ подобнаго рода изъ практики костромскихъ семинаристовъ. Наскочивши на тяжелый камень преткновенія, полагаемый въ грамматикѣ неправильными глаголами, наши латинисты, не устрашась ими, придумали свои особенные. Такъ напр. глаголъ testo обращенъ въ направильный и проведенъ по временамъ въ такомъ видѣ: testo, slatisti, culagum, scaladare, что въ переводѣ на русской языкъ означало съ комментаріями: если ржаное тѣсто подсластишь ты (солодомъ напр.), то получишь кулагу— вкусное и всѣми любимое во время постовъ блюдо, особенно, если упарить его въ корчагѣ и въ печи на вольномъ духу, да подержать малое время на холодкѣ. Точно также тѣмъ же путемъ, прямо съ церковныхъ клиросовъ и въ такомъ же извращенномъ толкованіи, какъ насмѣшка, прокрались въ народную толпу слова греческія. Такъ длинные волоса у духовныхъ лицъ стали называть «аксіосами» съ повода постриженія ихъ при посвященіи въ священный санъ и произнесеніи и пѣніи слова «удостоенъ» нѣсколько разъ. Базарную безтолочь, всякую шумливую суетню, крикливыя ссоры стали звать «катавасіей» за то, что оба клироса пѣвчихъ сходятся на серединѣ церкви для совмѣстнаго пѣнія ирмо-

совъ, именно какъ бы для того, чтобы подымать больше шума, вступить въ соперничество между собою и поразить наибольшимъ громогласіемъ.

ПОПОВУ СОБАКУ НЕ БАТЬКОЙ ЗВАТЬ.

Даль даетъ такія толкованія въ примѣръ того, что, когда не только мы съ вами, но и еще двое собесѣдниковъ говорятъ одну и ту же пословицу на свой ладъ—и всѣ четыре правы: «старую собаку не волкомъ звать»—за то, что она устарѣла, не годна болѣе, не считать ее за волка, не обходиться, какъ съ врагомъ. «Попову собаку не волкомъ звать»: какъ ни надоѣдалъ попъ жадностью и прижимками своими, да не глядѣть же на собаку его, какъ на волка: она ни въ чемъ не виновата. «Старую собаку не батькой звать»—не отцомъ: отвѣтъ на требованіе уважать старика не по заслугамъ: старъ песъ, да не отцомъ же его за это почитать. «Попову собаку не батькой звать»: отвѣтъ на требованіе уваженія къ людямъ случайнымъ. Что ни толкуй объ уваженіи къ батькѣ, къ попу, да песъ его—не батька. Въ этомъ видѣ пословица часто примѣнялася къ любимцамъ барскимъ изъ дворни». Это объясненіе потребовалось (и погодилось) собирателю нѣсколькихъ десятковъ тысячъ пословицъ въ теченіе десятковъ лѣтъ въ опроверженіе обвиненія, взведеннаго на его сборникъ въ томъ, что «это куль муки и щепоть мышьяку» и между прочимъ въ поясненіе, что нельзя прибѣгать къ «огульнымъ» обвиненіямъ. Не справедливо въ одинъ обходъ или обзоръ, сплошь и подрядъ, браковать все по той лишь при-

чинѣ, что нѣчто мнѣ показалось неточнымъ, другое — пятое совсѣмъ ошибочнымъ. Надо поправлять да и самому осматриваться, какъ бы не попасть подобно «куру во щи». Огуломъ, безъ разбору обвинять — не на базарѣ съ возовъ огурцы покупать.

ДОРОЖЕ КАМЕННАГО МОСТА.

Въ комедіи А. Н. Островскаго «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ» одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ:

— Какія серебряныя подковы? Какія лошади? Двугривеннаго въ домѣ нѣтъ, а онъ...

— Позвольте! Это вѣрно. Намъ теперь съ вами какой нибудь двугривенный дороже Каменнаго моста.

— Какой мостъ? Квартальный давеча срамилъ-срамилъ при людяхъ, что заборъ не крашенъ.

Елеся Островскаго на этотъ разъ говоритъ общеупотребительное въ Москвѣ, но, по вѣковѣчнымъ тѣснымъ связямъ ея, хорошо извѣстное и во всѣхъ подмосковныхъ губерніяхъ выраженіе о дороговизнѣ, уподобляемой дороговизнѣ перекинутаго черезъ Москву-рѣку Каменнаго моста. Выраженіе этого рода приспособляется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда можетъ опредѣлить и крайнее богатство, и всякую несорзамѣрную цѣнность какого-либо имущества или предмета и т. п. Вотъ тому основаніе.

Деревянная Русь очень медленно и неохотно покидала свои брусяныя избы съ горницами верхними (или горними комнатами), надстроенными надъ нижними жилыми хозяйскими покоями для пріема гостей,

съ повалушами, куда уходили на ночь изъ топленыхъ избъ и холодныхъ горницъ спать (повалиться) и прочими хоромами—жилыми и холостыми строеніями, принадлежащими къ жилищу домовладѣльца. Богатые заботились лишь о числѣ этихъ зданій, и удивленные самовидцы спѣшили записывать: «а во дворѣ хоромовъ четыре горницы съ комнатами, да пять повалушъ въ подклѣтяхъ, да сѣнники» (холодныя гореньки противъ избы черезъ сѣни или мостъ, раздѣляющій домъ на двѣ половины). Церкви каменныя строились въ первые годы водворенія христіанства, но каменныя жилыя зданія упоминаются впервые въ 1419 году по поводу постройки палатъ изъ кирпича московскимъ митрополитомъ св. Іоною. Впослѣдствіи сдѣлались исторически извѣстными каменныя палаты купца Таракана (1470 г.) и боярина Образца (1485 г.). При царѣ Алексѣѣ уже во всю силу дѣйствовалъ указъ 1681 г., предписывавшій въ Бѣломъ городѣ, по примѣру Кремля, строить однѣ каменныя зданія. Въ помощь выдавался уже изъ приказа Большого дворца кирпичъ (по $1^1/_2$ руб. за тысячу съ разсрочкою на 10 лѣтъ) тѣмъ, кто хотѣлъ строиться въ Кремлѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ городахъ: Китаѣ и Бѣломъ.

Отецъ этого любителя зодчества и художества царь Михаилъ задумалъ построить черезъ Москву-рѣку постоянный и прочный мостъ изъ кирпича. Дома такихъ искусныхъ мастеровъ не нашлось, а потому для него, какъ и прежде для каменныхъ московскихъ соборовъ, выписанъ былъ мастеръ палатныхъ дѣлъ изъ Страсбурга Анце Яковсенъ, прибывшій въ Москву съ роднымъ дядей Кристлеромъ, прозваннымъ Иваномъ Яковлевымъ. Эти мастера принялись строить мостъ, но не достроили. Сорокъ

лѣтъ укладывались кирпичи и размывалась кладка буйными весенними водами своенравной рѣки, до сихъ поръ не измѣнившей своего разрушительнаго характера и сохраняющій на томъ мѣстѣ остатки камней прежняго моста въ видѣ обманчивыхъ естественныхъ пороговъ. Въ медленности и дороговизнѣ постройки народное преданіе обвиняетъ князя Вас. Вас. Голицына, любимца царевны Софіи, украсившаго Москву многими памятниками зодчества. Онъ нашелъ, какъ говорятъ, какого-то мастера-монаха неизвѣстнаго имени, который и завершилъ дѣло, не отступая отъ плана Кристлера, на полное удивленіе современниковъ и на насмѣшливую укоризненную память послѣдующихъ поколѣній до нашихъ дней. Каменный мостъ всталъ царской казнѣ въ большую сумму, которая значительно возросла между прочимъ и оттого, что постройкою руководилъ именно этотъ избалованный и расточительный любимецъ царевны и правительницы государства Софіи Алексѣевны. В. В. Голицынъ достаточно извѣстенъ (по несомнѣннымъ оффиціальнымъ документамъ), какъ стяжатель богатствъ многими безчестными путями, безъ разбора способовъ. Довольно памятна и народу его непомѣрная жадность къ личному обогащенію: дорого стоющій государственной казнѣ его безплодный пресловутый Крымскій походъ, за который онъ все-таки получилъ отъ правительницы чрезвычайныя драгоцѣнныя награды, въ числѣ которыхъ одна золотая медаль оказалась стоимостью болѣе 30 тыс. руб. Позоръ свой онъ къ тому же старался оправдать тѣмъ, что всю вину сложилъ на гетмана Самойловича, который по этому случаю былъ сосланъ въ Сибирь. Когда князя судили, онъ, выслушавъ приговоръ, произнесъ громогласно: «Мнѣ трудно опра-

вдаться передъ царемъ». Когда его сослали въ Пинегу, то въ погребахъ его роскошно обставленнаго дома нашли 100 тыс. червонцевъ и до 400 пудовъ серебряной посуды. Разсказывали, что онъ, при заключенiи мира съ Польшей, выговорилъ себѣ изъ контрибуцiи 100 тысячъ рублей, а съ крымскаго хана взялъ двѣ бочки съ золотой монетой. Таковъ былъ этотъ «ближнiй бояринъ» и при этомъ носившiй самый высокiй титулъ «оберегателя большой царственной печати».

Дороговизна моста при постройкѣ окончательно запечатлѣлась въ памяти москвичей отъ таковой же и при починкѣ его, когда началась чистка города по воцаренiи императрицы Елизаветы. Оказалось, что этотъ мостъ (онъ же и Всесвятскiй) загроможденъ лавками и палатками, въ которыхъ живутъ люди. Между быками была укрѣплена плотина и пристроены мельницы. Весеннiй ледъ спиралъ здѣсь и вредилъ мосту настолько, что требовалъ ежегодной починки. Крестьянинъ Кузнецовъ бралъ на себя поправку, просилъ 8,120 рублей и право построить мельницы. Въ послѣднемъ требованiи Сенатъ отказалъ, и послѣ уговоровъ принужденъ былъ сдать подрядъ ему же, съ денежною надбавкою (за 8,770 р.).

БОБЫ РАЗВОДИТЬ.

Теперь это значитъ пустяками заниматься, побасенки разсказывать, съ прямымъ желанiемъ подлаживаться, угодничая находчивымъ, острымъ или веселымъ словомъ. «Иной ходитъ до похода, бобы разводитъ», — какъ подсмѣивается поговорка. Выраженiе это взято отъ обычнаго не только въ ста-

рину, но и въ наши дни способа ворожбы, по которому раскидывали бобы (или разводили) и гадали по условнымъ знакамъ, какъ ложились эти продолговатыя плоскія зернушки обыкновеннаго огороднаго стручковаго боба. Повезло ему счастье избранія съ древнѣйшихъ временъ. Искусство разумѣнія предсказательной силы въ будущемъ пріобрѣталось наукою, передавалось за особую высокую плату не всякому встрѣчному, но каждому въ тайнѣ. Опытныхъ мастеровъ выписывали, напримѣръ, въ Москву изъ далекихъ странъ, какова Персія, доискивались ихъ въ глухихъ лѣсныхъ и болотистыхъ трущобахъ, какова наша озерная Корелія. Прятали ихъ самымъ тщательнымъ образомъ потому, что уличенныхъ и сознавшихся въ колдовствѣ, по стариннымъ московскимъ законамъ, предавали лютымъ казнямъ. Въ старину наукѣ волхвованія—искусству разводить чужую бѣду бабами, обучали всякихъ чиновъ досужіе люди, но больше всего простолюдины. Чаще всѣхъ владѣли тайнами ворожбы и гаданій коновалы, среди которыхъ это искусство уберегается и до сихъ поръ, наравнѣ съ цыганами. Въ такихъ же кожаныхъ сумкахъ хранятся у нихъ бобы, травы и росной ладанъ. Бобами гадальщикъ разводитъ и угадываетъ; ладаномъ оберегаетъ на свадьбахъ жениховъ и невѣстъ отъ лихихъ людей, при родахъ отъ сглазу и отъ вѣдуновъ. Умѣя ворожить бобами, умѣла на руку людей смотрѣть и внутреннія болѣзни у взрослыхъ и младенцевъ узнавать и лечить, шептами. Траву богородскую даютъ пить людямъ отъ сердечныя болѣзни безъ шептовъ; норичную траву даютъ лошадямъ. И зубную болѣзнь лечатъ, и щепоту, и ломоту уговариваютъ, и зуду (кровь заговариваютъ, и тому подобное.

Не одного изъ такихъ знахарей въ строгія времена застѣнка и пытокъ сжигали живыми въ срубахъ съ сумками и съ наколдованными въ нихъ травами и бобами всенародно въ Москвѣ на Болотѣ.

Изъ «розыскныхъ дѣлъ о Федорѣ Шегловитомъ и его сообщникахъ», изд. Археографическою комиссіею, видно, между прочимъ, слѣдующее: Царевна Софья узнала, что постельничій Гав. Ив. Головкинъ водилъ въ Верхъ, въ комнату царя Петра Алексѣевича, мурзу князя Долоткозина и татарина Кодоралея. Они тамъ ворожили по гадательной книгѣ и на письмахъ предсказали, что царю Петру быть на царствѣ одному. За такое предсказаніе ихъ обоихъ отвезли въ застѣнокъ, пытали и, въ заключеніе, сожгли на ихъ спинахъ гадательную книгу и письма. Здѣсь родилась и пословица: «чужую бѣду на бобахъ разведу, а къ своей ума не приложу».

ШИШЪ НА КОКУЙ!

Долго, почти до нашихъ дней, находилось въ оборотѣ у москвичей это непонятное и утратившее подлинный смыслъ выраженіе, обращавшееся къ тѣмъ, которымъ доводилось сказать: «Пошелъ прочь, уходи вонъ» и тому подобное. Въ сущности, оно въ цѣльномъ видѣ представляется еще большою загадкою, однако въ то же время такою, которая не только облегчаетъ, но и прямо ведетъ къ объясненію. Говорили съ прибавкой: «Фрыга, шишъ на Кокуй!»

Если остановимся на давней и извѣстной привычкѣ русскаго человѣка перестраивать на свой ладъ

заморскія слова и иностранныя выраженія согласно требованіямъ языка и уха, то увидимъ, что «фрыга» есть испорченное до неузнаваемости прозваніе всякаго иноземца Западной Европы и перестроенное изъ «фряга» и «фрязина». Явилось оно, конечно, въ то время, когда объявились на русской землѣ эти пришельцы, находившіеся подъ особымъ покровительствомъ Ивана Грознаго, и потребовалось для каждой націи отличительное прозваніе. Письменные дьяки стали распознавать «нѣмцевъ», за незнаніемъ русскаго языка, принужденныхъ отмалчиваться на вопросы и, прибѣгая къ пантомимамъ, казаться нѣмыми. Оказались «нѣмцы Амбургскія земли» въ виду того, что изъ торговыхъ ганзейскихъ городовъ (Бремена, Гамбурга, Любека, Данцига и проч.) первыми явились передовые купцы, искавшіе въ неизвѣстной странѣ дѣлъ и торговыхъ промысловъ и уже издавна успѣвшіе спознаться сь Великимъ Новгородомъ. Объявились и другіе нѣмцы (изъ нынѣшней Австріи), которымъ волей-неволей приходилось пріурочить отдѣльное прозвище: стали ихъ называть «нѣмцами Цесарскія земли» (въ противоположность азіатскимъ народамъ, которые назывались общимъ именемъ «басурманъ»). Выходцы изъ Швеціи и Норвегіи названы были «свейскими нѣмцами». Заурядъ съ итальянцами весьма рѣдкостные французы получили прозвище «фрязиновъ». Когда письменные люди ввели эти различія въ грамоты и договоры, народъ всѣхъ нѣмцевъ окрестилъ въ одно имя «фряговъ», «фрыги», и на томъ утвердился. Московскимъ людямъ это званіе было не только понятно, но и любезно, и мало того — внушительно. Передъ изумленными очами ихъ въ священномъ Кремлѣ съ 1479 года возвышалось величественное и дивное каменное зданіе

Успенскаго собора, напоминавшее имя хитреца-зодчаго, прозваннаго «хитрости ради» Аристотелемъ и записаннаго въ актахъ «фрязиномъ» (изъ Венеціи). Да и сами иноземцы въ московскомъ государствѣ въ тѣ времена представляли собою рѣдкость и большую диковинку.

Истерзанная и измученная Русь, въ самое живое время строенія своего, на югѣ чужеземными и дикими кочевыми народами монгольскаго племени, на западѣ и сѣверѣ остановленная въ своемъ поступательномъ движеніи къ заселенію свободныхъ земель племенами германской расы,—Русь, умудренная опытомъ, сдѣлалась опасливою, недовѣрчивою. Она замкнулась въ самой себѣ и, когда точно опредѣлились ея политическія границы, послѣднія получили значеніе крѣпкой стѣны, сквозь которую не всякому можно было проникнуть безъ дозволенія и охранныхъ грамотъ. Получившій таковое разрѣшеніе не иначе могъ проходить по русской землѣ, какъ съ «опаснымъ листомъ», подъ зоркимъ глазомъ московскихъ приставовъ, въ строго опредѣленномъ числѣ лицъ, родѣ занятій и цѣлей прибытія. При этомъ охотливѣе давалось единичное разрѣшеніе лишь тѣмъ «хитрецамъ», которые своею наукою и художествомъ могли быть полезны царственному или царскому двору. Предпочтительною свободою передъ нѣмцами пользовались, по издавна установившемуся обычаю, лишь одни византійскіе и морейскіе греки, какъ люди той націи, отъ которой приняты догматы православнаго христіанскаго исповѣданія. Всѣ прочіе иноземцы были стѣснены и во въѣздѣ въ нашу страну, и во время пребыванія въ ней. Ограничивалъ ихъ даже свободолюбивый и своекорыстный Новгородъ. Онъ отвелъ ганзей-

скимъ купцамъ особое мѣсто, гдѣ и закрѣпилъ ихъ стѣнами и запретительными правилами. Воспретилъ онъ на «восемь шаговъ кругомъ, около нѣмецкихъ дворовъ, постройку всякихъ зданій; новгородскіе молодцы около этого мѣста не смѣли собираться играть на палкахъ — обычная новгородская игра (перевранная, въ свою очередь, въ нѣмецкомъ документѣ въ слово «велень»). Ворота вечеромъ запирались на-глухо и спускались съ цѣпей злыя собаки. Русскіе могли посѣщать нѣмецкій дворъ только днемъ. Новгородцы и иноземцы смотрѣли одни на другихъ съ подозрѣніемъ и недоброжелательствомъ.

Не внушали русскимъ людямъ того же самаго и греки, не смотря на большую свободу въ силу религіозныхъ связей и зависимости русской церкви отъ греческаго патріарха. Милостыня нужна была для грековъ, а московскому правительству—повременамъ греческій авторитетъ. Духовныя лица привозили съ собою многоцѣлебныя мощи и чудотворныя иконы, а богатые люди являлись съ товарами: вмѣсто алмазовъ и другихъ камней привозили поддѣланныя стекла; да изъ этихъ же купцовъ многіе начали воровать, товары доставлять тайно, торговать виномъ и табакомъ. Глубоко и тяжко поражено было религіозное чувство богомольнаго русскаго люда, когда распозналъ онъ плутни заѣзжихъ грековъ, являвшихся съ поддѣльными святынями. Они несли съ собою: іорданскую землицу, частицы мощей святыхъ угодниковъ, даже часть страстей Господнихъ, т. е. орудій страданій, губы, трости и прочее, наконецъ часть жезла Моисеева. За деньги продавали они святое мvро, священныя и безцѣнныя реликвіи промѣнивали на московское золото, соболей и бѣлокъ. Нѣ-

мецкіе купцы, въ свою очередь, подсовывали плохія и короткія сукна, сбывали всякую дрянь, продавали медъ въ самыхъ малыхъ бочкахъ, сладкое вино въ малыхъ сосудахъ и дурного качества и соль въ малыхъ мѣшкахъ, а принимали, напримѣръ, воскъ не иначе, какъ съ тугой набивкой, и тому подобное. За все это впослѣдствіи, чтобы проникнуть грекамъ въ московское государство черезъ границу, въ городѣ Путивлѣ, нужно было явиться въ качествѣ патріаршаго посла съ грамотою къ государю или примкнуть къ свитѣ какого нибудь именитаго греческаго архіерея. Въ Москвѣ имъ стало также не легче: у русскихъ людей уже укоренилось то убѣжденіе, что какъ нѣмцы, такъ и греки ищутъ только денегъ и средствъ къ жизни. «Голодной ихъ жадности никогда не наполнить, какъ дыряваго мѣшка. Ихъ очи никогда не насыщаются, но всегда алкаютъ все больше и больше, и хотѣли бы высосать кровь изъ жилъ нашихъ, мозгъ изъ костей нашихъ». Когда цареградскій патріархъ Іеремія прибылъ въ Москву, то на подворье, гдѣ онъ жилъ, нельзя было никому приходить и видѣть патріарха, ни ему самому выходить вонъ. Только монахи, когда хотѣли, то выходили съ царскими людьми на базаръ, и подъ ихъ же охраною возвращались назадъ. На базаръ дозволялось и нѣмцамъ являться не для однихъ только покупокъ необходимыхъ вещей и продуктовъ или для вымѣна ихъ на собственныя нѣмецкія издѣлія, но и для развлеченія среди крикливыхъ и живыхъ площадокъ. Вся народная городская жизнь собиралась тутъ на-распашку въ любезномъ видѣ, какъ для привычныхъ къ таковымъ сборищамъ восточныхъ людей, такъ и для прочихъ европейцевъ, знакомыхъ съ площадною жизнью. Для тѣхъ и другихъ здѣсь

было много развлеченій и приманокъ. Обжившіеся въ Москвѣ нѣмцы сновали въ народныхъ толпахъ съ утра до вечера, рѣзко выдѣляясь своими куцыми камзолами и высокими сапогами среди сѣраго лапотнаго московскаго люда.

Нѣмцевъ въ Москвѣ скоплялось мало-по-малу довольное число изъ тѣхъ мастеровъ, которые либо вызваны были изъ Германіи, либо добровольно выѣхали изъ Ливоніи, Пруссіи и западно-русскихъ городовъ. Уже во времена Ивана III, безъ всякаго сомнѣнія, существовала значительная нѣмецкая колонія, и въ ея средѣ, кромѣ ремесленниковъ, были и лекаря, а впослѣдствіи даже и учителя комедійному дѣлу, когда царь Алексѣй клалъ основаніе русскому театру. Нужда во врачахъ была болѣе личная государева, чѣмъ общественная, а потому лекаря съ помощниками и аптекарями обязательно жили въ Москвѣ и получали или готовый дворъ, или деньги на дворовое строеніе. Нѣкоторые уходили обратно въ свое отечество съ обѣщаніемъ превозносить царскую милость и въ иныхъ государствахъ распространять». Многіе оставались на постоянное житье «служить на государево имя», т. е. молиться за царя и оставаться въ Россіи навсегда. Если иноземцы объявляли это при въѣздѣ, то со вступленіемъ въ русскіе предѣлы получали они проводниковъ, не платили за подводы и пользовались отъ казны кормомъ. Нѣкоторымъ, и по прибытіи въ Москву, давали кормъ и питье, какъ сказано въ одномъ изъ указовъ, «для ихъ скорби и иноземства»! Дворы отводились гдѣ случилось изъ записанныхъ на государя (конфискованныхъ, напримѣръ, за корчемство), безъ разбора среди туземцевъ и старожиловъ. Когда же, благодаря усилившемуся по-

кровительству (особенно во времена Грознаго), число заѣзжихъ иноземцевъ увеличилось въ значительной мѣрѣ, имъ предназначено было особое мѣсто, отведена отдѣльная слобода. При этомъ руководились все-таки тѣмъ отчужденіемъ и нетерпимостью къ иновѣрцамъ, которая воспитывалась въ народѣ, ревностномъ въ дѣлѣ православія, подъ вліяніемъ и внушеніемъ духовенства. Впрочемъ, считая протестантовъ менѣе католиковъ зараженными духомъ религіозной пропаганды, наши предки допустили пасторовъ и кирки въ томъ убѣжденіи, что они, удовлетворяя нуждамъ природныхъ протестантовъ, не сдѣлаются оплотомъ и орудіемъ совращенія православныхъ. Начало протестантской церковной общины въ Россіи относятся къ 1559—60 годамъ, ко времени пребыванія въ Москвѣ лютеранскаго пастора Тимана Бракема, который временно и правилъ богослуженіе.

Для нѣмцевъ назначено было то косогорье, которое на краю Москвы спускалось къ Яузѣ и носило имя «Кокуя», можетъ быть по тому русскому названію дня Ивана-Купалы, который издревле чествовался нѣмецкими, какъ и русскими людьми, съ рѣзкими и поразительными оказательствами, въ видѣ зажиганія костровъ, прыганья черезъ огонь, танцевъ, пировъ во всю ночь и т. п.*). Здѣсь у ино-

---

[1]) Мѣста игрищъ въ честь Купалы издревле назывались кокуемъ. Чтобы не ходить далеко — укажемъ подъ самымъ Петербургомъ на подобную мѣстность: По Нарвской дорогѣ въ девяти верстахъ отъ столицы находится липа, вѣтви которой, переплетаясь съ ближайшими деревьями, составляютъ какъ-бы природную бесѣдку, замѣчательную еще тѣмъ, что Петръ Великій неоднократно отдыхалъ подъ ея тѣнью. На это мѣсто въ Иванову ночь сходятся ижорки и, разложивши большіе ко-

земцевъ были свои нравы, свои обычаи и вѣра и самый образъ жизни совершенно не былъ похожъ на московской. Всѣмъ русскимъ во времена до-петровскія вступать въ браки «съ дѣвками нѣмецкой слободы» считалось неслыханнымъ дѣломъ. Впервые нарушилъ этотъ обычай дядя царицы-матери Петра Великаго Федоръ Полуектовичъ Нарышкинъ, женившись на дѣвицѣ Гамильтонъ (Авдотьѣ Петровнѣ). Теперь это названіе «Кокуй» забыто, спеціальный характеръ исключительно нѣмецкаго селенія утратился. Мѣстность эта стала слыть подъ именемъ «Нѣмецкой слободы» и памятникъ старины сохранился лишь въ киркѣ, очень давней и оригинальной постройки — именно 70 годовъ XVI столѣтія. Впослѣдствіи Петръ Великій вызвалъ слободу изъ ничтожества, возбуждая въ народѣ сильный ропотъ и нескрываемое негодованіе москвичей, когда, послѣ какихъ либо удачныхъ баталій и вообще по пріѣздѣ въ Москву, онъ не заѣзжалъ поклоняться кремлевской святынѣ, а направлялся прямо на Кокуй. Здѣсь онъ веселился и пировалъ, не разбирая праздничныхъ дней и ночей. Такъ поступилъ онъ въ 1702 году, когда возвратился изъ-за границы безъ бороды и въ нѣмецкомъ платьѣ и проѣхалъ прямо въ домъ виноторговца Монса, гдѣ съ его дочерью и Лефортомъ прокутилъ цѣлую ночь. На другой день онъ брилъ уже бояръ всѣхъ, кромѣ двухъ. Черезъ пять дней, когда надо было выходить по случаю новолѣтія (1-го сентября) на Красную площадь и здравствовать народъ — царь пировалъ у Шейна, много пилъ и велѣлъ шутамъ рѣ-

стры, проводятъ тутъ всю ночь, распѣвая пѣсни, въ которыхъ вспоминаютъ имя Купалы, потомъ сожигаютъ бѣлаго пѣтуха и начинаютъ плясать. Это игрище ижорцы называютъ «кокуемъ».

зать послѣднія боярскія бороды. Бритый царь съ бритыми боярами, нѣмецкими женами и дочерьми пировалъ потомъ у Лефорта. Францъ Яковлевичъ (по словамъ современника его кн. Куракина) «былъ прямой французскій дебошанъ и вообще человѣкъ забавный (т. е. любитель увеселеній) и роскошный».

Задолго до Петра и въ теченіе всего предшествовавшаго времени двухъ столѣтій ни чужемцамъ, ни ихъ мѣстожительству не оказывалось особенной чести. Тѣ и другіе были лишь терпимы русскими людьми, какъ неизбѣжное зло, съ мягкою и благодушною снисходительностью, «ради ихъ скорби и иноземства». Враждебное отношеніе началось еще во 2-й половинѣ XVI в. Иностранцамъ только во времена Олеарія позволили ходить въ своемъ платьѣ. Не любили ихъ и за хищничество, и за то, что они не будучи людьми высшихъ нравственныхъ качествъ, обращались съ москвичами грубо.

Приходилось пришельцамъ жить среди новыхъ людей иной вѣры и несхожихъ обычаевъ въ очень суровой и дикой странѣ, жить опасливо и подъ постояннымъ страхомъ на лучшій конецъ обратной высылки, изгнанія. Скажутъ: «подите отъ насъ—вы намъ засорили землю!» Не только въ живой памяти, но и передъ глазами, происходили случаи жестокихъ казней тѣхъ иноземцевъ, которые были несчастливы въ отправленіи ремесла и проявленіи своихъ знаній, какъ лекарь Леонъ, какъ Бомелій: «Забыли вы страхъ Божій и великое государево жалованье». Надо было принижаться, казаться смущенными, льстить для личной безопасности и семейнаго спокойствія. Вслѣдствіе исключительнаго положенія передъ московскимъ бояриномъ, гордо задравшимъ назадъ на дерзкій козырь голову, покрытую высокою горлат-

ною шапкой, и выпятившимъ толстый, ожирѣвшій сытый животъ, сухопарый нѣмецъ, въ куцомъ камзолѣ и узенькихъ панталонахъ, нескрытыхъ полами одежды, могъ казаться смѣшнымъ. Въ глазахъ равнодушной черни, на московскомъ базарѣ, въ толпѣ, онъ являлся фигурой, возбуждавшей жалость, разсчитывающей на покровительство и какъ бы молящей о защитѣ. Не могло здѣсь быть мѣста озлобленію, презрѣнію, преслѣдованіямъ: не станутъ съ ними особенно якшаться, но не удержатся отъ того, чтобы и милостиво, и снисходительно не потрепать по плечу, не погладить по спинѣ: «Не бойся,—мы тебя не обидимъ». Этимъ бѣднягамъ, скромно зарабатывающимъ на торгу хлѣбъ, всегда уступчивымъ и, видимо, угнетеннымъ, указанъ строгій законъ оставаться на рынкахъ только до солнечнаго заката. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ права ночевать внѣ своей осѣдлости, въ городѣ, т. е. въ Москвѣ. Всякій долженъ былъ уходить въ свою слободу, брести очень далеко, въ самый конецъ города, на Кокуй. Для напоминанія объ этомъ срокѣ, расхаживали особые приставы, со внушительнымъ орудіемъ, въ видѣ длинной палки. Кто удачно расторговался, да въ увлеченіи барышомъ замѣшкался, тому кричали: «Фрыга, шишъ на Кокуй!» Ступай, добрый человѣкъ, домой подъ эту добродушную поговорку, и тотчасъ за этимъ ласково насмѣшливымъ окрикомъ, какимъ добрыя хозяйки обычно сгоняютъ на насѣсть шальныхъ курицъ, залетѣвшихъ въ избѣ на столъ или лавки.

Вспомнилъ объ этихъ нравахъ иноземцевъ и о самомъ выраженіи сынъ Артамона Сергѣевича Матвѣева, будучи въ ссылкѣ. Изъ Пустозерска онъ писалъ въ свое оправданіе противъ клеветъ лекаря Давыдки (Давида Барлова), распускавшаго слухи о яко-

бы награбленныхъ богатствахъ: «Пьяный воръ, датскій нѣмчинъ, будучи на Москвѣ, только славы учинилъ, какъ его возили пьянаго черезъ лошадь и черезъ сѣдло перекиня, или въ коретѣ положа вверхъ ногами, и ребята вопили вслѣдъ: «пьяница, пьяница, шишъ на Кокуй!»

КУРАМЪ НА СМѢХЪ.

Ни одно изъ домашнихъ животныхъ не представляетъ наибольшихъ поводовъ къ презрительнымъ насмѣшкамъ или унизительнымъ уподобленіямъ, какъ куриная порода, съ древнѣйшихъ временъ сдѣлавшаяся домашнею и очень полезною. Именно, женская половина этого вида, наиболѣе оказывающая куриныхъ услугъ людямъ (нѣкоторыя курицы приносятъ до 120 яицъ ежегодно), — вызываетъ самое большое количество насмѣшекъ. Пѣтухъ, гордый султанъ, поддерживающій семейный порядокъ въ строжайшей дисциплинѣ, щеголь и крикунъ, съумѣлъ отстоять себя во мнѣніи просвѣщенной и мыслящей публики. Надъ нимъ не насмѣхаются. Смѣются надъ тѣми людьми, кто ему уподобляется, пѣтушится, т. е. либо чванится и величается, либо безъ особой нужды, по задорному характеру, лѣзетъ въ споръ и драку. За то на курицу посыпались всякія насмѣшки, впрочемъ, не столько заслуженныя ею одной, сколько всѣмъ куринымъ родомъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ракъ—не рыба, такъ и курица не птица; напримѣръ, всѣмъ природа даетъ перья для полета, — у ней они только для украшенія и при этомъ слабо прикрѣплены къ мягкой кожѣ и часто выпадаютъ и легко выщипываются. Короткія,

круглыя и тупыя крылья тоже не для дальнихъ и повсюдныхъ передвиженій: изъ холодныхъ странъ въ теплыя и, въ свое время, обратно. Не смотря на то, что издали слышенъ бываетъ шумъ куриныхъ перелетовъ, на самомъ дѣлѣ «гора родитъ мышь»: перелеты, не больше хорошихъ скачковъ, ничтожны и забавны своими претензіями до смѣшного. Курицы не дѣлаютъ гнѣздъ, а высиживаютъ яйца на голой землѣ, въ поразительное отличіе отъ прочихъ пернатыхъ. Онѣ боятся воды и забавляются только пыльными и песчаными ваннами, пропуская, на солнечномъ пригрѣвѣ, пыль и песокъ между перьями, развернутыми вѣеромъ. Онѣ флегматиками бродятъ по двору и, обладая ненасытною прожорливостью, заботливо и хлопотливо ищутъ зеренъ, которыхъ имъ всегда мало. Кажется, по этой то самой причинѣ онѣ и пребываютъ въ постоянной задумчивости и меланхоліи и, выведенныя изъ такого положенія невзначай и особенно темной ночью, начинаютъ безпокойно шумѣть, кудахтать такъ, что не скоро затихаютъ. Когда ихъ менторъ и патріархъ, привыкшій прежде всего заботиться всею душою о семействѣ и потомъ уже о самомъ себѣ, найдя цѣлую кучу зеренъ, расхвастается о томъ,— ненаходчивыя и неизобрѣтательныя куры ему вѣрятъ. Онѣ вдругъ схватываются съ мѣста: какъ шальныя, начинаютъ суетиться, какъ будто услыхали какую-то чрезвычайную новость и разсчитываютъ увидѣть невиданное чудо. Онѣ спѣшатъ въ перегонку другъ за другомъ, бѣгутъ сломя голову, толкаются, семенятъ ногами, комически повертываются, и зря, на полномъ довѣріи, начинаютъ тыкать короткими и крѣпкими клювами у ногъ своего повелителя. Пѣтухъ, однако, пошутилъ—обма-

нулъ: разсказывалъ, что просыпана цѣлая горсть, а на самомъ дѣлѣ оказалось, что всѣхъ зеренъ — только щепоточка, да и то сомнительнаго качества, въ перемежку съ мелкими камушками. Также флегматически, въ перевалку, бредутъ обманутыя куры дальше, ничѣмъ не смѣя выразить своего неудовольствія и очевидной обиды. Довольный испытаннымъ повиновеніемъ, общимъ довѣріемъ и вообще всѣмъ домашнимъ порядкомъ, хвастливый при всякомъ случаѣ и со стороны очень смѣшной своимъ самодовольствомъ, пѣтухъ въ это время уже успѣлъ взлетѣть на первую попавшуюся каѳедру — на заборъ, на кадку—и воспѣлъ самому себѣ хвалебную пѣснь такъ громко, что она слышна далеко въ сосѣдней деревнѣ. Конечно, всѣ эти продѣлки очень забавны.

Именно эта забавная пѣтушья ревность и эта самая смѣшная куриная покорность съ безотвѣтной подчиненностью уронила всю куриную породу во мнѣніи людей. Ничего не можетъ быть обиднѣе и унизительнѣе сказать или сдѣлать на-смѣхъ этимъ смѣшнымъ курамъ (совсѣмъ худо, «если курамъ смѣхъ»), какъ ничего не можетъ быть жалчѣе и опять-таки, въ то же время забавнѣе «мокрой курицы».

Вялый въ работѣ, неповоротливый въ движеніяхъ человѣкъ, на котораго нечего и разсчитывать, обзывается, съ великой досады, этимъ самымъ унизительнымъ прозвищемъ «мокрой курицы», потому что неприглянѣе ея, попавшей подъ дождь и не успѣвшей спрятаться подъ навѣсъ и на насѣсть, трудно уже представить себѣ что нибудь другое.

«Слѣпая курица» есть тотъ человѣкъ, который безтолково тычется и суетится, розыскивая вещь,

лежащую, что называется, у него на носу. Толпа на базарѣ, горожане на бульварѣ ходятъ долго и много, но безъ всякаго толку—это они какъ куры бродятъ. Утлая избушка сказочной бабы-яги и всякой иной вѣдьмы стоитъ не иначе, какъ на курьихъ ножкахъ: такая неустроенная и необрядная, что хуже ея не бываетъ.

Противъ этого мимоходнаго сообщенія довольно пространно возражаетъ г. Никольскій (сначала въ газетѣ «Южный Край», потомъ дословно въ воронежскихъ «Филологическихъ Запискахъ», 1891 г., вып. IV—V). Онъ прямо, ничто же сумняся, ставитъ сказочную избушку «на курьяхъ», а не на курьихъ ножкахъ.

Въ Олонецкихъ краяхъ, гдѣ умѣли цѣльно сохранить (болѣе, чѣмъ гдѣ-либо) пѣсенную и сказочную старину, избушка на курьихъ ножкахъ снабжена еще придаткомъ «на веретенной пяткѣ», т. е. до того неустойчива, что свободно могла поворачиваться, какъ укрѣпленная на тонкомъ концѣ вертляваго веретена («пяткѣ»). Иванъ Царевичъ такъ и говоритъ ей: «устойся-устойся,—туда тынцемъ (т. е. тыномъ, заборомъ), ко мнѣ крыльцемъ. Мнѣ не вѣкъ вѣковать, одну ночь ночевать». Весь интересъ сказки вертится именно на архитектурной особенности и исключительности этой постройки, а вовсе не на мѣстоположеніи ея. Напрасно мой судья взвелъ напраслину на сказочниковъ, что они не понимали выраженія «на курьяхъ»; стали-де искать къ прилагаемому (на курьихъ) существительное, какимъ и оказалось «ножки». На Сѣверѣ въ особенности всѣмъ извѣстно, что курья—тотъ изгибъ рѣки, который отдѣляется отъ главнаго русла большимъ колѣномъ, образуя островъ. Такъ дѣлаетъ это Печора и сдѣлала Двина про-

тивъ Холмогоръ, отрѣзавши большой островъ «Куръ-островъ», на которомъ умѣстилась цѣлая волость съ деревнями, и въ одной изъ нихъ, какъ всѣмъ извѣстно, родился нашъ геніальный Ломоносовъ. Напрасно, стало быть, выписывалъ авторъ изъ словарей цѣлую группу финскихъ словъ, которыя довели его лишь до невѣрнаго понятія о курьѣ, какъ «о высохшемъ руслѣ рѣки или оврага, теряющагося въ болотахъ». Стремясь помѣстить «едва замѣтную убогую избушку» еще какъ можно дальше—въ курьѣ, «въ оврагахъ и лощинахъ, гдѣ русскаго духа слыхомъ не слыхать», какъ видимъ, самъ толковникъ забрелъ, безъ всякой надобности, въ болота и тамъ доброхотно завязъ. Куръ-островская курья течетъ себѣ вольно, пропуская даже пароходы, да и въ избахъ побережныхъ деревень пѣтухи поютъ, напоминая, что старинное славянское имя имъ—куръ («куре-доброгласне»), да и сейчасъ «попалъ, какъ куръ во щи») и уже по немъ супруга изъ его гарема называется курицей. Отсюда, отъ него же прилагательное законное «курій», а отъ особи женскаго пола, по произволу, и куричій, и курячій, и даже «курицынъ сынъ», какъ слегка бранное и насмѣшливое [1]). Слово же куриный, рекомендуемое оппонентомъ, относится

[1]) Въ «Вопросахъ Кирика и Словѣ Христолюбца» сказано: «кумирную жертву ядятъ, и куръ (пѣтуховъ) имъ рѣжутъ». Въ 1289 г. кн. Мстиславъ установилъ съ берестьянъ подать со ста «по 20 куровъ, а княгинѣ Витовтовой давали съ дыма въ кухню по курети (по курицѣ) и по 10 яицъ. По Русской Правдѣ за куря взыскивали по 9 кунъ», и т. д. Въ цѣльномъ своемъ видѣ живымъ сохраняется до сихъ поръ старинное имя современнаго пѣтуха при выраженіи о неудачникѣ: «попалъ, какъ куръ во щи». При этомъ объясняется, что таковое изреченіе примѣнено было еще къ судьбѣ перваго Самозванца (по свидѣтельству современника М. Бэра).

ко всей птичьей породѣ, ко всему семейству этихъ пернатыхъ животныхъ. Теперь, какъ же объяснитъ авторъ предлагаемой мнѣ поправки со своимъ финскимъ аршиномъ московское урочище «на курьихъ ножкахъ», гдѣ стоитъ (между Поварской и Арбатомъ) церковь Николы, чрезвычайно далеко отъ Москвы-рѣки? И, наконецъ, какъ онъ посовѣтуетъ приспособить къ имени обитательницы избушки производимое съ финскаго «ягать и яжить» къ бѣлорусской старухѣ, которая зовется «бабой-Югой, а чаще просто Югой»? Въ Бѣлоруссіи, при чрезмѣрномъ обиліи болотъ, о болотистыхъ курьяхъ и не слыхивали, даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя сосѣдятъ съ финскими племенами.

ГДѢ КУРЫ НЕ ПОЮТЪ.

Природа изъ числа куриныхъ породъ надѣлила только весьма немногихъ пріятнымъ голосомъ и, въ числѣ ихъ, кое-какимъ однообразнымъ и крикливымъ нашего домашняго пѣтуха. Вѣщее пѣніе его и перекличка всѣхъ его родичей и сосѣдей служатъ по ночамъ замѣною строго вывѣренныхъ деревенскихъ часовъ, а днемъ — указателемъ погоды и даже предсказателемъ грядущаго. Запѣли первые пѣтухи — это полночь: ворочайся на другой бокъ; вторые поютъ передъ зарей, третьи на самой зарѣ — вставать пора. Если же днемъ или ночью они распоются не вовремя, то либо видятъ злого духа и гонятъ его прочь, либо предсказываютъ покойника, либо новые указы будутъ, либо начнется ненастье. Если поютъ они цѣлую ночь, то напѣваютъ всѣмъ на голову какую нибудь непрошеную бѣду и неминучую напасть. За

это преимущество, предоставленное пѣтуху природою, въ исключеніе передъ прочими, за это право пѣть онъ получилъ, въ замѣну коренного и древняго имени «куръ» и наиболѣе употребительнаго въ деревенскомъ быту названія «кочетомъ», прямо опредѣляющее и его право, и способность пѣть — повсемѣстное имя пѣтуха. Оно равнозначуще съ церковно-славянскимъ «петелъ», съ древне-новгородскимъ «пеунъ», или пѣвунъ, съ нынѣшнимъ казацкимъ и бѣлорусскимъ «пѣвень» и съ малорусскимъ «пивень». Все это онъ, тотъ самый (по художественной картинной характеристикѣ одного изъ зоологовъ) гордый, поющій посреди своего гарема султанъ, украшенный короною, гребнемъ и хвостомъ, который великодушно заботится сначала о слабѣйшемъ полѣ и только потомъ уже о себѣ самомъ. Этотъ патріархъ и менторъ вполнѣ совмѣщаетъ въ себѣ смѣшную, но все-таки умилительную поэзію куринаго быта. Въ упорной кровавой битвѣ, сражаясь шпорами, клювомъ и крыльями, онъ прогоняетъ изъ своихъ владѣній чужихъ пришлецовъ и тогда возвѣщаетъ съ высокаго мѣста, далеко разносящеюся тріумфальною пѣснью, объ униженіи бѣгущаго врага. Поэтому называется онъ уже въ санскритскомъ языкѣ (самомъ древнемъ изъ извѣстныхъ языковъ) «krikavâka».

Бываютъ однако, такіе случаи, что нарушаются уставы естества, и на грѣхъ курица свищетъ, силится спѣть пѣтухомъ, какъ равнымъ образомъ случается что, по пословицѣ, кому поведется, у того и пѣтухъ несется (спорышкомъ — уродливымъ куринымъ яичкомъ въ твердой скорлупѣ, безъ бѣлка, съ однимъ желткомъ). Тотъ и другой случай предсказываютъ великія бѣды. Суевѣріе обра-

тило это уродливое маленькое яичко — «спорышъ» или «сносокъ» — въ пѣтушье яйцо, изъ котораго высиживается василискъ, т. е. драконъ или змѣй. Если же замѣтятъ, что курица подарила такимъ спорышкомъ, то твердо убѣждаются въ томъ, что она хочетъ перестать нестись. Большею частью, такимъ заподозрѣннымъ птицамъ немедленно рубятъ головы, а потому сложилось и пословичное убѣжденіе: «не пѣть курицѣ пѣтухомъ, а и спѣть, такъ на свою голову» [1]). Впрочемъ, судя по разнымъ мѣстностямъ, въ этомъ случаѣ замѣчается нѣкоторое противорѣчіе: такъ, напримѣръ, въ южной Россіи такихъ поющихъ куръ считаютъ плодливыми, называютъ «носкими» курами и не рѣжутъ ихъ. Вообще же наиболѣе распространено то мнѣніе, что «не къ добру курица пѣтухомъ поетъ».

Вотъ на этомъ же самомъ югѣ Россіи нашлось такое село, гдѣ куры совсѣмъ не поютъ, по особенно важной причинѣ. Такое знаменитое село отыскалось въ Волынской губерніи, въ тридцати верстахъ къ западу отъ уѣзднаго городка Староконстантинова. Зовется оно Чернелевка и расположено на рѣкѣ Случѣ и при прудѣ, довольно живописно и удобно: на большой (не почтовой, а торговой) дорогѣ. По ней нѣсколько разъ проѣзжали цари, а потому и прозвана она «царской». Повидимому, для крестьянскаго благосостоянія есть уже видимая при-

---

[1]) Какая бы птица ни залетѣла въ избу, надо изловить ее и сорвать голову съ приговоромъ «На свою голову!» Это же надо сказать громко, если собака начинаетъ выть по ночамъ, и при этомъ обязательно перевернуть подъ головою подушку. Какъ бы собака ни выла, въ обоихъ случаяхъ къ худу: воетъ, держа голову къ землѣ — быть покойнику; задрала голову вверхъ — быть пожару, и т. под.

чина въ союзѣ съ тѣмъ мѣстнымъ условіемъ, что земля въ селѣ черноземная, способная достаточно вознаградить крестьянскій трудъ. Въ прямое и законное послѣдствіе того сами жители ничего не знали, кромѣ земледѣльческихъ работъ: если кто мало мальски владѣлъ топоромъ, тотъ уже считался у нихъ и прямо назывался всѣми «мастеромъ». По этому же самому поводу въ неурожайные годы сельчане, за ненаходчивость и косность въ быту своемъ,— мученики нужды и кабальные рабочіе за самую ничтожную заработную плату. На пущее бездолье обрекла ихъ недавно изжитая крѣпостная зависимость. То было такое время, когда крестьяне отъ хищныхъ и ненасытныхъ глазъ прятали въ землю не только деньги, но зарывали въ ямахъ даже самый хлѣбъ,— словомъ, тѣ времена, когда народъ назывался и считался быдломъ (скотомъ) и создалась поговорка: «плебана для пана, а попа для хлопа». Тамошній народъ до сихъ поръ твердо помнитъ и охотливо разсказываетъ (оправдывая свою съ трудомъ поправимую бѣдность) про недавнія «панскія времена» и про «войтову путу или плеть», и про «войтову бирку». На послѣдней безграмотные войты или сельскіе старосты нарѣзками замѣчали количество принятаго зернового хлѣба и прочее. Длинною плетью съ толстымъ кнутовищемъ (которую всякій войтъ обязанъ былъ носить всегда при себѣ, какъ знакъ власти и достоинства) выгоняли въ поле до восхода солнца, а съ закатомъ его распускали по домамъ безъ платы. Если во время работы иная мать навѣдывалась къ колыбели грудного ребенка, ее наказывали этой самой войтовой плетью. Точно также ею же поощрялись лѣнивые къ работѣ. Ходитъ войтъ по полосамъ и похлопываетъ. Того войта,

который забылъ, по разсѣянности, свою пугу дома и, не имѣя ея въ рукахъ, попадался на глаза пану, растягивали тутъ же и наказывали другой такой же плетью, каковая всегда была на глазахъ. Для пущаго вразумленія обычно брали эту длинную пугу въ серединѣ и били такъ, чтобы она наказывала обоими концами: тонкимъ и толстымъ за одинъ разъ, но въ нѣсколько пріемовъ. Тогда не смотрѣли на то, что крестьяне по цѣлымъ мѣсяцамъ питались одной бульбой (то есть картофелемъ), а продолжали крѣпко ихъ мучать...

По словамъ самихъ сельчанъ: «волкъ ягнятъ такъ не душитъ, какъ душили насъ,—не было къ намъ никакой жалости». Въ жаркіе лѣтніе дни косили панское сѣно въ сермягахъ, надѣтыхъ прямо на голое тѣло: ни у кого не было рубахъ.—Дадутъ ленъ прясть, но при этомъ не довѣсятъ,—надо было добавлять своей пряжей на вѣсъ: такова была войтова бирка! Бывало весной каждой хозяйкѣ въ хатѣ раздадутъ по 20 яицъ и велятъ осенью доставить 20 куръ: не донесла этого числа, — либо прикупай у жидовокъ въ корчмѣ, либо плати по гривеннику за каждую, недостающую до полнаго счета, птицу. Приводилось больше расплачиваться не птицами, а деньгами. «Село до такой степени занищало, что не подойди къ тому времени воля,—сталось бы большое худо: всѣ бы поднялись бунтомъ».

«Стали говорить сосѣди и всѣ проѣзжіе съ обозами, не то изъ жалости къ нашей куриной подати, не то насмѣхъ, за недостачу всегдашнюю у нашихъ жинокъ куръ,—называть наше село не настоящимъ именемъ, а всегда такъ-то: «это то село, что куры не поютъ».

Настоящее названіе села съ языка у сосѣдей пропало. Такимъ и слыветъ оно въ народѣ до сихъ поръ, изживая прежнія невзгоды, но оставаясь на людскихъ памятяхъ, какъ вѣдомые и видимые горемыки—особняки. Въ Бѣлоруссіи такъ и говорили въ тѣ времена, съ полною увѣренностію, «что дере коза лозу, а вовкъ козу, вовка мужыкъ, мужыка панъ, пана юрыста, а юрыста чортовъ трыста».

КАЗАНСКІЕ СИРОТЫ.

«Казанскій сирота», а равно и «нищій» изъ того же мѣста, какъ московскій жуликъ и петербургскій мазурикъ—типъ особенный и самостоятельный. Это — не тотъ сирота, который, оставшись безроднымъ и круглымъ, жмется и прячется по угламъ, чтобы не замѣтили, не задѣли и не обидѣли. Онъ робостью и смиренствомъ вызываетъ сердобольную слезу и въ безпомощномъ положеніи всегда находитъ покровителей. Въ самыхъ бѣдныхъ деревушкахъ, которыя сами стоятъ безъ покрышки, эти бѣдняки съ голоду не умираютъ, потому что «за сиротою самъ Богъ съ калитою»,—съ тѣмъ мѣшкомъ, со сборнымъ подаяніемъ, который сталъ историческимъ именемъ еще съ 1340 года, со смерти перваго московскаго князя Ивана Калиты.

Казанскій сирота — назойливъ и докучливъ: отъ него не отвяжешься. Отъ другихъ его всегда можно отличить по особому мундиру и ухваткамъ. При внѣшнихъ признакахъ отмѣны, онъ притомъ совсѣмъ не сирота и не нищій, а такимъ лишь прикидывается. Онъ—плутъ нагольный и образцовый притворщикъ: нищенствомъ и попрошайствомъ онъ

простодушно промышляетъ, какъ подобные ему пензенскіе калуны, клепенскіе (смоленскіе) мужики и вѣдомые всему московскому люду и русскому міру воры и сквозные плуты—гуслицкіе нищеброды. Разница у казанскихъ съ этими лишь только въ мѣстностяхъ промысла: казанскіе «Волгамъ шаталъ, базаромъ гулялъ», и всѣ князья, не безъ достаточныхъ однако на то причинъ и основаній.

Большею частію они—потомки бывшихъ казанскихъ мурзъ — «плешь-мурзы-Булатовичи», живой остатокъ старинныхъ временъ и ходячіе историческіе документы. Ихъ породило и забаловало московское угодничанье, считавшее своею обязанностію ихъ ласкать и приваживать не только въ первыя времена по завоеваніи всѣхъ татарскихъ царствъ, но и въ позднѣйшія, когда совсѣмъ уже «отошла татарамъ пора и честь на Русь ходить». Еще царь Алексѣй Михайловичъ полагалъ обязательствомъ и долгомъ для себя награждеть этихъ плутовъ и попрошаекъ свыше всякихъ мѣръ, особенно, если мурзы рѣшались перемѣнить вѣру. Въ историческихъ актахъ много такихъ примѣровъ. Вотъ одинъ изъ довольно обычныхъ.

Въ 1640 году задумалъ креститься Бій мурза, Корель мурзинъ, сынъ Исуповъ. Его сейчасъ же поспѣшили назвать: «княземъ Иваномъ» и наградили царскимъ жалованьемъ «для крещенья», какъ бы въ задатокъ, около 250 тогдашнихъ рублей. Потомъ, когда былъ посланъ «подъ началъ», т. е. приготовиться къ крещенію въ монастырѣ у особаго старца, ему дали жалованье за подначальство: «28 рублей, 32 алтына 2 деньги». Затѣмъ онъ видѣлъ государевы очи и челомъ ударилъ послѣ крещенья». А за то даны ему изъ серебра кубокъ, стопа, братина

и ковшъ, «шуба атласъ золотной на соболяхъ, п
вицы серебряны золочены, шапка горлатна, атл
золотной, бархатъ червчатъ; камка куфтеръ жел
да лазоревая, да кармазинъ, 40 соболей въ сор
рублей, денегъ 150 рублей; съ конюшни жереб
аргамачей сѣръ съ конскимъ нарядомъ: цѣна
ребцу 60 рублевъ, конскаго наряду 91 рубль 18
тынъ. «Стоилъ этотъ крещеный татаринъ вс
905 рублевъ и 18 алтынъ съ деньгой. Да све
того на всю жизнь обезпеченъ поденнымъ корм
и питьями въ достаткѣ, а на послѣдующее потомс
помѣстнымъ окладомъ 1,200 четвертей да деньг
150 рублей. Черезъ четыре года (въ 1644 г
князя Григорья Сунчалеева Черкасскаго наград
при крещеньи еще щедрѣе, потому что «изво
крестить самъ великій государь царь и вели
князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи». «А
пѣль была обита кругомъ сукномъ червчатымъ
страфилнымъ, по краемъ у тое купѣли и въ куп
впущено того-же сукна 1/4 аршина, а около куп
запонъ атласъ желтъ 4 рубли 2 деньги».

Этотъ стоилъ 969 руб. только при одномъ ч
битьѣ на царскихъ очахъ. Не забудемъ при это
что въ тѣ времена русскій лекарь получалъ,
примѣръ, государева жалованья въ годъ 9 руб
да 2 алтына въ день столовыхъ, что составля
въ годъ всего до 30 руб.

Расплодились казанскіе нищіе,—завелся у н
и суевѣрный, но злой обычай, выраженный ко
кимъ и непонятнымъ изреченіемъ «приткнуть к
грошъ». Это значитъ, по примѣру казанскихъ
щихъ, воткнуть въ избу, на зло богачу, эту мѣд
монету съ яснымъ разсчетомъ и прямымъ же
ніемъ, чтобы тотъ разорился и захудалъ.

ХЛЕБАЙ УХУ.

Пословица «хлебай уху, а рыба вверху»—не небылица: опять-таки по той же коренной причинѣ, что у народа «не спустà слово молвится». Оно идетъ изъ тѣхъ же мѣстъ, о которыхъ я уже имѣлъ поводъ и случай упомянуть, разсказывая о такихъ же призрачныхъ безсмыслицахъ пословичныхъ выраженій. На Низовой Волгѣ, куда сходится рабочій народъ со всѣхъ сторонъ (съ преобладаніемъ, однако, пензенскихъ и другихъ черноземныхъ), хозяева рыбныхъ ватагъ кормятъ его черной или частиковой рыбой, которая ловится круглый годъ, кромѣ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Въ такую уху, слѣдовательно, идутъ въ свѣжемъ и живомъ видѣ: стерлядь, мелкій шипъ, судакъ, бѣлорыбица, сазанъ, лосось. Къ черной же рыбѣ, хотя и съ бѣлымъ мясомъ, относятся: лещъ, окунь, чехонь, вобла, тарань, жерехъ, подлещикъ, шемая, усачъ, щука, линь, сопа, бершь и сомъ (и этотъ сортъ рыбы весь я переименовалъ). Вся эта рыба—рабочая снѣдь. Ея не жалко: вари и жарь, и въ пирогъ загибай, и въ ухѣ хлебай, а настоящая рыба вверху, т. е. идетъ въ верховые купеческіе города и въ обѣ столицы. Настоящей рыбой считается дорогая въ цѣнѣ и выгодная въ продажѣ—красная, т. е. хрящевая и безкостная: благородный осетръ, любимая нашимъ купечествомъ бѣлуга и самая вкусная изо всѣхъ — севрюга. Къ этому сорту рыбъ относятъ еще шипъ осетрій и бѣлужій ублюдокъ, только никакъ не стерляжій, которымъ привычно обманываютъ малоопытныхъ въ обѣихъ столицахъ, продавая его за-мѣсто настоящей кровной и породистой стерляди.

Могу предупредить сомнѣнія и вопросъ. Къ таковыхъ же бытовыхъ поговорокъ въ зависи отъ промысловъ относится слѣдующая: «п| честь на свиную шерсть». Это бываетъ осе| зимой, когда кулаки-скупщики крестьянска| дѣлья являются мѣнять на горшки и горя| всякое бабье рукодѣлье и все, принадлежаще однимъ, по вѣковѣчному праву: ленъ, пеньку, | а на этотъ разъ и свиную шерсть, т. е. щ| Образчиковъ въ этомъ родѣ въ обращеніи | родномъ, конечно, очень много и писать объ очень долго.

ПОДКУЗЬМИТЬ И ОБЪЕГОРИТЬ.

Отвѣчая на запросъ о значеніи этихъ слов какъ не могу согласиться съ тѣмъ, что они- ная безсмыслица изъ случайнаго подбора и Не спустà слово молвится—во всякомъ случаѣ особенности, если принять къ разсужденію | слово. Сколь величественъ въ представленіи домъ самый миѳическій образъ св. Егорія, сто знаменателенъ въ народной жизни этотъ ден| не астрономическое число празднованія въ великомученика, а ближайшіе окружающіе ег| въ родѣ осеннихъ Кузьминокъ, зимней Николь и т. п., среди которыхъ указанный представл лишь починнымъ или срединнымъ, какъ бы | рода эрою. Вся группа послѣдующихъ дней | вляетъ опредѣленный періодъ, на который даютъ извѣстные сроки обязательствъ, выну мыхъ въ деревенскомъ быту либо обществен| либо домашними требованіями, а въ экономич

жизни указуемыхъ временами года и явленіями природы. «У Егорья по локоть руки въ красномъ золотѣ, по-колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, а во лбу-то солнце, во тылу мѣсяцъ, по косицамъ звѣзды перехожія»—поетъ былина, подслушанная мною на побережьяхъ Бѣлаго моря. Егорій разъѣзжаетъ въ поднебесьѣ на бѣломъ конѣ, въ лѣсахъ раздаетъ наказы звѣрямъ, которые всѣ у него въ строгомъ подчиненіи; на поляхъ спускаетъ онъ на нивы питательныя живоносныя росы и, приглашая сюда деревенскій домашній скотъ, обѣщаетъ ему на все лѣто защиту отъ звѣрей и покровительство при питаніи [1]). Онъ начинаетъ красную весну и указываетъ срокъ посѣвамъ, отчего и называется «Егорій — лѣнивая сошка»: выѣзжаетъ запахивать на этотъ день пашню даже лежебока, если не желаетъ на весь годъ «подъегорить», т. е. обмануть и обездолить семью, оставивъ ее на чужомъ, горькомъ хлѣбѣ. Къ этому сроку весенняго безхлѣбья всѣ запасы подошли къ концу: осталась одна надежда на милость Господню и на св. великомученика, который, по этому обычному явленію въ сельской жизни и народномъ хозяйствѣ, зовется повсюду «голоднымъ» (въ отличіе отъ Егорья холоднаго— 26-го ноября). Съ Егорьева дня начинаютъ обычно весенніе хороводы, выгоняютъ вербой, сбереженной отъ Вербнаго воскресенья, въ первый разъ скотъ въ поле и запахиваютъ пашни. Изъ дальной глубокой старины, вѣдавшей твердо свои права и руководившейся свободою, въ историческій «Юрьевъ

---

[1]) У бѣлоруссовъ на немъ: бѣлый плащъ, на головѣ — вѣнокъ, въ рукахъ колосья; ноги босыя. По приказу матери онъ отворяетъ небесныя ворота, и съ выѣздомъ его на землѣ начинается настоящая весна.

день», въ старину (до конца XVI вѣка) этимъ днем точно опредѣлялись сроки всякаго рода наймам рабочихъ, сдѣлкамъ промышленныхъ и предпріи чивыхъ людей и сроки платежей у торговцевъ Двѣ недѣли до осенняго Юрьева дня и одна недѣл послѣ него полагались конечнымъ срокомъ, когд крестьяне садились на новыя земли и обязывалис отдавать половину или треть жатвы за пользован ими: либо богатому купцу или ловкому промышлен нику, либо сильному князю или честному монастыр Кромѣ этого срока, ни владѣлецъ не могъ отказат ни самъ крестьянинъ отбиться отъ работъ и ух дить съ земли къ другимъ. Борисъ Годуновъ «подъ горилъ» весь крестьянскій русскій людъ тѣмъ, чт отнялъ у него это право переходовъ отъ худых владѣльцевъ къ хорошимъ. По старой памяти и п неизмѣнному почтенію къ старинѣ, это обычное пр вило отчасти уберeглось до нашихъ временъ во все неприкосновенности. Въ самомъ дѣлѣ, Егорій поч наетъ полевыя работы (весной), какъ онъ же ихъ кончаетъ (осенью). Древніе сроки наймовъ на вес этотъ рабочій періодъ въ нынѣшнія времена лиш сократились, ограничившись въ иныхъ случаях Семеновымъ днемъ, «лѣтопроводцемъ» (1-е сент бря) — началомъ бабьяго лѣта и концомъ посѣв озимей, въ другихъ—днемъ Покрова, который ко чаетъ уличные хороводы, смѣняя ихъ для мол дежи посидѣлками въ натопленныхъ избахъ. Пр наймахъ въ другія работы выговариваются бол отдаленные сроки, каковы, напримѣръ, кузьмин (начало ноября—древнія «братчины»), какъ начал зимы. Это такое время, когда въявь обнаруживаютс итоги и плоды лѣтнихъ полевыхъ работъ и мож изъ своего ячменя, съ придачей съ женина ог

рода хмѣля, сварить разымчивое пиво. Можетъ «подъегорить» рабочій наемщика, давши слово или взявши задатокъ,—не придти въ срокъ на работу;—можетъ подкузьмить, т. е. обмануть, и міроѣдъ-хозяинъ при разсчетѣ съ наймитомъ за потраченный полугодовой трудъ съ весенняго Егорья до осенняго «Кузьмы-Демьяна». Можетъ и купецъ въ одно и то же время и подкузьмить, и подъегорить, не прибывши въ заговоренное время съ готовыми деньгами для расплаты или съ готовымъ товаромъ для разсчета. Кстати, можно и самому рабочему вскорѣ «просавиться» или «проварвариться» (кому какъ угодно), т. е. на своихъ сладкихъ пивахъ, а равно и на покупномъ зеленомъ винѣ прогулять всѣ заработки, увлекшись зимними никольщинами, когда во всякомъ домѣ пиво. Въ деревенскомъ быту никольскую брагу пьютъ, а за никольское похмѣлье — бьютъ: однихъ раньше—на Варвару (4-го декабря), другихъ—днемъ попозднѣе, на день памяти преподобнаго Саввы Освященнаго, нѣкогда создавшаго извѣстную лавру близъ Іерусалима «надъ юдолію плачевною» (т. е. надъ доломъ или долиною Іосафатовою). Во всякомъ случаѣ, плачевная юдоль, постигающая бражниковъ, на этотъ разъ является вполнѣ заслуженною. Такъ и приговаривалъ сердитый мужъ, постегивая плеткой лѣнивую жену, которая частой гульбой разстроила хозяйство: «просавилася еси, проварварилася еси».

ОЧУМѢТЬ.

Очевидцы московской чумы 1771 г. отм:
слѣдующіе признаки нежданной страшной і
«выговоръ больныхъ не вразумителенъ и за
теленъ, языкъ точно приморожень или прику
или какъ у пьянаго». По новѣйшимъ наблюде
медиковъ, болѣзнь развивается обыкновенно чр
чайно быстро, почти внезапно, сказываясь п
всего сразу наступающей крайней слабостью (
ропостижнымъ разслабленіемъ», какъ выраз
московскіе врачи—очевидцы прошлаго вѣка).
временно появляется ознобъ, вскорѣ смѣняю
жаромъ, и сопровождается затѣмъ сильною
ною болью во лбу и вискахъ. Слабость бы
такъ велика, что больной не только не въ с
ніи двигаться, но съ трудомъ ворочаетъ язы
На другой уже день головная боль переходит
помраченіе сознанія съ безпокойствомъ и даж
нымъ бредомъ. Воспоминаніе объ этой картин
боко запечатлѣлось въ народной памяти и
зилось въ новомъ словѣ, цѣльно сохранив
до сихъ поръ, хотя и примѣняемомъ къ явле
значительно слабѣйшимъ. Кто забудется въ
кихъ думахъ о нерадостномъ настоящемъ или у
воспоминаніями въ милое и дорогое прошлое
грузиться такъ, что ничего не слышитъ и не
спохватится на вопрошающій окликъ,—тотъ
вѣкъ очумѣлъ, или одурѣлъ. Чумѣютъ отъ у
отъ приступовъ дурноты, при головокруженіи

ЗАБАВАМЪ НѢТЪ КОНЦА.

Голубей гонять, синицъ и чижей ловить, о погодѣ разговаривать, баклуши бить, балясы точить, и т. д.,—все одно и то же значитъ: заниматься пустяками, ничего не дѣлать, пожирая труды дѣлателей. Если же и приспособиться къ какому-нибудь занятію, то все равно изъ него выйдетъ либо «семипудовый пшикъ», либо, «дыра въ горсти». Однако, два первыя бездѣльныя занятія оба таковы, что, по нѣкоторымъ причинамъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе и вынуждаютъ призвать на помощь память и личныя наблюденія, а на крайній случай—разсказы пріятелей и товарищей.

СИНИЦЪ ЛОВИТЬ.

Въ густыхъ кустахъ, а еще того чаще—на опушкахъ хвойныхъ рощъ, если только онѣ, подобно сосновымъ, не растутъ быстро, какъ грибы, вьютъ себѣ гнѣзда эти пташки-синички—однѣ изъ самыхъ маленькихъ въ разнородномъ пернатомъ царствѣ. За это онѣ и преслѣдуются неотвязчиво въ народ-

ныхъ пословицахъ: говорятъ, если прапорщикъ не офицеръ, то и синица не птица, хотя въ самомъ дѣлѣ: «невеличка-синичка, да та же птичка». Невеликъ человѣкъ чиномъ, званіемъ или заслугами, да кстати и ростомъ невысокъ, но сметливъ и способенъ къ большимъ дѣламъ, можетъ и за себя постоять, отъ нападокъ отбиться и нагрубить, и при случаѣ больно уязвить: это благодаря тому, что у него, какъ у синицы, «ноготокъ востеръ». Эта же птица собиралась когда-то зажигать море въ посмѣяніе и поученіе тѣмъ, которые, при своемъ нравственномъ ничтожествѣ или физическомъ безсиліи, хвастливы на дѣла чрезвычайныя. На тонкихъ и слабыхъ синичьихъ ногахъ они собираются лѣзть на крутыя горы и брать крѣпкіе города.

Въ сказкахъ сказывается: «полетѣла птица-синица за тридевять земель, за сине-море океанъ, въ тридесято царство, въ тридевято государство», что бываетъ обыкновенно на самомъ дѣлѣ раннею осенью. Въ теплыхъ странахъ за моремъ, хотя бы даже для насъ за Аральскимъ и Каспійскимъ, гдѣ (опять-таки, по пословицѣ) синица—птица уже просто, по всенародному убѣжденію, что за моремъ все ѣдятъ, — стало быть и синицъ, синица дожидается лѣтняго времени нашихъ странъ. Тогда она, вслѣдъ за другими, въ своихъ стаяхъ летитъ подвѣсить на елкѣ свое теплое гнѣздушко, обыкновенно похожее съ виду на вязанный денежный кошелекъ.

Лѣтомъ синица изъ Сокольниковъ, Нескучнаго сада или Марьиной рощи вылетаетъ въ самый городъ Москву цѣлыми стаями и разгуливаетъ, видимо, беззаботно по песчанымъ косамъ и на отмеляхъ несчастныхъ рѣкъ счастливаго города: на Москвѣ и Яузѣ. Впрочемъ, для нея тамъ есть и [illegible]га-

кая рѣчушка, которая обезславлена именемъ этой самой невеликой птички. Въ синичьихъ стаяхъ все свои кровные и ближайшіе родные въ нисходящемъ потомствѣ, потому что у этой птицы особый отъ другихъ обычай — воспитывать птенцовъ при себѣ до поздняго возраста.

Прилетаютъ синицы въ богатый городъ и, съ своей стороны, пощеголять голубымъ темечкомъ на веселой головкѣ, при бѣленькихъ щечкахъ, и оживлять эти отравленныя фабричными отбросами мѣстности веселыми движеніями и безпокойной суетней. То, какъ маленькія стрѣлки, онѣ перепархиваютъ съ лужайки на песокъ, то бѣгаютъ по вѣткамъ, по бревнамъ, по палкѣ, брошенной и забытой уличными ребятишками. Синицѣ все равно: обращена ли на бѣгу ея вертлявая и живая головка, какъ у всѣхъ, кверху или на верху очутилась спинка, или зобокъ, или шаловливый хвостикъ: словно она не ощущаетъ въ себѣ никакой тяжести, какъ комнатныя мухи, которыя бродятъ по оконнымъ стекламъ вверхъ и внизъ, сюда и туда, и не затрудняются ходить по потолкамъ.

Утромъ просыпаются синицы раньше всѣхъ,— гдѣ еще до воробьевъ. Андрей-воробей еще и не собирается вылетать на рѣку поклевать песку, потупить носку,—синицы уже набѣгались, напорхались, наклевались, когда у нихъ, что ни клевокъ, то и глотокъ. Иную личинку или яичко и въ микроскопъ не разглядишь, а синичка увидитъ и съѣстъ. Глазъ не поспѣетъ слѣдить за каждымъ ударомъ ея клюва, остраго и коротенькаго какъ шило: до того они быстры и часты. Все это продѣлываютъ синицы съ полною беззаботностію и очевидною довѣрчивостью: школьники-де пока еще спятъ самымъ крѣп-

кимъ остаточнымъ сномъ, съ которымъ обыкновенно они разстаются сердито и ворчливо. Да и домовые, и фабричные сторожа также спятъ, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ на такія ихъ дѣла будочники совсѣмъ не взираютъ. Куда на ту пору дѣвались столь присущія этимъ птицамъ ихъ прирожденная робость и чуткость?

Да вотъ и онѣ обѣ вмѣстѣ: лишь только поднялось повыше солнышко и взыграло разомъ на крестѣ Ивана Великаго и на орлѣ Сухаревой башни, синицы не узнать: она позволяла до тѣхъ поръ свободно наблюдать за всѣми своими игривыми продѣлками,—теперь къ ней и не подступайся. Даже такъ, что сама наступитъ на кончикъ соломенки, а другой въ то же время приподымется,—она ужъ и испугалась до смерти и стрекнула прочь, какъ искорка. За одной полетѣли и другія, какъ пульки: только мы ихъ и видѣли. «Пыркъ-пыркъ-пыркъ»— и исчезли.

Раннимъ утромъ, когда синица обнаруживаетъ откровенную и любознательную довѣрчивость, ловятъ ее въ сѣти только неумѣлые и лѣнивые птицеловы или тѣ, которые продаютъ пѣвчихъ-птицъ въ знаменитомъ Охотномъ ряду. Для нихъ съ древнѣйшихъ временъ держится въ Москвѣ спеціальный торгъ пѣвчими-птицами и собаками на Собачьей площадкѣ, которая въ послѣднее время стала кочевать по Москвѣ и никакъ не найдетъ себѣ новаго, облюбленнаго и насиженнаго мѣста. Торгъ бываетъ въ Сборное воскресенье, т. е. первое въ Великомъ посту (недѣля православія).

Кочевало торжище Сборнаго воскресенья даже и по самой площади Охотнаго ряда: было оно сначала на площадкѣ у Мясныхъ рядовъ, потомъ пе-

ревели его къ самой церкви Параскевы-Пятницы, затѣмъ—къ дому Бронникова, а отсюда, спустя немного времени, къ дому Челышова. Теперь оно не то на Лубянкѣ, не то въ Зоологическомъ саду, но тутъ и тамъ обезличенное и ослабѣвшее. Не такъ давно богачи и даже титулованная знать, а съ ними всякіе любители и особенно псовые охотники, являлись на этотъ день обязательно со своими выкормками и воспитанниками: поискать лучшихъ, похвастаться собственными. Эта была настоящая выставка и говорящихъ скворцевъ, и умнѣйшихъ собакъ. Съѣзжались очень издалека, а въ особенности изъ Коломны и Тулы. Охотники были здѣсь всѣ налицо.

ГОЛУБЕЙ ГОНЯТЬ.

Для иныхъ эта работа—забава и шалость, за которую вообще не хвалятъ, а городскихъ ребятъ родители ихъ считаютъ непремѣнною обязанностью награждать волосяной выволочкой. Для другихъ, не только взрослыхъ, но даже старыхъ, легкая забава переходитъ въ серьезное занятіе, требуетъ особой науки и доводитъ до любительской страсти со всѣми неудобными послѣдствіями.

Какъ всякое безотчетное влеченіе, эта страсть также неудержима, необузданна и заразительна. Ею заболѣваютъ цѣлые города и въ нихъ такіе умные люди, какъ дѣдушка Крыловъ (баснописецъ), и такіе могущественные, богатые и сильные люди, какъ братья Орловы-Чесменскіе. Однако, какъ не дающая никакихъ практическихъ результатовъ, игра все-таки у насъ не пользуется уваженіемъ и вызываетъ на-

смѣшки. Думаютъ даже, что нѣтъ позорнѣе несчастія, какъ свалиться съ голубятни и убиться до смерти въ безумномъ увлеченіи при напускѣ и подъемѣ голубей. Слово же «голубятникъ» обратилось въ презрительное и бранное: «въ голубятникахъ да въ кобылятникахъ съ поконъ вѣку пути не бывало» — увѣряетъ народная пословица.

О городскихъ ребятахъ выговорилось слово не спустà, именно потому, что серьезно поставленная гоньба голубей, съ соперничествомъ на пари, какъ игра азартная, укрѣпилась исключительно въ нашихъ городахъ и преимущественно въ торговыхъ. Въ деревняхъ такими пустяками заниматься некогда, развѣ воспитывая голубей на продажу. Однако же и здѣсь голубей замѣняютъ скворцы. Тѣмъ не менѣе здѣсь твердо вѣрятъ, что «сегодня гули, да завтра гули, анъ и въ лапти обули». За то невозможно представить себѣ ни одного мало-мальски порядочнаго города, въ особенности стариннаго, гдѣ бы не было настоящихъ голубятниковъ-любителей. Правда, что нынѣшнее строгое время, перевернувшее многое наизнанку, а главное потребовавшее строгаго и сторожливаго взгляда на жизнь, въ значительной степени ослабило эту купеческую страсть и городскую забаву. Въ нѣкоторыхъ городахъ она достигла до крайнихъ предѣловъ, не больше 25—30 лѣтъ тому назадъ. Городъ Тула выдѣлялся болѣе всѣхъ другихъ и почитался столицею всякихъ забавъ съ пѣвучими и непѣвучими птицами. Онъ сдѣлался даже притчею во языцѣхъ и предметомъ народныхъ насмѣшекъ. Москва, совмѣстившая въ себѣ нѣсколько городовъ разомъ, конечно, оказалась не въ силахъ отстать отъ повальной страсти къ козырнымъ голубямъ, говорящимъ сквор-

цамъ, драчливымъ пѣтухамъ и т. д. Она прославила курскихъ соловьевъ и заставила завести для себя заводы канареекъ въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, на такъ называемомъ Полотняномъ заводѣ. Голуби дались легче прочихъ птицъ, потому что оказались болѣе повадливыми къ людямъ и ихъ жилищамъ и болѣе забавными и послушными.

Въ самомъ дѣлѣ, найдется ли на Руси такой городъ съ мучными рядами и лавками, гдѣ бы не шумѣли сильными и громкими взмахами сизяки (одичалые голуби) на длинныхъ заостренныхъ крыльяхъ, помогающихъ быстрому, граціозному и продолжительному полету? Они либо нѣжно цѣлуются, сидя на крышахъ, и томно, громко и пріятно для уха воркуютъ. То хлопочутъ и суетятся около налитой дождемъ лужи или на водопойной колодѣ и притопываютъ проворными и нѣжными лапками, на которыхъ задній палецъ касаетси земли. Они въ кучкѣ и не ссорясь между собою клюютъ выброшенныя изъ лавки цѣлыми горстями зерна, а самчикъ въ густомъ и красивомъ мундирѣ, какъ гусаръ былыхъ временъ на балу, ходитъ вокругъ своихъ дамъ, растопыривъ шейныя перья. Такими голубиными продѣлками можно только любоваться. Вообще не ошиблись люди, признавая эту птичью породу за идеалъ кротости, цѣломудрія, невинности и любви (но не ума, которымъ голуби всѣхъ породъ вообще не отличаются). Понятна городская любовь къ нимъ, особенно если припомнимъ, что на любителей имѣются въ природѣ до 200 различныхъ видовъ, и между ними такіе занимательные, какъ воркунъ или бормотунъ (онъ же зобастый): большой глинистаго цвѣта, и, когда воркуетъ, то вздуваетъ зобъ пузыремъ, за что зовется еще дутышомъ. Трубастый

распускаетъ хвостъ, подобно павлину, колесомъ или опахаломъ; плюмажный ерошитъ свой воротникъ изъ перьевъ. У хохлатаго или козырнаго—хорошенькій чепчикъ и мохны на ногахъ, дѣлающія его похожимъ на одѣтую по парижской модѣ богатую городскую дѣвочку (иногда у него этихъ чепцовъ нѣтъ). Бѣлый «чистякъ» съ черными крыльями носитъ на нихъ повязки и ходитъ въ кругахъ, за что ему особенное предпочтеніе передъ другими породами. Огнистый носитъ на груди манжеты. Рыжій турманъ, всегда голоногій и изрѣдка хохлатый, на лету вертится кубаремъ черезъ голову, черезъ какое нибудь крыло бокомъ или черезъ хвостъ ничкомъ. Онъ такъ иногда усердствуетъ править свое дѣло, «катается въ разнобой», что, не разсчитавъ мѣста, разбивается головой о крышу своей голубятни. Египетскій голубь, когда воркуетъ, заливается хохотомъ, сидя и покачиваясь на стрѣхахъ и на сучьяхъ,—словомъ, всякій видъ голубей очень красивъ и всѣ чистоплотны, кротки и обходительны (голубчикъ и голубка обратились въ самыя нѣжныя и сердечныя ласкательныя привѣтствія). Голуби привязаны къ своимъ жилищамъ, кормятъ другихъ птицъ своимъ кормомъ и насчетъ времени очень аккуратны. Этими послѣдними свойствами и воспользовались люди, чтобы сдѣлать изъ этихъ птицъ серьезную для себя забаву.

Она у солидныхъ людей искала досуга и знала свое время. Въ праздничный день и во всякое воскресенье, теплой лѣтней порой, горожанинъ-любитель поднялся съ постели рано, сходилъ помолиться къ заутренѣ, отстоялъ обѣдню. Вернувшись домой, сейчасъ горячаго пирожка поѣлъ, щей похлебалъ, соснулъ немного, наверставши то время, что израсходовалъ раннимъ утромъ; попилъ кваску и, какъ

былъ въ халатѣ или въ рубахѣ при жилетѣ, такъ и полѣзъ на голубятню и на крышу. Взялъ онъ въ руки длинную мочальную веревку съ хвостомъ, спустилъ голубей и замахалъ мочаломъ въ круги; чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Дошло, наконецъ, дѣло до подпояски, а у азартнаго человѣка — до халатной полы. Тогда трудно бываетъ представить себѣ что либо смѣшнѣе этой бородатой фигуры, которая, къ тому же, и присвистываетъ, и хлопаетъ въ ладоши, и пристукиваетъ палкой, прикрикивая на голубей: «кысь-кысь!», пока они ходятъ въ кругахъ.

Онъ вскинулъ сначала ободистаго или кладнаго, которые больше любятъ летать одинцами и не могутъ подолгу тѣшить хозяина въ жаркіе и тихіе дни. Онъ на этой голубятнѣ родился и здѣсь выхоленъ; теперь ему проба.

Поднялся онъ хорошо, взлетѣлъ весело: то притонетъ, какъ будто бы въ воду приспустится, то немного подастся на низъ, то опять полетитъ крѣпко. Сталъ онъ спускаться, выкруживать книзу: потягивается, вертитъ шеей на ту и другую сторону. Хозяинъ доволенъ: будетъ хорошій летальщикъ на все лѣто, въ жаркіе дни станетъ летать мягко.

Вотъ и испытанные «повивные» или «налетные», выпущенные парами и всѣмъ гнѣздомъ. Не торопятся; круги словно рисуютъ на бумагѣ: выходятъ гибкіе, совершенно круглые. Всѣмъ кажется, что стоитъ тамъ для нихъ въ воздухѣ прямой шестъ и они его видятъ во всей прямизмѣ и стараются выводить около него спиральные круги, точно часовую пружину тянутъ: чѣмъ выше, тѣмъ завивистѣй и проворнѣй. И все еще летаютъ на виду. Видитъ глазъ и чувствуетъ любительское сердце, что тамъ, въ воздушныхъ кругахъ, голуби «сплывутся

или вскипятся» всѣ въ кучу и прямо надъ го.
затѣмъ исчезнуть.

На это время уже чуть не половина небольшо
стариннаго города навострила глаза и, не сп
ихъ, любуется и утѣшается чужой радостью,
рая на этотъ день и разъ какъ будто своя
машняя и даже отчасти общая городская гор
Ребятишки, побросавши городки и бабки, с
лись со всѣхъ улицъ и сгрудились тѣсной
около того мѣста, гдѣ хозяинъ голубей провѣ
число круговъ, какое сдѣлали птицы до исчез
нія изъ глазъ. Считаютъ съ нимъ вмѣстѣ и вс
кто любуется; при этомъ, конечно, просчитыва
заводятъ споры, ссорятся ребята и дерутся.
круговъ полагаются обязательными для луч
повивныхъ; послѣ 20 исчезаютъ изъ глазъ,
ряются летальщики», и т. д. Въ особенности
вляются группы зрителей, когда съ двухъ раз
голубятенъ вскинули по парѣ и обѣ, на да
высотѣ, сплылись и исчезли. Вопросъ о томъ, въ
будкѣ они очутятся, куда обѣ пары выкружа
настолько живой и горячій, что дѣлаются за
или пари. Споръ идетъ о томъ, чья голубка
манитъ: одинъ продалъ голубя, другой купил
подсадилъ къ голубкѣ, кормилъ пшеницей, дер
ихъ въ одной клѣткѣ нѣсколько недѣль и н
пускалъ на волю. Голуби совыкались: голубка
вязчива, а голубь всегда обходителенъ и ло
Придетъ пора, что можно на него и понадѣя
спустить его на свиданіе и для встрѣчи съ
ней голубкой. Теперь чья-то возьметъ? Вотъ
всѣ четверо выкружили; книзу идутъ твердо
шибче и рѣзвѣе, не измѣняя взлетовъ, не
круговъ. Въ самомъ низу кружатъ очень си

Но не въ этомъ дѣло, а куда повернуть? Повернулъ голубь за старой подругой, а за нимъ потянула въ чужую будку и новая; разомъ всѣ, какъ по командѣ, усѣлись въ рядъ на гребнѣ крыши. Побѣжденная пара, безъ ссоръ и дальнихъ споровъ, остается собственностью того, къ кому прилетѣла. Былъ чужакъ, теперь сталъ свойкъ, «пришатился».

Хорошо выдержанныхъ въ жаркій и тихій день можно смѣло вскидывать раза четыре,—они нимало не ослабнутъ. Летанье отмѣнное, «сплывка» веселая. На Таганкѣ, на Полянкѣ и въ Рогожской у Андроньева монастыря, это хорошо понимаютъ и высоко цѣнятъ, гуломъ и выкриками дѣлая настоящій базаръ. На это твердо разсчитали и сами владѣльцы-любители. Голубя любить, надо его и холить и все предусмотрѣть.

Переманка голубей у охотниковъ почитается дѣломъ законнымъ и справедливымъ. Голое воровство наказывается суровымъ самосудомъ, какъ одно изъ тяжкихъ преступленій. Молодыхъ ребятъ поколотятъ родители само по себѣ, а сверстники прибавятъ къ недополученному дома.

КАЗЮКИ.

Острые на языкъ, находчивые на отвѣтъ, сорви голова—тульскіе оружейники, изнемогая около горновъ шесть дней въ недѣлю, на досужій часъ праздничныхъ отдыховъ, умѣютъ превращаться изъ оборванцевъ, пропитанныхъ кузнечнымъ и мѣдянымъ запахомъ, въ добрыхъ молодцовъ. Не изъ одной только корысти на веселую выпивку облюбили они всякую Божью птицу, гоняются за ней, водятся съ ней,

холятъ и воспитываютъ. Птицеловъ Перова в: тинѣ, всѣмъ извѣстной, художественно изобра то состояніе духа, какимъ проникается подобнь битель.

— Присядь, бачка, чижи летятъ! — упраш въ ȯно время проходящаго человѣка тотъ «каз просьбу котораго обратили теперь въ насмѣш присловье всѣмъ тулякамъ.

Онъ на тотъ, какъ и на этотъ разъ, прил западню, а самъ, пустивъ заводнȯго чижа, пр: за кустъ, да тамъ и замеръ. Старательно онъ выбиралъ; все присматривался; задолго до охо саживалъ, а теперь на него уже вполнѣ понад'!

По сучьямъ березы бѣгаютъ эти зелененькіе вольные и беззаботные, — и чирикаютъ. Зав как только выпустили его на точȯкъ и услы онъ чириканье, такъ и сталъ тотчасъ же «: рить»—заманивать. Одинъ чижъ прилетѣлъ і падню — и заморозилъ охотнику сердце. Хло западокъ,—такъ словно изъ ружья выпалилъ : топилъ сердце: первый чижъ попался.

А заводной все зазываетъ: призоветъ—обой да такъ, что не знаешь: дивиться ли тому, это умѣетъ оказывать такую ласку такая мале пичужка, или свое сердце сдерживать,—не м: заводному обманывать. Иной мастеритъ на в вять позывовъ, а вольныя самки такъ коло нему и бросаются. Начинаютъ чижи драться і собою и пищатъ. Отъ удовольствія и наслаж у охотника дыханіе спирается въ горлѣ, — і день сидѣлъ бы да смотрѣлъ на птичьи прод

На сосѣдней липѣ тѣмъ временемъ проя зеленый молодецъ покрупнѣе заводнȯго. При этотъ съ собой своихъ цѣлую стаю и всѣхъ пр

держитъ. Западню видитъ, а къ ней нейдетъ. Разъ подскочилъ, да тотчасъ же приподнялъ и взъерошилъ затылокъ, затрещалъ, — да и прочь. Точокъ опустѣлъ весь, только одинъ вѣрный домашній другъ и остался на немъ.

— Провалиться бы этому самцу сквозь землю! Не дорогъ конь—дорогъ заяцъ.

Надо теперь новый точо̀къ розыскать, опять начинать охоту сначала:

— Тю-пикъ!

Это красноголовый щегленокъ некстати прилетѣлъ надъ охотничьей неудачей подсмѣяться.

Туляки, впрочемъ, и щеглятники (ихъ же дразнятъ: «щеголъ щаглуе на дубочьку»). Не даютъ они спуску и синицамъ: одна какая нибудь махнетъ, какъ колокольчикомъ, — казюкъ и замлѣлъ. Опять присѣлъ, сталъ прислушиваться, измучился, — до того хороша эта синичка: въ пѣніи сильна, и полна, и многословна.

— Ти-гю-динь! — и разстановочку сдѣлаетъ необыкновенную.

Завтра и на синичьи стаи напуститъ казюкъ заводного. Одинъ такой у него ужъ отсаженъ.

ТИПУНЪ НА ЯЗЫКЪ.

Порода голубей и вообще всякая домашняя птица останавливаетъ на этомъ общеупотребительномъ отвѣтномъ выраженіи «типунъ бы тебѣ на языкъ» всякому, кто пугаетъ недобрыми вѣстями, стращаетъ худымъ предсказаніемъ, высказываетъ слишкомъ откровенно какое-либо злое пожеланіе. У птицъ, исключительно принадлежащая имъ, болѣзнь эта,

по объясненію Эльпе въ 1-й серіи Обиходной рецеп туры,—особое пораженіе гортани, полости носа, ин(гда покрововъ языка; то, что хозяйки дома обычн принимаютъ за «типунъ», на самомъ дѣлѣ ест особый придатокъ на кончикѣ языка, въ родѣ к(готка, облегчающій при клеваньи подхватыть язь комъ зерна.

ДѢЛО ВЪ ШЛЯПѢ.

Нѣкоторые думаютъ производить его въ видѣ п(реводнаго слова съ французскаго языка, хотя, і многимъ признакамъ, выраженіе это можно счита: кореннымъ или если и заимствованнымъ, то в очень далекія времена. Метать жеребьи, опредѣля очереди—пріемъ, извѣстный библейскимъ евреям: практиковался и на Руси. Шляпа, валяная из овечьей шерсти, также издревле русскій народны головной уборъ, и бѣлорусскій колпакъ-магерку м видимъ на скифскихъ изваяніяхъ. Въ эти шляп на всемъ разнообразномъ протяженіи Русской зем: бросаются всякіе жеребьи въ видѣ условныхъ зн: ковъ: будутъ ли то каменныя или надкусанныя нащербленныя рубиломъ монеты или кусочки свин съ мѣткой на счастье при спорахъ и наймахъ. «Ж ребей—Божій судъ» (говоритъ пословица); жереб мѣшать—впередъ не пенять». Чья мѣтка вынется, і томъ человѣкѣ и всѣмъ спорамъ конецъ: его пра: на полученіе заказа передъ соперниками, на купл и продажу, на поставку лошадей въ разгонъ и т. неоспоримо,—и дѣло въ шляпѣ ожидало лишь оч реди: надѣвай ее на голову,—теперь дѣло твое и: нея ужъ не выскочитъ.

ЭЙ, ЗАКУШУ.

Это выраженіе, въ видѣ предупреждающей острастки и легкой угрозы, народилось въ Москвѣ и здѣсь до сихъ поръ бродитъ, вращаясь въ средѣ торговаго люда. Появленіе его въ обиходной рѣчи относятъ къ началу нынѣшняго столѣтія и, приписывая ему историческое и бытовое значеніе, требуютъ отъ насъ обстоятельныхъ объясненій.

Покойно, сытно и сладко жилось честнымъ старцамъ въ смиренныхъ кельяхъ честныхъ обителей, а еще того лучше, беззаботнѣе въ богатыхъ лаврахъ и ставропигіяхъ. Пѣли у нихъ на крытыхъ переходахъ слѣпые нищіе про Алексѣя—человѣка Божьяго; «пили-ѣли сладко, жили хорошо», особенно въ прошломъ столѣтіи, когда монастыри эти владѣли крестьянами, и Троицко-Сергіева лавра была помѣщицею болѣе чѣмъ ста тысячъ душъ чудотворцевыхъ. Худо жилось заштатнымъ гулящимъ попамъ, которые съ давнихъ временъ представляли цѣлый классъ людей безъ средствъ къ жизни и опредѣленныхъ занятій.

Тутъ и запрещеные, и безприходные, все—гуляки и бражники: шатаются по веселымъ мѣстамъ, валяются по царевымъ кабакамъ съ тѣхъ самыхъ временъ, когда всякія дѣянія впервые выучились записывать, и съ народомъ стали разговаривать писаными грамотами. Задумаютъ ли удалые казаки походъ на татаръ или просто добрые молодцы соберутся погулять и пошалить по матушкѣ Волгѣ,—безмѣстные попы тащатся за ними. Когда поплылъ Ермакъ забирать Сибирь, въ его отрядѣ шли три попа и сверхъ того старецъ-бродяга, который «пра-

вило правилъ и каши варилъ, и припасы зналъ, и кругъ церковный справно зналъ». Бродили попы и за Стенькой Разинымъ, нашлись таковые готовыми къ услугамъ и у Емельки Пугачева. Чѣмъ больше наростало лѣтъ и приближали они наше бѣдовое время—число безмѣстныхъ поповъ сильно увеличивалось. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка оно было изумительно. Указы совсѣмъ перестали дѣйствовать: поповъ они вовсе не устраивали, а, стало быть, и не смиряли. Шатались они по кабакамъ и нагуливали больную печень; болтались по базарамъ и, среди народныхъ скопищъ говорили скаредныя рѣчи и творили неподобныя дѣла. Дошатались и договорились въ конецъ до того, что на ихъ артель пало сильное подозрѣніе въ кровавыхъ событіяхъ московской чумы 1771 г. Московская чернь убила полу-малоросса, полу-молдавана архіерея Амвросія Зертисъ-Каменскаго, который любилъ раздавать, по жестокому нраву, плети и розги направо, налѣво и вдоль всего бѣлаго духовенства. Даже священники, приносившіе безкровную жертву, были сѣчены до крови. И сами они убѣгали отъ приходовъ своихъ, и насильно ихъ отгоняли отъ церквей. Скопилось таковыхъ «безмѣстныхъ» къ началу нынѣшняго столѣтія великое множество, почуявшее уже силу и возобладавшее смѣлостью. Кто не успѣлъ пристроиться въ раскольничьихъ скитахъ поповскаго согласія, тѣ вышли прямо на московскія площади. На перекресткахъ они протягивали руку, на людныхъ «крестцахъ» предъявляли всенародно свои рваныя вретища и объясняли свои безъисходныя и неключимыя бѣды. Въ Москвѣ особенно прославился «Варварскій крестецъ», что образовался изъ Большой Лубянки, С

лянки и улицы Китая-города, носящей названіе свое отъ церкви великомученницы Варвары. Здѣсь, на дорогѣ изъ Замоскворѣчья, собирался торговый людъ во всенародномъ множествѣ съ самымъ легкимъ и плохимъ товаромъ, но дешевымъ и подходящимъ всякому на руку. Тутъ и безприходные попы приладили своего рода торговлю, чѣмъ умѣли и чего отъ нихъ могли на рынкѣ требовать.

Этотъ спросъ на поповъ свободныхъ, гулящихъ и безмѣстныхъ въ особенности усилился въ то время, какъ французъ спалилъ Москву, когда погорѣли всѣ церкви и стояла «мерзость запустѣнія» даже въ кремлевскихъ соборахъ. Опасливое духовенство послѣдовало примѣру Августина (Виноградскаго), правившаго епархіею за митрополита Платона, удалившагося, съ чудотворными иконами Владимірской и Иверской, въ Муромъ. На все великое множество московскихъ церквей далеко недоставало требоисправителей не только въ то время, когда Москва наполнена была пожарнымъ смрадомъ, на улицахъ валялась конская падаль, торчали закоптѣлые каменные фундаменты и печи. Собравшіеся со всѣхъ сторонъ священники получали заказъ и находили дѣло далеко потомъ, когда кое-какіе храмы успѣли уже обновить или подправить. Кладбищенскіе же хотя и всѣ оставались цѣлыми, но стояли безъ причта и безъ пѣнія. Деревянные поповскіе дома всѣ пригорѣли. Ничего не пощадилъ французъ: всѣхъ воронъ поѣлъ, всѣ драгоцѣнности расхитилъ; надъ святыней надругался; многое съ собой увезъ.

На подобномъ безлюдьѣ и среди такого полнаго разрушенія громаднаго города безмѣстные попы обрѣли себѣ злачное мѣсто, чтобы было гдѣ править слово истины. Полюбился имъ пуще всего

«Варварскій крестецъ» и стали всѣ они здѣ
бираться. Кому ихъ было нужно, такъ про
и знали. Походятъ безмѣстные по толпѣ, прис
на лавочку, — все поджидаютъ. Волоса, извѣ
на рынкахъ болѣе подъ именемъ гривы, т
изъ-подъ шляпъ съ широчайшими полями вск
ными; засѣли въ нихъ пухъ и сѣно. Бороды
чесаны, нанковые линючіе подрясники подпо
веревочкой; на плечахъ выцвѣтшія на солн
камплотныя рясы еле держатся. Иные обуты в
тишки, и хоть бейся объ закладъ, на комъ б
заплатъ.

Всѣ забрались съ первымъ свѣтомъ, когда
еще начиналъ онъ брезжиться. Рыночныя тор
по своему сердоболью и по чужому обычаю,
всѣхъ поповъ одѣлить калачами. Иной забыть
запоздалый и обдѣленный самъ припроситъ:

— Нынѣ отъ тебя еще не было благостын
вай калачъ-отъ!

Калачи попами не поѣдались, а прятались
зуху.

— Зачѣмъ холодному и голодному прятать,
съѣсть: можетъ быть другая калачница нов
свѣжимъ облагодѣтельствуетъ?

Мы сейчасъ увидимъ, какую съ этими ка
безмѣстные попы «Варварскаго крестца» вык
штуку [1]).

---

[1]) Обычай этотъ многіе относятъ къ болѣе древнимъ
намъ, доводя его даже до Ивана Грознаго и бывших
ныхъ пожаровъ, въ родѣ Всесвятскаго. Въ измѣненном
сти видѣ онъ дожилъ и до нашихъ временъ въ виду т
московскіе приходы отличаются своею неравномѣрност
звавшею ненормальныя явленія съ наемными священ
Это—особый бытовой типъ Москвы, не встрѣчающійся

Идетъ къ нимъ купецъ или иной нуждающійся въ попахъ человѣкъ, а они уже его по шапкѣ и по походкѣ издали видятъ и обступаютъ. Выслушиваютъ, что кому нужно: заупокойную или заздравную обѣдню?

Первыя въ то тяжелое время были въ наибольшемъ требованіи.

— Помянуть надо.

Мало ли народу побито подъ Тарутинымъ, подъ Малоярославцемъ, а того еще больше подъ Бородинымъ? Другому хочется о своемъ избавленіи помолиться, да притомъ не иначе, какъ въ своей приходской церкви, а духовнаго отца нѣтъ: еще не вернулся. Иному это сейчасъ хочется сдѣлать, потому что онъ въ тотъ день именинникъ.

— Ну, что-жъ тутъ толковать, — мы это дѣло справимъ, мы это можемъ.

— Цѣна какая будетъ?

— Что предъявляешь?

— Чтобы со звономъ и пѣніемъ, и пуще всего не пропускать ничего и не торопиться.

— Имѣются ли готовыя просфоры въ указанномъ церковными постановленіями количествѣ?

— Заручились: одна-таки просвиренка уцѣлѣла и торгуетъ мягкими.

гихъ епархіяхъ. Въ Москвѣ, гдѣ въ церквахъ нужны двѣ обѣдни (поздняя и ранняя), издавна выработался «типъ раннихъ священниковъ». Наемъ священниковъ поденно, понедѣльно, помѣсячно, погодно въ Москвѣ практикуется въ широкихъ размѣрахъ. Персоналъ «наемныхъ батюшекъ» или «раннихъ» не можетъ отличаться, конечно, достоинствами, но и отношеніе къ нимъ штатныхъ причтовъ не представляется нормальнымъ. Имъ стараются заплатить поменьше, заставить ихъ работать побольше; и третируютъ, несмотря на санъ, какъ наемниковъ. Это приводитъ къ явленіямъ, иногда крайне соблазнительнымъ.

— Въ какомъ количествѣ и всѣ ли пять, и суть ли, сверхъ того, запасныя?

Оказывалось все на лицо.

— Полагается поминальная запись: есть ли она?

— Сгорѣла, затерялась: потолкаться, чтобы написали, было не къ кому.

— Вотъ и препятствіе, трудъ и болѣзнь: писать надо. А я самъ-то поразучился. Да и веществъ тѣхъ для рукописанія, грѣхъ ради нашихъ, ни у кого не промыслишь: здѣсь на торгу не полагается.

Черезъ плечо другой попъ смотритъ, лукаво прищуривъ лѣвый глазъ и приклонивъ ухо. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ смотритъ болѣе изъ любопытства и отчасти лишь изъ соглядатайства: на самомъ дѣлѣ попы, мужичьимъ базарнымъ обычаемъ, уже метали жребій. Звонили они въ шляпѣ грошами и установили очередь между собою, по порядку вынутыхъ монетъ. Торгуется умѣлый и самый безсовѣстный, а служить пойдетъ тотъ, который послѣднимъ вынулъ свой ломаный грошъ. Умѣлаго и недопускаютъ до жеребья, а высылаютъ его впередъ, по общему назначенію и полнымъ голосованіемъ: онъ получаетъ отсталое и «свершонокъ».

Бойкій старается сбивать заказчика на словахъ. Торгуется, сбавляя цѣну копѣйками. Закидываетъ всякими мудреными словами, запутываетъ устрашающими и неожиданными вопросами:

— Касательно полныхъ поминокъ всѣхъ надлежащихъ именъ или только новопреставленныхъ: какъ читать?

— На всѣхъ ли сугубыхъ ектеніяхъ совершать полное поминовеніе или токмо на первой?

Выговариваетъ и число выходовъ изъ алтаря для кажденія, называя кутью «коливомъ», толкуетъ и

о многомъ неподходящемъ и, встрѣчаясь съ кремневымъ упорствомъ заказчика, выхватываетъ изъ-за пазухи даровой и дешевый калачъ. Держитъ его въ рукѣ и обсказываетъ:

— Отъ продолжительныхъ и пустыхъ разговоровъ я уже и ѣсть восхотѣлъ. Эй, закушу!

Между тѣмъ остальные попы всѣ уже отошли прочь и, невидимо для наемщика, скрылись въ рыночной толпѣ. Всѣ они калачей своихъ еще не начинали: по номоканону, слѣдуя священническимъ правиламъ, не принимали они ни капли питья, ни крохи пищи со времени вчерашняго солнечнаго заката. Такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ думаютъ.

Думаетъ такимъ же образомъ и тотъ заказчикъ, передъ которымъ, какъ Марія египетская въ Іорданской пустынѣ, стоитъ послѣдній попъ и, какъ свѣча передъ иконою, теплится.

— Закуситъ тотъ попъ калача,—ужъ онъ не пѣтухъ: обѣденъ пѣть на весь день не годится. Прячько, батько, калачъ-то за пазуху! По чистой совѣсти надо бы тебя изругать въ корень, да вотъ «пришло по-тà, что подай попа». Отъ вора отобьешься, отъ подъячаго откупишься, — ну, а отъ попа какъ и чѣмъ теперь отмолишься?

ВОЛЬНОМУ ВОЛЯ.

Удѣльные князья писали обычно въ своихъ договорахъ другъ съ другомъ: «а боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ, и крестьянамъ вольная воля». Вотъ съ какихъ поръ сохранилось до нашихъ временъ это выраженіе, по строгимъ требованіямъ нашего языка, кажущееся такою же безсмыслицей,

какъ «масляное масло», «поздно опаздывать»
подобныя неправильности, допускаемыя ин(
обиходной рѣчи. Когда складывалась эта по:
на самомъ дѣлѣ воленъ, т. е. свободенъ бь
ждый крестьянинъ, носившій въ себѣ умѣлук
вычную силу, владѣвшій великой тайной і
кой земли создавать плодородную почву и і
ничего не стоющую своимъ трудомъ и искус
превращать въ цѣнную. За таковую уже охот
тять деньги. За пользованіе ею требовали
и повинности, и ихъ соглашались платить.
дѣлалась «тягломъ», и крестьянинъ съ зе
земля съ крестьяниномъ такъ тѣсно были с:
что другъ безъ друга они не имѣли никак(
ченія. Земля безъ крестьянина — мертвая п
липкая грязь, «дикая пасма»; крестьянин
земли становился бобылемъ, бездомнымъ и бе
нымъ человѣкомъ, котораго уже никто не ж
но всѣ охотно презираютъ. Ему необходим
садиться на землю, и если онъ расчисти
вую и ничью — становился полнымъ хоз
если занялъ чужую, то, не переставая бы
боднымъ человѣкомъ, жилъ здѣсь какъ нае
платилъ трудомъ за пользованіе, а захотѣл
шелъ. Если онъ забиралъ при этомъ на чужо
у владѣльца скотъ и орудія, хлѣбъ на про
сѣмена, онъ все-таки былъ только должнико:
считался по чести и совѣсти — и опять бы
боденъ. У вольнаго воля, такимъ образомъ
правомъ, привилегіей, означала свободу д
ствій и поступковъ: жить на землѣ, доколѣ
вется, и уходить, куда вздумается. Пользовал
свободой переходовъ только именно вольны
какими почитались въ тѣ времена: сыновья

цахъ, братья при братьяхъ, племянники при дядяхъ,— всѣ не вступившіе въ обязательства или свободные— уволенные отъ таковыхъ. Всѣмъ вольнымъ предоставлялась полная воля, потому что были еще холопы и рабы. Эти вѣчно принадлежали господамъ и, какъ вещь, могли быть заложены, проданы и даже убиваемы безъ суда и отвѣта. Такіе кабалили себя сами, продаваясь отъ крайней бѣдности или отъ мучительныхъ притѣсненій богачей и тому подобнаго.

Изъ того же древнѣйшаго права на вольную волю, какимъ наравнѣ съ крестьянами пользовалась и дружина, и на томъ же сѣверо-востокѣ московскаго государства совершился великій актъ объединенія государства. Усѣвшійся на своей «опричнинѣ» князь, почерпая изъ земли, какъ богатырь, новыя силы, богатѣлъ и крѣпнулъ. У сильнѣйшаго князя стало выгодно служить, и дружиники, по праву свободнаго перехода, потянули въ Москву. Съ многочисленными дворами пришли сюда бояре даже съ далекаго опустошеннаго юга и облегчали такимъ образомъ московскому князю собирать русскую землю, становиться самовластнымъ государемъ. Сама дружина, съ усиленіемъ княжеской власти, начала утрачивать свои вольныя права и главное—право «отъѣзда» на службу въ другіе края. Уже на Ивана Третьяго сыпались боярскія жалобы, что онъ «нынѣча силу чинить: кто отъѣдетъ отъ него, тѣхъ безсудно емлетъ». Сынъ его, Василій, немилыхъ ему безцеремонно гонитъ» вонъ: «пойди, смердъ, прочь, не надобенъ ми еси», а сынъ его Иванъ Грозный отъѣхавшихъ бояръ уже смѣло и открыто называлъ «измѣнниками». Онъ убѣжденно высказалъ Курбскому: «а жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны-жъ». Вотъ въ чьи руки попала дружинная «вольная воля», оставав-

шаяся таковою еще нѣкоторое (недолгое впрочемъ) время за крестьянами. Своевольное боярство отомстило убіеніемъ царевича Дмитрія въ Угличѣ, избраніемъ въ цари человѣка низкаго, безъ всякихъ нравственныхъ убѣжденій (старѣйшаго изъ Рюриковичей Василья Шуйскаго) и всѣми ужасами смутнаго безгосударнаго времени начала 17-го вѣка.

БЕЗПУТНЫЙ.

«Не быть въ немъ пути»— говорятъ про такого человѣка, который явно не всталъ на прямую дорогу, обычно ведущую къ цѣли, а выбралъ или «попалъ на неправой, кривой или ложный путь житейской», какъ выразился Даль и подкрѣпилъ общеизвѣстными живыми изреченіями: «Идешь по безпутью къ погибели своей», «на безпутной работѣ и спасиба нѣтъ». Къ нашимъ удѣльнымъ князьямъ приходили съ воли свободные люди бояре-дружинники и нанимались къ нимъ на службу двоякимъ способомъ: навсегда — служить до смерти» или на время, «сколь поживется». Первые получали «кормленье»—право собирать извѣстную часть доходовъ не только съ городовъ, но и съ цѣлыхъ волостей. Вторые—мелкіе бояре—получали разныя должности при дворѣ, гдѣ и служили въ разныхъ чинахъ, пользуясь за службу содержаніемъ или жалованіемъ (т. е. что пожалуетъ князь), съ какихъ либо доходныхъ своихъ статей, смотрѣли—что теперь называется—изъ «чужихъ рукъ» а не брали, какъ первые, своею «властною рукою». А такъ какъ [1]) современное слово «доходъ» въ ста-

[1]) Такъ и писали: «отдали землю на льготу, да въ томъ ему и путь».

рину называлось «путемъ» [2]), то и княжескіе наемники этого рода получили прозвище «путныхъ» или «путниковъ». Иные прямо оправдывали свое званіе тѣмъ, что разъѣзжали по порученіямъ князя, обычно провожали и охраняли въ дорогахъ во время переѣздовъ княжескія семьи, но вообще они были на какомъ нибудь «пути». Одни собирали на бойкихъ проѣздныхъ дорогахъ «мытъ» и пользовались доходомъ отъ сбора пошлинъ за товары, провозимые по землѣ князя. Другіе держали путь по владѣніямъ князя для сбора ко двору съѣстныхъ припасовъ съ селъ и деревень [1]) (это «стольничей путь»). «Окольничій», при походахъ и разъѣздахъ царскихъ, посылался впередъ и приготовлялъ станы или мѣста царскихъ остановокъ. У царя Алексѣя указанъ былъ «сокольничій путь», т. е. состоялъ при дворѣ чиновникъ, вѣдавшій охоту, и имѣлись подъ его рукой разсыльные, собиравшіе по дальнымъ волостямъ соколовъ, кречетовъ и иную ловчую птицу. Лица, занимавшія подобныя должности, такъ и назывались «бояринъ съ путемъ, сокольникъ съ путемъ», и т. под. До строгихъ временъ собирателей земли — московскихъ царей—у «путныхъ бояръ» оставалась въ силѣ и правѣ «вольная воля». Высмотрѣвъ болѣе богатаго и тароватаго князя, охочаго въ посулахъ, уходили къ нему. Здѣсь такіе «послуживцы» получали помѣстья; такъ между прочимъ народились изъ нихъ помѣщики на свободныхъ земляхъ вольнаго Новгорода, когда ихъ сталъ раздавать Иванъ Третій. Вообще этотъ классъ людей былъ подвижнымъ (они даже не обязаны были сидѣть въ городѣ). Впослѣдствіи

[1]) Даже у вольнаго Новгорода изъ глубокой старины приписывались волости «на путь тысяцкаго».

многіе изъ нихъ домотались со своимъ вольнь
вомъ, переходя съ мѣста за мѣсто, до того, чт
на очень низкую и незавидную степень. На Лі
примѣръ, они заняли у пановъ должности уп
щихъ имѣніями, стали прикащиками, вої
даже прямо слугами. Оставшимся при ста
правѣ и званіи «путныхъ» довелось очутит
прежнихъ почетныхъ путей, а при неуда
жизни безъ промысловъ было удобно и лег
совсѣмъ «безпутными» въ современномъ о
смыслѣ. Неимѣніе опредѣленныхъ занятій
главнымъ образомъ зависитъ отъ того, ч
кихъ людей и въ личномъ характерѣ «
проку».

НѢТЪ ПРОКУ.

Когда пришельцы-дружинники давали удѣ
князьямъ поручныя записи служить ему с
его дѣтямъ и не отъѣзжать ни къ кому дру
имъ, какъ сказано, давались «въ кормлень
лые города, и большія волости. Эти были
за клятвою, данною либо «по рукамъ» (на
довѣріи), либо за порукою сильныхъ и вліят
людей (каковы были митрополиты и духов
дыки стольныхъ городовъ), и крѣпки на м
крестнымъ цѣлованіемъ, также съ запис
бояре назывались большими въ отличіе от
шихъ путныхъ и «введенными». Тутъ
пріѣзжіе изъ Литвы или съ великокняжеск
скихъ столовъ, и владѣльцы значительны
ловъ. Изъ этого-то іерархическаго безпоряд
совмѣстномъ служеніи у московскихъ князе

родилось самобытное явленіе нашей исторіи — мѣстничество, созданное предками «отчество», дававшее поводы считаться преимуществами рода, а не личнымъ качествомъ и заслугами. Стало очень важнымъ и щекотливымъ право, «кому съ кѣмъ сидѣть, и кому надъ кѣмъ сидѣть» въ совѣтахъ и думахъ.

Кормленіе имъ давалось «съ правдою» и «безъ правды», т. е. съ наростомъ обычныхъ доходовъ, еще право суда съ тѣми пошлинами, которыя полагались за разбирательство, рѣшеніе дѣла и приговоры. Инымъ сверхъ всего жаловались помѣстья въ вотчину съ правомъ перехода изъ единоличнаго въ потомственное владѣніе. Можно было эти владѣнія продавать, обмѣнивать на лучшія земли, дарить излюбленному человѣку, отдавать въ закупъ для молитвъ по грѣшной душѣ своей честнымъ монастырямъ. Этотъ способъ пожалованія селъ и деревень назывался отдачею «въ прокъ». Такіе счастливцы на свои пустыя земли могли звать къ себѣ рабочихъ людей и «добрыхъ»: свободныхъ отъ тяголъ (обязательствъ раннихъ) и «не письменныхъ» (нигдѣ не прописанныхъ). Этимъ жилось привольно; кормленье шло въ прокъ. Вся суть его заключалась въ томъ, чтобы быть сытыми, на что они сами указывали великимъ князьямъ, когда обращались съ жалобами, говоря съ полною откровенностью. Такъ двое бояръ (одинъ русскій, другой литовской выходецъ), назначенные вдвоемъ на одинъ городъ, били челомъ, что «имъ обоимъ на Костромѣ сытыми быть не съ чего». А чтобы сытыми быть, посланные на кормленіе, вмѣсто того, чтобы тѣмъ городамъ и волостямъ расправу и устрой дѣлать и всякое лихо обращать на благо, чинили злокозненныя дѣла, не были пастырями и учителями, но сдѣлались гонителями и разорителями. Бывало такъ,

что одинъ выпроситъ у горожанъ на себя «посу
а потомъ потребуетъ еще и на жену. И «вошл
слухъ благочестивому государю, что намѣстни
волостели многіе города и волости учинили пус
разбѣжался народъ кто куда: иные крестьяне ра
лись по монастырямъ безсрочно и безъ отказу,
гіе разбрелись безвѣстно. Деревни запустѣли і
мѣстника и пошлинныхъ людей уцѣлѣвшимъ
мѣстахъ прокормить нельзя: нечѣмъ. Между
намѣстникъ и волостели были «честнѣе» вое
(т. е. по старинному значенію—чиномъ и заслу
и въ общественномъ и государственномъ полож
стояли гораздо выше),—чего же могли ожидать
этихъ, болѣе низкихъ, самые малые черносошные
ликаго князя (отвѣчаютъ иныя жалобы) полові
кормятъ, а большую себѣ берутъ»; по выраженію И
Грознаго: «отъ слезъ и отъ крови богатѣютъ».
воды наѣзжали не только съ дѣтьми, но и съ родс
никами, а такъ какъ имъ была и честь больш
кормъ сытный, то они привозили съ собою вся
челядь, большую дворню. Сверхъ того около і
же пристраивались съ площадей оскудѣлые люд
подъячіе, которые, въ свою очередь, «кормилис
ромъ». Всѣмъ посадскіе люди несли кормъ: и д
гами, и пирогами, говядиной и рыбой, виномъ і
вомъ и сальними свѣчами, лошадямъ овсомъ, и
въ безконечность. Кормленщики разъѣдались, и ч
дальше они кормились отъ Москвы, тѣмъ нес
даннѣе дѣйствовали. Міpскіе люди тѣхъ мѣсти
рѣдко вызывались даже на самоуправство, оп
дываясь про себя тѣмъ, что «до Бога высоко,
царя далеко»: «И лаяли» воеводъ и хаживал
нихъ бунтомъ». Пробовали воеводъ указами смир
сокращая поборы, ограничивая приносы. Петръ

ликій «шельмовалъ» ихъ, но только одинъ изъ нихъ высвѣтлѣлъ на темномъ фонѣ стариннаго народнаго быта. То былъ Афанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ—любимецъ царя Алексѣя: онъ не хотѣлъ кормиться на псковскимъ воеводствѣ, а всемѣрно старался поднять благосостояніе города. Всѣ остальные были на одинъ образецъ, какъ образно показано въ драмѣ А. Н. Островскаго. На вопросъ о томъ, каковъ будетъ новый воевода, сказано отчаянно безнадежнымъ голосомъ изъ толпы молодыхъ посадскихъ: «да надо быть такой же, коль не хуже». Когда спознали, что и въ воеводахъ нѣтъ пути и не было проку, т. е. ни добра—ни пользы, это званіе въ 1764 году совершенно отмѣнили.

ВЫДАТЬ ГОЛОВОЙ.

Этотъ обычай извѣстенъ былъ еще въ XII вѣкѣ, когда съ князя за вину бралась волость, а прочихъ людей отдавали головой, причемъ послѣдняя выражала понятіе о личности. Отданный головою за долгъ поступалъ къ заимодавцу съ женою и дѣтьми въ полное рабство и въ работу, которую и отбывалъ до тѣхъ поръ, пока не покрывалъ весь долгъ. Во время мѣстничества оскорбитель былъ битъ батогами и потомъ обязанъ былъ просить униженно прощенія у обиженнаго и жалобщика: кланяться въ землю и лежать ничкомъ до тѣхъ поръ, пока оскорбленный не утишится и не подниметъ со словами: «повинную голову и мечъ не сѣчетъ». Словомъ, въ старину это означало преданіе суду за преступленіе съ лишеніемъ гражданской свободы, а также во временное рабство за долги. Тогда «братъ брату (шелъ) головой

въ уплату», а теперь—нечаянно, безъ умысл
ворить въ неуказанное время неподлежащ
ловѣку условленную тайну значитъ то же, ч
дать головой».

ПРАВДА ВЪ НОГАХЪ.

Хотя пословица и укрѣпляетъ въ томъ (
номъ убѣжденіи, что въ ногахъ правды нѣтъ,
въ недавнюю старину ее тамъ увѣренно, уг
съ наслажденіемъ искали наши близорукіе
съ примѣра, указаннаго татарскими баскакам
щики податей, а впослѣдствіи судные прикаѕ
скивавшіе частные долги и казенныя недоим
вили виноватыхъ на правежъ, т. е. истязѣ
жалобѣ заимодавца приводили должниковъ
Праведчики, т. е. пристава или судебные слу
брали въ руки желѣзные прутья и били имі
тамъ, по голенямъ и икрамъ (куда попадетъ
съ того самаго времени, когда приходилъ сј
того, когда онъ уходилъ домой.

Били добраго молодца на правежѣ
Въ одникъ гарусныхъ чулочкахъ,
И безъ чоботовъ, —

говоритъ одна старина—былина. Бивали та
городскихъ поповъ и дьяконовъ «на всякъ д
утра до вечера нещадно». Чаще всего огран
срокъ битья согласіемъ должника заплатит
или появленіемъ поручителя. Биронъ казен
доимки, накопившіяся отъ неурожаевъ, вы
тѣмъ, что въ лютую зиму ставилъ на снѣгъ
таки въ отмороженныхъ ногахъ безплодно

правды. Стали толковать: «душа согрѣшила, а ноги виноваты» и «въ семеры гости зовутъ, а все на правежъ». Истязуемые умоляли безжалостныхъ заимодавцевъ: «дай срокъ — не сбей съ ногъ!» Безсильные и безнадежные, когда «нечѣмъ было платить долгу, бѣжали на Волгу». Всѣ эти болѣзненные вопли и безсильныя жалобы ушли въ пословицы и, съ уничтоженіемъ правежнаго обычая, приняли болѣе смягченный смыслъ. Плачевный выводъ изъ суровой практики старыхъ временъ погодился въ нынѣшнія времена лишь въ шутливой и легкой упрекъ доброму пріятелю. Стали увѣрять, что «въ ногахъ правды нѣтъ» тѣхъ, которые, придя въ гости, церемонятся, не садятся [1]). Точно также: «дай срокъ, не сбей съ ногъ» обращаютъ теперь къ тѣмъ, кто въ личныхъ расчетахъ торопитъ на работѣ, понуждаетъ на лишнія усилія, сверхъ ряды и уговора, въ тяжеломъ трудѣ, затѣянномъ либо на срокъ, либо въ самомъ дѣлѣ на-спѣхъ, и т. д. Надъ упраздненнымъ правежемъ начали уже и подсмѣиваться въ глаза заимодавцамъ: «на правежъ не поставишь!» (не что возьмешь!). Какая же въ сущности правда въ ногахъ? «Въ правежѣ не деньги», т. е. искъ по суду мало надеженъ, — сознательно говорятъ и въ нынѣшнія тяжелыя времена всеобщаго безденежья.

---

[1]) И. М. Снегиревъ говоритъ, что, въ буквальномъ своемъ значеніи и въ свое время пословица эта замѣняла нынѣшнюю «на немъ взятки гладки», т. е. ничего съ него взять нельзя: напрасны и мучительныя домогательства, какъ безцѣльны и настойчивыя просьбы.

ЛОЖЬ КРИВАЯ.

Диво варило пиво: слѣпой увидалъ, безногі ковшомъ побѣжалъ, безрукій сливалъ; ты пи. не растолковалъ?

Или такъ: безрукій клѣть обокралъ, голопу за пазуху наклалъ, слѣпой подглядывалъ, г. подслушивалъ, нѣмой караулъ закричалъ, без въ погонь погналъ?

Таковы, на досужій часъ зимнихъ вечеровъ изъ народныхъ загадокъ, вообще очень скупы отвлеченныя понятія и вращающихся преим ственно въ кругу видимыхъ предметовъ и обыч вещей. Указаніе для отгадки въ данномъ случаѣ лано на то несмываемое пятно, которое уже п вѣка сберегается цѣлымъ на родѣ человѣческо на то, въ чемъ, по писанію, весь міръ лежитъ со свѣтомъ началось и со свѣтомъ кончится. красна всякая человѣческая рѣчь, что, по н ной пословицѣ, живетъ и ходитъ на тараканн ножкахъ (того и гляди—подломятся). Его люди пятъ, но отъ него пропадаютъ. Съ нимъ весь с пройдешь, но назадъ не воротишься. Словомъ, гадка указываетъ на ложь или, по точному и (употребительному народному выраженію, на непр столь же древнюю, какъ міръ, и имѣющую от своимъ дьявола («отъ Бога дождь, отъ дьявола ло: съ передачею въ наслѣдіе всѣмъ людямъ черезъ вую жену. Появленіе этого порока на землѣ і народъ объясняетъ тѣмъ, что Богъ создалъ : изъ кривого ребра, оттого и пошла **кривая** л или, короче сказать самымъ правильнымъ русс словомъ, кривда. Она крива, по злому насмѣ

вому выраженію, какъ московская оглобля въ городскихъ пролеткахъ или санкахъ. Это, по тѣмъ же пословицамъ, либо простая дичь, либо дичь во щахъ, либо дичинка съ начинкой, либо дудки. Она же околесная и сивый меринъ, она кривые моты мотаетъ, гнетъ дугу черемховую, и если заговоритъ, то не иначе, какъ во всю губу и всегда на вѣтеръ. Повременамъ она же самая — и красное словцо, гоголевскіе сапоги въ смятку и его же Андроны, которые ѣдутъ и Мироновъ везутъ, и т. д. «Правда осталась у Бога жить на небесахъ, а кривда пошла гулять по бѣлому свѣту».

Люди, обладающіе живымъ и пылкимъ воображеніемъ и впечатлительностью (не исключая, конечно, прежде всего и дѣтей), никакъ не могутъ ограничиться представленіемъ голаго факта, а должны непремѣнно его идеализировать. Часто, разсказывая одно и то же придуманное ими, т. е. распространяя ложь, они доходятъ, наконецъ, до того, что сами убѣждаются въ правдивости личныхъ фантастическихъ образовъ. Съ каждымъ разомъ, придавая своей лжи художественную законченность и видя, что ихъ ложь дѣйствуетъ сильнѣе правды, они, наконецъ, доходятъ до того, что, по пословицѣ, передъ ними лѣса нагибаются и сыръ-боръ преклоняется. Таковъ, между прочимъ, тотъ путешественникъ, который, разсказывая о томъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ дикіе ѣли воображаемыхъ дѣтей его, всякій разъ заливался горючими слезами. Про такихъ-то и говорятъ наши пословицы, что «кто ихъ переврётъ — трехъ дней не переживетъ», и «одинъвралъ — не доврал, другой вралъ—переврал, третьему ничего не осталось». Одинъ сморозитъ, а другой плететъ кошели съ лаптями, либо прямо несетъ колеса на

турусахъ (или наоборотъ); одинъ выворачиваетъ дѣло наизнанку, другой лошадь черезъ шлею валитъ; иной такъ путаетъ, что и самъ дороги домой не найдетъ, — и всѣ они, попросту сказать, врутъ. Отъ иного вранья уши вянутъ, въ глазахъ зеленитъ, святыхъ выноси и самъ выходи. Подъ другое вранье иглы не подбить, черезъ третье не перелѣзть, четвертаго вранья за пазуху не уберешь.

Если, какъ сказано и доказано, лжей много, то, во всякомъ случаѣ, правда одна, и та непремѣнно — голая.

ПРАВДА ГОЛАЯ.

Александръ Невскій сказалъ: «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», а русскій народъ говоритъ: «и Мамай правды не съѣлъ». Однако на всемъ свѣтѣ, по всенародному убѣжденію, правду говорятъ только дѣти, дураки да пьяные. Въ самомъ дѣлѣ многіе ли ищутъ истину и любятъ правду?

Къ слову: въ послѣднихъ двухъ словахъ, при нѣкоторомъ обусловленномъ сходствѣ, есть существенная разница. Истина — «все, что есть», что справедливо, вѣрно и точно является достояніемъ человѣческаго разума, или, какъ говорится, истина отъ земли, въ смыслѣ правдивости и правоты, а правда съ небесъ, какъ даръ благостыни. По объясненію В. И. Даля, истина относится къ уму и разуму, а добро или благо — къ любви, нраву и волѣ. Благо во образѣ, какъ въ формѣ, доступной пониманію, есть истина. Свѣтъ плоти — солнце, свѣтъ духа — истина. Истина же во образѣ, на дѣлѣ, во благѣ и есть правда, какъ правосудіе и сама справедливость, судъ по правдѣ

По псалтирю «истина отъ земли возсія, а правда съ небесе притече». Истина присуща только богамъ (ее то и не зналъ Пилатъ и громогласно просилъ объясненія); стремиться къ истинѣ — значитъ желать быть добродѣтельнымъ. Вотъ почему она встрѣчается такъ рѣдко. Да и правда, будучи не нагою, не дерзаетъ являться въ свѣтъ иначе, какъ прикрытою ложью, чтобы, по русскому выраженію, не колоть глазъ, т. е. не возбуждать ненависти. Правда не такъ сладка людямъ, какъ плоды заблужденія и обмановъ, да притомъ же ее трудно провѣрить, а потому и народный совѣтъ: «съ нагольной правдой въ люди не кажись». Нагая правда, т. е. прямая, безъ обиняковъ, не на міру стоитъ, а по міру ходитъ, т. е. не властвуетъ людьми, не начальствуетъ надъ ними, а, истомившись, сама лжи покорилась. Всякій правду хвалитъ, ищетъ, любитъ, знаетъ, да не всякій ее сказываетъ, въ томъ убѣжденіи, что и хороша святая правда,но въ люди не годится. Пробовала правда спорить съ кривдой, да свидѣтелей не стало, а сталось такъ, что у всякаго Павла оказалась своя правда, и все оттого самаго, что она живетъ у Бога. Если хороша эта правда-матка, такъ не передъ людьми, а все же только передъ однимъ Богомъ. И трава перекати-поле, подхваченная вѣтромъ, унесла на себѣ кровавые слѣды, которые обнаружили убійцу, и ракитовъ кустъ тѣмъ же способомъ за правду постоялъ, но все-таки правдѣ въ людяхъ нигдѣ нѣтъ мѣста, и не по той же, въ самомъ дѣлѣ, причинѣ, что она ходитъ нагишомъ. Ее уже съ древнѣйшихъ временъ, когда настояла надобность изображать въ лицахъ, попросту изображали голою (отсюда и русское выраженіе «правдолюбъ—душа нагишомъ»). Въ виду господствующей лжи, современные любители и ис-

катели правды совѣтуютъ одно утѣшеніе въ молчаніи съ убѣжденіемъ и вѣрою, что правда все-таки есть на свѣтѣ. «Все въ немъ минѣтся, а правда останѣтся». Подъ прикрытіемъ лжи можно долго изловчаться, однако до тѣхъ только поръ, пока не грянетъ гроза, очищающая и освѣжающая воздухъ, и не разразится буря, ломающая все гнилое и попорченное. «Правда есть, такъ правда и будетъ» —говоритъ пословичная народная мудрость.

ГЛАСЪ НАРОДА—ГЛАСЪ БОЖІЙ.

Выставляю въ заголовкѣ эту міровую, всесвѣтную пословицу, конечно, не для толкованія ея, а собственно потому, что одинъ изъ рецензентовъ моей работы упрекнулъ въ пропускѣ ея, а самъ поспѣшилъ дать невѣрное объясненіе. Имѣя въ виду только тѣ «крылатыя слова», которыя требовали толкованій или давали поводъ къ пояснительнымъ разсказамъ, я намѣренно не коснулся «Vox populi vox Dei», какъ такого изреченія, которое ясно всѣмъ, какъ Божій день. Судья мой совѣтуетъ для нагляднаго объясненія этого выраженія отправиться въ сѣверную Русь и указываетъ на тамошнія церкви, или собственно на ту къ нимъ пристройку, которая называется трапезою. Въ этой пристройкѣ собирался народъ, сходившійся на погостъ помолиться, поговорить о своихъ дѣлахъ и постановить мірское рѣшеніе, обязательное для всѣхъ. Подъ церковнымъ кровомъ рѣшеніе это, какъ бы освященное, являлось уже въ то же время, какъ бы Божіимъ гласомъ, исходящимъ изъ храма Божія. На самомъ дѣлѣ вотъ какія данныя получаются изъ—

актовъ объ этихъ трапезахъ и вотъ о какихъ фактахъ они свидѣтельствуютъ.

Въ деревянныхъ храмахъ сѣверной Россіи, представляющихъ собою изумительные образцы самостоятельнаго и самобытнаго народнаго зодчества, на западной сторонѣ собственно храма (обыкновенно холоднаго), и вплотную къ нему пристраивалась эта вдвое и втрое большая часть церкви — трапеза. Стѣны ея вытесаны и гладко выскоблены; крыша покрыта скалой и тесомъ съ рубцами на-плотно, чтобы не было капи. Спереди, при входѣ, построено подпапертье съ крыльцомъ на столбахъ и съ двумя лѣстницами, въ сѣверную и южную стороны. И крыльцо, и лѣстницы забраны досками въ брусье. Изъ трапезы въ церковь вели двери съ полотенцами и туда же смотрѣло одно длинное окно со ставнями, когда кончалась служба, чтобы отдѣлить эту пристройку отъ священнаго мѣста. Четыре окна выходили на улицу, пятое, побольше, служило дымоволокомъ, такъ какъ трапеза была курная. Отступя отъ стѣны на такое разстояніе, чтобы можно ходить кругомъ, стояла печь, которая чадила и грѣла. Среди трапезы построены скамьи съ «причелинами» (дощатыми спинками), на которыхъ садились мірскіе люди, когда сходились на совѣтъ по всякимъ дѣламъ (конечно, лишь въ зимнее время). Здѣсь выслушивались указы и приказы, сказывались вѣсти обо всемъ полезномъ и любопытномъ и «о всякой нужѣ, чтобы вѣдома была народу». Тутъ въ древнія времена происходили пиры-братчины и пиры-поминки по умершимъ родителямъ. Трапеза, во всякомъ случаѣ, представляла совершенный особнякъ отъ церкви, хотя и была прирублена къ ней вплотную: сторожъ, охранявшій церковь, тутъ въ трапезѣ и спалъ. Онъ обязанъ былъ

мыть полъ только два раза въ году: къ Христову Рождеству и на святую Пасху и топить печь осенью, зимою и весною каждый день еловыми дровами. Гдѣ не было земскихъ избъ, тамъ, естественно, церковныя трапезы замѣняли ихъ мѣсто, не внушая къ себѣ исключительнаго почтенія, какимъ пользовался самый храмъ. По актамъ, касающимся церковно-общественнаго быта холмогорской и устюжской епархій, доказывается это обстоятельство нагляднымъ образомъ. Въ одномъ случаѣ разбора дѣла не стѣснились тяжущіеся принять церковную трапезу за съѣзжую земскую избу. Такъ напримѣръ своевольничалъ отецъ съ дѣтьми: косилъ чужой лугъ и травилъ скотомъ огородъ. Обиженные пожаловались земскому судьѣ на тѣхъ «сильныхъ людей». Главный обидчикъ схватилъ жалобщика за воротъ и хотѣлъ удавить. Дѣти его выступили съ ножами и кричали: «бей да рѣжь его!» Свидѣтелей было много и всѣ подтвердили единогласно, что былъ крикъ: «возьмите да убейте!». Въ другой разъ пришелъ въ трапезу попъ безобразно пьянымъ, бранилъ всѣхъ неподобною бранью скаредно, и за горло хваталъ, и о полъ ударилъ. Вырвалъ у одного старичка костыль, волочилъ старца по полу, по трапезѣ, билъ кулаками: «о голову руку свою расшибъ до крови и кровь его на столъ текла и на полъ». По словамъ другого акта: въ трапезахъ вообще бывали «поносы большіе во весь ротъ».

Довольно рискованно предполагать, чтобы «изъ этой передней части Божія храма исходившій» гласъ народа назывался, по его правдивости, «гласомъ Божіимъ». Подобные факты скорѣе можно причислить къ несмѣтному сонму доказательствъ случайной пословицы «Судъ людской—не Божій».

СЧАСТЬЕ ОДНОГЛАЗОЕ.

— Не въ которомъ царствѣ, а можетъ и въ самомъ нашемъ государствѣ, жила-была женщина и прижила роженое дѣтище. Окрестила его, помолилась Богу и крѣпкимъ запретомъ зачуралась,—довольно-таки съ нея одного: вышелъ паренекъ такой гладкій, какъ наливное яблочко, и такой ласковый, какъ телятко, и такой разумный, какъ самый мудрѣйшій въ селѣ человѣкъ. Полюбила его мать пуще себя: и цѣловала-миловала его день и ночь, жалѣла его всѣмъ сердцемъ, и не отходила отъ него на малую пяденочку. Когда ужъ подросло это дѣтище. Стала она его выпускать въ чистомъ полѣ порѣзвиться и въ лѣсу погулять. Въ ино время то дѣтище домой не вернулось,—надо искать: видимо дѣло—пропало. Не медвѣдь ли изломалъ, не укралъ ли лѣшій?

А та женщина называлась Счастьемъ, и сотворена была, какъ быть живому человѣку: все на своемъ мѣстѣ, и все по-людскому. Только въ двухъ мѣстахъ была видимая поруха: спина не сгибалась и былъ у ней одинъ глазъ, да и тотъ сидѣлъ на самой макушкѣ головы, на темени: кверху видитъ, а руками хватаетъ зря, что нащупаетъ и что подъ самые персты попадется на удачу. Съ таковой-то силой-помощью пошло то одноглазое Счастье искать пропавшее дѣтище. Заблудилось ли оно,—и съ голоду померло, или на волковъ набѣжало,—и тѣ его сожрали, а можетъ и потонуло, либо иное что съ нимъ прилучилось—не знать того дѣла Счастью: оттадывать ему Богъ разума не далъ—ищи само, какъ ты тамъ себѣ знаешь. Искать же мудрено и не сподручно: видѣть не можно, развѣ по голосу призна-

вать. Такъ опять же ребячьи голоса всѣ на одно. Однако, идетъ себѣ дальше: и можетъ оно прислушивается, можетъ ищетъ по запаху (бываетъ такъ-то у звѣрья)—я не знаю. Въ одной толпѣ потолкается, другую обойдетъ мимо, третью околеситъ, на четвертой, глядь-поглядь, остановилась. Да какъ схватитъ одного такого-то, не совсѣмъ ладнаго, да пожалуй и самаго ледящаго, праховаго, сплошь и рядомъ что ни на есть обхватитъ самаго глупаго, который и денегъ-то считать не умѣетъ. Значитъ, нашла мать: оно самое и есть — ея любимое и потерянное дѣтище. Схватитъ Счастье его себѣ и начнетъ вздымать, чтобы посмотрѣть въ лицо: оно ли доподлинно? Вздыметъ полегоничку, нѣжненько-таково, все выше да выше, не торопится. Вздыметъ выше головы, взглянетъ съ темени однимъ своимъ глазомъ да и броситъ изъ рукъ, не жалѣючи, прямо о земь: иный изживаетъ, иной зашибается и помираетъ. Нѣтъ, не оно! И опять идетъ искать, и опять хватаетъ зря перваго встрѣчнаго, какой вздумается, опять вздымаетъ его къ небесамъ и опять бросаетъ о земь. И все по землѣ ходитъ, и все то самое ищетъ. Дѣтище-то ея совсѣмъ сгибло со бѣла свѣта, да материнское сердце не хочетъ тому дѣлу вѣрить. Да и какъ смочь ухитриться и наладиться? Вотъ все такъ и ходитъ и хватаетъ, и вздымаетъ, и бросаетъ, и ужъ сколько оно это самое дѣлаетъ,—счету нѣтъ, а поискамъ и конца краю не видать—знать до самаго свѣтопреставленія такъ-то будетъ! Правду молвятъ въ народѣ: «счастье что трястье—на кого захочетъ, на того и нападетъ».

Таковую притчу слышалъ я отъ старика-раскольника на рѣкѣ Мезени, но послѣ нигдѣ съ нею не встрѣчался и ни въ какихъ изданныхъ сборникахъ не нашелъ.

ГДѢ РУКА, ТАМЪ И ГОЛОВА.

Рука согрѣшитъ,—голова въ отвѣтѣ.
Пословица.

Взятая въ буквальномъ смыслѣ, всѣмъ извѣстная и повсюду распространенная пословица можетъ показаться ненужной, лишней пустословкой, вызывая прямой и короткій отвѣтъ: конечно такъ, само собой разумѣется. Въ самомъ же дѣлѣ пословица заключаетъ въ себѣ глубокій смыслъ и есть ни что иное, какъ юридическій терминъ, отъ старины до нашихъ дней не утратившій своего значенія. Въ старину пòслухи или свидѣтели, при поголовномъ безграмотствѣ, ручаясь въ данномъ показаніи, подавали полуграмотному дьяку правую руку и тѣмъ какъ бы давали собственноручную (или, вѣрнѣе, и по старинному, «заручную» подпись). Во многихъ случаяхъ требовалось даже наложеніе самой руки или обѣихъ вмѣстѣ на бумагу свитка поручной записи,—пріемъ, объясняемый словомъ позднѣйшаго сочиненія—рукоприкладство или, короче и проще по-русски, подписи, вмѣсто составленнаго на нѣмецкій ладъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она заключалась въ томъ, что пòслухамъ или видокамъ обмазывали правую ладонь черной краской и дѣлали оттискъ на свиткахъ въ столбцахъ, называемыхъ поставами (гербовую бумагу начали употреблять съ 1699 года). Во всякомъ случаѣ человѣкъ ручался за данное показаніе на судѣ, становился порукою за другого человѣка по старозавѣтному выраженію, часто встрѣчаемому въ старыхъ актахъ: «ты о томъ не тужи, въ томъ моя голова». Было все равно: огра-

ничивался ли онъ однимъ лишь голословнымъ пока занiемъ или цѣловалъ евангелiе, крестъ, сырук землю, или скрѣплялъ всѣ клятвы подписью на бу мажномъ листѣ. Отсюда и «держать чью руку» зна читъ стоять за того, быть на его сторонѣ при вы борахъ и клятвенныхъ ручательствахъ, и «играт въ одну руку»—дѣйствовать во всемъ заодно. Въ ста рину «порукой» назывался и тотъ человѣкъ, кото рый бралъ подсудимаго себѣ на руки, ручался от вѣтомъ за него. Порукой считалась и цѣлая семы купцовъ, остававшаяся какъ бы въ закладѣ дома на родинѣ, когда (по Котошихину) торговые люді ѣздили въ чужiя земли, чтобы «имъ въ иныхъ го сударствахъ не остатися». Со временъ той же ста рины «поручнымъ» называется всякiй задатокъ особенно деньги, взятыя или данныя при битьѣ п голымъ рукамъ или по рукавицѣ, при условiяхъ всякаго рода: наймахъ, продажахъ, купляхъ, обмѣ нахъ. Точно также до сихъ поръ отцы жениха і невѣсты покрываютъ полами кафтановъ руки і ударяютъ ими въ знакъ окончательнаго согласiя на бракъ, т. е. одновременно этимъ способомъ подпи сываютъ брачный контрактъ и свидѣтельствуютъ его у нотарiуса. То же самое дѣлаютъ барышники при продажѣ лошадей, хлопая въ иныхъ случаяхъ неуладицы по нѣскольку разъ до послѣдняго, когда бьютъ по рукавицамъ, прихвативъ на этотъ разъ руками поводъ продажнаго коня, и т. д. До сихъ поръ на общинныхъ сходахъ, при составленiи мiр скихъ приговоровъ вѣрители подаютъ грамотѣямъ руки, что и зовутъ «отбирать руки» и проч. Такъ велико значенiе этой верхней конечности человѣче скаго тѣла въ жизни и обычаяхъ русскихъ людей Въ то же время столь разнообразны въ живой рѣчи

примѣненія въ иносказательномъ смыслѣ этого существительнаго имени женскаго рода!

Лѣнивый человѣкъ, привыкшій ничего не дѣлать и сидѣть праздно, «поджалъ руки»; у таковыхъ, конечно, по этой причинѣ и всякое дѣло «валится изъ рукъ». Иной городской извозчикъ или почтовый ямщикъ съумѣетъ запрячь лошадь «подъ руку», т. е. на пристяжку, да въ ѣздѣ часто не знаетъ «своей руки», т. е. не знаетъ правила держаться «парадной», т. е. узаконенной у насъ въ Россіи правой стороны при направленіи въ ѣздѣ (въ Англіи и въ Японіи «парадная» сторона—лѣвая). Иные безтолковые или тупые люди «руки не знаютъ», т. е. не разбираютъ права или лѣва. Прежніе рекрута, приведенные изъ глухихъ мѣстъ и требовавшіе на ученьяхъ привязки къ одной ногѣ сѣна, къ другой соломы, чтобы умѣть разбирать очередь той или другой ноги при маршировкѣ. Человѣкъ, отъ постоянно преслѣдующихъ его неудачъ, пришедшій въ отчаяніе, растерявшійси до того, что не знаетъ, какъ поступать дальше и что ему дѣлать, «опустилъ руки». Драчливый и вздорливый человѣкъ, посягая на смирнаго, «поднимаетъ руки»; нападая на податливаго, «прибираетъ его къ рукамъ», и на худшій конецъ «налагаетъ руку», т. е. порабощаетъ и притѣсняетъ. Воры, у которыхъ «руки съ ящичкомъ», дѣйствуя съ товарищами, «играютъ съ ними въ одну руку», и если поживились случайно или нажились окончательно,—они «нагрѣли руки». Бываютъ руки тяжелыя, легкія, длинныя, какъ бываютъ толстыя шеи и мѣдные лбы, и т. п.

ПРИТЯНУТЬ КЪ ИСУСУ.

Въ 1732 году тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія изъ Москвы переведена была въ Петербургъ и хотя Петръ Третій уничтожилъ ее, но Екатерина поспѣшила возстановить. При Екатеринѣ розыскиваніе правды, какъ извѣстно, поручено было знаменитому Степану Ивановичу Шешковскому, тайному совѣтнику, получившему особую извѣстность въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда онъ сдѣлался главнымъ распорядителемъ въ дѣлахъ тайной экспедиціи. По сыскной части онъ былъ виртуозъ еще въ молодыхъ лѣтахъ и на первыхъ шагахъ въ служебной карьерѣ. Но когда сталъ завѣдывать политическими розысками, пользуясь полною довѣренностью императрицы, онъ сдѣлался грозою всѣхъ по причинѣ грубаго и неумолимаго личнаго характера. Шешковскій наводилъ ужасъ однимъ своимъ именемъ: Радищевъ, написавшій извѣстное сочиненіе «Путешествіе изъ Петербурга въ Моску», упалъ въ обморокъ, когда услыхалъ, что дѣло его поручено Шешковскому. При встрѣчахъ съ послѣднимъ, Петемкинъ привѣтствовалъ его всегда однимъ и тѣмъ же вопросомъ: «каково кнутобойничаешь, Степанъ Ивановичъ?»—Помаленьку, ваша свѣтлость, потихоньку! — обычно, потирая руки, отвѣчалъ онъ и подобострастно кланялась при этомъ его небольшая мозглявая фигурка, одѣтая въ сѣрый сюртучокъ, скромно застегнутый на всѣ пуговицы. Принимая, по свидѣтельству поэта Г. Р. Державина, важный, грозный и таинственный тонъ, съ заложенными въ карманы руками, онъ не чинился ни съ кѣмъ, кто попалъ въ его лапы, не различая знатныхъ дамъ и

ростовскаго архіерея Арсенія Мацѣевича отъ Емельяна Пугачева и отъ всѣхъ прочихъ, обвиняемыхъ во «вракахъ», какъ привычно выражались въ то время. Шешковскій пускалъ въ ходъ и розги, и кнуть, и свою толстую палку. Смотрѣлъ онъ спокойно и безстрастно, считая удары и наслаждаясь, когда работали его палачи. Иногда онъ увлекался до того, что вскакивалъ съ мѣста, выхватывалъ кнутъ и билъ имъ самъ. Допросъ съ вынужденіемъ признанія онъ начиналъ не иначе, какъ внезапно ударяя своей толстой камышевкой подъ самый подбородокъ заподозрѣнныхъ лицъ съ такой силой, что трещали и выскакивали зубы. Затѣмъ слѣдовали всевозможныя истязанія, включительно до того стула, на который сажалъ свою жертву самородный отечественный инквизиторъ и патентованный палачъ. Стулъ этотъ особымъ механизмомъ опускался подъ полъ, гдѣ скрыты были готовые секуторы, съ орудіями пытокъ. Допросчикъ былъ холоденъ и неумолимъ — по характеру, звѣроподобенъ — по воспитанію; но при этомъ старался казаться богобоязненнымъ человѣкомъ: усердно посѣщалъ церкви и каждую обѣдню вынималъ три заздравныя просфоры. По преданію, та комната тайной экспедиціи, гдѣ онъ снималъ «пристрастные» допросы съ истязаніями, вся изувѣшена была иконами. Вопросы, обращаемые къ жертвѣ, Шешковскій уснащалъ текстами священнаго писанія. Когда раздавались стоны, вопли и мольбы о пощадѣ, ханжа-пустовѣръ начиналъ кощунствовать, впадая въ гораздо худшую крайность: онъ начиналъ читать на то время акафистъ Божіей Матери или «Іисусу Сладчайшему, души утѣшенію, Іисусу многомилостивому...» По догадкѣ г. А. Н. Корсакова («Историч. Вѣстн.», декабрь 1885), въ

этихъ оригинальныхъ пріемахъ Шешковскаго, «
наго пса» (какъ онъ самъ росписался подъ св
портретомъ), слѣдуетъ, по всему вѣроятію, и
основанія этому очень распространенному выр
нію, поставленному въ нашемъ заголовкѣ. Ин
объяснить его трудно, въ виду страннаго со
самой фразы съ такимъ неожиданнымъ сопост
ніемъ въ рѣчахъ глубоко и искренно вѣрую
русскихъ людей.

ПОСЛОВЪ НЕ РУБЯТЪ.

Въ давнюю старину подкупленный убійца
крался темною ночью къ богатому вельмож
чѣмъ ближе подходилъ къ спальной, тѣмъ сил
одолѣвалъ его страхъ. Когда же увидѣлъ онъ в
передъ собою намѣченную жертву, погруженну
глубокій безмятежный сонъ, разбойникъ вдруг
чувствовалъ, что та рука его, которая держал
точенный ножъ, стала мертвѣть и отыматься.
нявъ это явленіе за Божье наказаніе, испуга
злодѣй началъ самъ будить обреченнаго на см
Съ трудомъ собравши силы и справившись съ
комъ, нанятый разбойникъ объяснилъ своей же
что злые враги хотятъ его извести, но Богъ выб
его въ посланцы, чтобы сообщить о злодѣйс
умыслѣ и велѣть остеречься.

— Я бросаю ножъ, но ты вели казнить меня:
я теперь въ твоей волѣ!

— Пословъ не сѣкутъ, не рубятъ, — отвѣ
князь, — а домой отпускаютъ. Ступай и ты
откуда посланъ, — благо темно здѣсь. Ступай
рѣй, чтобы я тебя и въ лицо не видалъ. Повин
голову и мечъ не сѣчетъ!..

НЕ ВЪ КОЛЬЦО, А ВЪ СВАЙКУ.

Самымъ малымъ деревенскимъ ребятамъ извѣстно, что безъ кольца играть въ свайку нельзя: нѣтъ никакой забавы и невозможно показать ловкости въ рукахъ и зоркаго прицѣла глазомъ. Умѣетъ сковать свайку всякій деревенскій кузнецъ: выберетъ троетесный гвоздь, обколотитъ углы, обровняетъ ихъ такъ, чтобы казалось толстымъ шиломъ, и наваритъ на толстый конецъ изъ обрѣзковъ желѣза толстую и тяжелую голову (чѣмъ она тяжелѣе, тѣмъ лучше). Свайка готова: и на потѣху малыхъ ребятъ, и на похвальбу вѣрнымъ глазомъ взрослыхъ. Надо попадать въ кольцо такъ, чтобы не только угодить въ серединную точку, но чтобы кольцо прискочило и завизжало, и съ быстротой вонзилось тотчасъ же въ землю, а того лучше въ гнилыя бревна подъизбицы. Въ подобномъ случаѣ попробуй вытащить эту «рѣдьку» тотъ, кто проигралъ, т. е. не попадалъ въ кольцо, а билъ его по внѣшнему краю и вышибалъ свайкой изъ намѣченнаго кона, навылетъ, или просто забивалъ кольцо глубоко въ землю, ударяя въ него головой свайки. За такіе неловкіе удары приходится долго служить, вытаскивая свайку, и часто наклоняться, чтобы передать ее счастливому игроку. Этотъ беретъ тонкій конецъ гвоздя или хвостъ свайки въ кулакъ и всей пятерней броскомъ вонзаетъ въ землю, причемъ самая свайка успѣваетъ разъ перевернуться въ воздухѣ. При вѣрно намѣченномъ ударѣ, она обязательно падаетъ на свой хвостъ, который и вязнетъ въ землѣ. Наловчившіеся пробуютъ бросать свайку, придерживаясь за

хвостъ двумя пальцами правой руки, пооче
Самый ловкій становится къ кольцу спиной
комъ разстояніи, что, приложивши остріе к
и наклонившись впередъ, бросаетъ черезъ
свайку такъ удачно, что она не только попа
въ свое мѣсто, но и самое кольцо бѣшено в
вается съ земли и задорно визжитъ у самой го

Теперь отъ уличной забавы (какъ это ни
жется страннымъ) для насъ необходимъ пер
къ такому важному народному бытовому во
какъ обычное народное право въ примѣнені
къ наслѣдованію имуществъ. По этимъ народ
законамъ, издревле установленнымъ и нигдѣ
печатаннымъ, но тѣмъ не менѣе общимъ и
образнымъ для всей Россіи, въ примѣненіи и
женщинѣ, между прочимъ, заповѣдано «ба
добру отъ бабы не отходить». Жена—хозяйка
его добра: все, что принесено ею въ мужнинъ
принадлежитъ ей одной, будетъ ли то кладка (д
отъ жениха въ видѣ платы за невѣсту), или
дукъ (т. е. приданое въ смыслѣ даровъ отъ
телей носильнымъ платьемъ, бѣльемъ и наря
и т. д. По смерти мужа, если она останется
дѣтной вдовой, все это она уноситъ съ собой. В
при дѣтяхъ, въ значеніи хозяйки, она остается
до совершенныхъ лѣтъ ребятъ, иначе польз
только какою нибудь частью имущества (чаще
Во всякомъ случаѣ, «мать при сынѣ — не на
ница», точно такъ же, какъ «сынъ наслѣдуетъ
но отецъ не наслѣдуетъ сыну». Мать хотя и
кій человѣкъ (въ мученіяхъ родитъ, грудью
митъ), но отецъ стоитъ выше матери: онъ ро
дѣти—его кровь, онъ властитель и хозяинъ,
Богъ надо всѣмъ свѣтомъ. На этомъ основаніи

щина и въ семейномъ быту, и въ юридическихъ правахъ весьма ограничена, сильно обездолена и всегда обижена, особенно при имущественныхъ раздѣлахъ. Немудрено, но очень долго, приводить всѣ многочисленныя доказательства тому, что «женскій бытъ—всегда онъ битъ» или «бей шубу—теплѣе, бей жену—милѣе» и т. п. При свекрови сноха—подчиненная безотвѣтная работница, съ распредѣленіемъ очереди (обычно по недѣлямъ) для отправленія обязанностей стряпухи. Младшей снохѣ труднѣе всѣхъ, потому что она всѣхъ ниже значеніемъ, а старшая сноха, будь она даже вдовою, сохраняетъ свое почетное положеніе и ея больше слушаютъ. Только въ томъ случаѣ младшая поднимается на одну ступень выше, когда вернется въ семью родная дочь, выданная на сторону замужъ и успѣвшая овдовѣть. При дѣлежѣ, по смерти родителей, сестры при братьяхъ должны довольствоваться тѣмъ, что захотятъ имъ выдѣлить на справу къ свадьбѣ, если мать при жизни своей не успѣла исполнить свою главную и священную обязанность—выдать дочь замужъ (хлопоты о женитьбѣ сыновей лежатъ на отцахъ). Только въ томъ случаѣ дѣлится имущество на равныя части, когда наслѣдницами являются дочери. Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ нерушимъ вѣковѣчный законъ, выраженный пословичною формулою: «сестра при братѣ—не вотчинница». Отсюда же становится понятнымъ иносказательное выраженіе, наше крылатое слово—«не въ кольцо, а въ свайку» идетъ имѣніе, т. е. поступаетъ въ собственность сына, а не дочери. Это значитъ, что заготовленное и сбереженное родителями имущество всего чаще не приращается, но проматы-

вается по закону: «отцы наживаютъ, дѣтки проживаютъ», и по пословицѣ: «наживной рубль—дорогъ, даровой рубль—дешевъ».

ПО ЗЕМЛѢ И ВОДА,—

какъ живое и живучее слово, перестанетъ считаться непонятнымъ или дешеваго смысла, если взглянуть на него, какъ на древній юридическій терминъ. Ясно, что въ спорахъ о владѣніи землей установилось естественнымъ образомъ право владѣть и водами, протекающими въ границахъ земельнаго участка. По землѣ присуждалась и вода. Вся трудность, вызывавшая путаницу отношеній и споровъ, заключалась въ точномъ опредѣленіи межей, когда живыя урочища не помогали рѣзкими особенностями и яркими очертаніями и примѣтами. Въ такихъ спорахъ обыкновенно являлись рѣшителями дѣла указанія стариковъ: приводилось свидѣтельствовать съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ таинственныхъ обрядовъ. Въ Каргополѣ сохранился самый старинный: доказывающій свое или чужое право кладетъ на голову кусокъ дерна, т. е. «мать сыру-землю», и съ нимъ обходитъ по гранямъ. Въ другихъ мѣстахъ дёрнъ успѣли замѣнить честною иконою. Въ древней Ростовской землѣ епископъ посылалъ священника съ крестомъ св. Леонтія. Крестъ ставился на спорную землю и свидѣтели должны были, удостовѣрясь крестомъ ростовскаго первомученика, опредѣлять: которой изъ двухъ тяжущихся сторонъ должна принадлежать земля. Такимъ образомъ и въ Ростовскомъ княжествѣ «разводъ земли» производился такъ же по совѣсти, «а не какъ въ другихъ мѣстахъ

(говоритъ описатель чуда св. Леонтія),—гдѣ обыкновенно суды и тяжбы производились, и лилась кровь». Самое же право владѣнія опредѣлялось выраженіемъ: «куда топоръ и соха ходили» — по ту грань въ лѣсу и на поляхъ надо считать землю собственностію лица, поселившагося и приложившаго трудъ на такихъ новяхъ.

ПОКАМѢСТЪ.

Здѣсь, между прочимъ, слѣдуетъ искать происхожденія слова «покамѣстъ», какъ стариннаго, оставшагося кое-гдѣ въ ненарушенной формѣ: «ждали, по ка,—подождемъ и по та», т. е. подольше—слышится зачастую. «По ка (по какое мѣсто) укажутъ, по та и отрубишь»—обычно говорятъ плотники сѣверныхъ лѣсныхъ губерній. «По ка мѣстъ живется, по та мѣстъ и жить стану», а индѣ уже подсмѣненное общеупотребительнымъ нарѣчіемъ пока, покудова, на сѣверо-востокѣ Россіи дока, докуда, поколь, поколѣ, на юго-западѣ — покель, покелева, покелича, покедь, поколя; на югѣ — покамѣ, покамѣстъ, покилича, а у бѣлоруссовъ и малороссовъ пòки и допòки. По ка мѣсто, какъ сложное существительное, издревле склоняется въ любимой и болѣе употребительной формѣ множественнаго числа, напримѣръ, какъ въ старыхъ актахъ, «по кѣхъ мѣстъ тѣ судныя деньги (т. е. взятыя взаймы) за ними, исполщиками (половинщиками въ работахъ), побудутъ (впередъ за условленную работу), а гдѣ ея запись выляжетъ, тутъ по ней судъ», и проч.

Или такъ, какъ поступалъ Петръ Великій.

Онъ что-либо прикажетъ исполнить, да непре-

мѣнно тотчасъ же и пристращаетъ: «Если въ срокъ не исполните, то велю сковать за ноги и на шею положить цѣпь и держать въ приказѣ «покамѣсто» (пока́) выписанное исполнится». Такой, между прочимъ, указъ послалъ онъ за своею подписью архангельскому вице-губернатору ближнему стольнику Ладыженскому.

Кому разсказываютъ про такое дѣло, которое онъ отлично знаетъ и помнитъ, видѣлъ его очень ясно, своими глазами, а не усвоилъ по слухамъ, тотъ обыкновенно (въ лѣсной Сѣверной Россіи) отвѣчаетъ:

— Не разсказывай: я на межевой ямѣ сѣченъ.

Хотя это и не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій въ виду того, что межи или границы земельныхъ угодій обыкновенно обозначаются «гранными ямами», тѣмъ не менѣе такое выраженіе обязываетъ остановиться на весьма важномъ народномъ обычаѣ. Гранныя ямы—такія мѣста, которыя не только представляютъ собою жизненный глубокій интересъ для деревенскихъ сосѣдей въ вопросѣ владѣнія землею, водою и лѣсомъ, но имѣютъ значеніе такого историческаго явленія въ народной жизни, которое требуетъ изученія, какъ самобытное.

«Гранныя ямы» прежде всего замѣчательны тѣмъ, что практическій смыслъ прорывшихъ эти ямы первыми на пользованіе будущихъ поколѣній научилъ зарывать сюда для признака уголья. Чтобы зарубить на-память и закрѣпить такую надежную примѣту, что называется сверхъ сыта и окончательно, прикидывали сюда черепки горшковъ, какъ не гніющіе (успѣвшіе сохраниться въ курганахъ до нашихъ временъ цѣльными). Разсчитывали на долговѣчную прочность также и углей, такъ какъ хорошо выжженный древесный уголь не гніетъ. «Уголь —

такой же негной, какъ нетлѣненъ и чортъ» (по пословицѣ), особенно если первый, будучи положенъ въ видѣ дровъ въ ямахъ, истлѣетъ безъ пламени, не сгорая, а медленно подъ костромъ земли, окладенной дерномъ. Уголь тамъ, какъ говорятъ лѣсовики, таетъ т. е. поспѣваетъ отъ одного жара: дерево изникаетъ на мѣстѣ, какъ бы воскъ или олово. Тогда и вторые, т. е. черти, по народному повѣрью, съумѣютъ оцѣнить достоинство такого вещества. «На межевомъ бугрѣ, на угольяхъ, да на черепкахъ, черти въ свайку играютъ», думаютъ суевѣры, и пословично говорятъ: «когда нечѣмъ чорту играть, такъ угольемъ».

Въ тѣ времена, когда руководили людьми прадѣдовскіе обычаи, межевыя границы подчинялись особымъ правиламъ и опредѣлялись совершенно иными способами.

До времени изобрѣтенія мензулъ и астролябій оставались еще цѣлые вѣка впереди, а для измѣренія земельныхъ имуществъ не существовало никакой опредѣленной единицы. Говорили и писали въ актахъ «по туль и владѣніе, куда топоръ и соха ходили», или по другому: «по ка мѣста плугъ и соха ходили». Каждый бралъ на свою долю столько земли, насколько хватило у него силъ для обработки ея. Стало быть, земля, никѣмъ не занятая въ ту пору, измѣрялась личными трудами и силами первыхъ насельниковъ. На общинныхъ земляхъ, гдѣ каждый владѣлецъ участка ежегодно смѣнялся, способъ опредѣленія границъ временного владѣнія сопровождался особенными оригинальными пріемами, въ обезпеченіе общаго права и въ подкрѣпленіе коренного народнаго неписаннаго закона. Такой пріемъ еще можно наблюдать въ особенно яркой картинѣ

на земляхъ Уральскаго казачьяго войска, живущаго до сихъ поръ строгимъ общиннымъ строемъ.

На рѣкѣ Уралѣ у тамошнихъ казаковъ и по сейчасъ сохранился таковой старинный яицкій обычай при косьбѣ луговъ. Въ силу законовъ общиннаго владѣнія (особенно бережно и упрямо соблюдаемыхъ этими казаками), всѣ казаки, имѣющіе право на сѣнокошеніе, по тому же правилу, какъ и при рыбныхъ ловляхъ, въ назначенный день общаго покоса — на ногахъ. Ждутъ сигнала. Когда онъ поданъ, всѣ бросаются на лугъ и на тѣ мѣста, кто гдѣ захочетъ. Всякій спѣшитъ въ запуски обойти косой, захватить желаемое мѣсто вокругъ—«обкосить» до заката солнца. Обкошенное пространство на этотъ удалой и удачливой разъ считается собственностію казака и онъ можетъ съ семьей своей косить тутъ траву и при этомъ ни за что не посмѣетъ закашиваться въ чужой обкосъ. Паевъ здѣсь не разверстываютъ, а предоставляютъ все дѣло силѣ и расторопности, какъ и на багренномъ, и на плавенномъ рыболовствахъ. Сѣнокосные отводы дѣлаются только тѣмъ казакамъ, которые не могутъ отлучаться по службѣ, но въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ (не болѣе стога на каждую служилую лошадь). Съ 10-го мая начинается ковыльное, которое продолжается на общественныхъ земляхъ «обволечнымъ» и кончается третьимъ сѣнокошеніемъ общимъ «валовымъ».

Туманъ, застилавшій грани владѣній, давно уже разсѣялся передъ планшетомъ съемщика, передъ вѣхой и цѣпью межевщика-землемѣра. Теперь положенъ конецъ прежнимъ захватамъ сильныхъ и возникшей неугомонной борьбѣ между куренями рядовыхъ казаковъ и хуторами вліятельныхъ или бога-

тыхъ чиновниковъ. Прекратились неурядицы, жалобы и иски — это неизбѣжное зло между «сосѣдями» нынѣшними и «шабрами» старинными.

Конечно, въ тѣ стародавнія времена эти споры и тяжбы, доходившіе на полевыхъ рубежахъ до דракъ, увѣчій и даже убійствъ, возбуждались неясностью межевыхъ знаковъ. Это продолжалось даже и въ то время, когда появились записи въ актахъ, принявшихъ народные термины на корнѣ ихъ происхожденія въ живомъ языкѣ: рубежей — отъ рубить (рѣзы на деревьяхъ) и граней—отъ гранить (насѣкать) знаки на камняхъ и другихъ твердыхъ предметахъ. Ни въ одномъ изъ актовъ нѣтъ ни одной черты, по которой можно было бы теперь выразить въ цифрахъ величину чьего либо владѣнія. Немного также поправили дѣло и попытки правительственной власти, учреждавшей «меженины» (размежеванія), которая сочинила такъ называемыя разводныя или разъѣзжія грамоты и писцовыя книги, въ величайшемъ множествѣ сохранившіяся въ нашихъ архивахъ. Принимались за признаки границъ такія урочища, которыя истреблялись временемъ. Межи «западали», какъ выражались и въ давнюю старину, какъ говорятъ и въ настоящее трудное время. Алчность поземельнаго сосѣда всегда стояла на-сторожѣ и, при оплошкѣ и ослабленіи бдительности соперниковъ, являлась во всеоружіи захватовъ, готовая и на насиліе, и на открытый бой. Вѣковѣчная пословица оправдалась въ лицахъ: «Межи да грани, ссоры да брани». Обозначалась безпокойная чересполосица.

Гдѣ земля представляла особыя удобства жизни, тамъ межевые споры были безконечны: потребность въ землѣ вынуждала однихъ жителей входить въ

тѣ участки, которые сосѣдъ отвелъ для своихъ занятій, признавалъ своего принадлежностью и засчитывалъ давность пользованія и владѣнія. Сосѣди, работавшіе рядомъ межа объ межу, грани свои перепахивали и, впахавшись въ чужое, обыкновенно защищались тѣмъ, что «межи-де запали», т. е. изгладились. Тѣ и другіе хозяева доказывали свое право на спорный участокъ, опираясь на живое фактическое обладаніе имъ, обезпеченное приложеніемъ личнаго труда или затратою денежнаго капитала. Чѣмъ пособляли спорнымъ дѣламъ?

Полюбовно устраивались такими способами: оба соперника выходили на спорный участокъ и предъявляли доказательства давняго владѣнія. Чтобы спокойно владѣть дальше впередъ на неопредѣленное время, ставили мѣтки, зарубали условные знаки на деревьяхъ, отмѣчали особенно примѣтныя и выдающіяся мѣста, и т. д.

Когда колебалась въ доказательствахъ одна сторона и осиливала ее противная болѣе вѣскими данными, а сладу и мировой все-таки не было, отыскивали, приводили на межи «знахоря», вполнѣ довѣряясь его свидѣтельству и рѣшенію. Этотъ «знахорь» (назывался такъ старинными актами) не былъ, по нынѣшнему нашему распространенному понятію, колдуномъ, умѣющимъ портить и править людей, шептать и заговаривать. Старинный «знахорь» актовъ являлся просто знающимъ, опытнымъ лицомъ, убѣленнымъ сѣдинами, отягченнымъ обиліемъ лѣтъ и пользующимся всеобщимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ свѣдущій и опытный во всякихъ деревенскихъ дѣлахъ и задачахъ и навѣрно въ дѣтскихъ годахъ сѣченный вмѣстѣ съ товарищами вблизи или на этихъ самыхъ межахъ. Довѣріе къ нимъ народа

выразилось въ одномъ актѣ въ такой общепринятой формулѣ: «Доселѣ была моей пожнѣ межа по та мѣста, а нынѣ по та мѣста, по ка мѣста отведутъ, какъ отвести подыметъ думу знахорей». Отводили земельныя угодья знахори. Обѣ спорящія стороны оставались довольны, а велось такимъ образомъ несомнѣнно изстари, съ тѣхъ временъ, когда существовало между нашими предками нетронутое язычество и первобытная форма отношеній. Вотъ она какова въ цѣльномъ и образномъ видѣ по старинному юридическому акту.

Всталъ судья изъ митропольчихъ посланцевъ на пожнѣ, на наволокѣ рѣки Шексны, въ лугахъ, и говорилъ отвѣтчику:

— Ты, Левонтей, перекосилъ государя моего митрополита пожню ту, на коей стоишь. Отвѣчай!

— Я ту пожню косилъ, а межъ не вѣдаю. Ее заложилъ у меня въ деньгахъ Сысой, а указалъ, господине, ее косити по та мѣстà, чеѓо на мнѣ ищутъ, ѓоворилъ Левонтей.

Отвѣчалъ Сысой:

— То, господине, пожня моя, а йно вели повести знахоремъ, а у меня той пожнѣ разводныхъ (мировыхъ) знахорей нѣтъ.

Спрашиваетъ судья:

— Кто у васъ знахорей есть на разводныя межи?

— Есть у меня старожильцы—люди добрые. Тѣ знахори стоятъ передъ тобою—оправдывался Сысой.

Этимъ свидѣтелямъ говорилъ судья:

— Скажите, браты, намъ право: знаете ли, куды той пожнѣ митрополичѣ съ Сысоевой пожнею межа?— Поведите насъ по межѣ!

Знахори отвѣчали:

— Знаемъ, господине: пойдите за нами, а мы тебя по межѣ поведемъ.

И подъ лѣса повели они судью отъ березы къ тремъ дубкамъ, стоявшимъ середь пожни, а отсюда по берегамъ къ виловатой (развилистой) ветлѣ, по самые разсохи (разрѣзы, гдѣ слились подъ острымъ угломъ двѣ рѣчки, по подобію развилинъ матушки-сохи Андреевны).

— Вотъ здѣсь межа митрополичья съ Сысоевой.

Сысой сказалъ послѣднее слово:

— Знахорей у меня нѣтъ: дума этихъ свидѣтелей подыметъ (т.-е., полагаясь на ихъ совѣсть, вѣрю имъ и вполнѣ соглашаюсь съ ихъ указаніемъ и вашимъ рѣшеніемъ).

Во времена христіанства въ спорахъ о межахъ прибѣгали къ «образу Пречистыя». Когда соглашались на такой способъ, одинъ старожилъ бралъ образъ Богоматери, ставилъ его себѣ на голову и, въ сопровожденіи прочихъ знахорей, шелъ по межѣ отъ дуба, на которомъ намѣченъ былъ знакъ. Пошелъ немного до стопняка, повернулъ направо, а когда вышелъ къ паренинѣ [1]), за перелѣскомъ, то прямо указалъ гранныя копаныя ямы. Отъ нихъ, возлѣ паренины, шелъ пожней на горѣлый липовый пень и здѣсь предъявилъ свидѣтелямъ ямы. Дальше онъ указалъ на дубокъ и на рѣзаныя на немъ грани, и опять шелъ впередъ до рѣчки, гдѣ убереглась еще «грановитая сосна» (т.-е. порѣзанная знаками крестика, очка, угла, квадратика), или гдѣ стоитъ дубъ

[1]) Третье гулевое поле, обыкновенно оставляемое подъ выгонъ скота, оно же и паровое поле, а стопнякъ—сложенная въ порядкѣ куча: либо ворохъ булыжныхъ камней, либо дрова или бревна, сложенныя въ клѣтки, обыкновенно счетомъ.

со ссѣченымъ (срубленнымъ) верхомъ, что тоже означало границу и служило примѣтой и т. д.

Такой стыкъ или рубежъ, казавшійся «знахорю» вѣрнымъ и справедливымъ, становился безспорнымъ на будущее время для обоихъ сосѣдей. Когда современемъ полюбовное размежеваніе такимъ способомъ объявилось недостаточнымъ, начали прибѣгать къ содѣйствію государственной власти, у которой имѣлась на такіе случаи особая должность «межевщиковъ».

Размежевальщикъ, онъ же и судья или писецъ, являлся на спорную землю, призывалъ тяжущихся и свидѣтелей, учинялъ разъѣздъ, т.-е. дѣлалъ пропашкой борозду, устраивалъ межу, клалъ грани (т.-е. зарубки на стоячихъ деревьяхъ), копалъ ямы и т. д. Добродушные старики, и потѣхи ради, и чтобы не отстать отъ обычаевъ старины, собирали ребятишекъ, клали ихъ на эти взрытыя сохой борозды (на которыхъ любятъ ложиться зайцы) и сѣкли ихъ съ наказомъ и приговорами, для забавы и утѣхи скучавшаго и сердитаго, заѣзжаго въ дальнюю сторону, межевщика [1]). Затѣмъ судья этотъ писалъ на

[1]) Въ доказательство, насколько этотъ первобытный обычай былъ повсемѣстнымъ на русской землѣ, приводимъ выписки о такихъ же пріемахъ на Дону, у казаковъ. Одинъ авторъ пишетъ (г. Харузинъ): «Казакъ, облюбовавъ себѣ мѣсто, подводилъ къ его границамъ своего малолѣтняго сына и больно сѣкъ его тутъ, чтобы помнилъ границу»: это на его же пользу дѣлалось: по смерти отца, онъ уже хорошо зналъ границы своего наслѣдства» (толковали автору старики). Другой писатель о донскомъ войскѣ (г. Тимощенковъ), какъ очевидецъ, говоритъ: «Граждане, сошедшись съ гражданами другихъ пограничныхъ станицъ, согласились насчетъ межъ и поставили грани. Для того, чтобы онѣ лучше помнились въ народѣ, граждане собрали всѣхъ взрослыхъ мальчиковъ какъ изъ своей, такъ и изо всѣхъ другихъ станицъ, водили ихъ толпою по межѣ и сѣкли розгами

бумагѣ разъѣзжую или разводную грамоту по общепринятой формѣ. Тогда уже, вмѣсто стариннаго сырого дерна на голову, прикладывалась горячая восковая или сургучная печать на бумагу, а на нее клались руки свидѣтелей, совершалось воочію людьми, неумѣлыми грамотѣ, то дѣйствіе, которое сохранилось до нашихъ дней уже въ отвлеченномъ и переносномъ значеніи «рукоприкладства». Къ нему присоединились потомъ: присяга съ поднятою правою рукою, сложенною въ молитвенный крестъ, чтеніе или повтореніе за священникомъ клятвеннаго акта, заключительное цѣлованіе креста и словъ Спасителя, т.-е. Евангелія, и наконецъ своеручная подпись на присяжномъ листѣ.

ГРѢХЪ ПОПОЛАМЪ.

Съ грѣхомъ пополамъ бываетъ такое дѣло или даже самая жизнь, что можно выразить также словами кой-какъ, такъ-сякъ, съ примѣсью добра и худа, горя и радости, довольнымъ быть нечѣмъ, а впрочемъ, ничего — не жалуемся, а терпѣливо сносимъ: отъ грѣха не уйдешь. Грѣхъ пополамъ,—это уже совершенно другое. Пополамъ съ водою и молоко рыночное продается, пополамъ дѣлятъ, по обычаю, и общую находку, а «озорники все рвутъ пополамъ да на-двое». Несогласные семейные наслѣд-

---

въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли грани. Какъ кого высѣкутъ, такъ и пустятъ бѣжать домой. Дѣлая это, они надѣялись, что каждый мальчикъ до старости будетъ помнить то мѣсто, гдѣ онъ былъ сѣченъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ казаки сообщали, что и пастуховъ въ прежніе годы сѣкли на границахъ, дабы они помнили ихъ и не гоняли бы скотину, куда не слѣдуетъ.

ство дѣлили: пополамъ перину рубили, не смотрѣли на то, что давно уже сложилась насмѣшка на такихъ людей: «кувшинъ пополамъ—ни людямъ, ни намъ». Пополамъ также люди торгуютъ, т. е. работаютъ на складочный капиталъ соединенными силами находчиваго ума и налаженной опытомъ привычки. Впрочемъ, съ такими пріемами и воры мошенничаютъ и крадутъ. Въ лавкѣ торговецъ за свой товаръ запрашиваетъ, покупатель даетъ свою цѣну, конечно, меньшую. Между посуломъ этимъ и запросомъ образуется такимъ образомъ разность. Она уменьшается по мѣрѣ того, какъ соперники борются, слаживаются каждый на своихъ резонахъ. Выходитъ такъ однако, что разность все еще такова, что имъ ея не осилить: тому и другому тяжело и невыгодно, а желательна сдѣлка ради знакомства и другихъ добрыхъ чувствъ. Вотъ тогда-то эта разность оказывается «грѣхомъ», въ смыслѣ помѣхи, которую и рѣшаются, съ обоюднаго согласія и по взаимному уговору, рубить на двѣ равныя половины, какъ бы бревно или полѣно, попавшія подъ ноги и мѣшающія ходу.

Таково самое простое, всѣмъ извѣстное толкованіе этого выраженія. Нерѣдко каждому доводилось даже примѣнять толкованіе его на дѣлѣ, но у насъ имѣется про запасъ другой поводъ, чтобы указать иныя примѣненія грѣха пополамъ. Въ народной русской жизни здѣсь важно то, что этотъ обычай перешелъ въ судебныя разбирательства при искахъ и тяжбахъ: суды рѣшаютъ платить отвѣтчику только половину той суммы, которая съ него ищется. Такъ на Дону у казаковъ и такихъ же сибирскихъ казаковъ (иртышскихъ). Во-вторыхъ, этотъ обычай упоминается еще въ эпическихъ пѣсняхъ.

Такъ, напримѣръ, Илья Муромецъ говоритъ своему крестному отцу:

> Батюшка крестный Самсонъ Самойловичъ,
> Покажи ты половину грѣха на меня

У донскихъ казаковъ, въ случаѣ погибели скота во время ѣзды, пастьбы или въ случаѣ недостатка доказательствъ для рѣшенія спора, станичный судъ опредѣляетъ платить отвѣтчику только половину той суммы, которая съ него ищется.

ОСОБЪ СТАТЬЯ —

слово вовсе не позднѣйшаго происхожденія, какъ сочиненіе приказныхъ, шутливо пускаемое въ оборотъ въ нынѣшнія времена, а очень старинное и при этомъ важнаго юридическаго смысла. Въ значеніи всего опричнаго и невмѣстнаго и какъ исключительная особенность, оно примѣнялось, напримѣръ, къ земельной собственности. Это было въ тѣ далекія времена, когда всѣ населенныя мѣстности, въ родѣ деревень, тянули къ своей волости, и когда самыя церкви съ ихъ имуществомъ находились въ полномъ распоряженіи міра, избиравшаго для завѣдыванія церковнымъ имуществомъ особаго прикащика. Такимъ землямъ не легко было выдѣлиться отъ міра, а надо было во всю силу тянуть заодно съ черными волостными людьми. Бывали исключенія. Старыя и богатыя церкви и монастыри, взятками, подкупами, лестью и разными способами, иногда добивались того, что писцы писали всѣ ихъ деревни «особъ-статьей», т. е. отдѣльно отъ волости. Тогда они имѣли уже и свои подушныя книги, и своихъ прикащиковъ. Эти обители и приходы уже, «опричь

черныхъ людей», сами назначали подати земскія и государственныя и служили службы. Въ такихъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ и монастыри и церкви получали названіе «особныхъ» (неправильно объясненное въ «Толковомъ Словарѣ» Даля тѣмъ, что «въ такихъ обителяхъ каждый изъ братій жилъ на своемъ иждивеніи»). Позднѣйшіе подъячіе давали совсѣмъ другое толкованіе. Одинъ квартальный не такъ давно отвѣчалъ: «я не человѣкъ, а лицо, а губернаторъ—особа».

ВЪ КРАСНУЮ СТРОКУ—

говорятъ, диктуя пишущему: «начинать съ красной строки, писать въ красную строку».

«Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости» приводятъ любопытныя свѣдѣнія о значеніи этихъ обоихъ словъ, разсказывая о томъ, какъ у насъ въ старину переписывали книги.

Приступая къ переписыванію, писецъ возносилъ къ Богу молитву о благополучномъ окончаніи предпринятаго труда. Нѣкоторыя книги писались въ теченіе 2—3 лѣтъ. Лѣтопись, около 180 листовъ, написана монахомъ Лаврентіемъ, въ 1377 году, въ 75 дней, т. е. по $2^1/_2$ листа въ день. Еще медленнѣе писалось Остроміровo Евангеліе, хранящееся теперь въ Петербургѣ, въ Императорской публичной библіотекѣ: оно писано на пергаментѣ 203 дня, т. е. по 100 строкъ въ день. Принимаясь за переписываніе книги, писецъ, для веденія строкъ въ равномъ одна отъ другой разстояніи, проводилъ на бумагѣ прямыя параллельныя линіи. Писали крупно—уставомъ, или мельче—полууставомъ, и буквы ставили прямо.

Каждую букву писали въ нѣсколько пріемовъ. На каждой страницѣ оставляли широкіе «берега» во всѣ стороны, т. е. поля. Чернила употреблялись желѣзистыя, сильнаго раствора, глубоко проникавшія въ пергаментъ. Удивительно, что цвѣтъ чернилъ большинства старинныхъ рукописей сохранился до сихъ поръ: они не выцвѣли. Смотря по умѣнью и усердію, книги писались весьма различно. Заглавныя буквы писались красными чернилами, киноварью; отсюда—названіе «красной строки». Иногда заглавныя буквы затѣйливо украшались золотомъ, серебромъ, разными красками, узорами и цвѣтами. Въ орнаментацію русскихъ рукописей, преимущественно заглавныхъ буквъ, входили разныя фантастическія существа: чудовища, змѣи, птицы, рыбы, звѣри и т. п. Въ началѣ каждой главы или въ концѣ помѣщалась заставка, нарисованная сложнымъ узоромъ.

У НАСЪ НЕ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Заданное къ объясненію и подслушанное въ Великороссіи выраженіе это, кажущееся неяснымъ и въ видѣ загадки, станетъ понятнымъ съ забытымъ или просто недосказаннымъ придаткомъ. Оно объясняетъ взаимное отношеніе супруговъ—говорятъ всегда такимъ образомъ: «у насъ не въ Польшѣ, мужъ жены больше». Говоритъ это забаловавшійся, увлеченный своимъ мужнинымъ правомъ, какъ быкъ рогатый, задуривішій мужикъ женѣ, когда видитъ, что послѣдняя старается забрать въ свои руки значеніе и власть въ семьѣ. «Не въ Польшѣ жена,—не больше меня!»—толкуютъ иные по другому. Въ самомъ же дѣлѣ говорится это безъ надлежащихъ

справокъ, а съ вѣтру, съ чужого (солдатскаго) голоса. Извѣстно, напримѣръ, что въ Подляхіи мужъ съ женой обращается такъ же деспотически и грубо, какъ и въ нашихъ мѣстахъ. Онъ также готовъ бить жену за всякіе пустяки, а безропотное терпѣніе польской крестьянки выражается и въ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ жена называетъ мужа своего «паномъ». И польская замужняя женщина, какъ великорусская (по пѣснямъ же), «вѣковѣчная слуга», оправдываетъ мужнину тяжелую руку тѣмъ, что побои его свидѣтельствуютъ о силѣ мужчины и его достоинствѣ. Если казнитъ, то, стало быть, можетъ и миловать. Онъ можетъ всегда защищать жену отъ постороннихъ обидъ. Физическая слабость женщины вызвала потребность въ защитѣ со стороны сильнаго. И этотъ принципъ сохраняется у всѣхъ западныхъ славянъ до черногорцевъ включительно, особенно же у сербовъ. Тамъ славянская женщина не протестуетъ противъ семейнаго ига даже порокомъ и преступленіемъ, но въ великорусской семьѣ подобное явленіе представляется уже довольно яснымъ. У насъ имѣется на этотъ случай и объяснительное выраженіе, и крылатое слово «срывать сердце», одинаково относящееся къ тому и другому лицу, составляющему крестьянскую семью. При этомъ неизмѣнна и древняя поговорка про женъ: «день ворчитъ, ночь верещитъ, плюнь да сдѣлай». Только, можетъ быть, въ высшихъ сословіяхъ Польши можно найти признаки женскаго преобладанія въ семьѣ и несомнѣнное участіе въ общественныхъ дѣлахъ и политическихъ движеніяхъ, породившее начало поговорки, которая потребовала въ отвѣтъ предлагаемую замѣтку. Существуетъ въ живой рѣчи еще и такое выраженіе, обра-

щаемое какъ окрикъ или упрекъ озорнику и своевольнику, привыкшему къ самоуправству: «У насъ не Польша, есть и больше».

КАМЕНЬ ЗА ПАЗУХОЙ —

остался въ обращенiи съ тѣхъ поръ, какъ, во время пребыванiя поляковъ въ Москвѣ, въ 1610 году, послѣднiе хотя и пировали съ москвичами, но, соблюдая опасливость и скрывая вражду, буквально держали за пазухой кунтушей, про всякой случай, булыжные камни. Объ этомъ свидѣтельствуетъ очевидецъ, польскiй лѣтописецъ Мацѣевичъ. «Съ москалемъ дружи, а камень за пазухой держи» — съ примѣра поляковъ стали поговаривать и малороссы однимъ изъ своихъ присловiй въ практическое житейское свое руководство и для оцѣнки великороссовъ.

ВДОВА — МIРСКОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Писатели подслушали вѣрно, но не точно поняли эту юридическую, а не бытовую пословицу, выражающую почетъ и уваженiе вдовамъ, а вовсе не упрекъ или осужденiе за подозрительное житье и недобрыя дѣянiя. На мiрскихъ сходахъ теперь, какъ и древле, женщина не являлась, такъ какъ не имѣла права голоса, пока оставалась въ дѣвицахъ или пока находилась зàмужемъ, т. е. жила за мỳжемъ, за его спиною и подъ его охраной. Когда же она теряла мужа, то уже не возвращалась въ отцовскую семью, а становилась сама себѣ госпожой и въ домѣ хозяйкой. На самостоятельность указываютъ: и первая

русская княгиня Ольга своимъ примѣромъ, и первый сводъ законовъ «Русская Правда», трактующая о вдовѣ-матери, «яже сидѣти начнетъ съ дѣтьми». Припомнимъ Мароу Посадницу на Новгородскомъ вѣчѣ въ особенности, и тогда поймемъ легко и свободно, что вдова должна быть мірскимъ человѣкомъ, т. е. полноправнымъ и самостоятельнымъ членомъ разумно-организованнаго общества. Если она, какъ въ старину, не обязана являться на сходы, такъ и теперь она имѣетъ право послать туда своего уполномоченнаго. Въ старину даже иногда и судебные акты совершались на дому тѣхъ женщинъ, которыя не желали являться на сходъ. Теперь въ иныхъ случаяхъ вдовы приводятъ на сходъ своихъ старшихъ сыновей; въ другихъ случаяхъ являются сами не иначе, какъ надѣвши на голову мужскую шапку покойнаго мужа, и т. п.

Точно также невѣрно толкуютъ пословицу «на вдовій дворъ хоть щепку брось»,—не клевету, брань или недоброе слово, а добрую помощь, хотя бы растопками въ печь. Вдовѣ при дѣтяхъ предоставляется право полновластной хозяйки: она остается на мѣстѣ, т. е. въ избѣ покойнаго мужа, пока не вышла снова замужъ. Вдова старшаго брата сохраняетъ въ большихъ семьяхъ свое почетное положеніе и ее, какъ старшую сноху, всѣхъ больше слушаютъ: большая сноха распоряжается домашними работами. Говорятъ: «овдовѣетъ—поумнѣетъ», т. е. болѣе молчаливая, владѣющая при мужѣ ограниченными правами, которыя расширяются съ его смертію, получаетъ возможность предъявить во всю силу весь запасъ знаній, пріобрѣтенныхъ опытомъ прежней жизни и усилить проявленіе ихъ на независимомъ просторѣ, при самостоя-

тельномъ и отвѣтственномъ образѣ дѣйствій и т. д. По пословицѣ прямого смысла: «у вдовы обычай недѣвичій».

БИТЬ ЧЕЛОМЪ И ВЫТЬ ВЪ ОТВѢТѢ.

Оба выраженія коренныя русскія—и первое изъ нихъ съ несомнѣннымъ византійскимъ пошибомъ—ведутъ свой родъ изъ Москвы и сохранились въ языкѣ, какъ остатки московскихъ дворцовыхъ обычаевъ. Соберутся бывало бояре въ «передней» Кремлевскаго дворца рано утромъ и послѣ обѣда въ вечерню,—и только одни самые ближніе бояре, имѣвшіе право входить въ «комнату» или собственно въ кабинетъ государя. По словамъ Котошихина, «уждавъ время», бояре или входили туда, или на старомъ мѣстѣ ждали выхода. Завидѣвъ царя, бояре и прочіе чины кланялись государю большимъ обычаемъ, т. е. въ землю, прикасаясь лбомъ полу, а иные и постукивали имъ такъ, чтобы было слышно и вѣдалъ бы въявѣ государь про ихъ любовь и усердіе. Отъ такихъ-то свычаевъ и обычаевъ пошло въ оборотъ и до нашихъ дней уцѣлѣло выраженіе «бить челомъ», въ основномъ смыслѣ «кланяться», и со всѣми его разновидными примѣненіями: на кого—значитъ жаловаться, въ чемъ—извиняться, на чемъ—благодарить, чѣмъ—подносить подарки, о чемъ—просить. Съ просьбами и на честной поклонъ, передъ царскими очами, большею частью и ходили ежедневно бояре въ царскія хоромы. Государь выходилъ къ нимъ, по обыкновенію, въ тафьѣ (шапочкѣ въ родѣ скуфьи или татарской тюбетейки), иногда въ шапкѣ. Ни ту, ни другую онъ никогда съ головы не снималъ «противъ ихъ боярскаго поклоненія». Послѣ пріема царь шелъ въ

церковь, а по выходѣ отъ обѣдни начиналъ въ передней, а иногда въ самой комнатѣ «сидѣнье съ бояры». Это и называлось царской палатой или думой. При этихъ думныхъ людяхъ и всегда лично присутствовавшій царь слушалъ судныя дѣла и челобитныя. Здѣсь же онъ назначалъ боярамъ должности и, между прочимъ, ту отвѣтственную и важную, которая прямо обязывала государственныхъ чиновъ «быть въ отвѣтѣ». Это значило вести переговоры съ иноземными послами (переговоры и отвѣтъ одно и то же), давать царскіе отвѣты или рѣшенія посольскихъ дѣлъ. Происходили они всегда въ особой палатѣ, называвшейся и «отвѣтною», и «посольскою». «Въ ней,—по свидѣтельству И. Е. Забѣлина,—подобно какъ и въ Грановитой палатѣ, устроенъ былъ тайникъ, тайное окошко, изъ котораго государь слушалъ иногда посольскія совѣщанія». А по Котошихину: «А какъ имъ, посламъ, велятъ быти у думныхъ людей въ отвѣтѣ и имъ потому-жъ велѣно ѣздить въ отвѣтъ учтиво». Затѣмъ, по общему закону, кто первый въ совѣтѣ, тотъ первый и въ отвѣтѣ, а по исторіи и ея свидѣтельству: «били, били, и бояре волкомъ выли»: при Грозномъ—отъ опричнины и во всѣ другія времена—отъ стрѣльцовъ-молодцовъ. По старинной поговоркѣ: «они стрѣляли, да и мошну не забывали» (т. е. обижали и грабили). Вѣроятно, съ тѣхъ же поръ и примѣты: «лобъ свербитъ или чешется, то либо кланяться спѣсивому, либо челомъ бить съ правой стороны мужчинѣ, съ лѣвой—женщинѣ, и поговорка: «богатый-то съ рублемъ, а бѣдный-то съ челомъ»; бей челомъ на Тулѣ, а ищи на Москвѣ (намекъ на времена самозванщины); «я тебѣ челомъ, а ты ужъ знаешь, о чемъ», и т. п.

ЧИНЪ ЧИНОМЪ.

Въ этомъ ходячемъ выраженіи разговоръ идетъ, конечно, не о томъ чинѣ, который велятъ почитать и о чемъ ходилъ по Москвѣ анекдотъ, относившійся къ Н. В. Гоголю. По возвращеніи его въ Россію, послѣ долгаго пребыванія заграницей, одинъ знакомый поинтересовался спросить: что его, свѣжаго человѣка, отвыкшаго отъ русскихъ обычаевъ и порядковъ во время долгаго пребыванія въ Западной Европѣ, прежде всего поразило въ отечествѣ. Николай Васильевичъ будто бы отвѣчалъ, что на первыхъ же шагахъ въ таможнѣ самую первую фразу онъ услыхалъ на китайскомъ языкѣ: «чинъ чина почитай» [1]). Отвѣчалъ онъ такъ, сильно ударяя на звукъ *ч*. Въ нашемъ выраженіи заключается толкованіе другого рода, прямо примѣнительное къ тѣмъ случаямъ, когда нужно бываетъ поступать неторопливо, а исполнять все по порядку, степенно, какъ установлено приличіемъ и обычаями,—такъ сказать, по церемоніалу. Выраженіе «чинъ чиномъ» или «чинъ по чину» прямо народилось въ тѣхъ народныхъ пріемахъ, какими обставлялось самое чинное (въ смыслѣ степеннаго, чопорнаго, ломливаго, требующаго изысканной обрядовой вѣжливости) свадебное торжество съ послѣдующимъ пиршествомъ. Самые свадебные дары и даже сласти носятъ названіе «чиновъ». За сговоромъ слѣдуетъ вѣками установленный церемоніалъ.

---

[1]) Происхожденіе этого изреченія основательно относятъ ко временамъ мѣстничества, когда говорили: «чинъ чина почитай, а меньшой садись на край». Тогда же говаривали въ свое утѣшеніе: «родъ службѣ не помѣха».

Вотъ, напримѣръ «чинъ поѣзда жениха» въ домъ невѣсты: 1) дружка или старшій бояринъ съ чинами—обувью, притираніями и другими подарками, съ пряниками и орѣхами невѣстинымъ подругамъ: 2) большіе бояре или прочіе дружки съ благословеннымъ образомъ жениха; 3) самъ женихъ со своимъ тысяцкимъ, т. е. посаженнымъ отцомъ, каковымъ бываетъ обыкновенно крестный отецъ; 4) свахи, и 5) лагунные бояре, обыкновенно двое, ѣдущіе въ концѣ поѣзда съ лагуномъ пива или ведромъ водки, чѣмъ и угощаютъ встрѣчныхъ, чтобы не взглянули недобрымъ глазомъ или не вынули изъ-подъ поѣзда слѣдовъ на несчастье новобрачныхъ. А вотъ и «чинъ невѣсты» при выходѣ изъ дома въ церковь подъ вѣнецъ; 1) дружки; 2) бояре съ благословенными иконами; 3) женихъ съ тысяцкимъ; 4) особо сваха жениха: 5) невѣста со свахами (тетками и другими родными); 6) постельные бояре съ приданымъ невѣсты, и 7) лагунные бояре. Послѣ вѣнца изъ церкви женихъ садится въ сани или телѣгу рядомъ съ невѣстой. Тотъ же порядокъ соблюдался и на свадьбахъ московскихъ царей, лишь съ бо̀льшимъ количествомъ свадебныхъ чиновъ, съ большею пышностью и торжественностью, но съ соблюденіемъ основного народнаго чиновнаго устава. Стало быть чинъ—не только самый порядокъ, установленный для опредѣленнаго торжества, но и лицо, имъ завѣдующее и за него отвѣтственное: «чинъ (ведется и устанавливается) чиномъ».

БЕЗЪ ЧИНОВЪ—

въ смыслѣ «будьте, какъ дома, не церемоньтесь» сохранилось со временъ московскихъ царей, которые иногда снисходили до того, что кушали въ комнатѣ запросто, безъ чиновъ, съ нѣкоторыми боярами, окольничими, думными дворянами и думными дьяками. Они приглашались по особому благоволенію государя и сидѣли, въ забавныя времена мѣстничества, на этотъ разъ уже безъ мѣстъ. Милостивое вниманіе заглушало ѣдкую боль щекотливаго чувства, непомѣрному развитію котораго очень способствовало само законодательство: въ Уложеніи царя Алексѣя, напримѣръ (въ X главѣ), весьма подробно и точно оцѣнена на деньги честь каждаго лица. Можно судить поэтому, насколько тяжело было сидѣнье безъ чиновъ, если только это не было сидѣнье «передъ царскими очами». Безъ того и внѣ священнаго царскаго дома (а нерѣдко и въ немъ самомъ) были безчисленныя сутяжническія дѣла о безчестьи, даже однимъ словомъ, даже опискою въ титулѣ. Вотъ какія слова и выраженія были выписаны изъ челобитныхъ, какъ наносившія безчестье: «Вольно тебѣ лаять, шпынокъ турецкій! — Изъ-подъ бочки тебя тащили.—Не Воротынскій-де ты лаешь.—Ребенокъ! Сынишко боярской!—Мартынуша-мартышка.—Черти тебѣ сказываютъ!—Трусъ! Отецъ твой лаптемъ щи хлебалъ. — Отецъ твой лапотникъ, сулилъ сыромятную кожу и яловичьи сапоги. — Разоренье мнѣ отъ тебя! — Мучилъ ты меня! — Что ты смотришь на меня звѣрообразно?» и проч. А вотъ что указалъ царь относительно исковъ по поводу простыхъ описокъ на письмѣ: «буде кто въ чело-

битьѣ своемъ напишетъ въ чьемъ имени или въ прозвищѣ, не зная правописанія вмѣсто о — а, или вмѣсто а — о, или вмѣсто ь — ъ, или вмѣсто ѣ — е, или вмѣсто и — і, или вмѣсто о — у, или вмѣсто у — о и иныя въ письмахъ нарѣчія, подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился и по обыкностямъ своимъ говорить и писать извыкъ; то въ безчестьѣ не ставить, и судовъ въ томъ не давать и не разыскивать, а кто кого назоветъ княземъ безъ имени: и за то править безчестье». Большая бѣда бывала тому, напримѣръ, кто напишетъ отчество, кому не слѣдуетъ, безъ «вича», или кого въ брани назоветъ княземъ безъ имени, т. е., напримѣръ, вмѣсто князь-Иванъ, скажетъ просто князь. Также и относительно недописки, или прописки въ чинѣ само правительство установляло строгія взысканія: «кто пропишетъ безхитростно — чинъ или честь и въ томъ дастъ подкрѣпленіе по св. евангельской заповѣди, подъ клятвою—тому того дѣла въ вину не ставить и судовъ на нихъ не давать. «А кто безчестныя слова напишетъ нарочно и на того суды давать и править безчестье по Уложенью». За «такія скверныя небылишныя позорныя слова» били батогами нещадно въ подклѣткѣ, въ одной рубашкѣ, чтобы инымъ впредь воровать было неповадно. Бывало такъ, что ограничивались отсылкою виновныхъ въ тюрьму, а случалось, что наказывали ссылкою въ сибирскіе города, если безчестье словами было крѣпко выражено. Такова, напримѣръ, перебранка: одни говорили: «Знали бы де вы дядю своего Оску, палача, да липовую плаху» (у ихъ дяди отсѣкли голову), — а другіе имъ отвѣчали: «пойдемъ-де прочь, что съ такимъ псаренковымъ внукомъ говорить». Иной безчестилъ такою неподобною лаею: «не дорогъ твой и отецъ, что привезъ мер-

твому нѣмчину голову отрѣзавъ: тебѣ-бъ у меня живу не быть». Или вотъ какъ другой издѣвался надъ подъячимъ: «добръ подъячей, да языкъ высуня пишетъ», «если-бъ я, шедъ, и сзади его ударилъ, и языкъ бы ему пришибъ», и т. под.

ГДѢ РАКИ ЗИМУЮТЪ.

По народнымъ примѣтамъ, этою завидною способностью знанія владѣютъ хитрые люди, умѣющіе отыскивать свое благополучіе и устраивать благосостояніе такими способами и при такихъ условіяхъ, которые заурядным людямъ вовсе неизвѣстны. Хотя знатоки этого сорта не пользуются сочувствіемъ прочихъ и объ нихъ отзываются съ презрительною досадою, но уму ихъ отдаютъ преимущество. Предполагаютъ, что они владѣютъ исключительнымъ знаніемъ и выдающимися способностями. Свѣдѣнія о мѣстахъ нахожденія рачьихъ зимовокъ, по суевѣрнымъ понятіямъ, очевидно предполагаются исключительными, не каждому доступными, а лишь избранникамъ. Отъ послѣднихъ требуется, если не полное изученіе таинственныхъ силъ природы, то, во всякомъ случаѣ, обладаніе однимъ изъ величайшихъ ея секретовъ. Даже самый вопросъ, обращенный въ такой формѣ, въ какой стоитъ онъ въ нашемъ заголовкѣ, способенъ поставить «въ тупикъ, что некуда ступить». Надъ дешевымъ отвѣтомъ всякій поспѣшитъ какъ будто задуматься, даже по той простой причинѣ, что не было случая объ этомъ подумать прежде. Да и стоитъ ли самый вопросъ вниманія? И само-то водяное животное, принадлежащее къ роду скорлупчатыхъ насѣкомыхъ (crustacea) и

представляющее видъ рѣчныхъ раковъ (astacus fluviatilis), по русскому выраженію, «ни рыба, ни мясо», именно то дрянное среднее, что возбуждаетъ отвращеніе и брезгливость. Въ сѣверной лѣсной Россіи этого «звѣря», который «по ножницамъ—портной, а по щетинѣ чеботарь», въ самомъ дѣлѣ, употребляютъ въ пищу съ большимъ разборомъ и подъ сомнѣніемъ. Потребляетъ ихъ далеко не вся православная Русь. Раковъ, какъ и зайцевъ, не ѣдятъ староверы, бережно уберегающіе древніе народные обычаи и суевѣрія и охраняющіе ихъ съ особенною любовію и ревностію. Не могутъ лакомиться раками очень многіе изъ такихъ людей, у которыхъ этого рода съѣдомое вызываетъ болѣзненные припадки (въ видѣ накожной сыпи или красноты), называемые въ медицинѣ дикимъ неудобь-сказуемымъ словомъ идіосинкразіи. Мало употребляетъ ихъ въ пищу и Сибирь, въ какомъ бы видѣ ни подавали и какимъ бы соусомъ не замаскировали этихъ животныхъ, которыя, по народной загадкѣ, въ баню входятъ черными, а выходятъ красными и которыя, въ отличіе отъ прочихъ, только одни въ цѣломъ свѣтѣ краснѣютъ отъ горя..

Не безъ причины же взяты въ примѣръ эти скорлупчатыя съѣдобныя и не безъ основанія около этого класса животныхъ отыскалъ народный языкъ довольно-таки всякихъ иносказательныхъ выраженій. Отправляются ловить раковъ утопленники; краснѣютъ, какъ ракъ, со стыда уличенные и пойманные въ дурныхъ мысляхъ на словѣ и въ худыхъ дѣлахъ съ поличнымъ на мѣстѣ. Пятятся ракомъ отупѣлые въ предразсудкахъ и изжившіеся на устарѣлыхъ и вымирающихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ въ силу грядущаго новаго, не стерпя его свѣта и

убоясь его силы. Чрезвычайно забавны наши раки именно этою исключительною способностью—ходить не такъ, какъ всѣ животныя даже одной съ ними породы. Иные ходятъ твердымъ размѣреннымъ шагомъ; омаръ съ быстротой стрѣлы движется по каменистымъ рифамъ и песчанымъ мелямъ и, какъ хорошо направленная пуля, сильнымъ прыжкомъ бросается на добычу. Нашъ ракъ—наоборотъ: ползаетъ, пятясь назадъ даже съ нѣкоторою виртуозностью. Какъ тѣни, бродятъ раки около угловъ скалъ: глаза упорно направлены впередъ, но крючковатыя ноги изгибаются въ сторону. Эти роющія многочисленныя ноги съ ножницами и щиплющими клешнями, съ недовѣрчивыми сяжками и щетинами, которыя все чего-то ищутъ и вздрагиваютъ, силятся сказать что-то таинственное, таращатся, грозно пошевеливая усами, но на самомъ дѣлѣ эти движенія скорѣе противны, и ракъ кажется смѣшнымъ и комическимъ до пародіи. Нѣмецкіе зоологи такъ обрисовываютъ ихъ характеръ и нравы: «Объ умственной ихъ жизни едва ли можно сказать хоть что-нибудь. Эти обитатели тьмы и глубины представляются какъ бы подвижными образами, живыми представителями и олицетвореніемъ сна, но въ нихъ нерѣдко проявляется черта хитрости или страсти. Искусствомъ не отличается ни одна порода раковъ (т. е. ни рѣчные, ни краббы, ни шримсы, ни ктырь и гарнатъ, ни омары); зато они всѣ извѣстны силою своего оружія. При нападеніи видна ярость въ ихъ глазахъ. Если двое изъ нихъ встрѣтятся, то бросаются одинъ на другого, щиплютъ и дергаютъ. Во всякомъ ихъ движеніи видны холодные, впрочемъ, предусмотрительные флегматики. Скудное развитіе чувствъ указываетъ на низкую ступень, которую раки занимаютъ въ жи-

вотномъ царствѣ. Слухъ, однако, повидимому, обладаетъ большою тонкостію; обоняніе тоже замѣчательно развито; даже ощущенія вкуса лишены, кажется, не всѣ раки, хотя органъ вкуса у нихъ до сихъ поръ вѣрно не установленъ. Всѣ эти челюсти и ногочелюсти, усаженныя щетинками и щетками, обращенныя въ пилы, когти, ножи—всѣ онѣ представляютъ у рѣчного рака искусное вооруженіе и ненасытную работу этихъ органовъ».

Понятно, съ какою легкостію и искусствомъ и, въ то же время, очень глубоко, при такихъ орудіяхъ, вырываютъ себѣ норы наши рѣчные раки, когда внезапные холода съ крутымъ морозцемъ разомъ превращаютъ всюду въ мелкихъ рѣкахъ воду въ стекло вплоть до самаго дна. Немудрено раку войти въ первое удобное мѣсто подъ камнемъ и еще легче просверлить нору, разрывая ногами цѣлыя горсти песку и, съ помощію другихъ ногъ, откидывая ихъ далеко отъ норы. Здѣсь онъ впадаетъ въ оцѣпенѣніе и оставляетъ его тотчасъ, какъ только животворная теплота возстановитъ отправленія тѣла. Въ норахъ раки и дожидаются весны, но видали ихъ и между полярными глетчерами. Хотя и дознано, что нѣсколько поколѣній могутъ размножаться безъ оплодотворенія и раки отличаются плодородіемъ (у самки омаровъ насчитали до 12 тысячъ яицъ), но и старые умѣютъ зимовать. Не спустà слово молвилось и потому еще, что ракъ растетъ во всю жизнь, которая продолжается до 20 лѣтъ. Въ глубинѣ норы скрывается самка, самецъ на сторожѣ у входа держитъ свою боевую клешню поперекъ отверстія. Въ концѣ весны они только перелиняютъ, т. е. сбросятъ кожу, которая лопается, подобно корѣ на деревѣ. Въ безопасномъ убѣжищѣ они выждутъ отвердѣнія новой

кожи и опять живутъ, когда такъ называемые «жерновки» или «камни», или «глаза» рачьи—два угловатые каменистые сростка, содержащіе углекислую известь и животную студень,—растворятся въ желудочномъ сокѣ. Въ новомъ мундирѣ, при старыхъ орудіяхъ, которыя вполнѣ обезпечиваютъ раковъ, какъ паразитовъ, для присасыванія къ другимъ живымъ тѣламъ, эти животныя, перезимовавшія и перелинявшія, остаются все тѣми же хищниками. Таковы наши раки и по природѣ, и по своему внѣшнему виду. Даже коротенькіе и маленькіе изъ ихъ породы смѣютъ запускать ничтожный коготь въ самую большую и сильную рыбу. Напрасно она увертывается и вывертывается: коготь паразита неотразимо вцѣпляется въ тѣло, и измученная болью рыба сама прыгаетъ рыбаку прямо въ лодку. Раки неподражаемымъ образомъ препарируютъ въ водѣ трупы утопленниковъ, собираясь изо всѣхъ норъ, изъ-подъ каждаго камня грозными и жадными толпами.

НАШИ СПЯТЪ.

Это выраженіе до такой степени распространено всюду и хорошо извѣстно, что рѣдкій не слыхалъ его отъ тѣхъ, кому, во время бесѣды, неожиданно доведется громко зѣвнуть и въ оправданіе себя обмолвиться такимъ словомъ. По всему вѣроятію оно выговорилось тѣми первыми, которымъ довелось мириться съ новымъ распредѣленіемъ работъ и времени отдыха. Городскіе сроки не сходствуютъ съ деревенскими, запаздывая противъ нихъ: въ

деревняхъ спать ложатся раньше, особенно на безработицѣ, въ глухое осеннее и зимнее время. При этомъ чѣмъ глуше мѣстность и первобытнѣе деревенскіе нравы, тѣмъ раньше гасятъ въ избахъ огни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ приговоръ при вечерней зѣвотѣ сопровождается указаніемъ и на самую мѣстность, гдѣ раньше ложатся и о которой тоскуютъ на чужбинѣ. Съ чужихъ словъ принятое выдается потомъ за свое и съ теченіемъ времени становится роднымъ и домашнимъ. Такъ напр. въ Горахъ, т. е. въ мѣстности праваго берега Волги отъ устья Оки къ Сурѣ, говорятъ: «наши за Волгой давно спятъ». Мѣстные изслѣдователи быта и нравовъ имѣли полное основаніе предположить, что приговоръ этотъ занесенъ сюда шерстобитами, являющимися именно изъ Заволжья (Семеновскаго и Макарьевскаго уѣздовъ), гдѣ обычно кончаютъ работу и ложатся спать раньше, чѣмъ въ Горахъ.

СОБАКУ СЪѢЛЪ.

Такихъ выраженій, не имѣющихъ опредѣленнаго смысла и не допускающихъ объясненій, въ нашемъ богатомъ обиходномъ языкѣ очень много. Вотъ и еще одинъ изъ извѣстныхъ всѣмъ примѣръ. Все, на что иные не обращаютъ вниманія, къ чему другіе не питаютъ уваженія, считая то пустякомъ, называется очень часто «трынъ-травой». Въ какой же ботаникѣ мы разыщемъ ту траву, которая называется трыномъ и которая при этомъ всякому ни почемъ, ни для кого не имѣетъ цѣны? Точно также съ трудомъ поддается объясненію весьма распространенное выра-

женіе «собаку съѣлъ» [1]). Это — тотъ, кто изучилъ до тонкости или искусства какую нибудь науку, ремесло, торговый промыселъ, мастерство и т. п., тогда какъ настоящую «собачину» ѣдятъ только небрезгливые китайцы. Они считаютъ ее даже лакомымъ блюдомъ при исключительныхъ условіяхъ ихъ поваренчаго искусства, имѣющаго дѣло со всякими слизняками и даже птичьими гнѣздами, приправляемыми столь прославившейся китайской голодовкой. У насъ на Руси петрозаводцы попробовали нечаянно

[1]) Впрочемъ, нельзя ли искать объясненія въ обычаѣ начетчиковъ хвалиться бойкимъ чтеніемъ, когда они, громогласно читая (напримѣръ на церковныхъ службахъ), «борзятся», ведутъ это дѣло съ такою поспѣшностью, что даже захлебываются? Слышатся отрывистые вскрики, чавканье и рявканье, непривычному уху простыхъ людей кажущіеся подобными звукамъ собачьяго лая. Старинные дьячки, для которыхъ въ самыхъ богослужебныхъ книгахъ указывалось правило пѣть и читать «косно, со сладкопѣніемъ, не борзяся», не такъ давно давали прямой поводъ къ такимъ уподобленіямъ. Въ актахъ археографической экспедиціи свидѣтельствуютъ о томъ, что въ церквахъ ввелося отъ небреженія многогласное пѣніе, поютъ и говорятъ голоса въ два и три, и въ четыре; читали псалмы борзо, вдругъ, въ нѣсколько голосовъ и при чтеніи стояли лицомъ не къ царскимъ дверямъ, а назадъ или на сторону. Въ другомъ регламентѣ читаемъ слѣдующее: «худой и вредный и весьма богопротивный обычай вшелъ въ службы церковныя и молебны двоегласно и многогласно пѣть, такъ что утреня или вечерня на части разобрана, вдругъ отъ многихъ поется и два или три молебна вдругъ отъ многихъ пѣвчихъ и чтецовъ совершаются. Сіе сдѣлалось отъ лѣности клира и вошло въ обычай, и, конечно, должно есть перевести такое богомоленіе». Пѣвцы пѣли, псаломщики читали, дьяконы говорили ектеніи, а священники возгласы, не выслушивая и не дожидаясь другъ друга: всѣ въ одинъ голосъ. Смущались души богобоязненныхъ простолюдиновъ и даже вызывались съ его стороны горькія сѣтованія и вынужденныя насмѣшки: вотъ, значитъ, и впрямь проглотилъ въ грамотѣ собаку, коли по-собачьи залаялъ, читая по книгѣ.

поѣсть собачины, такъ съ той самой поры имъ отъ насмѣшекъ прохода нѣтъ. Всякій встрѣчный ихъ дразнитъ: «боску съѣлъ!» Или такъ—«боска, боска! нà тебѣ костку!» Произошелъ этотъ несчастный случай съ олончанами въ Шелтозерскомъ обществѣ, Петрозаводскаго уѣзда, такимъ образомъ.

Въ одной деревушкѣ приготовились справлять свадьбу. Въ жениховой избѣ, по обычаю, шла наканунѣ большая стряпня до поздней ночи. Сѣверный человѣкъ, вслѣдствіе климатическихъ вліяній, вообще ѣстъ много, обязательно четыре раза въ день на четыре выти, какъ говорятъ тамъ (завтракъ, обѣдъ, паужинъ и ужинъ). Олончане же сами про себя давно когда-то выговорили: «наши молодцы не дерутся, не борятся, а кто больше съѣстъ, тотъ и молодецъ». На веселыхъ свадьбахъ съѣстное угощеніе изготовляется въ особомъ изобиліи. Олончане въ такихъ дѣлахъ не отстаютъ, по силѣ обычаевъ, отъ прочихъ. Мать жениха на этотъ разъ надумала угостить «богоданную» новую родню, между прочимъ, щами съ убоинкой, т. е. съ мясомъ свинымъ и коровьимъ. Чтобы капуста упрѣла, она выставила щи на шестокъ на ночь, чтобы на другой день опять уварить ихъ и подать съ пылу горячими. Затѣмъ она печь скутала и сама легла спать. Въ ту же ночь надумала оцениться собака, которыхъ въ тѣхъ мѣстахъ предпочитаютъ называть корельскимъ словомъ «боска», но цѣнятъ едва ли не больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Гдѣ она забава, шутъ, почтальонъ, комедіантъ и игрокъ въ домино, спутникъ и оберегатель дома и стадъ, — здѣсь она помощникъ въ борьбѣ, товарищъ на охотѣ и проводникъ и, сверхъ всего, въ то же время, упряжное животное: возитъ воду, а при случаѣ и воеводу. По этой при-

чинѣ вездѣ на Сѣверѣ для такой суки заботливо отводятъ особую щенковую закуту, а въ данномъ случаѣ шелтозерка положила суку на горячую печь. Щенята жары не стерпѣли и расползлись, а со слѣпа попадали съ печи прямо на печную загнетку и во щи. Собрались свадебные гости, подали «шти»,—показались собачьи морды, уши и лапы: всѣ разбѣжались и всѣмъ разсказали; дошло и до насъ.

ПУСТОЗВОНЪ.

Это укоризненное слово, обращаемое къ тѣмъ краснобаямъ, которые увлекаютъ внѣшнимъ блескомъ словъ и постройки рѣчей, но въ результатѣ ихъ не оставляютъ того поучительнаго впечатлѣнія въ памяти, на которое надѣялся и разсчитывалъ внимательный слушатель. На какихъ данныхъ основывается переименованіе краснобаевъ въ пустозвоновъ? Невольно припоминаются нерѣдкіе въ глухихъ городахъ и селахъ случаи такого рода. Нерадивые и нетрезвые священники велятъ звонить по праздникамъ для прилики. Самъ батюшка въ подгулѣ сидитъ дома, а пономарь позвонитъ въ одинъ большой колоколъ, а потомъ заведетъ и перезвонъ «во вся», по порядку заутрени и обѣдни. Звонъ сзываетъ прихожанъ, а потомъ незамѣтно пріучаетъ ихъ къ тому очевидному факту, что тутъ каждый разъ—явный обманъ, напрасная тревога. Надо быть равнодушными. Иной усердный богомолецъ бѣднякъ-старичокъ придетъ къ Божьему храму и, взглянувъ на запертыя церковныя двери, махнетъ рукой, покачаетъ головой. И неудивительно, если онъ при этомъ нака-

жетъ заочнымъ укоромъ и наградитъ браннымъ словомъ того, кто произвелъ этотъ призывной, но безцѣльный звонъ—«пустозвономъ».

ГОЛЪ, КАКЪ СОКОЛЪ.

Къ кому только ни приравняли совсѣмъ бѣднаго, бездомнаго, неодѣтаго и необутаго человѣка? Говорятъ: голъ, какъ осиновый колъ, какъ перстъ или бубенъ, какъ сосенка. Такія уподобленія, взятыя для примѣра, наглядны и весьма понятны и въ пальцѣ, скудно прикрытомъ волосами, и въ бубнѣ, обечка котораго нарочно обтягивается сухой кожей, тщательно очищенной отъ шерсти («тяжбу завелъ,—самъ сталъ, какъ бубенъ, голъ»). Если всѣмъ хвойнымъ деревьямъ судила природа смотрѣть вершинами только въ высокое небо, то соснѣ заказано это строже другихъ. Исполняя такое назначеніе, сосна стремится охотнѣе ели занимать самыя возвышенныя мѣста, обростаетъ всѣ горы своей семьей, борами, и не любитъ сосѣдей. Она глубоко, какъ рѣдька, пустила свой корень въ сухую, большею частью песчанистую землю, но затѣмъ растеряла всѣ вѣтви почти вплоть до вершины и густо скопила ихъ только здѣсь въ видѣ шапки. Большая часть ствола этихъ высочайшихъ деревьевъ во всемъ свѣтѣ является совершенно голою и такою же стройною, какъ всѣ столь прославленныя южныя пальмы. На просторѣ, который сосна очень любитъ, древесный стволъ высоко очищается отъ сучьевъ, потому что сосна сбрасываетъ отмирающіе сучья и въ молодомъ возрастѣ даетъ самыя длинныя, крѣпкія и голыя жерди. Сло-

вомъ, всѣ эти принятыя въ разговорномъ языкѣ сравненія и уподобленія съ полнымъ правомъ пользуются общимъ кредитомъ. Ихъ довольно бы, но почему-то понадобился еще соколъ—хищная птица, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ тирановъ воздушнаго царства.

Природа снабдила сокола грозными орудіями, на столько надежными, чтобы быть ему сытымъ и не линять отъ недостатка пищи. Сѣрый глазъ съ острымъ, холоднымъ и жосткимъ взоромъ, угрожающій погибъ клюва, раставленные люто когти,—все это признаки могучаго силача. Онъ по природѣ опытный воинъ: неподвижно покоится онъ на прозрачномъ воздухѣ, но его пронзительный взоръ видитъ все пернатое царство. Съ быстротою молніи, какъ всякій хищникъ, онъ падаетъ на жертву и, какъ гастрономъ, медленно наслаждаясь, высасываетъ ея теплую кровь. Соколъ еще, сверхъ того, обучается бить на лету особымъ, любимымъ охотниками, пріемомъ: онъ сперва подтекаетъ подъ намѣченную жертву, взгоняетъ ее, испуганную, въ высь, потомъ самъ выныриваетъ сзади и, взмахнувши крыльями, взлетаетъ вверхъ и тотчасъ опускается въ то самое время, когда испуганная птица падаетъ какъ бы съ послѣднею надеждою на спасеніе. Онъ, какъ живой ножъ, быстро распарываетъ ее, перерѣзая горло, и пьетъ кровь не такъ, какъ ястребъ, который щиплетъ, куда ни попало, а какъ запойный пьяница.

Этотъ-то своеобразный полетъ и оправдываетъ ту ходячую поговорку, что «видно сокола по полету, какъ добраго молодца по ухваткамъ». На длинныхъ и широкихъ крыльяхъ, подобно орламъ, соколъ показываетъ всю силу величаваго стремленія и поразительную красоту паренія. Какъ рыба въ водѣ, онъ

паритъ въ воздухѣ, какъ бы покоясь на незримомъ облачномъ столбѣ, и самъ воздухъ стремится къ нему на встрѣчу цѣлыми потоками, ищетъ и окружаетъ его, проникаетъ въ него, подымаетъ и носитъ.

Оперёнъ соколъ такъ же, какъ и всѣ летающія птицы, представляя въ воздухѣ непроницаемое цѣлое изъ бородокъ перьевъ, переплетенныхъ между собою. При этомъ онъ свободно и красиво плаваетъ въ воздушномъ пространствѣ, и вся фигура его отличается тѣми же мягкими контурами, которые при яркихъ цвѣтахъ, вообще предназначенныхъ всѣмъ хищнымъ птицамъ, дѣлаютъ изъ сокола красавца. За это его восхваляютъ и въ пѣсняхъ, и въ пословицахъ, и въ поговоркахъ. Для русскаго добраго молодца нѣтъ лучшаго уподобленія и наибольшей похвалы. Зачѣмъ же этой красивой птицѣ придается такая несчастная, унизительная прибавка, какая указана нами въ заголовкѣ? Если сталось такъ по набалованной привычкѣ къ пріятному для уха созвучію,—то отлично выручаетъ и замѣняетъ кстати подслужившійся и успѣшно выполняющій свою службу осиновый колъ.

Дѣйствительно, мертвенно голъ и гладокъ другой «соколъ»—одно изъ старинныхъ стѣнобитныхъ орудій, которое обыкновенно выливали изъ чугуна, подвѣшивали на желѣзныхъ цѣпяхъ, и ломились имъ во всякую стѣну, каменную и деревянную, съ большимъ успѣхомъ. Если изловчались придвинуть сокола къ воротамъ, то и отъ желѣзныхъ створовъ летѣли только осколки да куски. Это—то же тяжелое бревно, окованное на одномъ концѣ и называвшееся также тараномъ или, еще проще, бараномъ. Подъ именемъ сокола идутъ и большіе ручные ломы, которыми обычно ломаютъ и гранитные камни, и ка-

менную соль. Ручная баба или трамбовка, въ родѣ песта,—тоже соколъ, въ работѣ и отъ нея не только голый, но и ясный соколъ.

ПЕЧКИ И ЛАВОЧКИ.

Къ слову о крестьянской избѣ, гдѣ печь занимаетъ цѣлую треть всего помѣщенія, а лавки наглухо придѣлываются къ тремъ стѣнамъ обычно четырестѣннаго рубленаго бревенчатаго жилого сруба. Всего-то счетомъ сто бревенъ, каждое не больше 8 вершковъ въ толщину, обезпечиваютъ любую крестьянскую семью и на сырое осеннее, и на холодное зимнее время. Затѣмъ, въ тѣснотѣ да не въ обидѣ, имѣется въ избѣ все то, для чего господамъ купцамъ и дворянамъ надобится цѣлый десятокъ комнатъ.

Вглядимся, въ самомъ дѣлѣ, и вдумаемся именно мы, обязанные платить для помѣщенія своихъ семей въ здѣшней столицѣ тысячи рублей ежегодно.

До перваго деревенскаго пожара русскій крестьянинъ уладился въ своемъ тѣсномъ жильѣ такимъ образомъ:

Въ лѣвомъ углу, первомъ отъ входа, поставлена либо битая изъ глины, либо кладеная изъ кирпичей печь «мать наша» въ самомъ широкомъ значеніи. Около нея—многое добро и всякая благодать, что выражается великимъ словомъ «семейный очагъ», понятнымъ всему человѣческому роду и драгоцѣннымъ каждому мыслящему существу. Все пространство между печью и стѣною съ волоковымъ окномъ, выходящимъ на улицу, принадлежитъ женщинамъ и носитъ названіе «бабьяго кута». Это: и кухня, и рабочая женская комната, и будуаръ. Уголъ этого от-

дѣленія избы такъ и зовется «жерновъ уголъ», гдѣ стоитъ жерновъ и ставятся прялки. Если это мѣсто и не отдѣляется отъ прочей избы перегородкой или ситцевой занавѣской, то подвѣшенная къ потолку зыбка показываетъ, что тутъ уже дѣтская. Затѣмъ слѣдуетъ «красный или большой почетный уголъ» съ иконами на тяблѣ и съ обѣденнымъ столомъ,— все вмѣстѣ: моленная, столовая и гостиная. Отсюда къ задней стѣнѣ и въ уголъ «коникъ или хозяйскій кутъ» — рабочій кабинетъ и спальная хозяина, съ разными пожитками, орудіями и сбруей подъ лавкой въ ларѣ. Надъ этимъ ку́томъ настланныя полати— общая спальня и гардеробная: однимъ краемъ упираются на пристройку къ печи изъ досокъ. Это— «голбецъ» или чуланъ для поклажи провизіи и для схода въ подъизбицу—подручную холодную кладовую. Онъ пристроился къ печи, и на немъ всегда сидитъ дѣдъ, которому, вмѣстѣ съ бабой, отдается во владѣніе вся теплая печь. Здѣсь они, какъ въ богадѣльнѣ, и доживаютъ свой вѣкъ, получая тутъ и спальную, и, на случай, рабочую комнату. Въ подпечкѣ—мѣсто для котятъ, въ запечкѣ—для щенятъ. Подлѣ печки придѣлывается шкапчикъ, удобно замѣняющій цѣлую буфетную комнату. Подъ лавку печного бабьяго кута или «стряпного угла», обыкновенно, сметается весь соръ избы вѣникомъ.

Начавъ съ печи, такъ какъ она первая встрѣчаетъ всякаго входящаго съ улицы въ избу, и кончивъ ею, мы обошли по лавкамъ все крестьянское жилье, извѣстное цѣлому свѣту своимъ гостепріимствомъ. Для гостя—за столомъ са́мое почетное мѣсто въ красномъ углу, подъ образами, на столѣ— все, что есть въ печи; для спанья на ночь—та лавка, которая идетъ отъ коника подъ самые святые образа.

Если же гость очень измокъ и зазябъ,—ему предлается мѣсто на самой печи, вообще безъ всякаго стѣсненія и при полной готовности и радушіи. Полежать на печи да крѣпко выспаться, за столъ залѣзть, да изъ печи сытно поѣсть, на лавкѣ посидѣть—покалякать, да хоть и опять на печь и снова за столъ. Это ли не житье, не блаженство? Это ли не дружба, что водой не разольешь, когда все вмѣстѣ: и эти самыя печки, и всѣ лавочки? «Кто сидѣлъ на печи, тотъ не гость, а свой» — говоритъ уже прямо другая пословица.

ДЫМЪ КОРОМЫСЛОМЪ.

Та же печка или, собственно, дымъ изъ ея широкаго жерла или трубы далъ поводъ къ разнымъ общеупотребительнымъ выраженіямъ и поговоркамъ. Въ такъ называемыхъ курныхъ избахъ, которыя ставятся безъ трубъ — дымъ изъ устья печи валитъ прямо въ избу и выволакивается «волоковымъ» окномъ, открытыми дверями либо дымоволокомъ, выведеннымъ въ сѣни. Говорятъ: «тепло любить, и дымъ терпѣть», «и курна изба, да печь тепла». Выходитъ дымъ изъ трубъ надъ крышей, судя по состоянію погоды, или такъ называемымъ восходящимъ потокомъ, либо «столбомъ»—прямо вверхъ, либо «волокомъ» — стелется книзу, либо «коромысломъ» — выбивается клубомъ и потомъ переваливается дугой. Поэтому гадаютъ на ведро или ненастье, на дождь или вѣтеръ и говорятъ «дымъ столбомъ, коромысломъ» про всякую людскую сутолоку: многолюдную ссору со свалкой и суетней, гдѣ ни-

чего не разберешь, гдѣ «такой содомъ, что пыль столбомъ, дымъ коромысломъ, — не то отъ тàски, не то отъ пляски».

Когда подымала пыль столбомъ московская рать Ивана Третьяго, шедшая громить Новгородъ въ сухое лѣто 1471 года, тогда и дымъ коромысломъ буквально и успѣшно сыгралъ свою историческую роль на всѣхъ трехъ дорогахъ, которыя вели отъ Москвы. Тогда немилосердно жгли села и пригороды, убивали безъ разбора и сострадан҇ія и малыхъ, и старыхъ, и «клали пусту всю землю». Между прочимъ, осаждали Вышгородъ и стали сильно тѣснить огненными «примѣтами». Вышгородцы защищались храбро, стрѣляли мѣтко и убили одного изъ предводителей, а камнями ловко раздробляли головы. Да не было у осажденныхъ воды,—ихъ начала мучить жажда. Дымъ, переваливаясь черезъ стѣну и застрявая въ забралахъ (наличникахъ шлемовъ), слѣпилъ глаза и сильно безпокоилъ. Осажденные не выдержали: вышли со крестами и воевода ихъ кричалъ: «Учините надъ нами милосердіе; мы же вамъ животворящій крестъ цѣлуемъ».

БРАТАТЬСЯ.

Съ древнѣйшихъ временъ Руси побратимство умѣло выражаться въ особомъ словѣ и оригинальномъ обычаѣ «крестоваго брата». Совершенно чужіе люди обмѣнивались тѣльными крестами и обязывались на всю жизнь взаимной помощью и дружбой, болѣе крѣпкими узами, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ между кровными родными. Обмѣнявшись, крестились и обнимались, называясь потомъ «по-

братимами» и «посестрами». Не такъ давно, въ бурлацкихъ артеляхъ, заболѣвшій рабочій, котораго, обычно, бросаютъ на дорогѣ на произволъ судьбы, если имѣлъ крестоваго брата, былъ обезпеченъ. Побратимъ, не смотря на всѣ тяжелыя невыгоды остановки, хлопоталъ о больномъ, пока тотъ не поправится и не удавалось его пристроить къ какому нибудь дѣлу. Этотъ же обычай приладили русскіе люди къ инородцамъ, наиболѣе оказавшимъ способности и заявившимъ стремленія къ обрусѣнію (въ особенности вотякамъ). Однако, похвальнымъ обычаемъ злоупотребляли, пользуясь беззавѣтной искренностью и простотой полудикарей, т.-е. дѣлались побратимами на тѣ случаи, гдѣ предполагался перевѣсъ выгодъ и услугъ, и переставали держаться обычая, когда онъ начиналъ стѣснять. На этотъ случай сохраняется много забавныхъ анекдотовъ. Однако, въ этомъ христіанскомъ обычаѣ чисто-русскаго происхожденія (теперь, кажется, совершенно исчезнувшемъ) нельзя не видѣть одного изъ дѣйствительныхъ средствъ къ тѣснымъ сближеніямъ съ аборигенами дремучихъ лѣсовъ на всемъ пространствѣ колонизаціоннаго движенія русскаго племени. Братались—и плотнѣе садились на новыхъ земляхъ.

КАША САМА СЕБЯ ХВАЛИТЪ.

Какая ни уварись: изо ржи — оржаная, изъ ячменя—яшная, изъ гречи—грешневая, всякая каша хороша и каждая сама за себя отвѣтитъ. Нечего ее хвалить и попусту слова терять, когда на лицо самое дѣло въ незатѣйливомъ и скромномъ видѣ, съ

наглядными и ощутительными достоинствами. Никто не мудрилъ, не ломалъ головы: налилъ въ горшокъ воды, насыпалъ крупы, присолилъ, поставилъ на огонь,—она и уварилась. Не зѣвай только, чтобы каша не перекипѣла, когда вода забьетъ ключомъ, и не ушла бы изъ горшка:—это очень худо, и всегда не къ добру. А вскипитъ въ мѣру и уварится густо—нѣтъ для русскаго человѣка вкуснѣе и слаще этого кушанья, и потому еще, что оно непремѣнно требуетъ масла; «овсяная каша тѣмъ и хвалилась, что съ коровьимъ масломъ родилась». Замѣчаютъ даже такъ, что русскаго мужика безъ каши и не накормишь. Да и она, въ самомъ дѣлѣ, вездѣ съ нимъ, выручая его даже и тамъ, гдѣ нѣтъ ничего: и въ лѣсу, гдѣ лишь одни пенья да коренья, и на рѣкахъ, гдѣ песокъ да каменья. Мало крупы для нея,—можно ее повернуть на кашицу и все-таки остаться довольнымъ: спорое кушанье,—изъ малаго выходитъ большое. Оржаная каша даже благодарнѣе пшонной, а съ грешневой всегда такое дѣло, что и «ѣсть не хочется, а отстать не сможется».

Въ самомъ дѣлѣ, это завѣтное, можно сказать,—даже ежедневное народное кушанье: точно какое «святое», добрый другъ и охранитель, обрядовое приношеніе, какъ бы осколокъ старой языческой вѣры нашихъ предковъ. Вѣроятно, вся эта честь за то доброе свойство каши, что она встрѣчаетъ и умѣетъ съ честью поддержать человѣка на первомъ и на послѣднемъ порогѣ его жизни. Ей главное, красное мѣсто и на крестинахъ, и на свадьбахъ, какъ завѣтному праздничному блюду, въ родѣ блиновъ на масляницѣ, яицъ на пасху, и т. д. Крестильную кашу даже покупать надо, т.-е платить повитухѣ деньги съ приговоромъ: «кашу на ложки, а молодецъ

(новорожденный) на ножки». Для каши уряженъ издревле особый праздникъ (на Рождество Христово «бабьи каши»). На нее и гадаютъ (лѣтомъ румянится она въ печи къ дождю, зимой къ снѣгу, вылѣзла въ печь—къ добру, изъ печи ушла—къ худу). На ней разсчетъ у рабочихъ, и достоинство самой работы («ѣла коса кашу — ниже бери, не ѣла ея— ходи выше»). У плотниковъ, при постройкахъ новыхъ крестьянскихъ избъ, издавна велся такой обрядъ. Когда строеніе было готово вчернѣ, ладились «подымать и обсѣвать матицу», т.-е тотъ поперечный брусъ, на который настилается потолокъ. Когда она поднята и укрѣплена въ послѣднемъ вѣнцѣ,— варятъ кашу, кутаютъ горшокъ въ полушубокъ и подвѣшиваютъ на веревкѣ къ матицѣ. Плотникъ лѣзетъ на потолокъ, обходитъ настланный накатъ этотъ, разсыпая рожь и хмѣль на счастливое житье въ новомъ домѣ. Проходя по матицѣ, онъ рубитъ топоромъ веревку, на которой виситъ горшокъ съ кашей, и садится съ товарищами ѣсть это сладкое и масляное кушанье. Ѣдятъ они съ приличнымъ угощеніемъ водкой и пивомъ отъ хозяина,—сверхъ ряды, за срубъ избы. Затѣмъ опять слѣдуютъ въ живомъ языкѣ выраженія и уподобленія, заимствованныя отъ этого всенароднаго кушанья—значитъ, «сытъ пострѣлъ, коли каши не ѣлъ», потому что всякому брюху должно быть любо, «если глаза видятъ кашу», во всей ея простотѣ и скромности. Зачѣмъ выхваляться хорошему человѣку тѣми доблестями, которыя и безъ того всѣмъ видны? Что хорошо, того нечего хвалить,—иначе выходитъ самохвальство, т.-е. докучливый и оскорбительный порокъ, выродившійся изъ тщеславія. За это онъ и

осмѣивается, съ легкаго сердца, а погрѣшившій и уличенный хвастунъ приравнивается къ кашѣ: то къ оржаной, то къ грешневой.

И ЗВѢРЮ СЛАВА.

Животное царство дало много подобій, пригодныхъ для пословичныхъ выраженій и крылатыхъ словъ. Такъ, между прочимъ, наблюденія надъ животнымъ царствомъ изъ пернатыхъ привели къ уподобленію галкамъ людей, ненаходчивыхъ въ трудныя минуты жизни и въ виду неожиданныхъ препятствій. Все у нихъ идетъ хорошо, ведется по привычнымъ пріемамъ, и вдругъ остановка такого рода и свойства, что иные имѣютъ дурное обыкновеніе при этомъ широко раскрывать свой ротъ. Чтобы достигнуть такому человѣку намѣченной цѣли, надо начинать дѣло сначала. Полоротые дикари захолустныхъ мѣстъ получили такое насмѣшливое прозвище, заслуженное ими явно показаннымъ изумленіемъ при видѣ невиданныхъ и незнакомыхъ диковинокъ (таковы костромскіе галичане, которые въ Москвѣ свою деревенскую ворону узнали; таковы же ярославскіе пошехонцы и многіе другіе). Причина заключается въ добытыхъ наблюденіемъ данныхъ изъ жизни галичьей породы вороньяго рода. Строитъ галка гнѣздо, — и все идетъ у ней хорошо, умно, даже очень остроумно: отыскала прутикъ, подняла, подбросила, повертѣла — значитъ взвѣшивала, дѣлала выборъ и примѣряла подходящую вѣтку: не всякая годится. Иную не унесешь, другую стащишь да не уложишь. Выбрала птица вѣтку, взяла ее клювомъ

поперегъ за середину и установила для облегченія полета полное равновѣсіе. Летитъ умная и смышленая птица къ гнѣзду—и вдругъ поглупѣла: вѣтка, взятая поперекъ, не идетъ въ маленькое отверстіе гнѣзда. Стоило бы ухватить вѣтку или прутикъ за одинъ конецъ и свободно просунуть другимъ концомъ, а между тѣмъ птица бьется изо всѣхъ силъ, стараясь просунуть, хлопаетъ крыльями, вертитъ головой и хвостомъ,—и не попадаетъ. Выбившись изъ силъ, она бросаетъ вѣтку и летитъ за новой, съ которою начинается такая же возня, какъ въ сказкѣ про бѣлаго бычка. Кто всматривался въ галичьи гнѣзда, тотъ видалъ, какъ много подъ ними разбросано сухихъ прутиковъ и вѣтокъ: все это собранные матеріалы, но, безъ ватерпаса, топора и скобля, не прилаженные къ сооруженію въ должную мѣру. Выходитъ, по пословицѣ: «галка не прытка, и палка коротка», «разбросались палки на чужія галки» [1]).

[1]) По отношенію къ названіямъ птицъ въ нашемъ родномъ языкѣ замѣчательна выдержанность при усвоеніи ихъ въ звукоподражаніи. Не говоримъ уже о зловѣщей кукушкѣ, накричавшей свое прозваніе цѣлому свѣту и всѣмъ народамъ, хитрый, осторожный, выступающій театральною поступью съ гордо-приподнятой головой и высматривающій умными и пронзительно-зоркими глазами воронъ называется въ Бѣлоруссіи необыкновенно вѣрно, въ соотвѣтствіи его крику на полетѣ, — «крукомъ». «Карръ», а всего чаще «крра», «грра» съ самыми первыми признаками весны долженъ слышаться ежеминутный неустанный крикъ въ городскихъ садахъ и пригородныхъ рощахъ, гдѣ много старыхъ деревьевъ. На нихъ-то и накидывается птичья стая, со временъ творенія привычная жить большими колоніями, безчисленными артелями,—стаи вороньяго рода сплошь черные, и бѣлоносые грачи (этимъ-то звукомъ «грра» и рекомендуетъ себя при первой встрѣчѣ, старая птица этого рода). Прислушайтесь, когда летитъ за добычей самая маленькая изо всего вороньяго рода птица съ короткимъ и толстымъ

Лѣнтяй, вѣчный соня и неповоротливый лежебока обзывается именемъ хомяка, неисправимаго хищника зеренъ, который и больно кусается, и терпѣливо сидитъ въ своихъ норахъ и проходахъ. Такимъ понятъ онъ у насъ (у нѣмцевъ хомякъ превратился въ пословицу, рисующую образчикъ скупости, соединенной съ гнѣвною яростію).

Кто работаетъ суетливо, но безъ пользы и добрыхъ послѣдствій; кто всю жизнь хлопочетъ, состоя при одномъ и томъ же дѣлѣ или ремеслѣ, мучительно перебиваясь въ нуждѣ, тотъ трудится, что бѣлка въ колесѣ.

Болтливую, неугомонную бабу — рыночную торговку, свахъ и прочихъ разнощицъ вѣстей и сплетенъ, зовутъ сороками, съ сорочьимъ языкомъ, сравнивая ихъ съ долгохвостой птицей. Вертушка эта непосѣдливо прыгаетъ, пляшетъ въ присядку на задворкахъ и неугомонно стрекочетъ—сокочетъ гостей пророчитъ, на хвостѣ вѣсти приноситъ. Она скажетъ воронѣ, ворона борову, а боровъ всему городу. «Сорока пустая»—это всякій пустомеля, любящій много болтать: наскажетъ онъ тебѣ даже и то, «на чьей сорокѣ изба сидѣла». Вообще эта птица, совершенная лисица между пернатыми, народомъ нелюбима. Ее считаютъ проклятой трижды: одни говорятъ, что

клювомъ, черно-сѣрая цвѣтомъ, похожая на ворону, но отмѣченная особымъ именемъ «галки»,—прислушайтесь къ крику ея внимательнѣе: она ясно сама выговариваетъ свое неважное имя. Весной, сидя парочками, галки умѣютъ очень мило болтать вполголоса и на разные лады, подобно шебетуньѣ-сорокѣ,— какъ подмѣтилъ то прислушливый къ жизни природы и ея голосамъ профессоръ Дмитрій Кайгородовъ. Такой естественный народный пріемъ въ присвоеніи прозваній довольно нагляденъ, обыченъ и понятенъ, не требуетъ представленія дальнѣйшихъ доказательствъ.

она, склонная воровать чужое добро, утащила у великаго постника и подвижника не то просвирку, не то лепешку съ окна кельи. Въ Москвѣ толкуютъ, что она навела враговъ на боярина Кучку, владѣвшаго той землей, гдѣ стоитъ теперь бѣлокаменная русская столица. Въ этомъ же городѣ обернулась сорокой-птицей и улетѣла Марина Мнишекъ, когда супругъ ея, Самозванецъ, былъ убитъ московскими людьми. Всякій разъ эту птицу проклинали, и она спѣшила оставлять такія мѣста съ тѣмъ, чтобы въ нихъ никогда уже больше не появляться. Всѣ тому рады, потому что сорокѣ заказано предсказывать всякія бѣды и напасти. Къ тому же она—воровка, или, какъ говорятъ въ народѣ—«охоча до находки»,—въ сущности же она надѣлена страстью къ блестящимъ вещамъ, которыя таскаетъ и прячетъ.

Съ другой стороны о воронѣ—родной сестрѣ бѣлобокой сороки, не установилось одинаковаго мнѣнія: кто считаетъ ее воровкой, кто приписываетъ ей похвальныя добродѣтели, кто находитъ въ ней комическія стороны, примѣнимыя къ людскимъ свойствамъ. Большой ротъ ея пригодился въ укоръ тому, кто имѣетъ дурную привычку, слушая, разѣвать ротъ. Дураковатый ходитъ, постоянно держа его незакрытымъ; разсѣянный и несметливый умѣетъ прозѣвать подходящее дѣло и полезное начинаніе. Полоротая ворона, одѣтая въ павлиньи перья, понадобилась для укора и насмѣшки надъ тѣмъ, кто не по заслугамъ хвалится и гордится и, чествуемый не по достоинству, даже наружно старается показать себя вороньей гордой выступкой. Коренастая неуклюжая ворона, мѣрно расхаживающая по двору, распустивъ на груди перья, важно киваетъ головой при каждомъ шагѣ,—не столь величественно, сколь

смѣшно: «воронъ соколомъ не бываетъ», по словамъ пословицы. И за море летала, а вороной вернулась. Плохъ соколъ, если ворона съ мѣста сбила, и частенько бываетъ въ жизни и службѣ, что «соколъ (снимается) съ мѣста, ворона (садится) на мѣсто».

Настойчивый до докучливости человѣкъ уподобляется у насъ дятлу, — той птицѣ пурпуроваго цвѣта, которая на верхушкѣ дуба или сосны откалываетъ куски коры и щепки отъ ствола длиннымъ сильно сжатымъ клювомъ. Послѣдній служитъ и ударнымъ молотомъ, пробующимъ крѣпость дерева и отыскивающимъ гніющее, наполненное червячками и насѣкомыми для пищи,—и буравомъ, высверливающимъ изъ-подъ коры добычу. Долбитъ онъ неустанно (и «какъ у него голова не разболится» — остритъ народная поговорка): его странное стучанье раздается въ лѣсу даже и въ ночную пору. Настойчиво онъ долбитъ кору въ то время, когда его сильныя ноги и черные глубоко-вонзающіеся когти, вмѣстѣ съ хвостомъ, на который дятелъ упирается, какъ на палку, помогаютъ ему цѣлые сутки не оставлять дерева и по нѣскольку часовъ держаться перпендикулярно на стволѣ, какъ на намѣченной жертвѣ. Со скоростью ящерицы обѣгаетъ птица кругомъ дерева и все лѣзетъ вверхъ, потому что внизъ она лазить не умѣетъ.

Безтолковый, туго смекающій и плохо вникающій въ чужія рѣчи и мысли человѣкъ, сидя, хлопаетъ глазами, «какъ сычъ» (не сова или филинъ, а совушка). Особенно удачно это уподобленіе по тому видимому признаку, который дѣлаетъ глаза птицы подобными человѣческимъ. Значительно увеличиваетъ это сходство кружокъ изъ перьевъ, окаймляющій эти огромные глаза, отъ которыхъ не усколь-

заетъ ни малѣйшее движеніе жертвы. Днемъ меланхолически неподвижная и молчаливая птица, поводящая изъ стороны въ сторону плохо-видящими глазами, дѣйствительно даетъ легкую возможность къ составленію укоризненнаго сравненія, пригоднаго для смѣшныхъ и досадныхъ людей.

Глухой человѣкъ и по свойствамъ, въ немъ замѣченнымъ и приравненнымъ къ лѣсной птицѣ глухарю или тетереву-косачу, въ самомъ дѣлѣ обнаруживаетъ характерное наружное сходство. Сидитъ въ архангельскихъ лѣсахъ въ тайболахъ этотъ глухарь на деревѣ и равнодушно-смѣло глядитъ (не шелохнувшись и покачиваясь съ боку на бокъ),— на прохожихъ и проѣзжихъ людей. Словно онъ никогда ихъ не видывалъ и про ихъ хищныя наклонности не слыхивалъ, а самъ впервые старается ознакомиться. Куда направляются шаги охотниковъ, туда и птица смотритъ (за это почитаютъ ихъ и зовутъ глухарями). Когда же птица на току надуваетъ горло, распускаетъ крылья, семенитъ ногами и, какъ пьяная, ворочаетъ глазами, тогда охотникъ можетъ смѣло подойти къ ней и удачно застрѣлить: птица страстно увлеклась и никого теперь неспособна замѣтить. Ихъ, при завоеваніи Амура, солдаты просто убивали палками.

Орлиный и соколиный взглядъ, ястребиный взоръ въ смыслѣ уподобленія извѣстнаго выраженія глазъ человѣка, какъ нѣмой, но высшей рѣчи его:— выраженія, весьма всѣмъ извѣстныя не по однимъ поэтическимъ произведеніямъ. Выборъ именно этихъ птицъ, а не иныхъ, можно назвать самымъ счастливымъ: хищныя птицы въ особенности надѣлены отъ природы остротой зрѣнія. Она обезпечиваетъ имъ жизнь, облегчая добычу продовольствія, разбойнымъ способомъ, на чужой счетъ. Пернатое царство, въ

отличіе отъ прочихъ животныхъ, почти все одарено завиднымъ преимуществомъ остраго зрѣнія.

Въ жаркій лѣтній день у заваленки избы въ пыльной ямкѣ беззаботно и съ очевиднымъ наслажденіемъ купается курица, распустивъ крылья и перья хвоста. Она совершенно забыла о своихъ цыплятахъ и вдругъ всполыхнулась: вытянувъ шею, начинаетъ она повертывать то тотъ, то другой глазъ, направляя зрѣніе въ небесную глубь и лазурь. При этомъ издаетъ она необычные тоскливые звуки, подобно умоляющему стону. Она горбится и надувается и дѣлается спокойнѣе лишь тогда, какъ всѣ цыплята сбѣжались къ ней и она успѣла прибрать ихъ подъ себя и прикрыть крыльями. Птица замѣтила врага, очень высоко плавающаго въ воздухѣ, и самому зоркому человѣку кажущагося нисколько неподозрительной маленькой точкой. Это плаваетъ ястребъ, умѣющій намѣчать жертву съ такой выси, гдѣ самъ совершенно скрытъ отъ людскихъ взоровъ. Оттуда же взвившійся почтовый голубь превосходно видитъ свою голубятню и падаетъ прямо на нее. Глазной хрусталикъ всѣхъ этихъ птицъ надѣленъ способностью дѣлаться болѣе или менѣе плоскимъ или слабо выпуклымъ для наибольшей дальнозоркости. У голубя, напримѣръ, глазной хрусталикъ можетъ значительно измѣнять свою кривизну изъ плоской въ выпуклую и наоборотъ. Сверхъ того, природа озаботилась снабдить птицъ лишнимъ противъ насъ вѣкомъ—третьимъ, внутреннимъ, прозрачнымъ и тонкимъ. Оно непосредственно прикрываетъ собою глазное яблоко: при каждомъ движеніи наружныхъ вѣкъ, внутреннее, быстро вращаясь, обтираетъ и прочищаетъ зрачокъ, освѣжаетъ его и придаетъ зрѣнію новую энергію и силу.

ШИВОРОТЪ НАВЫВОРОТЪ.

Шиворотъ «навыворотъ», какъ и «задъ напередъ», — однородное несчастіе и прямая неудача: сдѣлать вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало, истолковать превратно, разъяснить извращенно, сказать и поступить совсѣмъ наоборотъ, думать затылкомъ, какъ говорятъ попросту крѣпкіе заднимъ умомъ деревенскіе русскіе люди. Шиворотъ въ обиходномъ употребленіи разгуливаетъ по свѣту и въ смыслѣ вóрота, и въ значеніи затылка, одинаково въ народной жизни имѣющихъ большое значеніе. Для пущаго позора обычно бьютъ по шеямъ, сгоняя прочь съ занятаго мѣста и отказывая отъ дѣла, въ разсчетѣ, что у русскаго человѣка шея крѣпка:— многое на ней виситъ тяготой и бременемъ—и ничего, выноситъ себѣ. Блаженъ и счастливъ тотъ, кто «сваливаетъ съ шеи» — отдѣлывается отъ докучнаго дѣла и освобождается для отдыха; но не завидуетъ никто тому человѣку, который «беретъ на свою шею», т.-е. на свой отвѣтъ, конечно, обязываясь при этомъ разнообразными хлопотами и многочисленными заботами. За тотъ же шиворотъ хватаютъ тѣхъ, которыхъ ловятъ на мѣстѣ преступленія или ведутъ на судъ и къ отвѣту. Равнымъ образомъ бываетъ обязательно для всѣхъ, какъ непреложный законъ: «по шеѣ и воротъ». И самый воротъ также имѣетъ большое значеніе и получаетъ разнообразный переносный и прямой смыслъ. Въ послѣднемъ значеніи онъ служитъ даже важнымъ племеннымъ этнографическимъ признакомъ, по которому легко различаются сѣверные русскіе люди, пристрастные къ косому вороту на верхнемъ (армя-

кахъ и полушубкахъ) и на нижнемъ одѣяніи (рубахахъ) отъ южныхъ жителей (малороссовъ и бѣлоруссовъ). Эти послѣдніе искони предпочитаютъ прямой воротъ—съ разрѣзомъ посерединѣ шеи на гортани — косому, застегнутому на правомъ боку для пущей защиты груди отъ холода. Въ старорусскихъ обычаяхъ этотъ воротъ игралъ даже болѣе значительную роль: онъ отличалъ боярина отъ простолюдина тѣмъ козыремъ, который на торжества и царскіе выходы прикрѣплялся, весь вышитый золотомъ, серебромъ и жемчугомъ, сзади шеи, на затылкѣ къ вороту параднаго кафтана (зимой къ нему пришивался ожерелокъ, т.-э. мѣховой воротникъ). Расшитый козырь торчалъ такъ внушительно, придавая осанкѣ прямое и гордое положеніе, что до сихъ поръ сохранилось выраженіе «ходитѣ козыремъ»: надменно, высоко и прямо держа голову и не сгибая спины, съ полнѣйшимъ сохраненіемъ важнаго достоинства и вида, съ видимымъ презрѣніемъ ко всѣмъ прочимъ. Съ тѣхъ поръ все, что рѣзко выдается впередъ, какъ бы наступаетъ и грозитъ, зовется козыремъ, начиная съ кожанаго зонтика, пришитаго къ картузу или шапкѣ и кончая передкомъ саней, дерзко загнутыхъ кверху. Оказалась козыремъ та игральная карта, которая бьетъ остальныя масти и «козырь-дѣвка», которая выдѣляется отъ подругъ находчивостью, веселымъ духомъ, виднымъ ростомъ и бойкими ухватками, и всегда и вездѣ впереди всѣхъ.

Ни одинъ бояринъ ни разу не надѣвалъ своего ворота наизнанку и навыворотъ не по одному лишь тому, чтобы не стать въ глазахъ другихъ посмѣшищемъ. Съ послѣднею цѣлію выворачивали наизнанку, на исподнюю выворотную сторону, все но-

сильное верхнее платье, чѣмъ особенно любилъ забавляться грозный царь Иванъ Васильевичъ, а за нимъ и московская чернь. Обреченные на такой позоръ отягощались еще тѣмъ, что ихъ сажали на лошадь лицомъ къ хвосту. И въ наши дни, когда второпяхъ надѣвается платье и нечаянно загнется воротъ, поправляютъ его съ невольной улыбкой и поспѣшностью,—и теперь также точно надѣть платье наизнанку значитъ не къ добру: «биту быть», какъ спроста говорятъ мужики. Къ добру выворачиваютъ намѣренно они же овчинные шубы и полушубки только на свадьбахъ, какъ родители жениха, при встрѣчѣ молодыхъ изъ-подъ вѣнца, чтобы наглазно показать имъ желаніе свое быть богатыми, жить въ теплѣ и холѣ. Въ старину чаще всего практиковался этотъ способъ выворачиванья одежды наизнанку или — по-деревенскому — наизворотъ въ самосудѣ надъ пойманными на мѣстѣ и уличенными въ грязномъ дѣлѣ. Однако, этотъ пріемъ не исключителенъ для русскихъ людей, а, по всему вѣроятію, сохраняется съ древнѣйшихъ временъ. Онъ, между прочимъ, употреблялся среди библейскихъ евреевъ.

ЗАДАТЬ КАРАЧУНА.

И прiиде къ Новугороду архiепископъ Акимъ, и требища разори, и Перуна посѣче, и повелѣ врещи въ Волховъ. Онъ же, плаваша всквозѣ великiй мостъ, вверже палицу свою на мостъ, и рѣче: «на семъ мя поминаютъ новгородскыя дѣти»; ею же и нынѣ, безумнѣ упивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ.

Новгор. 2 лѣтопись, подъ 988 годомъ, стр. 1 и 2.

Всякiй знаетъ, что «задать карачуна» значитъ то же, что пришибить, убить или злодѣйски замучить кого-либо, уничтожить что-либо въ корень. Это слово, при случаѣ, замѣняетъ слова: матъ и капутъ (какъ говорятъ просвѣщенные горожане по-нѣмецки), изводъ (какъ понимаютъ крестьяне наши по-русски). Все это каждый изъ насъ знаетъ, но не всякому извѣстно существованiе стариннаго русскаго слова, означающаго опредѣленное въ году время. Въ послѣднемъ изданiи 1888 года новгородской лѣтописи (по синодальному харатейному списку), подъ 1143 годомъ записано: «стояше вся осенина дождева, отъ Госпожина дни до Корочюна, тепло, дъжгь (дождь) и бы вода велика вельми въ Волховѣ и всюдѣ, сено и дръва разнесе». Уже по одному этому лѣтописному указанiю, записанному новгородскимъ грамотѣемъ въ столь древнiя времена, легко догадаться, что слово «карачунъ» происхожденiя очень стариннаго, и притомъ славянскаго корня.

Корень этотъ заключается въ глаголѣ «коротать», по прямому указанiю начертанiя этого слово въ

лѣтописи (въ обоихъ случаяхъ къ сохраненіемъ звука о). До сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Великороссіи именемъ Корочуна зовется день Спиридона-поворота, т.-е 12 декабря, или «Солноворотъ». Тогда наступаетъ конецъ наростанья темныхъ ночей и, по народному календарному выраженію, солнце идетъ на лѣто, а зима на морозъ. Столь важное время съ обычными молитвенными гаданьями и практическими предсказаніями изъ опытныхъ наблюденій начинаетъ хозяйственный періодъ, который кончается на дняхъ равноденствія. На сорокъ мучениковъ, 9 марта, кончается зима, начинается весна, знаменуясь прилетомъ жаворонковъ на проталины. Все время, когда длятся самые короткіе дни, старинные новгородцы называли корочуномъ, до послѣдняго дня, когда начинаютъ убывать ночи. Имя этого дня и придано всему длинному предыдущему періоду времени. Дѣйствуетъ очевидная, но непонятная (темная) сила, укорачивающая свѣтлую половину сутокъ. Когда христіанство, вступивъ въ борьбу съ язычествомъ, между прочимъ смѣняло имена боговъ именами святыхъ, на мѣстѣ Корочуна всталъ «Поворотъ-Спиридонъ», и все предшествовавшее время съ кануннымъ заговѣньемъ 14-го ноября стало позднѣе называться филиповками (отъ дня св. апостола Филиппа) и рождественскимъ постомъ, какъ предшествующимъ дню Рождества Христова (у карпатскихъ славянъ также до сихъ поръ корочуномъ называются святки [1]). Понятнымъ становится изумле-

---

[1]) Подъ Корочюномъ указаннымъ новгородскою лѣтописью (такъ называемою Первою, изд. 1888 г., стр. 134), надо принимать именно день преподобнаго Спиридона, епископа тримифійскаго, 12-го декабря. Это ясно видно изъ послѣдующаго текста лѣтописной записи, что въ ту ночь озеро Ладожское

ніе новгородскаго лѣтописца столь продолжительной дождливой погодѣ и странному физическому явленію запоздалой зимы, непонятному и чудесному въ глазахъ современника, когда и климатъ былъ суровѣе, и погода устойчивѣе. Очевидно одно, что кто-то борется съ той злой силой, которая умерщвляетъ жизнь природы, напускаетъ леденящіе лютые морозы. Вѣдьмы-вьюги заслѣпляютъ глаза, злыя мятели засыпаютъ всѣ пути и тропы:—ни входу, ни выходу, ни свѣта въ очахъ. При этомъ видимо происходитъ и борьба свѣта со тьмой, добра со зломъ, съ преобладаніемъ послѣднихъ надъ первыми. Царствовалъ, хозяйничая надъ землей въ это время этотъ самый Корочунъ-подземный богъ, повелѣвающій морозами. По толкованію знатока славянской миѳологіи Киркора, подземный богъ воевалъ со свѣтлымъ богомъ Перуномъ, и зная, что родится «божичъ» (красное солнышко), оборачивался въ медвѣдя, набиралъ стаи волковъ (мятели) и гонялся за женою Перуна (громовницей, или калядой, или пятницей), которая пряталась между ивняками и на деревьяхъ, и тамъ родила сына «Дажбога». Этотъ-то и сокрушалъ лютаго врага, смѣняя долгія ночи такими же свѣтлыми днями на тепло [1]).

замерзло, но вѣтеръ разбилъ ледъ («растьрза и вънесе въ Волхово»). Причемъ льдомъ поломало городской мостъ и снесло неизвѣстно куда («безъ вѣсти») четыре городни (т.-е. либо 4 сруба, насыпанныхъ землей и каменьями для укрѣпленія въ видѣ быковъ или устоевъ подъ мостомъ, либо четыре обыкновенныя сваи). Во всякомъ случаѣ въ слѣдующемъ 1144 году «дѣлаша мостъ весь черезъ Волховъ, по сторонѣ ветхаго, новь весь».

[1]) См. «Живописная Россія», изд. Вольфа, гдѣ оппонентъ мой (Филолог. Зап., Воронежъ. 1891 г.), увидитъ, что этотъ разсказъ не мною выдуманная сказка.

Значеніе этой таинственной силы, производящей непонятный переворотъ, когда «солнце пошло на лѣто, а зима на морозъ», не только понималось, но требовало обрядового чествованія даже въ болѣе позднѣйшія времена, напримѣръ, при послѣднихъ московскихъ царяхъ. Основываемся на изустномъ преданіи, не многимъ извѣстномъ, и приводимъ нижеслѣдующее сообщеніе, заимствованное изъ «Новаго Времени». 12 декабря звонарный староста московскаго Успенскаго собора былъ допускаемъ въ Кремлевскій дворецъ, передъ свѣтлыя царскія очи, для донесенія о годовыхъ суточныхъ перемѣнахъ. Такъ 12 декабря объявлялъ онъ царю, что «отселѣ возвратъ солнцу съ зимы на лѣто, день прибываетъ, а нощь умаляется». За эту радостную вѣсть великій государь жаловалъ ему двадцать четыре серебряныхъ рубля. 12 іюля, тотъ же звонарный староста приходилъ къ царю съ извѣстіемъ, что «отселѣ возвратъ солнцу съ лѣта на зиму, день умаляется, а нощь прибавляется». За эту вѣсть его обыкновенно запирали на сутки въ темную палатку на Ивановской колокольнѣ. «Въ дѣйствительности этого курьезнаго обряда не дозволяетъ сомнѣваться общее изустное преданіе старыхъ звонарей Ивана Великаго, переходившее съ давняго времени и сохранившееся до нашихъ дней» — добавляетъ корреспондентъ.

Въ силу этихъ представленій о смѣнѣ тьмы на свѣтъ среди пустынныхъ болотъ и въ дремучихъ лѣсахъ Россіи, при воѣ голодныхъ волковъ, щелкающихъ желѣзными зубами, сохранилось имя покинутаго бога и живое о немъ представленіе. До сихъ поръ вѣрятъ, что въ самый день св. Спиридона тримифійскаго медвѣдь поворачивается въ бер-

логѣ съ одного бока на другой. До сихъ поръ во время святокъ непремѣнно стараются сами люди наряжаться медвѣдями. Словомъ—память о старомъ богѣ Корочунѣ жива и за справками объ его болѣе опредѣленномъ существованіи стоитъ лишь отправиться къ бѣлоруссамъ. У нихъ Корочунъ въ живой рѣчи и до сего дня—злой духъ, сокращающій жизнь, а въ переносномъ смыслѣ — нечаянная и преждевременная, въ молодыхъ лѣтахъ, смерть: «Корочунъ его возьми!»—до сихъ поръ тамъ побраниваются со зла. Тамъ еще не свыклись съ «Поворотомъ», какъ великоруссы, но Корочуна хорошо помнятъ. Это — «старый дзѣдъ (дѣдъ) — сива борода». Онъ носитъ эту сѣдую бороду длинною; самъ ходитъ въ бѣлой шубѣ, но всегда босоногимъ и безъ шапки. Въ рукахъ онъ держитъ тугой лукъ и желѣзную булаву, и когда разсердится, то ударяетъ ею въ пень, вызываетъ вихри и разсылаетъ ихъ по землѣ, а самымъ стукомъ производитъ трескучіе морозы. Зато и зовутъ его кое-гдѣ «морозомъ» и «зюзей». Молитва ему такая: «Хадзи куцью ѣсть: на чугунную бороду желѣзнымъ кнутомъ». Это темное миѳическое выраженіе значитъ такъ: «не мѣшай уродиться хлѣбу и всему тому, что можно положить сковородникомъ (желѣзнымъ кнутомъ) въ чугунъ или на сковородку (желѣзную борону). При этомъ и священнодѣйствіе въ полной формѣ: въ самый вечеръ каляды за ужиномъ или «куцьей» бросаютъ первую ложку праздничной кутьи за окно для умилостивленія сердитаго бога съ вышеупомянутымъ ласкательнымъ приговоромъ. А затѣмъ во время колядокъ чествуютъ его обязательно и безбоязненно тѣмъ, что водятъ живого медвѣдя съ козой, благодаря мѣстечку Сморгонамъ, гдѣ князь Радзивиллъ

научилъ обучать этихъ неповоротливыхъ, но понятливыхъ звѣрей затѣйнымъ пляскамъ. Нѣтъ подъ бокомъ цыгана съ живымъ медвѣдемъ—сами наряжаются звѣремъ, выворачивая кожухи наизнанку.

Въ замѣну предложеннаго нами толкованія, Я. Никольскій, написавшій рецензію на эту книгу (въ Воронежскихъ Филологическихъ запискахъ) предлагаетъ свое. Онъ спопутно сдѣлалъ легкій упрекъ за довѣріе къ Далю, конечно не сообразивши того, что на довѣріи къ своему прислушливому уху, при легкомъ напряженіи памяти, очень просто достигнуть того же результата, производя слово корочунъ отъ коротать, подобно словамъ лгунъ, говорунъ, драчунъ, и т. п. Съ большою самонадѣянностью рецензентъ увѣряетъ, что слово произошло отъ стариннаго слова «каракъ»—нога, и находитъ его одного корня со словами: «окорокъ, окорочь, карачиться (да заодно ужъ) и карячиться, корточки, закорки, корча и даже каракатица». Чтобы закрѣпить свое авторитетное мнѣніе, онъ вспомнилъ, что въ одной изъ былинъ «князь Владиміръ отъ посвиста Соловья разбойника ползаетъ на корачкахъ, а княгиня ходитъ раскорякою», заглянулъ мимоходомъ въ «Этнографическій Сборникъ» 1864 г., а тамъ въ окончательное подкрѣпленіе ему указано сибирское повѣрье, что 12 декабря Спиридонъ начинаетъ выворачивать ноги молодымъ курицамъ. Не погнушавшись на этотъ разъ начисто отвергнутымъ имъ Спиридономъ-поворотомъ, рецензентъ поворотилъ неожиданно въ противоположную сторону. Онъ толкуетъ (сославшись также по словарю Даля — на южныхъ славянъ, гдѣ у сербовъ карачити значитъ ходить, у хорватъ коракъ—шагъ, и проч.): «при желаніи, чтобы кого-либо взялъ карачунъ, подразумѣ-

вается не смерть, а то ужасное состояніе, когда человѣкъ живъ, но не можетъ дѣлать движеній или же двигается съ большимъ трудомъ ползкомъ, что всего рѣзче проявляется при параличѣ. Не отсюда ли и народное названіе этой болѣзни кондрашкою, передѣланное затѣмъ въ Кондратія Ивановича?» Съ своей стороны считаю себя обязаннымъ сдѣлать послѣднее замѣчаніе. Г. Киркоръ, несомнѣнный и признанный знатокъ литовской и бѣлорусской народности, отождествляя Карачуна съ Ситивратомъ, Зюзей, Морозомъ, какъ подземнаго бога, разсказываетъ (мною повторенный) миѳъ о борьбѣ его съ Перуномъ,—миѳъ, легкомысленно приписанный моему изобрѣтенію. А что въ посулѣ карачуна любому недоброхоту заключается пожеланіе гибели, смерти—это тоже вѣрно и по словарю бѣлорусскаго языка. Вѣрно также и то, что къ нѣкоторымъ выраженіямъ прилаживается двоякое объясненіе, на выборъ произволящаго (чему указаны и въ этой книгѣ примѣры). Такъ между прочимъ, пока мой судья путался въ финскихъ лѣсахъ и словахъ, разыскивая кулигу, нашелъ ее въ болотѣ у Москвы-рѣки («на низкой мѣстности близъ непросыхающихъ лужъ»), объявился самъ чортъ не изъ этого болота, а живьемъ изъ купеческой семьи той же Москвы (см. въ настоящемъ изданіи дополненіе къ ст. «У чорта на куличкахъ»). «Опасно искать ученымъ взглядомъ того, чего бы найти хотѣлось»,—сказалъ искушенный многолѣтнимъ опытомъ Даль.

ЧЕРЕСЧУРЪ [1]).

Вовсе не съ тою цѣлiю, чтобы поставить читателя въ тупикъ и затруднить разгадкой, я придумалъ и выставилъ такой, повидимому, странный заголовокъ. Пользуясь извѣстнымъ грамматическимъ правиломъ, дозволяющимъ всякой части рѣчи быть подлежащимъ, принимаю за таковое всѣмъ знакомое и общеупотребительное нарѣчiе. Ставлю же его въ заглавiе своей статьи по той причинѣ, что оно даетъ тему для бесѣды. Эта тема можетъ показаться и́ новою, и любопытною, лишь только мы зададимъ себѣ самый простой вопросъ: что значитъ это русское слово и откуда оно произошло?

Примѣненiе загадочнаго слова «черезчуръ» въ обиходной рѣчи для каждаго совершенно понятно. Неясно лишь его происхожденiе, такъ сказать--колыбель и мѣсто его родины.

Если мы расчленимъ (говоря учебнымъ выраженiемъ) слово «чересчуръ», т.-е. раздѣлимъ на обѣ составныя части наше нарѣчiе, то получимъ предлогъ «черезъ» и существительное «чуръ».

«Чуръ»—у нашихъ предковъ, у язычниковъ-славянъ, могло быть божествомъ не особенно высокаго ранга, скорѣе полубогомъ, миѳическимъ существомъ, однако такимъ, что имя его повсюду знали и особенно чествовали. Въ Бѣлоруссiи, напримѣръ, «чуръ» до сихъ поръ не забытъ (какъ случилось въ Великороссiи), но пользуется особеннымъ уваженiемъ.

---

[1]) Изъ двухъ способовъ начертанiя этого слова беремъ звуковой, какъ наиболѣе свойственный русскому уху и общепринятый великорусскимъ народомъ.

Онъ почитается покровителемъ и оберегателемъ границъ поземельныхъ владѣній и еще живетъ на землѣ, какъ существо, которое можетъ награждать и наказывать, любить и ненавидѣть, и т. п. [1]).

Все славянское племя, и въ томъ числѣ русская вѣтвь его, — преимущественно хлѣбопашцы. Вотъ, напримѣръ, старорусскій богатырь Чурило Пленковичъ, не помнившій ни отца, ни матери, идетъ отъ короля въ Литвѣ въ свою сторонушку, на свою родину, а все дойти не можетъ. Идетъ онъ дорогой широкой и осматривается, а все видитъ, что пахарь попахиваетъ. День идетъ до него—дойти не можетъ, а прислушается: все пахарь лошадку понукиваетъ. И на третій день все одно и то же, и видитъ и слышитъ, какъ у пахаря соха поскрипываетъ. Насилу онъ дошелъ, словно въ образное предсказаніе историческихъ судебъ земледѣльческой Руси, которую, послѣ Кіева и Волхова, надо было искать на Клязьмѣ, на Печорѣ, за Камой, на Иртышѣ и далѣе. Всѣмъ понятно и извѣстно, до какой степени любитъ и цѣнитъ, холитъ и удабриваетъ всякій земледѣлецъ свой участокъ. Ту почву, которая родитъ хлѣбъ и питаетъ семью, онъ зоветъ не иначе, какъ «матерью» (сырой землей). Проще сказать, крестьянинъ боготворитъ землю: плодотворную силу ея почитаетъ за божество, чествуетъ приношеніями и жертвами, и устанавливаетъ особые праздники съ пѣснями и плясками. Такъ было и у всѣхъ народовъ на землѣ, а у нашего языческія вѣрованія и суевѣрное бого-

[1]) Между прочимъ «чура» у запорожцевъ и малороссовъ былъ нѣчто въ родѣ мальчиковъ—оруженосцевъ довѣренныхъ, воспитанниковъ. Такъ у Богдана Хмельницкаго чурой былъ «Иванецъ»—впослѣдствіи Ив. Март. Бруховецкій.

твореніе земли, какъ питательной почвы соблюдается до сихъ поръ въ такой мѣрѣ, что можно ихъ наблюдать и ясно видѣть. Въ особенности это удобно дѣлать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вся жизнь зависитъ отъ земледѣлія, какъ въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, тамъ, гдѣ языческія вѣрованія еще борются съ христіанскими, какъ въ указанныхъ странахъ и въ глухихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Великороссіи.

Вездѣ и всякому дорогъ тотъ участокъ земли, отъ котораго онъ питается, который съ величайшимъ трудомъ отбилъ отъ лѣса и болота, удобрилъ, воздѣлалъ и буквально полилъ своимъ пòтомъ. Всякій строго слѣдитъ за своей полосой земли и старается не запахивать чужой сосѣдней, но есть лихіе, дерзкіе и безсовѣстные люди, которые любятъ жить чужимъ добромъ и трудомъ. Существуютъ въ природѣ такія могучія и неожиданныя явленія, въ видѣ урагановъ съ лютыми дождями и гибельными наводненіями и проч., что смываютъ и разрушаютъ опредѣленныя межи такъ, что потомъ бываетъ трудно разобраться въ своемъ и чужомъ. Надобится посредникъ, который разобралъ бы споры и прекратилъ ссору; желательна такая сила, которая сберегала бы межи отъ разрушенія и истребленія. Но гдѣ найти и то, и другое, когда и самыя межи невозможно опредѣлить съ точностію, и предѣлы поземельныхъ граней выяснить на почвѣ, точно такъ же, какъ дѣлается это перомъ и циркулемъ на бумагѣ?

Въ старину, да и теперь тамъ, гдѣ земли много и лежитъ она въ дикомъ состояніи, будучи никому не принадлежащею, поневолѣ прибѣгали къ случайнымъ и неточнымъ межамъ. Въ старинныхъ актахъ мы то и дѣло наталкиваемся на такія обозначенія границъ: «съ каменя на вязъ, да съ березы дòломъ

прямо черезъ поперекъ бору къ грановитой соснѣ, а на ней граница крестъ».

Налетала на ту сторону огненная стрѣла молніи и сгорало столѣтнее дерево, какъ свѣчка; вырывалъ ураганъ развѣсистый вязъ съ корнемъ и замывалъ пескомъ и иломъ бѣшеный ливень вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ другія грани и знаки. Наконецъ, размножалось населеніе въ такой степени, что валилъ топоръ весь дремучій боръ, соха и борона превращали лѣсъ въ пашню и пожню. Затѣмъ размывало овраги и буераки, высыхали ручьи и колдобины, и всѣ тѣ примѣтныя урочища, вообще называемыя живыми, которыя служатъ болѣе надежными признаками поземельныхъ граней. У кого же искать защиты и къ кому обращаться за управой? Приходилось надѣяться не на усталую и невѣрную память старожиловъ, а на сверхъестественную силу, на случайности и неизмѣнное народное «авось». Въ старину, привыкшую вѣрить въ чудесное, такъ и поступали въ подобныхъ случаяхъ, что искали помощи въ той же матери—сырой землѣ. Нашли—или лучше—заподозрили въ ней такую новую силу, которая оберегала межи, удерживала дерзкихъ и своевольныхъ нарушителей чужихъ владѣній, останавливала зазѣвавшуюся или разгулявшуюся соху, тупила, запутывала и ломала размахавшуюся косу, расходившійся топоръ. Эта сила и былъ «чуръ» — справедливое существо, какъ помощникъ матери-земли въ той правдѣ, которую искали при земельныхъ спорахъ, въ запутанныхъ черезполосныхъ владѣніяхъ [1])!

---

[1]) Насколько было важно перепахиванье межи или уничтоженіе пограничныхъ знаковъ, видно изъ «Судебника» Ивана Третьяго, въ которомъ, какъ извѣстно, вмѣсто пени Русской

«Чура», какъ всякую живую и дѣйствующую силу, олицетворяли, представляя его въ видимомъ образѣ, въ деревянномъ изображеніи, имѣвшемъ форму круглыша, короткаго обрубка, толщиной въ руку. На немъ вырѣзались условные знаки, обозначавшіе семью и владѣльцевъ. Такіе обрубки сохранили древнее названіе свое въ извѣстныхъ словахъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, каковы: чурбакъ, чурка, чурбанъ, чурбашка, чуракъ, чурокъ, чушка. Они ставились въ давнюю старину по межамъ на тѣхъ мѣстахъ, «куда топоръ и соха ходили», какъ привычно выражались въ старинныхъ владѣнныхъ актахъ. Несмотря на грубость работы и ничтожность того матеріяла, изъ котораго вырубались, эти «чуры», стоящіе на границахъ, почитались предметами священными и неприкосновенными. Безнаказанно ихъ нельзя было уничтожать; вырванные случайно должны быть замѣнены новыми тотчасъ же, чтобы не свела неосторожныхъ рукъ судорога, чтобы не высохли онѣ на томъ же самомъ мѣстѣ. На немъ уже предполагалась невидимо поселившаяся сила, которую слѣдовало бояться, такъ какъ ей предоставлено право наказывать: насылать бѣды и надѣлять болѣзнями до пожизненной слѣпоты и преждевременной смерти включительно. Въ Бѣлоруссіи до сихъ поръ можно видѣть, съ какими стараніями и опаскою опахиваютъ эти «чуры», боясь того духа, который поселился въ нихъ. Тамъ это—небольшіе курганчики или бугры, нарочно насыпанные на межахъ и очень нерѣдко огороженные частоколомъ, со-

Правды впервые узаконено битье кнутомъ на торгу. «Торговая казнь» ожидала всякаго, кто рѣшался уничтожать чужіе чуры и заѣзжалъ сохой въ чужую полосу пахатнаго поля, наравнѣ съ татьбой.

стоящимъ именно изъ толстыхъ и коротенькихъ чурокъ. Ни одинъ бѣлоруссъ не покусился разрыть хотя бы одну такую землянную кучку. Этими покровителями пограничныхъ примѣтъ и знаковъ и защитниками правъ собственности въ Бѣлоруссіи еще до сихъ поръ не отвыкли клясться. Тамъ часто говорятъ такимъ образомъ: «чурôчками клянусь, што гэтаго не буду дзѣлать» [1]).

Въ Великороссіи «чуръ», какъ божество, совершенно забытъ,—осталось въ памяти только его имя, да въ глухихъ лѣсныхъ мѣстахъ кое-какіе обычаи изъ далекихъ временъ язычества. По всей Великороссіи слово «чуръ» перенесли прямо на поземельныя границы и этимъ именемъ зовутъ всякую межу, грань, рубежъ, и т. п. Говорятъ «не ступай за чуръ» (за черту); «не лей черезъ чуръ (черезъ край), «наше по чуръ» (т.-е. по эту грань) и т. д. Затѣмъ по всей обширной Россіи чураются и зачуровываются, т.-е. дѣлаютъ себя и разныя вещи заговоренными, неприкосновенными, заповѣдными; словомъ, не забыли выраженія, стараго какъ русскій бѣлый свѣтъ и родная мать сыра-земля: «чуръ меня!»

А. К. Киркоръ въ статьѣ «Слѣды язычества» («Живописная Россія», т. III) говоритъ: «Чуръ бѣлоруссовъ—богъ, оберегающій границы поземельныхъ владѣній», а затѣмъ далѣе: «въ то же время чуръ является домашнимъ пенатомъ, такъ что каждый домъ, каждое семейство имѣетъ своего чура, охранителя домашняго очага, преслѣдующаго и отгоняю-

[1]) См. «Словарь бѣлорусскаго нарѣчія» Носовича. Возстановляю эти указанія въ свою защиту противъ подозрѣній, высказанныхъ въ «Новороссійскомъ краѣ» и настойчиво и самоувѣренно повторенныхъ (перепечатанныхъ) въ «Филологическихъ Воронежскихъ запискахъ».

щаго демоновъ мрака». Я воспользовался для своего разсказа первымъ значеніемъ въ виду задачи объяснить слово «черезчуръ»; г. Никольскому (рецензенту моей книги) понравилось и понадобилось второе. Понравилось между прочимъ потому, что въ словѣ «пращуръ» ему послышалось слово чуръ, а понадобилось, конечно, съ цѣлью противопоставить свое объясненіе, основанное на почитаніи предковъ. Къ этому чуру, «какъ духу предка, защитнику семьи», онъ и отнесъ все то, что принадлежитъ, по моему мнѣнію, пограничному чуру. Забывши на этотъ разъ самимъ же высказанное убѣжденіе, что «миѳологія славянъ вообще — дѣло темное и запутанное», авторъ самъ поспѣшилъ въ поученіе всѣмъ доказать это на самомъ дѣлѣ, запутавшись со своимъ чуромъ-пращуромъ на самомъ открытомъ и ярко освѣщенномъ мѣстѣ этой миѳологіи. Сомнительному чуру онъ приписалъ тѣ свойства и дѣйствія, которыя нераздѣльно принадлежатъ «дзядамъ и прадзядамъ», которыхъ поэтически описалъ Мицкевичъ, и прозаически, но очень наглядно и открыто чествуютъ бѣлоруссы въ первый день «колядокъ». Въ первую куцью (постную кутью) первую ложку бросаютъ за окно «дзядамъ», души которыхъ слетаются на этотъ день навѣщать потомковъ. Ихъ громко вызываютъ и приглашаютъ «хадзице куцью ѣсьць». Въ иныхъ мѣстахъ ихъ изображаютъ даже въ лицахъ: старый дѣдъ въ черной рубахѣ, съ колбасой въ рукахъ, лѣзетъ на печной столбъ, и т. п. А молятся и гадаютъ при этомъ, исключительно имѣя въ виду урожай хлѣбовъ, а не межевые вопросы. Весной же установленъ самостоятельный праздникъ «Дзяды» (также Радоуница), отправляемый чрезвычайно торжественно, съ весеннимъ обновленіемъ при-

роды пробуждая память о погибшихъ отцахъ и дѣдахъ. Именно на томъ основанiи, что это отдѣльный культъ и особый циклъ вѣрованiй, я не останавливался на нихъ при вопросѣ о рубежахъ, имѣвши случай личными наблюденiями повѣрять границы бѣлорусскихъ суевѣрiй, отдѣляя коляду отъ купалы, чуровъ отъ дзядовъ, и т. д. (Эти изслѣдованiя своевременно были подробно изложены мною въ печати).

ЧУРЪ МЕНЯ.

Идутъ или ѣдутъ нѣсколько человѣкъ въ товарищахъ по одной дорогѣ. Зазѣвавшiйся и неосторожный путникъ, ранѣе проходившiй тутъ, обронилъ какую-нибудь вещь. Вещь эта валяется забытою, и кто-нибудь другой ее непремѣнно подыметъ. Хозяинъ оброненной вещи видимо не спохватился о своей потерѣ и не возвращался ее отыскать и взять. Взять чужое, конечно, все равно, что украсть; отъ такого грѣха избави Богъ всякаго человѣка. Всѣ такъ и думаютъ: «нашелъ, да не сказалъ,—все равно, что укралъ». Чужую, однакожъ, вещь, которая валяется на проходномъ пути, велятъ считать за находку: не искалъ, а набрелъ на нее неожиданно. Это бываетъ такъ рѣдко, что всякому прiятно зачесть за особое свое счастье: «Богъ послалъ». Если бы вернулся хозяинъ, объявилъ, представилъ доказательства, — безспорно чужую вещь отдать надо. Отдать ее слѣдуетъ и въ томъ случаѣ, когда бы можно было розыскать владѣльца; да гдѣ же его услѣдить въ незнакомомъ мѣстѣ, въ цѣлой толпѣ неизвѣстныхъ прохожихъ людей, между которыми

всегда можно разсчитывать на обманщика? Онъ вклеплется, назвавъ чужую вещь своею. Всего же чаще случается такъ, что лежитъ чужая потеря среди чистаго поля, въ безслѣдномъ перелѣскѣ и на проѣзжей дорогѣ.

Хотя находкѣ и не велятъ радоваться, какъ и объ утратѣ горевать, однако кому же ее взять, когда шло нѣсколько человѣкъ? Изъ глубокой старины установлено такъ, что если спутниковъ двое, находку надо дѣлить пополамъ, съ товарищемъ. Не всегда это бываетъ легко и возможно (смотря по вещи). Если шли втроемъ, впятеромъ и раздѣлить никакъ нельзя, да и изъ дѣленаго каждому почти ничего не достанется, и вещь можетъ быть дѣлежомъ испорчена, въ цѣломъ же видѣ она кому нибудь очень бы погодилась,—какъ поступить? На этотъ-то разъ выручаетъ одно только слово, этотъ самый «чуръ».

— «Чуръ одному!»—спѣшитъ выговорить тотъ, который первый замѣтилъ находку. Этимъ запретнымъ словомъ онъ безспорно и безповоротно заручилъ ее за собой, какъ нераздѣльную собственность: «чуръ одному—не давать никому». И чтобы въ конецъ было вѣрно слово на дѣлѣ, къ находкѣ притрогиваются рукой. «Чуръ чуровъ и чурочковъ моихъ!»—говорятъ при этомъ въ Бѣлоруссіи.

У бѣлоруссовъ это слово во множественномъ числѣ относится ко всѣмъ тѣмъ вещамъ и предметамъ, которые, будучи приговорены словомъ чуръ, какъ присвоенная находка, становятся для всѣхъ запретными, являются собственностію единоличною, а не общественною. Клады, напримѣръ, спрятанные въ землѣ, считаются общимъ достояніемъ всѣхъ имущихъ, но остаются собственностію того, кто умѣетъ

«чуровацъ» (по бѣлорусскому выговору), т.-е. словомъ чуръ ослаблять и разрушать волшебную силу наложеннаго запрета или очарованія. «Чурую землю, воды и грôши»—говорится въ мѣстныхъ сказкахъ. Напримѣръ, тамошній рыбакъ изъ тверскихъ осташей, вѣдомыхъ и искусныхъ истребителей озерной рыбы, никогда не возвращается съ ловли домой съ пустыми руками. Съ бѣлоруссомъ случается противное, потому что бородатый осташъ въ кожаномъ фартукѣ зачуралъ во всей странѣ для себя всѣ рыбныя мѣста, всѣ подводные тайники. Какъ «чаровникъ», онъ видитъ даже, гдѣ подо льдомъ кучатся лещи, спятъ щуки и проч. Осенней порой, когда небо покрывается черными облаками, осташъ увѣренно бросаетъ въ озеро сѣти. Буря вздымаетъ волны, покрытыя пѣной, а онъ, какъ нырокъ: то появится на ребрѣ самой большой волны, то низвергнется въ кипящую бездну;—только и видно, какъ крутятся надъ нимъ крикливыя птицы—рыбалки. Онъ знаетъ, что иныя породы рыбъ ловятся только въ нѣпогодь, другія,—когда тихо и ясно, а потому зоветъ вѣтры на озеро, волнуетъ воду, поднимаетъ и безпокоитъ рыбу, а когда этого не нужно ему — онъ гонитъ вѣтры прочь и возвращаетъ на землю день ясный. Такова сила чарованія, вѣдомая практическимъ великороссамъ, по понятію суевѣрныхъ бѣлоруссовъ.

— «Чуръ пополамъ, чуръ вмѣстѣ», — торопятся выговорить всѣ товарищи, если всѣ увидали находку разомъ, или когда ранѣе усмотрѣвшій ее не успѣлъ или нѣ догадался ее «зачурать», т.-е. заповѣдать. По этой причинѣ скорѣе чураютъ ее, доколѣ кто не увидалъ,—вся тайна и всѣ права въ этомъ. Обыкновенно же поступаютъ такъ, что, по взаимному соглашенію, обязываютъ того, кто возь-

меть себѣ находку, платить соотвѣтственную долю товарищамъ.

Зачурованныя, т.-е. чуромъ приговоренныя, присвоенныя находки, на этомъ основаніи, называются также «чурами». А тѣхъ людей, которымъ находками случайно посчастливило въ жизни, зовутъ «чураками».

По народному повѣрью, помогало слово «чуръ» съ неизвѣстныхъ временъ тѣмъ, кто находилъ клады, т.-е. зарытыя въ землѣ сокровища. Зарывались клады съ зароками, напримѣръ, на три головы молодецкія, на сто головъ воробьиныхъ и т. п. Три головы должны погибнуть при попыткѣ овладѣть кладомъ, — слѣдующему по счету, четвертому, онъ обязательно достанется.

Надо зарокъ знать и при томъ помнить, что кладъ стережетъ злая сила — нѣчисть. Когда кладъ «присумнится», т.-е. выйдетъ наружу и покажется блуждающимъ огонькомъ, и выговоришь зарокъ,—черти начнутъ стращать, отбивать кладъ. Тутъ слово чуръ и очерченный кругъ только одни и выручаютъ, спасая отъ мученій.

По народному вѣрованію на архангельскомъ Сѣверѣ, клады достаются только тѣмъ, которые «не обманываютъ Бога», т.-е. тѣмъ, кто, запримѣтя кладъ, скажетъ три раза: «Чуръ мой кладъ съ Богомъ пополамъ». Это значитъ, что данъ твердый обѣтъ половину изъ открытаго отдать на доброе дѣло или въ пользу церкви.

— «Чуръ меня!» — говорятъ (и вслѣдъ затѣмъ спѣшатъ положить на себя крестное знаменіе) тѣ люди, которыхъ поражаетъ какое нибудь неожиданное явленіе: не расшибло бы чѣмъ, не убило бы какъ-нибудь.

Каждый изъ насъ съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ хорошо помнитъ, на сколько важно было въ товарищескихъ играхъ оставить за собою занятое мѣсто, хотя бы въ игрѣ въ медвѣдя или оставить себя безопаснымъ отъ ударовъ и отъ «ожоговъ», напримѣръ, въ игрѣ мячомъ («въ лапту», на рюхахъ въ «городки»). Кому надо отойти по какому либо частному поводу въ сторону, внѣ порядка игры, тотъ обязанъ оговориться «чуръ моя ямка, чуръ мое мѣсто, чуръ меня!» Зачуровавшійся, равно какъ и заговоренное мѣсто, становятся священными и неприкосновенными, какъ бы и впрямь какая-нибудь важная пограничная собственность.

Путникъ въ дорогѣ, догнавшій другого пѣшехода, добрымъ привѣтомъ «миръ дорогой» зачуровываетъ, заговариваетъ его въ свою пользу: вмѣстѣ идетъ, коротаетъ время, чтобы не было скучно, сокращаются разстоянія, меньше чувствуется усталость и проч.

Деревенскіе колдуны-обманщики и знахари-лекаря, дѣйствуя на воображеніе, опутанное въ туманную существенность, вызываютъ или нечистыхъ духовъ, или темныя врачебныя силы такими заговорами и мольбами, въ которыхъ невѣрующій человѣкъ не найдетъ никакого смысла. Эта безсмыслица въ суевѣрныхъ людяхъ даже увеличиваетъ и страхъ, и вѣру. Когда ловкіе и опытные колдуны видятъ, что воображеніе вѣрующихъ достаточно напугано, они выговариваютъ страшное слово: «чуръ меня, чуръ!» Этимъ они желаютъ показать, что нечистая сила уже явилась, невидимо присутствуетъ тутъ, у него за плечами, и готова творить всякое зло. Но колдунъ, сильный человѣкъ, ее обуздываетъ, останавливаетъ однимъ этимъ могучимъ словомъ «чуръ меня, чуръ», т.-е. не тронь меня, не смѣй тронуть,

въ то самое время, когда нѣжить готова кинуться на людей и натворить разныхъ бѣдъ и напастей. За проговореннымъ же словомъ всѣ стали безопасны и неприкосновенны, какъ за каменной стѣной, потому что заручены вызваннымъ добрымъ духомъ, всегда готовымъ на помощь, чуромъ: они — «зачурованы»—заговорены отъ нечистой силы. Для пущей увѣренности въ томъ, колдуны обратившихся къ нимъ за помощью очерчиваютъ кругомъ, за который уже не посмѣетъ заскочить самый бойкій и дерзкій чертенокъ. Велика сила этого слова и имъ пользуются всѣ суевѣрные люди съ древнѣйшихъ временъ и повсемѣстно. Народъ твердо убѣжденъ въ томъ, что отъ нападенія вражьей силы только тѣмъ и избавиться можно, если поспѣшить очертить вокругъ себя кругъ, хотя бы перстомъ или палкой, и заручиться заговоромъ, и оградиться крикомъ «чуръ меня!»

Такимъ образомъ немудреное слово неважнаго бога живетъ на русскомъ бѣломъ свѣтѣ завѣдомо вторую тысячу лѣтъ. Всякому дѣлается извѣстнымъ оно съ младенчества и пришедшему въ зрѣлый возрастъ напоминаетъ дорогое и золотое время дѣтства, весну человѣческой жизни.

НАКАНУНѢ.

Таково свойство всѣхъ чисто-народныхъ праздниковъ, доставшихся въ наслѣдство отъ предковъ и цѣльно сохранившихся со временъ славянскаго язычества, что они начинаются съ вечера того дня, который посвященъ тому или другому богу. Такъ начинаютъ съ вечера и прыгаютъ черезъ огни во всю

ночь на Ивана Купалу, передъ днемъ перелома лѣта. Точно также въ святой вечеръ, начинающій двѣнадцатидневныя коляды и совпадающій съ рождественскимъ сочельникомъ христіанскихъ временъ (переломъ зимы), стелютъ на обыкновенный столъ солому и, покрывая скатертью, ставятъ обѣтныя кушанья: разварныя зерна, насыченныя медовымъ или маковымъ сокомъ, овсяный кисель, блины, толокно и т. п. Это—первая кутья «постная» и первая коляда.

Въ Малороссіи и Бѣлоруссіи вторая кутья (исчезнувшая въ Великой Россіи) поѣдается съ вечера, наканунѣ городского новаго года, въ деревенскій Васильевъ вечеръ, въ языческую «щёдровку». Эта кутья—самая важная; эта коляда—настоящая: ласая, мясная, товстая (толстая), щедрая, жирная, богатая, а потому и любимая. Она почтена многими прозвищами за то, что требуетъ непремѣнно мясныхъ кушаньевъ и, по мѣрѣ возможности, въ роскошномъ обиліи. Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ колбасамъ разныхъ сортовъ, ветчинѣ, студню,—все изъ свинины, все жирное и все мясное. Съ колбасой лѣзетъ старшій въ семьѣ на печной столбъ въ черной рубахѣ и съѣдаетъ всю колбасу, въ разсчетѣ на урожай всякаго жита. Самая кутья поѣдается теперь съ коровьимъ молокомъ или топленымъ скоромнымъ (а уже не постнымъ) масломъ. Дѣвушки хватаютъ со сковородокъ первые блины и изъ горшковъ первыя ложки кутьи и бѣгутъ съ ними на перекрестки гадать — прислушиваться. Молодые ребята выбираютъ изъ среды своей самаго рослаго и красиваго парня, одѣваютъ его старикомъ въ парикъ изъ кудели и въ рваное вретище. Это—щедрецъ, который водитъ по домамъ ватагу товарищей, распѣ-

вающихъ для подачекъ особыя пѣсни, называемыя щедровками. Молодежь также теперь «щедруетъ» (гадаетъ), тогда какъ наканунѣ Рождества она «колядуетъ», славитъ Христа и коляду. Существенная разница здѣсь заключается въ томъ, что пѣсенъ колядокъ очень много и онѣ весьма разнообразны, а щедровки отъ древнѣйшихъ временъ остались въ видѣ маленькихъ осколковъ, и притомъ въ замѣчательно ничтожномъ числѣ (меньше десятка), и съ однообразнымъ содержаніемъ. Великоруссы—псковичи поютъ: «Щедринъ-ведринъ, дайте вареникъ, грудочку кашки, шматокъ колбаски», а коренные бѣлоруссы: «дарите не барите, коротки свитки—померзли лытки, коротки кожушки — померзли пѣтушки, матка казала, штобъ кусокъ сала» и т. п.

Третья кутья бываетъ въ крещенскій сочевникъ (неправильно сочельникъ, ибо слово происходитъ отъ сочива, именемъ котораго называется всякій сокъ изъ сѣмянъ: мака, льна, конопли и проч.). Такая кутья (послѣдняя въ году) носитъ прозваніе «голодной», потому что она опять постная и оттого, что на этотъ разъ всѣ запасы уже съѣдены. Во время первой кутьи первою ложкою чествуютъ морозъ и зовутъ его ѣсть кутью зимой, а лѣтомъ просятъ жаловать мимо, лежать подъ гнилой колодой, не губить посѣвовъ. Тогда же обязываются домовые хозяева подарками и приношеніями духовнымъ лицамъ. Отдаривались здѣсь, откупались подарками и въ Великороссіи, за грѣхи, преслѣдуемые этими самыми служителями вѣры.

Въ Архангельской губерніи подъ кануномъ разумѣютъ тѣ «богомольные дни», когда чествуется завѣтный праздникъ особо въ каждомъ селеніи всею общиною, въ одномъ изъ домовъ поочередно. Склад-

чина требуетъ, чтобы всѣ участники приносили съѣстные припасы «по силѣ — помочи». Въ скадчину же варятъ пиво, кое-гдѣ освящаемое духовенствомъ. Оттого самое празднество называется «пивà», а самый напитокъ, съ вечера заправленный хмѣлемъ, именуется канунномъ, кануннымъ пивомъ. Начнутъ молитвой въ сельской церкви за обѣдней, а кончатъ попойкой и играми. Чтобы не смѣшивать такихъ кануновъ, справляемыхъ въ извѣстные дни (напримѣръ: на Ивана Богослова 8-го мая, на Илью, на Петра и Павла, и проч.), для прочихъ праздниковъ имѣются свои названія «богомолья, пὸварки». Я видѣлъ одно торжество, которое мнѣ называли «борода». То было окончаніе уборки сѣна (или, все равно, хлѣба). Зовутъ на «бороду», когда дожнутъ и свяжутъ послѣдній снопъ (бѣлорусскіе «дожинки», великорусскіе «обжинки»). Одну кучу стеблей оставятъ на нивѣ съ колосьями горсти на три; солому разогнутъ, присыплютъ туда горсть земли и начнутъ завивать бороду. Дѣвушки соберутъ по межѣ цвѣты, подовьютъ ихъ къ бородѣ и разбросаютъ по нивѣ около того мѣста. Тогда уже идутъ въ избу хозяина угощаться, затѣмъ водить хороводы, пѣть пѣсни, играть во всякія игры. Изъ кушаньевъ здѣсь играетъ общественную роль «отжинная каша».

Христіанская церковь уступила народнымъ привычкамъ и вѣковымъ обычаямъ и, въ свою очередь, начинаетъ чествовать наступающій праздникъ также съ вечера, совершаетъ «правила». А это послѣднее слово переводъ съ греческаго «канонъ», превратившееся на русскомъ языкѣ въ «канунъ» и выражающееся церковными пѣснопѣніями въ похвалу святого или чествуемаго праздника. Эти стихири или похвальные тропари, эти ирмосы или вступительные

стихи, выражающіе содержаніе прочихъ стиховъ канона, и другихъ, иногда читаются, иногда поются на заутреняхъ и вечерняхъ. На такихъ канунахъ, какъ началѣ отправленія праздника, по извѣстнымъ правиламъ, или, проще, въ вечеръ наступающаго знаменательнаго дня приготовляются и праздничные столы съ символическими кушаньями, т.-е. «справляютъ канунъ». Оттого и всѣ такіе дни, «кануны», и всякое совершившееся событіе, всякое законченное дѣло къ извѣстному дню, но во всякомъ случаѣ въ этотъ, который предшествуетъ срочному или видному празднику, за день, съ вечера, породилъ прямое и ясное выраженіе «наканунѣ», т.-е. случилось на тотъ день и въ тотъ разъ, въ самый канунъ. Такимъ образомъ, а не иначе, мы въ правѣ понимать слово, поставленное въ заголовкѣ, въ его расчлененной формѣ.

Канунъ, сдѣлавшись самостоятельнымъ словомъ, выражающимъ опредѣленный день, въ свою очередь допустилъ въ языкѣ новое и законное выраженіе «канунъ-кануна», т.-е. день до кануна, вечеръ передъ кануномъ. Говорятъ и «наканунѣ третьяго года», т.-е. въ четвертомъ году. Въ самомъ дѣлѣ, и священникъ ѣздитъ и собираетъ кануны—всякія приношенія; и по усопшимъ совершаютъ кануны, т.-е поминки; и въ началѣ, и по окончаніи полевыхъ работъ заказываютъ кануны, т.-е. молебны; и варятъ канунцы, т.-е. заготовляютъ домашніе пиво и питейный медъ. Съ успѣхомъ читаютъ кануны по усопшимъ на дому приглашенные начетчики. Пошло даже и на то, какъ откровенно высказываетъ поговорка, что «хоть сусѣкъ снести, только канунъ свести», лишь бы изловчиться совершить поминки по усопшимъ родителямъ. Зато водятся и

такіе скаредные люди, которые за чужими канунами своихъ покойниковъ поминаютъ; а иные, руководясь такимъ правиломъ, совсѣмъ забываютъ про то, что «если всѣ кануны справлять, инъ безъ хлѣба стать».

ОПРИЧЬ.

Подобно двумъ нарѣчіямъ, потребовавшимъ нашихъ объясненій, каковы: «черезчуръ, покамѣстъ и наканунѣ», третье нарѣчіе (которое, однако, можетъ быть и предлогомъ),—именно «опричь, опрочь», старинное «опрочѣ», замѣчательно тѣмъ, что въ свое время послужило основою къ составленію грознаго смысломъ и значеніемъ существительнаго имени «опричнины». Въ прямомъ смыслѣ употреблялось слово изстари славянщины для означенія всего отдѣльнаго, обособленнаго въ правахъ, въ значеніи исключенной изъ общаго счета единицъ, поставленной внѣ правилъ, «что либо на окромѣ». Напримѣръ, послѣ того, какъ низложенъ былъ вѣчевой городъ и на сѣверо-востокѣ Россіи разоренъ татарами стольный Владиміръ и заброшенъ Ростовъ, великіе князья жили въ своихъ «опричнинахъ», т. е. наслѣдственныхъ городахъ: то въ Твери, то въ Переяславлѣ, то въ Костромѣ, то въ Москвѣ, и города перестаютъ вліять на населеніе, которое, какъ земледѣльческое, продолжаетъ жить «опричь» ихъ и само собою складывается и крѣпнетъ въ государство. Такъ и во всемъ прочемъ. По стариннымъ актамъ, отъ крестьянъ отписывали деревни и починки опрочѣ; архіереямъ указывали «опричь святительскаго суда, не вступатися ни во что же». Въ духовныхъ завѣ-

щаніяхъ писали прямо «даю я моей княгинѣ два села въ опришнину», т. е. отдѣльно отъ дѣтей, какъ прибавку къ ея родовому наслѣдству. Этимъ словомъ (съ такимъ же прозрачнымъ смысломъ), подозрительный московскій царь Иванъ Грозный назвалъ особое войско своихъ тѣлохранителей и боярскихъ карателей. Въ число ихъ, какъ извѣстно, онъ отобралъ шесть тысячъ молодыхъ людей всякаго званія и сословія и взялъ съ нихъ присягу въ томъ, что они отказываются отъ отца и матери и что будутъ знать только его одного и доносить ему на измѣнниковъ. Царь надѣлилъ ихъ за такія клятвы помѣстьями и домами, отнятыми у опальныхъ бояръ, и отличилъ сверхъ того особыми наружными знаками: собачьими головами и метлами. Эти знаки отличія должны были понимать такъ, что вѣрные царскіе слуги грызутъ его лиходѣевъ и выметаютъ измѣну изъ государства. Мало того, Грозный все государство подѣлилъ на двѣ части: земство и опричнину. Послѣдняя подчинена была дворцовому правленію и пользовалась особыми правами. Сюда приписаны были, сверхъ богатыхъ и населенныхъ городовъ, ближнихъ къ Москвѣ, тѣ далекіе залѣсскіе города, которые уберегли еще гордый духъ и вѣковую вольность свободной и строптивой новгородчины. Всѣмъ этимъ непосредственно вѣдалъ самъ царь, а земщиной управляли бояре. Опричники, выметая измѣну и накидываясь на заподозрѣнныхъ, вели свое дѣло съ такимъ усердіемъ, озлобленіемъ и дерзостью, что стали всѣмъ въ тягость и возбудили къ себѣ всеобщую ненависть. Измученный народъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ злому сарказму и въ однозначущемъ нарѣчіи — въ словѣ, теперь совершенно замѣнившемъ его, — «кромѣ», «окромя»,

подыскалъ свое приватное прозвище, приличное по дѣяніямъ тѣлохранителей, и высказался браннымъ словомъ «кромѣшники». Оно оказалось кстати именно въ смыслѣ исчадій ада, особеннаго выдѣлившагося изъ видимаго міра царства сатаны,—внѣшняго мѣста — во тьмѣ кромѣшной, идѣ же есть плачъ и скрежетъ зубовъ. Грозный понялъ это ругательство по-своему, отнеся его къ боярскому и народному нелюбію опричниковъ за ихъ преданность къ нему. На самомъ дѣлѣ прозваніемъ этимъ, отнесеннымъ именно къ ратникамъ служилой опричнины, народъ сумѣлъ различать «опричнинцевъ», т. е. жителей областей, вошедшихъ въ царскую собственность, и придумалъ тогда, и до сихъ поръ сохранилъ въ памяти (теперь въ шутливомъ смыслѣ) поговорку: «просимъ къ намъ всѣмъ дворомъ опричь хоромъ», что значитъ: иди самъ угощаться и всѣхъ своихъ тащи—всѣмъ будетъ мѣсто. Въ тѣ варварскія времена, сидя на борзыхъ коняхъ съ привязанными къ сѣдламъ метлами, удалые опричники могли своевольничать, разъѣзжая по улицамъ, но не входить въ дома. Сюда прятались всѣ, кому попадались навстрѣчу эти буйныя ватаги, изъ опасенія не только имѣть съ ними какое-нибудь дѣло, но даже и встрѣчаться. Что же и дѣлать? — надо покоряться: опричь худого, ничего хорошаго не жди, — «вотъ тутъ бери, а опричнаго нашего ничего не тронь»,—тѣхъ ищите, кто лучше насъ—думали и говорили русскіе люди. Самъ царь поставилъ тоже правило отчужденія и для самихъ опричниковъ, освобожденныхъ имъ отъ суда и управы, и бралъ съ нихъ присягу въ томъ, чтобы они не дружили съ земскими людьми. И, въ свою очередь, это новое государственное учрежденіе самъ старался скрывать и прятать отъ свѣдѣнія иноземныхъ го-

сударей. Въ наказахъ гонцамъ, отправляемымъ къ польскому королю Сигизмунду, давалось ясное наставленіе: «когда у васъ спросятъ, что такое опричнина,—скажите: мы не знаемъ опричнины». Разрѣшая торговлю англичанамъ, Грозный оставался послѣдовательнымъ: онъ освободилъ иноземныхъ гостей отъ суда этихъ опричниковъ. Семь лѣтъ было грозно это званіе и страшно названіе: въ 1572 году земщина получила прежнее имя «Россіи», а опричники стали именоваться «дворовыми», и то же названіе присвоено было городамъ и волостямъ, приписаннымъ къ царскому двору.

НИ КОЛА—НИ ДВОРА.

Не смотря на то, что колъ, въ видѣ и смыслѣ короткаго шеста, съ одного края заостреннаго, очень пригоденъ къ употребленію для обрисовки крайней бѣдности («голъ какъ колъ»—такъ и пословица говоритъ), въ указанномъ нашимъ заголовкомъ крылатомъ словѣ онъ употребленъ не въ томъ общепринятомъ значеніи, а въ другомъ. На одно изъ очень оригинальныхъ и неожиданныхъ случайно натолкнулся г. Александръ Борзенко. Онъ пишетъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1877 года, № 237: «Привелось мнѣ лѣтомъ нынѣшняго года идти вверхъ по теченію небольшого ручья, впадающаго въ Волгу (въ Ярославской губерніи). Скоро очутился я среди мѣстности, поросшей высокой бурьяноватою травой и мелкимъ кустарникомъ, изрѣзанной небольшими впадинами съ болотистымъ дномъ. Вдали, на пригоркѣ чернѣлись крестьянскія избы, за ними жел-

тѣла нива, еще выше раскинулся лѣсъ, вѣнцомъ зелени охвативъ склоны холма. Съ трудомъ выбрался я къ деревнѣ, постучался въ первую попавшуюся избу, ища проводника. Вызвался крестьянинъ, по имени Иванъ Матвѣевичъ. Вышли мы на пахотное поле.

— Вотъ мои два «кóла», — сказалъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Гдѣ? спросилъ я.

Иванъ шагнулъ съ тропинки къ пашнѣ.

— Вотъ полоска—два сажня ширины—это одинъ «колъ», а вотъ другая такая же полоска—это другой «колъ». Въ деревнѣ у насъ шесть дворовъ и на каждый дворъ два кола,—продолжалъ онъ.

— Стало быть всѣ живущіе у васъ въ деревнѣ имѣютъ дворъ и колъ?

— Всѣ, кромѣ одного. Отставной солдатъ къ намъ вернулся, такъ у него нѣтъ «ни кола, ни двора», а кормится онъ сапожнымъ мастерствомъ».

Поговорка стала понятна. Колъ—это полоса пахотной земли, шириною въ двѣ сажени. «Слѣдовательно, не имѣть кола—значитъ не имѣть пашни; не имѣть двора—значитъ жить у другихъ. Итакъ, «ни кола — ни двора» употребляется въ крестьянскомъ быту для означенія человѣка, не имѣющаго недвижимаго имущества и живущаго личнымъ трудомъ, а вовсе не въ смыслѣ дурного хозяина, какъ предполагаетъ Даль». О дурномъ хозяйствѣ говорится вѣрнѣе и прямѣе: «Сокòлъ хоть на кòлъ, да голъ что мосòлъ».

ГОРОХЪ ПРИ ДОРОГѢ.

Незавидна участь людей богатыхъ, но тароватыхъ и тѣхъ смиренныхъ бѣдняковъ и бѣдовиковъ, которыхъ всякій готовъ обидѣть, подобно участи всѣмъ извѣстнаго, а русскимъ людомъ любимаго стручковаго растенія и плода (pisum), называемаго горохомъ, когда онъ посѣянъ подлѣ проѣзжей дороги. «Кто ни пройдетъ, тотъ скубнетъ (ущипнетъ)». Тогда, въ виду очевиднаго соблазна, зачѣмъ же и сѣять его на видномъ мѣстѣ (онъ и такъ оттѣняется въ полѣ своею веселою и густою зеленью); зачѣмъ и оперять его, утыкая хворостомъ? Пройдетъ мимо одинъ зоркій прохожій, нащиплетъ цѣлую китину (охапку), прижметъ лѣвой рукой подъ мышкой, правой начнетъ пощипывать и шелушить.

Для разрѣшенія вопроса приходится идти въ давнюю старину, когда разселялся православный русскій народъ по лицу родной земли своей. Съ готовымъ запасомъ, на шитыхъ плотахъ и въ долбленыхъ комягахъ, плылъ онъ по рѣкамъ, но попадалъ въ межирѣчьяхъ на волока. По такимъ надо уже было тянуться сухопутьемъ, подвергаться опасностямъ долговременнаго безлюдья, испытывать тяжелыя бѣды отъ захватовъ въ пути неожиданно нагрянувшими холодами и видѣть ежечасно впереди самую жестокую и тяжелую смерть отъ голода. Она впрочемъ и не медлила тамъ, гдѣ сами на нее шли и доброй волей напрашивались. Сколько же смертей постигло русскихъ людей на то время, когда они клали тропы по непролазнымъ сѣвернымъ лѣсамъ, торили пути по дикимъ и совершенно безлюднымъ и обширнымъ пустынямъ холодныхъ странъ, и про-

ложили такую длинную неизмѣримую дорогу, какъ та, которая увела въ Сибирь. Она помогла отъ домашняго безхлѣбья родины разселиться по тамошнимъ дѣвственнымъ мѣстамъ и на благодарной почвѣ. Конечно, по людской молвѣ, а въ иныхъ случаяхъ на крикъ бирючей по базарамъ и торжкамъ, расхваливавшихъ новыя мѣста и сулившихъ всякую на нихъ благодать, снимались охотники съ родныхъ насиженныхъ гнѣздъ семьями, артелями. Въ горячее время переселеній (въ началѣ XVII вѣка), когда достигли обратные хвалебные зазывные слухи испытавшихъ приволье вновь-открытыхъ мѣстъ, шелъ народъ толпами, одна за другой. Переднимъ рядамъ было худо, заднимъ стало лучше: всѣ приловчились, заручившись мудренымъ опытомъ и испытанною наукой. Стало такъ, какъ говорится въ пословицѣ: «передній заднему мостъ». Испытавшій бѣды на самомъ себѣ сдѣлался не только опасливымъ, но и жалостливымъ для другихъ, вольно и невольно оставляя по дорогѣ слѣды, примѣты и разнаго рода памятки для руководства.

Указателемъ пути и вожакомъ въ дорогѣ прежде всего служитъ звѣздное небо, а на немъ въ особенности та звѣзда, которая раньше всѣхъ появляется и позднѣе другихъ скрывается въ той именно сторонѣ, гдѣ лежатъ самыя холодныя мѣста. Объ нихъ же можно наводить точныя справки и на древесныхъ стволахъ, которые съ сѣверной стороны всегда обростаютъ мохомъ, кутаясь въ него, какъ въ шубу. Помогаютъ: и направленіе теченія струй въ попутной рѣченкѣ, и слѣды вѣтра, намѣченные на снѣжныхъ сугробахъ, и множество другихъ признаковъ, добытыхъ долговременнымъ опытомъ скитанья по лѣсамъ и указанныхъ, и доказанныхъ, и

передовыми пришельцами изъ русскихъ и давними насельниками тѣхъ странъ, т. е. инородцами. Выручило же главнымъ образомъ доброе христіанское чувство памятованія о заднихъ, несомнѣнно неопытныхъ и обязательно страждущихъ.

Въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ лѣсныя избушки, названныя образнымъ славянскимъ словомъ «кущней» (отъ кущи),—въ Сибири переиначенныя въ «заимки»—великія, но мало оцѣненныя пособницы при народныхъ переселеніяхъ (особенно первыя). Никому онѣ не принадлежатъ и неизвѣстно, кто и когда ихъ срубилъ, а по заплатамъ на щеляхъ видно, что ихъ чинилъ тотъ, у кого нашелся досугъ и топоръ. Изба стоитъ безъ хозяина, заброшенною въ лѣсу, значитъ она мірская: забредшаго въ нее некому выгнать; къ тому же она и не заперта. Вмѣсто оконъ въ ней щели, вмѣсто двери—лазейка; печь замѣняется каменкой; пазы прогрѣло солнышко и вытрусилъ вѣтеръ; углы обглоданы и расшатаны. Чтобы въ конецъ не обездолили лютыя бури, хижина приникла къ землѣ: на потолки (крышъ нѣтъ) накиданы каменья и густо наваленъ дернъ, даже веселая травка тамъ выросла, и завязались небольшія березки. Въ такой избушкѣ на курьихъ ножкахъ пожалуй и не выпаришься, хотя она и очень похожа на деревенскія баньки,—и тепло она держитъ кое-какое. Нехороша она видомъ и складомъ, но зато хороша обычаемъ. Про бездомнаго случайнаго человѣка въ ней всегда оставляется какой-либо припасъ—кадочка соленой трески, ведерко съ солеными сельдями, голая соль въ берестяной коробочкѣ, сѣтка съ поплавками половить свѣжей рыбы въ сосѣднемъ озеркѣ или рѣченкѣ; вмѣсто стакана—выдолбленная чурочка, и т. п. Вотъ

и низенькія лавки, гдѣ посидѣть можно, и усталому человѣку сладко выспаться. Вотъ въ углу и полочка со старенькой иконой—Богу помолиться. Отсидѣлся здѣсь нѣкто изъ переднихъ, ушелъ,—и владѣй избушкой, кому надобно. Дай, Господи, повладѣть тому, кому доведется отсиживаться отъ лютыхъ морозовъ, злыхъ вьюгъ и проливныхъ дождей. Кто отсидѣлся, тотъ поблагодарилъ тѣмъ, что оставилъ здѣсь изъ своихъ припасовъ, какіе оказались у него излишними и каковыми не жаль подѣлиться. Кому снова довелось испытать подобное,—поступай такимъ же образомъ по вѣковѣчнымъ примѣрамъ и по правилу, нигдѣ не записанному, но всѣмъ извѣстному по наслуху.

Въ Сибири эта забота объ участи отсталыхъ и заднихъ до сихъ поръ, какъ остатокъ старины, очевидно сохранилась въ полкахъ, придѣланныхъ снаружи домовъ, подъ кухоннымъ окномъ. Сюда домовитыя хозяйки ставятъ остатки изъ съѣстныхъ припасовъ для нищей братіи и для прохожаго человѣка. Въ послѣднее время этимъ воспользовались бѣглые съ каторги и мѣстъ поселенія,—и добрый обычай оказался вдвойнѣ милосерднымъ и полезнымъ: голоднымъ бродягамъ нѣтъ нужды прибѣгать къ воровству и грабительскимъ насиліямъ: поѣшь и проходи мимо. Времена измѣняютъ обычаи, изъ которыхъ многіе стали уходить въ преданіе. Между прочими и горохъ сѣютъ теперь подальше, особенно на большихъ и проѣзжихъ дорогахъ, но въ глухихъ мѣстахъ этотъ старозавѣтный пріемъ не покинутъ. Его еще можно видѣть воочью, во свидѣтельство старинной загадки (на церковныхъ богомольцевъ): «разсыпался горохъ на четырнадцать дорогъ». Тамъ еще поступаютъ даже такъ, что къ посѣянному го-

роху присѣваютъ рядомъ рѣпу, что называется сверхъ сыта. Пословица вопрошаетъ прямо: «за рѣпу кто хвалится?»—и сама же отвѣчаетъ ясно: «рѣпой да брюквой люди не хвалятся». Да и что же, въ самомъ дѣлѣ, бываетъ на свѣтѣ дешевле пареной рѣпы?

ЧУЖОЙ КОНЬ.

Понятіе объ этомъ и самое имя составилось также изъ юридическихъ обычаевъ, на этотъ разъ самыхъ древнихъ. Источникъ находимъ въ первомъ письменномъ памятникѣ русскаго законодательства, замѣчательнаго небольшимъ количествомъ статей и мягкимъ тономъ при наложеніи взысканій за преступленія. Они ограничивались по большей части денежными пенями (продажами) и вирами, опредѣляемыми взносомъ ходячей монеты—гривны. Этотъ драгоцѣнный памятникъ, извѣстный подъ именемъ «Русской Правды», составленный кіевскимъ княземъ Ярославомъ (Мудрымъ), относится къ 1016 году. Въ немъ-то и заключается буквальное объясненіе пословицы, всѣмъ извѣстной на словахъ и на дѣлѣ: «съ чужого коня среди грязи долой». Въ «Правдѣ» написано: «аще кто всядетъ на чужъ конь, не прошавъ, ино ему три гривны» (т. е. платить за конокрадство). Мимоходомъ скажемъ, что, при разборѣ юридическихъ терминовъ, требуется чрезвычайная осторожность, не всегда соблюдаемая нашими изслѣдователями. Встрѣчаются ошибки при различеніи, напримѣръ, такихъ двухъ общеупотребительныхъ до сего дня выраженій: «бить челомъ» — это значить просить о чемъ-либо, а «ударить челомъ»—поднести какой-либо подарокъ, и т. п.

СВИНЪ ГОЛОСЪ.

Говорятъ обычно: «кричать въ свинъ голосъ» (по объясненію Даля) — кричать не во-время, некстати, до поры или спустя пору, заранѣе, а особенно запоздно». Поводъ къ этому выраженію дали тѣ грязныя и глупыя домашнія животныя, которыя, въ лѣтнюю пору, гуляя безъ пастуха, бѣгутъ съ поля домой всегда поздно, когда уже подоили коровъ и загнали овецъ, нерѣдко даже ночью, съ ревомъ и хрюканьемъ. Въ отчаяніи, что замѣшкались и загулялись по разсѣянности и несмышлености и нашли ворота крѣпко запертыми, свиньи разводятъ хрюканіе до самаго утра и визжатъ, какъ зарѣзанныя. Кто помнитъ деревню, тотъ не забылъ этихъ ежедневно и въ разныхъ мѣстахъ повторяющихся сценъ отчаянія и жалобъ, гдѣ своя вина валится на чужую голову. Не соображаетъ глупая свинья того, что вотъ и ворота крѣпко заперты, и хозяева сладко спятъ,—нечего больше дѣлать, какъ ложиться спать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоишь. Къ чему же вопли и отчаяніе, когда передъ глазами примѣръ: собака-жучка свернулась кольцомъ у заваленки и спитъ себѣ молча и крѣпко? Отсюда—по настойчивости примѣненія и точности живыхъ наблюденій—имѣется въ языкѣ еще выраженіе: «въ свины полдни», т. е. тоже поздно, и при этомъ настолько поздно, какъ это могутъ дѣлать люди, совершенно лѣнивые, разсѣянные, непривычные не только цѣнить золотое время, но и соблюдать часы. Къ нимъ-то и обращается этотъ злой и насмѣшливый, но справедливый упрекъ, извѣстный, однако, не только великороссамъ, но и бѣлоруссамъ—«свинья полудня не знаетъ».

ПО́ПРОСТУ—БЕЗЪ КОКЛЮШЪ.

Сидитъ человѣкъ на лавочкѣ, весело ухмыляется, перебираетъ ногами, болтаетъ всякій вздоръ, что и понять невозможно,—это онъ «коклюши перебираетъ». Другой подошелъ, нахмурилъ брови, придалъ лицу не только серьезное, но и строгое выраженіе, старается говорить низкими нотами; временами урывками подсмѣется, не говоритъ прямо, а какъ бы прячась и крадучись, говоритъ одними намеками, что называется обинякамн—этотъ человѣкъ «коклюши плететъ». Говорилъ бы лучше все прямо и просто—«безъ коклюшъ»! А иной придумалъ хитрость, подставилъ пріятелю ногу, товарища обманулъ «коклюшку подпустилъ». Малое слово, смѣшное для уха, не всякому понятное,—и въ самомъ дѣлѣ означаетъ ничтожную, маленькую и простую вещицу: точеную палочку, утолщонную на одномъ концѣ и съ пуговкой на другомъ; подъ пуговкой на ней обязательная шейка. Это и есть коклюха или коклюшка,—названіе, обязанное своимъ корневымъ происхожденіемъ кокѣ, т. е. яйцу. Цѣлыми десятками повисли онѣ на ниткахъ —бумажныхъ, шелковыхъ и золотыхъ, ниспускаясь съ мягкой подушки, какъ въ старинныя времена на лобъ и виски русскихъ круглолицыхъ красавицъ свисали бисерныя и жемчужныя начелья. На одной подушкѣ, называемой кутузомъ, — именемъ, давшимъ, между прочимъ, прозвище родоначальникамъ героя отечественной войны,—виситъ этихъ коклюшекъ такъ много, что неприглядѣвшемуся глазу невозможно разобраться,—совсѣмъ лабиринтъ. Когда шевелитъ ими мастерица и издаютъ онѣ тупой деревянный звукъ, щелкая другъ о друга,—въ глазахъ уже положительно рябитъ. Перебрасываетъ она тѣми, которыя висятъ

подъ носомъ; затѣмъ быстро перекидываетъ руку на другую, на третью сторону кутуза, откуда коклюшки подбрасываетъ къ себѣ, и опять кидаетъ ихъ въ бокъ или снова назадъ. Понять невозможно здѣсь ни системы, ни плана и даже нельзя повѣрить наглазно, что выйдетъ отъ этой суетни рукъ. Тамъ на кутузѣ лежитъ невидимый сколотый узоръ и мастерица слѣдуетъ ему слѣпо и послушно, а зато и суетня рукъ, и порча глазъ: выходитъ у ней кружево, годное и на воротникъ, и на чепчикъ. Это—очень хитрое и мудреное дѣло, а въ умѣлыхъ и привычныхъ рукахъ доводимое до изумительной виртуозности. Во всякомъ случаѣ работы нашихъ кружевницъ замѣчательны отчетливостью, и беззастѣнчивыми продавцами выдаются (не безъ основанія) за иностранныя. Самыя лучшія кружева плетутся во Мценскѣ (Орловской губерніи) тамошними мѣщанскими дѣвицами; похуже въ слободѣ Кукаркѣ (Вятской губерніи), но болѣе извѣстны и распространены кружева балахнинскія (изъ города Балахны, Нижегородской губерніи). Такъ и говорится: «кутузъ да коклюшки—балахнинскія игрушки», а также «балахонскія мастерицы плести мастерицы» столько же (по двоякому смыслу присловья) кружева, какъ и сплетни. Къ послѣднимъ особенно располагаетъ совмѣстная работа: чистая, тихая, молчаливая и очень скучная. Она опасна для глазъ и плохо вознаграждается. Всѣ мастерицы, съ причисленіемъ сюда вологодскихъ городскихъ и подгородныхъ, находятся въ рукахъ плутоватыхъ и бойкихъ скупщицъ. Эти даютъ достаточно благопріятный поводъ, чтобы перемыть ихъ косточки и на ихъ счетъ, и на очистку совѣсти, позлословить. При такихъ занятіяхъ и самая работа хорошо спорится.

ПО-РУССКИ.

Объяснить это слово съ полнѣйшею ясностію и надлежащею точностію очень трудно и почти невозможно. Разобрать по частямъ — немудрено и каждой дать толкованіе позволительно, но слишкомъ вдаваться и въ частныя объясненія будетъ весьма утомительно. Жить и поступать, говорить и думать, одѣваться и даже обуваться, причесываться и наряжаться, пѣть и плясать, бранить и бороться и т. д. обязательно дѣлать русскому человѣку посвоему, и совсѣмъ не такъ, какъ принято другими народами чужихъ земель. Но и въ своей землѣ не все изъ упомянутаго дѣлается такъ на Волгѣ, какъ на Волховѣ, хотя тоже по-русски, въ томъ, и другомъ, и десятомъ случаѣ. А по-московски, напримѣръ, совсѣмъ уже не такъ, какъ по-петербургскому. На это можно собрать цѣлую кучу доказательствъ, а чтобы не легла она тяжелымъ камнемъ, коснусь здѣсь слегка и возьму на этотъ разъ лишь подходящее.

Не смотря на строгую заповѣдь, не легко человѣку познать самого себя, т. е. изучить нравъ и сердце, а, спознавши кое-что изъ прирожденнаго и пріобрѣтеннаго, еще труднѣе сознаться въ недостаткахъ. Не только изъ людей, но изъ цѣлыхъ народовъ не видимъ мы откровенныхъ, знаемъ больше замкнутыхъ въ себѣ или гордыхъ, или хвастливыхъ собою. Тѣмъ не менѣе народъ нашъ пытался сдѣлать надъ собою повѣрку и, по привычной откровенности и прямотѣ характера, покаялся въ коекакихъ случайныхъ пословицахъ. Ихъ, конечно, немного, какъ и быть должно. Самъ въ своемъ

дѣлѣ никто не судья, пусть лаетъ собака чужая, а не своя. По такой причинѣ за справками къ сосѣдямъ мы не пойдемъ (мало ли чтò люди болтаютъ: всѣхъ не переслушаешь), но, ограничившись сдѣланными попытками домашней оцѣнки, изъ этого живого источника возьмемъ наудачу болѣе ходячія выраженія.

РУССКІЯ СВАИ.

Ихъ три, и кто ихъ не знаетъ, и кто ими не тычетъ, вопреки буквальному евангельскому изреченію о бревнахъ, прямо въ глаза, да и такъ часто, что пора бы и перестать? Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, наше «авось» не съ дуба сорвалось. Въ странѣ, гдѣ могучія силы природы свыше мѣры вліятельны и властительны, и въ тысячелѣтней борьбѣ съ ними мы еще далеко не смирили лѣса, не обсушили почву, не смягчили климатъ (какъ удалось это сдѣлать, напримѣръ, въ тацитовской Германіи). Поневолѣ приходится на-авось и хлѣбъ сѣять. По зависимости отъ этого; на многія ли другія дѣла можно ходить спокойно, съ вѣрнымъ разсчетомъ на удачный исходъ и несомнѣнный успѣхъ? Гдѣ нельзя бить навѣрняка, а работать все-таки надо, тамъ поневолѣ приходится поступать очертя голову и закрывши глаза. Кто горькимъ опытомъ жизни безпрестанно убѣждался въ томъ, что заказной трудъ его непремѣнно худо оплатится, а изъ десяти въ девятое рабочій совсѣмъ не получитъ разсчета, тотъ «обязательно исполнитъ заказъ «какъ-нибудь», какъ тверскіе кимряки, которые шьютъ сапоги, пригодные лишь отъ субботы до субботы (ихъ еженедѣльнаго

базарнаго дня). И въ личныхъ интересахъ онъ поступитъ также точно, съ прямымъ убѣжденіемъ, что на его вѣкъ хватитъ. Работу, гдѣ не вознаграждается трудъ, а иногда еще требуютъ сдачи, т. е. производятъ вычеты и штрафы, онъ сдѣлаетъ небрежно, чтобы поскорѣе подыскать другую и на ней наверстать испытанныя и разсчитанныя потери. Если со стороны скупщика и заказчика—стремленіе до-нельзя понизить цѣну, иногда прямыя злоупотребленія, то со стороны кустаря-мастера—тоже желаніе сбыть товаръ похуже. Въ погонѣ за каждой копѣйкой, которыхъ выручается такъ мало, о тщательной работѣ немного заботятся. Здѣсь, при крайней дешевизнѣ издѣлій, «авосемъ» служитъ огромный навыкъ въ работѣ, а «небосемъ»—экономическая теорія раздѣленія труда. Съ голоду да съ холоду приходится и на незнакомый, и на непривычный трудъ ходить по вѣрѣ, что смѣлыми владѣетъ Богъ, а смѣлостью берутъ города. Одному любителю въ Калужской губерніи удалось развести канареекъ, а теперь тамъ цѣлые заводы и при нихъ новое производство—клѣточное. Приходится набрасываться на работу съ отчаяннымъ крикомъ: «Не-бось», т. е. чего боятся,—выступай смѣлѣй, не трусь!—Принимайся, благословясь: что нибудь да выйдетъ.

Не для-чего, стало быть, удивляться, если такія обычныя выраженія обратились въ пословицы и поговорки:

— Небось, дождь будетъ?—А ты, небось, этому радъ.

Можетъ быть и всѣ эти три сваи, на которыхъ стоитъ русскій человѣкъ, оттого глубоко вбиваются въ землю, что самая русская почва мягкая, свѣжая, дѣвственная и, стало быть, податливая.

Тамъ пускай себѣ авоська вьетъ веревки, а небоська петлю закидываетъ. Пускай досужіе люди въ городахъ, въ теплыхъ и свѣтлыхъ покояхъ, при обезпеченной жизни умозаключаютъ о томъ, что эти три сваи суть живыя силы, дѣйствующія будто бы даже какъ самостоятельныя существа. Пускай охотливые люди, стоя въ беззаботной сторонкѣ и съ безопаснаго края, строятъ на этомъ явленіи свои отчаянныя теоріи,—съ нихъ за это податей не берутъ, а еще самимъ за такой трудъ платятъ деньги. Обвиняемымъ самимъ видно яснѣе другихъ, что эти три родные «набитые» братья всегда вмѣстѣ, всегда другъ другу помогаютъ и живутъ въ вѣковѣчныхъ и близкихъ сосѣдяхъ,—никакъ съ ними не развязаться и не раздѣлаться: помогайте, пожалуйста, вы, умные люди! Самимъ никакъ не сладить, когда русаку и возростать приходится на авось, а придя въ полный возрастъ и принявшись за свой умъ, ежедневно видѣть и убѣждаться, что «авосевы города всегда стоятъ негорожены, авоськины дѣти бываютъ не рожены» и «авось да небось къ добру не доводятъ». Идите на подмогу съ наукой и искусствами, а не съ напраснымъ обвиненіемъ и насмѣшками. Самъ народъ давно сказалъ, что «немудрено жить издѣваючись, мудрено жить измогаючись». Привычно винятъ больше и чаще всего въ наглядномъ и доказанномъ несчастіи и, пожалуй, порокѣ русскаго человѣка его задній умъ.

ЗАДНІЙ УМЪ

по объясненію довольно извѣстной пословицы — это то, что у нѣмца напереди, разумъ, какъ высшая познавательная способность, помогающая изобрѣтать и приводить въ исполненіе, развитая наукой нравственная сила, довольно очевидная въ мастерствахъ и художествахъ. Конечно, за нѣмца въ народномъ представленіи сходитъ тутъ всякій иноземецъ безъ разбора: механикъ-англичанинъ, французъ-парикмахеръ, итальянецъ съ шарманкой и обезьяной и настоящіе германцы: «штуки-шпеки — нѣмецки человѣки», отсюда поголовно исключаются всѣ азіаты. Но укрѣпилось убѣжденіе, что «у нѣмца на все струментъ есть и онъ безъ штуки и съ лавки не свалится», конечно, безъ разсужденія о томъ, что иноземный мастеръ приладился производить одну только извѣстную работу, которую, не скучая и съ постоянствомъ, исполняетъ цѣлую жизнь, оттого въ ней силенъ и отчетливъ. Русскому за скудостью спеціальныхъ знаній, за неразвитіемъ экономической теоріи раздѣленія труда, когда одному рабочему всю жизнь приходится вытачивать одни только часовыя зубчатыя колесики, а другому пружины, — русскому велѣла судьба поспѣвать всюду, на всякую работу, о которой до того онъ и не помышлялъ. Особенно доставалось круто въ походной жизни солдату и офицерскому денщику, которымъ доводиться подвергаться ежедневнымъ экзаменамъ по всѣмъ видамъ нѣмецкихъ ремесленныхъ цеховъ. При такихъ условіяхъ нечего удивляться тому, что развивалась низшая познавательная душевная способность: догадливость или находчивость, — то, что

привычно называется смёткой. И впрямъ выходитъ такъ, какъ образно подсказываетъ поговорка, основательно убѣждающая въ томъ, что до чего доходитъ нѣмецъ разумомъ, до того русскій вынужденъ доходить глазами: первый изобрѣтаетъ, второй перенимаетъ. Зато уже эта переимчивость, отъ долгаго и частаго употребленія, въ свою очередь доведена до изумительныхъ и поражающихъ размѣровъ. Она же, въ ожиданіи чужихъ образцовъ и готовыхъ примѣровъ, и облѣнила. Выродился тотъ заднiй умъ, въ которомъ откровенно сознаются и говорятъ, что если бы онъ, какъ у нѣмца, сталъ у русака напереди, то съ нимъ бы тогда и не сладить. Безъ того только однѣ крупныя утраты. Заднiй умъ всегда разсчитываетъ на память и въ ея запасахъ и пріобрѣтеніяхъ ищетъ уроковъ и руководства. При видѣ успѣховъ новыхъ изобрѣтеній, онъ труслив и недовѣрчивъ, становится въ тупикъ и, придя въ себя, начинаетъ разбираться въ то время, когда требуется немедленный отвѣтъ. Дѣло не ждетъ, а задній умъ все медлилъ, копался, осматривался — и упустилъ время. Не воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ, онъ многое потерялъ. Этотъ-то роковой случай и засчитывается въ упрекъ, и задній умъ подвергся насмѣшкѣ, когда, по усвоенной привычкѣ, въ виду неудачи и осязательныхъ потерь, остается хозяину его развести руками, приклонить голову и всю пятерню запустить въ волоса и почесать ею затылокъ. Сюда именно и помѣстило воображеніе наблюдателей этотъ задній умъ, и за дурную привычку, усваиваемую съ дѣтства, нарекли ему такое характерное и остроумное имя.

В. И. Даль на эту же тему записалъ слѣдующій народный анекдотъ: «Голодный татаринъ легъ спать

и видѣлъ во снѣ кисель съ сытой. Проснувшись тотчасъ, онъ ощупался кругомъ—ложки нѣтъ. Почесавъ бритый затылокъ, онъ всталъ потихоньку, нащупалъ впотьмахъ ложку въ поставцѣ, положилъ ее за пазуху и легъ опять спать — да уже киселя не видѣлъ. «Бѣда нашему брату,—сказалъ онъ на другой день,—кисель есть, такъ ложки нѣтъ; ложка есть, такъ киселя нѣтъ». Къ этому случаю и говорится пословица: «Кабы у цыгана тотъ умъ напереди, что у мужика назади—то-то-бъ богато жилъ».

Прожитымъ опытомъ, какъ оставленнымъ богатымъ наслѣдствомъ, дѣйствительно, обезпеченъ русскій человѣкъ. Хотя онъ и утѣшается, и оправдывается тѣмъ, что «заднее (т. е. прошлое) — божье», но говорятъ сторонніе люди, болѣе наблюдательные и знающіе: «бей русскаго — часы сдѣлаетъ»: пора отставать отъ старыхъ замашекъ замыкаться въ правилахъ изжившей свой вѣкъ прадѣдовской науки и браться за умъ. «Мужикъ хоть и сѣръ, да умъ его не чортъ съѣлъ». Онъ только медленно работаетъ, потому что мало упражнялся въ отвлеченіяхъ, а подъ лежачій камень вода не течетъ. На что мы мастера и большіе искусники, это — ругаться и драться.

РУГАТЬСЯ И ДРАТЬСЯ.

Не въ исключительный упрекъ нашимъ газетамъ и загульнымъ вечеринкамъ, въ полную откровенность слѣдуетъ признавать эту дурную привычку за наше родовое и племенное свойство. Привычка эта доведена до сквернословія, въ искорененіи котораго безсильны всякія мѣры, включительно до попытокъ современнаго благотворительнаго общества

распространенія духовно-нравственныхъ книгъ и брошюръ. Сотнями тысячъ разносится, раздается даромъ, расклеивается и десятками тысячъ покупается за семитку печатное на листѣ и за трешникъ въ видѣ брошюры не говоренное Златоустомъ поученіе, а русскій человѣкъ, тѣмъ не менѣе, что разъ выговорилъ, на томъ и уперся. Онъ говоритъ: не выругавшись,—и дѣла не сдѣлаешь; не обругавшись, и замка въ клѣти не отопрешь. Въ первомъ случаѣ не жаль бранныхъ словъ для другихъ, во второмъ—нѣтъ пощады и самому себѣ. Въ обоихъ же, какъ и во всѣхъ прочихъ, на брань олово очень легко, дешево покупается! Въ виду опасностей, при горячкѣ въ спѣшныхъ работахъ, лучше затыкать уши тѣмъ, у кого они нѣжно устроены. Иноземный морякъ въ бѣдовое время плаванія становится смиреннымъ, молчаливымъ и сумрачнымъ, какъ тѣ самыя темныя тучи, которыя знаменуютъ опасность,—въ нашемъ старинномъ флотѣ на то же время нарождались такіе въ ругательствахъ искусники, что слѣдуетъ зачесть имъ это мастерство въ богатырство.

Вездѣ чуется накипѣвшее на сердцѣ недовольство, которое обуздано какъ будто лишь одними случайными обстоятельствами, но выжидаетъ однако повода и пользуется имъ для срыванія съ сердца. Затѣмъ опять терпѣніе въ молчаніи, мотанье на усъ, видимое равнодушіе и обманчивое безучастіе къ совершающимся событіямъ, то меланхолическое «себѣ на умѣ», которое также обращаютъ въ упрекъ и осужденіе. Его все-таки побаиваются очень серьезно и основательно и уважаютъ въ то же время, зная, что это историческій продуктъ и законный способъ дѣйствій. «Себѣ на умѣ» учится у рѣшительныхъ и умѣлыхъ, выслушиваетъ опытныхъ

и откровенныхъ, выжидаетъ своего времени, держитъ ухо востро, и, выходя на дѣло, рѣдко уже ошибается. Въ значеніи самозащиты и образа дѣйствій въ жизни, это — одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ русскаго народнаго характера.

Въ старину (какъ свидѣтельствуютъ о томъ народныя былины) соберутся, бывало, могучіе богатыри къ ласковому князю за почетный столъ. Разсказываютъ о своихъ удалыхъ подвигахъ, высчитываютъ, сколько побили злыхъ поганыхъ татаръ, сколько душъ христіанскихъ изъ полону вывели, испиваютъ чары зелена-вина, истово ведутъ рѣчи по ученому, чинно чествуютъ гостепріимство, величаютъ хлѣбосольство, пируютъ — прохлажаются. И сидѣть бы такъ до полуночи, и до бѣла свѣта. Да одинъ черезъ край выхвастался, не по-русски и не богатырскимъ обычаемъ повыступилъ,—какъ стерпѣть:

У насъ, на Руси, прежде всякаго дѣла не хвастаютъ,
Когда дѣло сдѣлаютъ, тогда и хвастаютъ.

Хвастуны—не въ нашихъ нравахъ среди смиреннаго житья и молчаливыхъ подвиговъ. Таково у насъ вѣковѣчное правило: собой не хвастай, дай напередъ похвалить себя людямъ. Разрѣшается хвастать только при сватаньяхъ, а смиренье — всегда душѣ спасенье, Богу угожденье, уму просвѣщенье. Этою добродѣтелью русскій человѣкъ многое выслужилъ и еще больше того получилъ, на свой пай, въ наслѣдіе и про обиходъ.

Не спускали богатыри вины виноватому, попрекали его насмѣшками, наказывали ругательствами, не смотрѣли на то, что княгиня Апраксѣевна сама на пиру сидитъ. При этомъ не разбирали и старыхъ заслугъ, и великихъ богатырскихъ подвиговъ.

На что были славны богатыри Алеша Поповичъ и Чурила Пленковичъ, а ни тому, ни другому, ни третьему не было ни прощенья, ни снисхожденья.
Говорили Алешѣ Поповичу:

— Ты хвастунишка, поповскій сынъ!
А живи во Кіевѣ со бабами,
А не ѣзди съ нами по чисту полю!

Упрекали Хотену Блудовича:

— Отца-то у тя звали блудищемъ,
А тебя теперь называемъ уродищемъ.

Даже Настасья Романовна не утерпѣла, при женской скромности и смиреніи, чтобы не выбранить и братца родимаго, почтеннаго старца Никиту Романовича:

— Ай же ты, старая собака, сѣдатый песъ!

И даже богатырскому коню—безотвѣтному существу—нѣтъ прощенія. Ѣдетъ Добрыня на подвиги, а конь спотыкается не у мѣста и не во̀-время. Добрыня ругается:

— Ахъ ты, волчья снѣдь! Ты, медвѣжья шерсть!

Чужихъ, пришлыхъ хвастуновъ старые богатыри не только обрывали и обругивали, но и жестоко наказывали. Попробовалъ-было татарскій богатырь на пиру поневѣжничать: ѣсть по-звѣриному, пить по-лошадиному и притомъ еще похваляться и хвастаться, что у него косая сажень въ плечахъ [1]). На

[1]) Впрочемъ, эта гипербола слишкомъ сильна, особенно для людскихъ плечъ, и въ живой рѣчи ею злоупотребляютъ неосновательно: косую сажень изстари принято считать отъ большого пальца вытянутой лѣвой ноги по діагонали человѣческаго тѣла до конца указательнаго пальца правой руки (или наоборотъ): тутъ около трехъ аршинъ. Болѣе близкою къ правдѣ отчасти окажется маховая сажень раскинутыхъ крестомъ рукъ

него за то напустили не какого нибудь храбраго богатыря, а мужиченку плохонькаго, ростомъ маленькаго, горбатенькаго, худенькаго, хромоногонькаго, въ полное посмѣяніе и надругательство. Однако, тотъ татарина изъ тѣла вышибъ, по двору нагимъ пустилѣ. Бились они и боролись всякій своимъ способомъ (какая же ругань безъ драки?). А русская борьба отличается:

На ножку перепадаетъ,
Изъ-подъ ручки выглядаетъ.
Бьетъ правой рукой во бѣлую грудь,
А лѣвой ногой пинаетъ позади.

Русская борьба—на два манера, по условію и по обычаямъ: въ обхватъ руками крестъ на крестъ,—лѣвой рукой черезъ плечо, правой подъ мышки или подъ силки, а затѣмъ, какъ усноровятся: либо подламываютъ подъ себя, либо швыряютъ на сторону и кладутъ на бокъ и на спину черезъ ногу. По другому пріему, съ носка, въ-прихватку, берутъ другъ друга одной рукой за воротъ, а другой не хватать. Лежачаго не бьютъ,—лежачій въ драку не ходитъ; мазку (у кого кровь показалась) также не бьютъ; рукавички долой съ рукъ. Въ сцѣплянкѣ, т. е. въ одиночной схваткѣ, бой бываетъ самый жестокій, потому что ведется въ разсыпную, а не стѣна на стѣну, гдѣ не выходили изъ рядовъ. Въ единоборствѣ иногда просто пытаютъ силу: «тянутся», садясь на земь и упершись подошвами ногъ, хватаются руками за поперечную палку и тянутъ другъ друга на себя. Иногда палку смѣняютъ крючкомъ указа-

---

отъ средняго пальца правой до таковаго же лѣвой: тутъ $2^1/_2$ аршина. Да вѣдь и притомъ, каковъ самъ измѣритель ростомъ.

тельнаго пальца. Татарская и вообще степная борьба ведется также по-своему: татары хватаются за кушаки и лѣвыми плечами упираются другъ о друга; перехватывать руками и подставлять носки не разрѣшается. Другой способъ (у калмыковъ) совсѣмъ дикій: сходятся въ однихъ портахъ безъ рубашекъ, кружатся, словно пѣтухи, другъ около друга; затѣмъ, какъ ни попало, вцѣпляются и ломаютъ одинъ другого, совсѣмъ по-звѣриному, даже какъ будто бы и по-медвѣжьи.

Иной и крѣпокъ, собака, не ломится,
А и жиловатъ татаринъ,—не изорвется.

Съ дикими ордами старинные русскіе люди иначе и не начинали, какъ единоборствами, и не кончали споровъ безъ дракъ въ рукопашную, стѣна на стѣну, когда еще не знали огненнаго боя, а вѣдались только лучнымъ боемъ (стрѣлами изъ луковъ). Также стѣна на стѣну, на общую свалку хаживали предки наши, когда не устанавливалось ладовъ и мира между своими, какъ бывало у новгородцевъ съ суздальцами, у южной Руси съ сѣверною, у черниговцевъ съ суздальцами, у новгородцевъ съ чудью и нѣмцами, какъ теперь бываетъ на кулачныхъ бояхъ. И нынѣшніе бои, какъ наслѣдіе старины, представляютъ разсчеты по поводу накопившихся недоразумѣній и неудовольствій двухъ противныхъ лагерей. Они и бываютъ трудно искоренимыми исключительно въ старинныхъ городахъ, гдѣ борются два направленія: жители, напримѣръ, одной стороны рѣки, раздѣляющей городъ,—мелкіе торговцы или пахари, живущіе же по другую сторону—фабричные. Или правая вьетъ канаты, а лѣвая торгуетъ хлѣбомъ и фабрикуетъ сукна, холстъ;

въ Казани одна стѣна—суконщики, другая—мыловары, и т. п.

Если не удавалось въ старину отсидѣться за деревянными стѣнами въ городкахъ и надо было выходить въ чистое поле, выбирали для этого рѣку и становились ратями другъ противъ друга. Суздальцы противъ черниговцевъ стояли, въ 1181 году, на р. Вленѣ такимъ образомъ двѣ недѣли, смотря другъ на друга съ противоположныхъ береговъ, и переругивались. Припоминали старыя неправды и притѣсненія, укоряли взаимно другъ друга племенными отличіями, обращая ихъ въ насмѣшку и раззадоривая. Доставалось и самимъ князьямъ—предводителямъ. Южане обругали новгородцевъ «плотниками» и, похваляясь аристократическимъ своимъ промысломъ—земледѣліемъ, выхвастывались силою, боевымъ искусствомъ и богатствомъ своимъ: «заставимъ-де мы васъ себѣ дома строить», а по пути обозвали и новгородскаго князя «хромцемъ». Не оставались въ долгу и эти. Собираясь на брань, они послали сказать врагамъ, также попутно посмѣявшись надъ ихъ княземъ: «да то-ти прободемъ трескою (жердью) чрево твое толстое», и т. п. Точно также и подъ Любечемъ долго стояли новгородцы противу кіевлянъ и не рѣшались переправиться черезъ р. Днѣпръ, пока первые не выведены были изъ терпѣнія обидами и грубыми насмѣшками. Кіевскій князь Ярославъ точно также въ ссорѣ съ тмутараканскимъ Игоремъ счелъ необходимымъ бросить въ него бранное и оскорбительное слово: «молчи ты, сверчокъ!» Начали биться. Битва кончилась побѣдою Игоря, а народъ сталъ съ той поры, въ посрамленіе бранчиваго, подсмѣваться надъ нимъ: «сверчокъ тму таракань побѣдилъ».

Такъ поступилъ и Мстиславъ тмутараканскій, сынъ

св. Владиміра, еще въ 1022 г., согласившись побороться съ Редедей, косожскимъ княземъ, по свидѣтельству «Слова о полку Игоревѣ». — «Для чего губишь дружину? говорилъ Редедя: — лучше сами сойдемся бороться, будемъ биться не оружіемъ, а борьбою». Боролись крѣпко, боролись долго. Мстиславъ сталъ изнемогать: Редедя былъ великъ ростомъ и силенъ. Взмолился «храбрый» Мстиславъ къ Пречистой Богородицѣ, обѣщая построить во имя ея церковь, — собралъ всѣ свои силы и ударилъ врага объ землю. Потомъ вынулъ свой ножъ и «зарѣза Редедю предъ полкы косожскими».

Съ тѣхъ дальнихъ первобытныхъ временъ перекоры и всякаго рода переругиванья, въ дешевой формѣ вызова и задоровъ, или собственно «брань» стали употребляться, подобно слову «битва» въ переносномъ значеніи, для замѣны словъ «война» и «сраженіе». На самомъ дѣлѣ существовалъ издревле особый порядокъ. За бранью слѣдовала или «свалка» въ рукопашную, или «сшибка» на кулачки, или даже прямо потасовка, какъ схватка за «святыя волоса», и въ этомъ удобномъ видѣ поволочка, лежа на землѣ или стоя на ногахъ изъ стороны въ сторону, съ боку на бокъ, пока кто либо не ослабнетъ первымъ. Брань одна или окончательно рѣшала споръ, или разжигала страсти другихъ враждующихъ до драки, когда они вступали въ дѣло, принимая участіе и сражаясь всѣмъ множествомъ. Частныя и отдѣльныя схватки переходили во всеобщую свалку, «завязывалось сраженіе», т. е. сильное пораженіе на-смерть ударами или оружіемъ. Таковое несомнѣнно должно, съ разгаромъ страстей и общимъ одушевленіемъ до самозабвенія, перейти въ подлинный «бой». Побоище дѣлается повсюднымъ, раздражаю-

щимъ звѣрскіе инстинкты при видѣ пролитой крови и увѣчій. Въ концѣ концовъ настоящая «битва» объемлетъ все поле сраженія. Здѣсь уже принимаютъ участіе не только отдѣльные полки и отряды, но цѣлыя арміи, полчища[1]) со всѣми современными пріемами баталій включительно до батальнаго огня, т. е. такого, когда ружейная и пушечная пальба производятся безъ команды, безпрерывно, пока не прогремитъ барабанный отбой, либо не разстрѣляются изъ сумокъ всѣ запасные патроны. А засимъ — и неизбѣжныя послѣдствія, т. е. либо побѣда Петра Великаго на Полтавскомъ полѣ и «побой» Карла XII, которыя вспоминаются до сихъ поръ церковнымъ праздествомъ — благодарственнымъ молебномъ со звономъ — 27-го іюня, въ день Сампсона Страннопріимца; точно также — либо «Бородинское побоище», не указавшее съ точностію перевѣса силъ сразившихся русскихъ съ французами на этомъ полѣ въ Можайскомъ уѣздѣ Московской губерніи; либо «Мамаево побоище», которое ввергло всю Русь въ продолжительное рабство и оскорбительную зависимость отъ дикихъ ордъ. Надо было пройти долгому времени, чтобы послѣднее великое несчастіе народа могло благодушно превратиться въ насмѣшливое выраженіе и шуточный укоръ. Онъ обращаются въ такомъ видѣ къ тѣмъ людямъ, которые безпутно ведутъ въ домѣ хозяйство и, производя ненужные перевороты, достигаютъ страшной неурядицы и даже полнаго имущественнаго разгрома со ссорами, дра-

[1]) Съ переносомъ ударенія это слово получаетъ двоякое значеніе: полчище значитъ большой полкъ, имѣющій число людей свыше опредѣленнаго количества, и пóлчище—сильная рать, могучая сила—армія.

ками и слѣдами боевыхъ знаковъ въ видѣ синяковъ, желваковъ, колотыхъ ранъ съ разсѣчкой и ушибныхъ подкожныхъ и легкихъ царапинъ ногтями, и т. п. Гдѣ вамъ съ нами «биться-ратиться, мужики вы лапотники, деревенщина-засельщина, воры-собаки, голь кабацкая!» А тѣмъ временемъ по полямъ ходитъ вѣтеръ, все подметаетъ и разноситъ: брань на вороту не виснетъ и въ боку не болитъ, а бранятъ—не въ мѣшокъ валятъ. Пьяный мужикъ и за рѣкой бранится, да ради него не утопиться; не кидаться же, въ самомъ дѣлѣ, въ воду отъ лихого озорничества: собака и на свой хвостъ брехаетъ.

Бывало такъ, что враждующіе сосѣди досыта наругаются, отведутъ душу, да на томъ и покончатъ и разойдутся: такъ нерѣдко случалось у новгородцевъ съ суздальцами. Затѣвать долгіе и большіе бои было невыгодно: одни безъ другихъ жить не могли, потому что жили частыми обмѣнами, вели живую торговлю. У новгородцевъ водились товары на всякую руку, вывезенные даже изъ-за моря, у суздальцевъ на зяблую и мокрую новгородскую страну заготовлялся хлѣбъ-батюшко. Закичатся новгородцы,—суздальцы захватятъ ихъ торговый городъ и складочное мѣсто Торжокъ—и запросятъ купцы у пахарей мира по старинѣ, съ крестнымъ цѣлованіемъ. Тогда обходилось дѣло и безъ драки, безъ рукопашныхъ схватокъ, безъ лучного боя. Заломается суздальская земля,—новгородцы наймутъ рати, накупятъ оружія, вызовутъ недруговъ съ очей на очи, поругаются—отведутъ душу. Да надо же и подраться—«сердце повытрясти». Ругательствами подбодрились, охочихъ витязей на борьбу выпустили—еще больше разожгли сердца. Когда попятили богатырей на стѣну, дрогнула вся стѣна какъ

одинъ человѣкъ и закричала свой «ясакъ»—обычное завѣтное слово (новгородское «за св. Софію», псковское «за Троицу» и т. п.), и пошла стѣна на стѣну. Произошелъ бой «съемный»: войска сошлись вплоть и сразились въ «рукопашную». Всякій здѣсь борется не силой, а сноровкой и ловкостью: схватясь съ противникомъ, старается свалить его на-земь и побоями кулаками и ударами дубиной или холоднымъ оружіемъ довести его до того, чтобы онъ уже не вставалъ на ноги.

И не слышно было въ бухтаньи да охканья!
И взялъ онъ шалыгой поколачивать,
Зачалъ татаринъ поворачиваться,
Съ боку на бокъ перевертываться
Прибилъ онъ всю силушку поганую, —
Не оставилъ силушку невѣрную на сѣмена.

Въ Липецкой битвѣ, на берегахъ ручья Липицы, новгородцы не согласились биться съ суздальцами на коняхъ. Они спѣшились и разгорячились до того, что сбросили съ себя порты (шубы, рубахи) и сапоги; стали сражаться на-легкѣ, вразсыпную. Суздальцы побѣжали. Вопль и стоны изломанныхъ, избитыхъ и раненыхъ слышны были за нѣсколько верстъ. Въ другой разъ, когда Александръ Невскій наказывалъ нѣмцевъ за дерзкую выходку, тоже за похвальбу «покорить себѣ славянскій народъ», новгородцы смяли ихъ съ берега на ледъ, жестоко бились на немъ въ рукопашную, поразили враговъ на-голову и потомъ гнали ихъ по льду на разстояніи семи верстъ. Когда тотъ же Александръ Невскій бился со шведами на берегахъ Невы, витязи его такъ разгорячились въ битвѣ, что совершили богатырскіе подвиги. Одинъ новгородецъ, преслѣдуя непріятелей, спасавшихся на корабль, вскочилъ на

доску, былъ сброшенъ съ нея въ воду вмѣстѣ съ конемъ; но вышелъ изъ воды невредимъ и снова ринулся въ битву. Другой пробился къ златоверхому шатру шведскаго предводителя и подрубилъ его столбъ: шатеръ рухнулъ; это обрадовало русскихъ и навело уныніе на враговъ.

Изъ взаимныхъ бранныхъ перекоровъ, разжигавшихъ на битву или собственно бой (оттого они часто въ старину назывались «бранью»: «броня на брань, ендова на миръ»), остались многочисленные слѣды въ такъ называемыхъ присловьяхъ, гдѣ одна мѣстность подсмѣивается надъ недостатками или пороками другой. Иныя изъ этихъ насмѣшливыхъ прозвищъ до того мѣтки и злы, что немедленно вызываютъ на ссору и драку современныхъ невинныхъ потомковъ за грѣхи или недостатки виновныхъ предковъ.

Впрочемъ, собственно браниться, т. е. въ ссорѣ перекоряться бранными словами, по народнымъ понятіямъ, не такъ худо и зазорно, какъ ругаться, т. е. безчестить на словахъ, подвергать полному поруганію, смѣяться надъ беззащитнымъ, попирать его ногами. Съ умнымъ браниться даже хорошо, потому что въ перекорахъ съ нимъ ума набираешься (а съ дуракомъ и мириться, такъ свой растеряешь). За то кто ругается, подъ тѣмъ конь спотыкается.

Хотя лучше всякой брани «Никола съ нами!» — тѣмъ не менѣе забалованная привычка часто и говорить и дѣлать съ сердцовъ и даже не сердясь ругаться и безъ всякихъ поводовъ браниться, — привычка, какъ видимъ, вѣковѣчная, досталась намъ отъ предковъ и укрѣпилась такъ, что теперь съ нею никакъ уже и не развязаться. Еще въ глубокую старину народъ убѣдился въ томъ, что брань

на вороту не виснетъ, и это укрѣпилъ въ своемъ убѣжденіи такъ твердо, что уже и не сбивается. Въ позднѣйшія времена онъ еще больше утвердился на томъ, когда, по указу государеву (Екатерины II), и заглазная брань отнесена къ тому же разряду. Сказано, что она виснетъ на вороту того человѣка, который ее произнесъ. Затѣмъ извѣстно, что не помутясь море не уставится, безъ шуму и брага не закисаетъ, стало быть безъ брани, когда далеко еще не все у насъ уряжено, скроено и сшито, и приходится все перекраивать, а сшитое распарывать, безъ брани—не житье: какъ ни колотись, сколько ни мучайся. Соблюдай лишь при этомъ одно святое, незыблемое правило: «языкомъ и щелкай и шипи, а руку за пазухой держи», хотя, однако, одною бранью и не будешь правъ.

ГОВОРИТЬ.

По-русски говорить—это не одно только умѣнье изъясняться на своемъ родномъ языкѣ, что не очень легко на такомъ богатомъ и поэтому очень трудномъ. Обыкновенно удивляются, откровенно сѣтуютъ и наивно высказываютъ жалобы наши матросы, напримѣръ, когда, во время плаваній, при обращеніяхъ съ туземцами, требованій ихъ тѣ не понимаютъ и желаній не исполняютъ:

— А вѣдь я ему русскимъ языкомъ говорилъ!

Не смотря на глубочайшій комизмъ подобныхъ жалобъ и, повидимому, необычайное простодушіе темныхъ людей, здѣсь въ сущности заключается нѣчто болѣе серьезное, оправдывающее призрачную наивность. Кругосвѣтный матросъ, сибирскій ка-

закъ, закавказскій солдатъ глубоко убѣждены въ томъ, что, сказавши по-русски, они выразились точно. Это—не по самомнѣнію, что только на русскомъ языкѣ можно выражаться такимъ образомъ, а по привычкѣ, сдѣланной съ малыхъ лѣтъ — говорить прямо, рѣшительно и коротко. Этотъ способъ непривычнымъ постороннимъ людямъ кажется грубоватымъ и непріятнымъ именно потому, что простые деревенскіе люди говорятъ мало, не привыкли даромъ пускать слова на вѣтеръ. Не прибѣгаютъ они къ иносказаніямъ и не знаютъ льстивыхъ подходовъ, обходныхъ пріемовъ и подслащенныхъ словъ, предоставляя это городскимъ людямъ. Къ словоохотливымъ изъ заѣзжихъ они прислушливы, но опасаются имъ вполнѣ довѣряться. Болтуны изъ сосѣдей и своихъ не пользуются никакимъ уваженіемъ, считаются пустыми и бездѣльными людьми, зачастую подвергаются насмѣшкамъ и обидному презрѣнію. Во всякомъ случаѣ, по деревенскимъ понятіямъ, болтуны, съ неизбѣжною примѣсью хвастливости и рисовки собою, «бахвалы» по коренному народному выраженію — люди неумные, дураки: «языкъ болтаетъ, а голова не знаетъ». Языкомъ молоть спуста одно и то же, что день-деньской по базарамъ болтаться безъ всякаго дѣла и въ то же время другимъ мѣшать дѣло дѣлать. Пословичныя примѣты ведутъ даже къ такимъ рѣшительнымъ и смѣлымъ заключеніямъ: «коли болтунъ, такъ и врунъ; врунъ, такъ и обманщикъ; обманщикъ, такъ и плутъ; плутъ, такъ и мошенникъ, а мошенникъ, такъ и воръ». Между тѣмъ иначе, какъ просто, ясно и коротко, по народному убѣжденію, и говорить по-русски нельзя. Образный языкъ роскошно снабженъ для того всѣми данными: старайся лишь

ими пользоваться. Въ противномъ случаѣ, въ глазахъ русскаго человѣка и по выраженію тѣхъ же матросовъ и солдатъ, будетъ уже «на манеръ французскій» и, можетъ быть, даже немножко и «по-гишпанистѣй».

Впрочемъ не одни деревенскіе люди о родномъ языкѣ такого строгаго понятія.

— Кажется, по-русски я тебѣ сказалъ; кажется, русскимъ языкомъ я тебѣ говорю!—съ сердцемъ и сильнымъ упрекомъ сплошь и рядомъ и ежедневно обращаются образованные люди къ безтолковому или лѣнтяю, не пожелавшему или позабывшему исполнить порученіе или приказаніе. Чего ужъ хуже: стоитъ ли послѣ того съ такимъ человѣкомъ языкъ понапрасну трепать?—Очевидно, что съ нимъ нельзя вести никакого дѣла.

Отсюда же и «отрѣзать по-русски» значитъ сказать рѣшительное и окончательное, прямое и безповоротное слово, напрямки, начистоту, по всей голой правдѣ. По правдѣ русакъ хочетъ жить, но мало ея видитъ, про нее только слышитъ, и цѣлый свой вѣкъ тужитъ объ ней. Одинъ изъ самыхъ честныхъ и умныхъ князей сказалъ своему народу, что «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ». Ему охотно повѣрили. Потомъ, немного осмотрѣвшись, узнали правду Сидорову да Шемякинъ судъ, затѣмъ познакомились съ той, которую въ Москвѣ у Петра и Павла выбивали длинными прутьями изъ пятокъ, когда человѣкъ былъ подвѣшенъ за руки на дыбу. Мимоходомъ въ то же время русскіе люди узнали правду «цыганскую», которая оказалась хуже всякой православной кривды, да «греческую» — еще страшнѣе («коли грекъ на правду пошелъ, держи ухо востро!»). А съ тѣхъ поръ, какъ стали заво-

диться новые порядки, русакъ рѣшилъ, что теперь вся правда — въ винѣ, и попрежнему слезно горюетъ: «и твоя правда, и моя правда, и вездѣ правда, а нигдѣ ея нѣтъ». Онъ охотно ея ищетъ, и сталъ, однако, очень недавно находить — въ судѣ. Послѣднее русское пріобрѣтеніе пришлось теперь кстати и, что называется, ко двору, тѣмъ болѣе, что давно уже откровенно выговорилось: «за правду не судись: скинь шапку, да поклонись». Недаромъ же и первый сводъ законныхъ постановленій носитъ названіе «Русской Правды» еще съ 1016 года.

ПРИНЯТЬ И УГОСТИТЬ.

Вотъ здѣсь наша слава, честь и хвала безраздѣльныя и безпримѣрныя. Если обойти весь свѣтъ и потолкаться у всѣхъ народовъ, даже между азіатскими, которые въ особенности отличаются гостепріимствомъ и у которыхъ оно не только народный обычай, но и религіозный законъ, — подобной русской готовности и умѣнья обласкать заѣзжаго и захожаго гостя положительно нигдѣ найти нельзя. Широко раскрыты наши ворота для званыхъ и незваныхъ, какъ бы подчасъ ни были неудобны послѣдствія и какъ бы ни разнообразились причины, породившія подобное явленіе. Русское радушіе оттого велико и сильно, что, народившись среди безпривѣтной природы и въ безпріютной странѣ, выучилось цѣнить чужую нужду въ посторонней помощи и понимать опасности тѣхъ, кто стучитъ въ окно и проситъ пріюта. Начало этому доброму и высокому чувству лежитъ во мракѣ далекихъ временъ, когда заселялась русская земля и перед-

ніе переселенцы, испытавшіе суровую школу передвиженія по дремучимъ необитаемымъ лѣсамъ, выучились помнить о заднихъ. Десятки похвальныхъ обычаевъ, обращенныхъ на пользу безпріютныхъ и заблудившихся, сохранились во всей цѣлости до нашихъ дней, не смотря на то, что круто измѣняется образъ нашей великой земли. Житейскія невзгоды въ первобытной суровой странѣ, смирившія человѣка и научившія его одновременно общинному быту, артельному труду и круговой порукѣ, положили въ основаніе характера безпредѣльное добродушіе. Съ послѣднимъ же, какъ извѣстно, непосредственно соединяется великая христіанская заповѣдь любви, проявляющаяся участіемъ, состраданіемъ и готовностію помощи не только тѣмъ, которые открыто просятъ, но и тѣмъ, которые неслышно страдаютъ и гордо молчатъ. Такъ называемая тайная милостыня темною ночью, неслышной походкой, осторожно спрятанной рукой такъ же дѣятельна и распространена, какъ и подача на выходахъ изъ церквей, на базарныхъ и ярмарочныхъ площадкахъ, и раннимъ утромъ, изъ домашняго окна при дневномъ свѣтѣ, громко вымаливающимъ и выстукивающимъ просьбу въ подоконья. Изъ-подъ нихъ, какъ извѣстно, ни одинъ и ни разу не отходилъ еще безъ святой Христовой милостынки. Если мы, между прочимъ, обратимъ вниманіе на разнообразіе привѣтовъ, ласковыхъ встрѣчныхъ словъ, изъ которыхъ, говоря по-книжному, составляется цѣлый словарь, — мы наглазно убѣдимся, сколь богато русское сердце и какъ роскошно разлито въ немъ, во всемъ своемъ разнообразіи, благородное сочувствіе и участіе привѣтливымъ словомъ и дѣломъ. Не одному тяжелому, но и всякому малому труду посылаются встрѣчнымъ и мимоходнымъ сви-

дѣтелемъ добрыя пожеланія успѣховъ и Бога на помочь..Опасные моменты въ жизни и всѣ преткновенія предусмотрѣны и взыскиваются словомъ живительнымъ и подкрѣпляющимъ упавшую энергію. Во-время сказанное слово умѣетъ и плечамъ придать новую силу, и уменьшить боль въ ноющей ранѣ. Заявленіе теплаго состраданія совершаетъ великія чудеса тамъ, гдѣ была потеряна всякая надежда и наступало время рокового отчаянія.

Складныя и необычайно разнообразныя привѣтствія становятся безконечными въ тѣ времена, когда русскій человѣкъ, вообще «гулливый» (по тому же пословичному признанію), распахнетъ душу и выставитъ праздничную хлѣбъ-соль. Собственно праздничныхъ пировъ у русака меньше трехъ дней не бываетъ, словно и впрямь въ честь святой Троицы. «Добро жаловать» и «милости просимъ» получаютъ такое разнообразіе и оказываются въ такомъ широкомъ примѣненіи, что нѣтъ возможности услѣдить до конца. Русскій человѣкъ вообще терпѣливъ до зачина и всегда ждетъ задора, но лишь дождался помощи въ товарищахъ—«ни съ мечомъ, ни съ калачомъ не шутитъ». Каковъ онъ въ бою, таковъ и на пиру, гдѣ, по пословицѣ: «пьютъ по-русски, но врутъ по-нѣмецки». Въ такомъ случаѣ выраженіе «принять по-русски» распадается на двоякій смыслъ: въ бою и въ недоброе время—это значитъ принять, и прямо и грубо расправиться, пробрать, угостить такъ, что покажется солоно. Въ мирное время и на счастливый часъ—это значитъ принять съ душой на-распашку и съ сердцемъ за поясомъ и угостить до положенія ризъ (по семинарскому выраженію) и по крестьянскому: «что было, все спустилъ; что будетъ—и на то угостилъ!»

БОЖИТЬСЯ.

Призываніемъ имени Божьяго во свидѣтельство сказанной правды и самою клятвою, какъ поличнымъ доказательствомъ, у насъ на Руси зачастую злоупотребляютъ такъ, что божба потеряла подобающую ей силу. Тѣмъ не менѣе на нее предъявляютъ требованія извѣрившіеся люди и въ ней ищутъ успокоенія совѣсти и подкрѣпленія своего убѣжденія, когда другіе предъ ними рότятся и клянутся. Дѣлается такъ или по дурной привычкѣ, или изъ личныхъ корыстныхъ видовъ, но во всѣхъ случаяхъ вопреки евангельской заповѣди, повелѣвающей говорить только да или нѣтъ, и въ полномъ согласіи съ древними, далеко не покинутыми пріемами и обычаями языческихъ временъ. Проповѣдники слова Божія запрещали употреблять въ клятвѣ имя Бога, а у насъ «ей-Богу!» стало равносильно евангельскому «ей-ей!», простому «да», и идетъ оно мимо ушей и не вмѣняется уже ни во что. Не больше вѣрятъ и такимъ тяжкимъ заклинаньямъ, какъ «лопни мои глаза, развались утроба на десять частей», какъ «съ мѣста не встать—свѣта бѣлаго (креста на себѣ) не видать»; какъ ссылка на тѣлесную сухотку: «отсохни руки и ноги; всему высохнуть; изсуши меня, Господи, до макова зернушка»; какъ базарное передъ большими праздниками—«праздника честнаго не дождаться, разговѣться бы Богъ не привелъ, и кускомъ бы мнѣ подавиться». Не больше вѣры и тому, кто скажетъ: «вотъ Богъ видитъ» и при этомъ наклонится и сдѣлаетъ такое движеніе правой рукой, какъ будто беретъ горсть земли и затѣмъ подноситъ руку ко

рту, какъ будто бы ѣсть эту мать - сырую землю (а иные даже, напр. у бѣлоруссовъ, и на самомъ дѣлѣ ѣдять ее). Бываютъ однако и такія клятвы, которыя не признаются «малыми», но настоящими «тяжкими», судя по условнымъ понятіямъ и мѣстнымъ вкусамъ. Иному вѣрятъ, если онъ просто удостовѣряетъ, что у него сегодня ни пито, ни ѣдено, что у него крохи во рту не бывало, что у него только вода на лицѣ была и т. п. Клятва своими дѣтьми почитается вездѣ одною изъ самыхъ убѣдительныхъ и строгихъ. Ея не вмѣняютъ въ правду только въ устахъ цыганъ, надъ которыми за то и подсмѣиваются зло, говоря: «цыганъ божится, на своихъ дѣтей слыгается», или «шлется на своихъ дѣтей».

Усердно божится и клянется купецъ за добротность товара, въ которомъ онъ знаетъ толкъ, передъ тѣмъ безтолковымъ и слѣпымъ покупателемъ, которому понравился товаръ по внѣшности, но неизвѣстенъ по внутреннимъ качествамъ. Тѣмъ охотнѣе божится продавецъ, чѣмъ больше покупатель обнаруживаетъ готовности купить, не умѣя разобраться въ добротности неотложно - необходимой вещи. Въ торговлѣ столько обмановъ въ поддѣлкѣ, столько казовыхъ концовъ, а стало быть обширное поле для ошибокъ и промаховъ, что недовѣріе невольно ищетъ себѣ поддержки и оправданій въ божбѣ и тяжкихъ клятвахъ. Нѣкоторыя продажныя вещи до того обманчивы и такъ поддѣланы, что на нихъ можетъ «обмишулиться» самый опытный глазъ и привычная ощупь. Затѣмъ, чѣмъ темнѣе продаваемая вещь, тѣмъ больше недовѣрія покупателей и больше клятвъ отъ продавцовъ, которые «поневолѣ клянутся, коли врутъ». Такъ, напримѣръ, нѣтъ ничего труднѣе купить хорошую ло-

шадь (у цыганъ даже совсѣмъ не совѣтуютъ ихъ покупать). Не покупаютъ коня деньгами, покупаютъ всего чаще удачей. Кто бывалъ на конныхъ торжкахъ и ярмаркахъ, тотъ легко вспомнитъ и вполнѣ согласится съ тѣмъ, что нѣтъ больше шуму, отчаянной божбы и безсовѣстныхъ клятвъ, какъ именно на этихъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствуютъ наглые и дерзкіе на словахъ барышники. Они и языкъ особенный выдумали для своихъ плутней, и по конюшнямъ держатъ цѣлыя аптеки и химическія лабораторіи. Вотъ почему сталось такъ, какъ подсказываетъ вѣрно сложенная поговорка: если барышникъ «не божится, то и самъ себѣ не вѣритъ, а если божится, то люди ему не вѣрятъ». Въ старину будто бы купцы имѣли обыкновеніе божиться вслухъ а про себя отрекаться отъ выговоренной клятвы. Теперь замѣчаютъ, что совсѣмъ вывелась изъ употребленія эта старинная «отводная» клятва, задняя мысль съ отводомъ отъ себя по такому способу: «лопни глаза» (напримѣръ бараньи), «дня не пережить» (собакѣ), «отсохни (вмѣсто «рука») рукавъ» и т. п. Теперь говорятъ: «люди праведно живутъ: съ нищаго дерутъ, да на церковь кладутъ». Теперь стоитъ лишь пройти мимо мѣстъ продажи и купли, чтобы услыхать самую разообразную и беззастѣнчивую божбу на всякіе лады, перемѣшанную съ грубыми перекорами и сильною руганью.

Въ виду такой несостоятельности божбы и клятвы при невѣрномъ разсчетѣ на то, когда правда себя очиститъ, придуманы разные способы острастки, чтобы добиться увѣренности въ зачуровываемой голой истинѣ. Самоѣдъ никогда не согласится соврать, стоя на шкурѣ бѣлаго медвѣдя и держа его голову въ рукахъ: онъ убѣжденъ еще, что за показ-

ную ложь съѣстъ его этотъ звѣрь при первой же встрѣчѣ на Новой Землѣ. Старинные казаки боялись цѣловать дуло заряженнаго ружья, и теперь присяга на ружницѣ у донскихъ казаковъ употребительна во многихъ станицахъ. Она считается вполнѣ убѣдительною и страшною, если у ружья со взведеннымъ куркомъ поставлена будетъ святая икона. То же снимание со стѣны иконы и цѣлованіе ея при свидѣтеляхъ почитается еще клятвеннымъ доказательствомъ тамъ, гдѣ ружье не играетъ такой большой роли, какъ у казаковъ, и гдѣ думаютъ, что снимать для клятвы икону значитъ «потянуть руки на Бога». Икона на головѣ, а кое-гдѣ, вмѣсто нея, кусокъ свѣжаго дерна также иногда служитъ безспорнымъ доказательствомъ настоящей правды, какъ самая тяжкая божба (о чемъ я уже имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ). У бѣлорусовъ до сихъ поръ живо выраженіе «землю ѣсць», т. е. клясться землей—и не исчезъ обычай, въ доказательство истины, класть въ ротъ щепотку земли и жевать ее. Тверда и неизмѣнна только та клятва, которую несутъ міромъ, когда идутъ круговой порукой, т. е. стоятъ всѣ за одно и каждый за всѣхъ.

ОДѢВАТЬСЯ.

Въ наглядное доказательство того, на сколько измѣняется даже на нашей памяти не только внутренній смыслъ народной жизни, но и внѣшніе отличительные этнографическіе признаки русскаго человѣка, достаточно остановиться на одеждѣ, и здѣсь, не уходя въ дальнѣйшія скучныя подробно-

сти, ограничиться, напримѣръ, лишь однимъ головнымъ уборомъ. Не говоря объ исчезнувшихъ уже женскихъ кикахъ, кокошникахъ, повойникахъ и сорокахъ [1]), — болѣе устойчивыя мужскія шляпы становятся теперь также большою рѣдкостью.

До освобожденія крестьянъ на глазахъ у всѣхъ было больше десятка сортовъ этой головной покрышки, носившихъ отличительный покрой и соотвѣтственныя названія. По нимъ опытный, приглядѣвшійся глазъ могъ увѣренно различать принадлежность ихъ владѣльцевъ извѣстной мѣстности: шляпы, какъ нарѣчіе и говоръ, служили вѣрными этнографическими признаками и точными показателями. Весьма многіе, несомнѣнно, помнятъ классическіе «грѣшневики» на головахъ московскихъ извощиковъ изъ подмосковныхъ деревень, разъѣзжавшихъ на зимнихъ санкахъ и на отчаянныхъ клячахъ. Помнятъ и базарную общеизвѣстную «ровную» шляпу, гдѣ тулья была одинаково ровна около дна или верха и около полей на низу. Солидные старички и до сихъ поръ ея не покидаютъ, дорожа ея удобствами, именно потому, что «дѣло въ шляпѣ»—въ буквальномъ смыслѣ поговорки: хранится синій ситцевый платокъ съ завернутыми въ немъ деньги, личный паспортъ, нужны бумажонки, со счетами и росписками, съ письмомъ отъ баламута-сына изъ Питера, и проч. Молодежь требовала на эту ровную шляпу цвѣтную ленточку съ оловянной раскрашенной пряжкой. Изъ этой шляпѣ выродилась «череповка» всей новгородчины — не

[1]) Послѣдній женскій уборъ, сорòкà — некрасивый, былъ особенно распространенъ, В. И. Далю еще удалось видѣть сороку цѣной въ десять тысячъ рублей.

слишкомъ высокая, а середкой на половинѣ: стопочкой и коробочкомъ. Нѣкоторыя мѣстности у семеновскихъ и макарьевскихъ мастеровъ-кустарей требовали перелома этихъ ровныхъ шляпъ по самой серединѣ, другія дѣлали перехваты ближе ко дну для украшенія ихъ въ этихъ мѣстахъ лентами и пряжками. Въ первомъ случаѣ выходили шляпы «съ переломомъ», во второмъ «съ перехватомъ», гдѣ ленточка, пришитая ближе кверху, спускалась къ полю на̀-кось, какъ у рязанцевъ. Для Поволжья валяли изъ овечьей же шерсти, заваривали въ кипяткѣ и сушили на солнцѣ, вмѣстѣ съ теплыми валяными сапогами, шляпы «верховки» и шляпы «срѣзокъ» (пониже и пошире). Сваляютъ покрѣпче, чтобы войлокъ стоялъ лубомъ, наведутъ поля пошире (у верховки узенькія), подошьютъ лакированную кожу и, вмѣсто ленты, кожаный ремешокъ, наведутъ пушокъ или ворсу—выходитъ шляпа «прямая» или «кучерская», на потребу этимъ важнымъ и гордымъ городскимъ особамъ. Изготовлялся въ семеновскихъ валяльныхъ избахъ и ублюдокъ среди шляпъ, называвшійся полуименемъ «шляпокъ», и настоящіе уроды по формѣ и покрою: «ровный шпилекъ» (ибо былъ еще «шпилекъ московскій»), «кашникъ и буфетка». Ровный шпилекъ похожъ былъ на опрокинутый кувшинъ, въ какихъ до сихъ поръ продаютъ въ Москвѣ молоко, а кашникъ имѣлъ поразительное сходство съ опрокинутымъ горшкомъ, въ какихъ обычно варятъ щи и кашу. Для поволжскихъ инородцевъ изготовляются особыя шляпы: «чувашки» всегда чернаго цвѣта, и «татарки»—всегда бѣлыя и некрасивыя: либо грибомъ, либо первозданнымъ колпакомъ, на подобіе скифскихъ (или тоже бѣлорусскихъ) мегерокъ. Какъ подъ шляпами го-

родского фабричнаго дѣла съ широчайшими полями или крыльями всегда легко и просто можно было видѣть священниковъ, такъ изъ-подъ «бриля» глядитъ серьезное, усатое и мужественное лицо малоросса. Однимъ словомъ—во всѣхъ этихъ и другихъ неупомянутыхъ случаяхъ воочію подтвердилась истина изреченій «по Сенькѣ и шапка» или «по Еремѣ колпакъ, по Малашкѣ шлыкъ».

Въ настоящее время за этими и иными разновидностями народнаго наряда нашимъ ученымъ обществамъ, для пополненія музеевъ, приходится гоняться съ трудомъ. Многіе уже, какъ выражается самъ народъ, и прозѣвали, а что еще остается на виду, на все то̀ надо, что называется, смотрѣть въ оба. Всякія преобразованія и улучшенія послѣднихъ десятилѣтій, въ самомъ дѣлѣ, всколебали коренную народную жизнь до самаго дна, доведя ее даже до такихъ видимыхъ мелочей. На смѣну старинныхъ завѣтныхъ шляпъ вышелъ даже въ глухія деревни городской щеголь-картузъ съ лакированнымъ свѣтлымъ ремешкомъ и шелковой ленточкой. Вмѣстѣ съ нимъ появилась, вмѣсто балалайки, гармоника въ рукахъ франта при жилеткѣ, дождевомъ зонтикѣ, серебряной цѣпочкѣ красносельскаго издѣлія и въ смазныхъ скрипучихъ сапогахъ. Вспомнилась мужичья шляпа какъ разъ въ то самое время, когда «Спирьки», «Стрѣлочки» и самыя плоскія «частушки», коротенькія, но безобразныя, выступили на смѣну смолкающей не во-время, но, повидимому, въ очередь—безподобной народной пѣсни.

Къ изумленію, уберегается еще въ обычаяхъ прародительская стрижка волосъ «въ скобку», на подобіе буквы П, когда ножницы обрубаютъ волоса

въ серединѣ лба, а затѣмъ опять прямо по затылку кругомъ всей головы, обойдя уши для того, чтобы они были закрыты волосами. Надо ушамъ быть прикрытыми, чтобы не зябли, если больше полугода стоитъ холодное время, точно такъ же какъ по той же причинѣ выгоднѣе на рубахахъ и полушубкахъ запахивать грудь косымъ воротомъ, чѣмъ распашнымъ прямымъ (усвоеннымъ малороссами и бѣлоруссами). Впрочемъ, коренные русскіе люди, болѣе дорожащіе старинными обычаями и обрядами и придерживающіеся старой вѣры стригутся все еще «подъ дубинку» въ отличіе отъ господской стрижки по-польски или по-нѣмецки съ косымъ проборомъ и висками и отъ солдатской «подъ гребенку»: гладко, насколько захватятъ казенныя ножницы. Подъ айдаръ — круглая казачья стрижка, обрубомъ, не въ скобку, подъ чубъ или верховку. Подъ Нижнимъ по Волгѣ, вопреки обычаю, макушки не стригутъ, и самый способъ называютъ «ардаромъ». Старовѣрскій способъ требуетъ обруба волосъ ровнаго кругомъ всей головы и при этомъ простригаютъ макушку, т. е. «гуменцо», что дѣлалось встарь на «постригахъ», когда отрокамъ княжескимъ наступалъ возрастъ возмужалости. Это производится до сихъ поръ при посвященіи священнослужителей. Старовѣры упорно вѣруютъ, что такой пріемъ облегчаетъ достиженіе благодати свыше при молитвенныхъ возношеніяхъ и земныхъ поклонахъ, черезъ открытое темя прямо въ голову.

родского фабричнаго дѣла съ широчайшими полями или крыльями всегда легко и просто можно было видѣть священниковъ, такъ изъ-подъ «бриля» глядитъ серьезное, усатое и мужественное лицо малоросса. Однимъ словомъ—во всѣхъ этихъ и другихъ неупомянутыхъ случаяхъ воочію подтвердилась истина изреченій «по Ѳенькѣ и шапка» или «по Еремѣ колпакъ, по Малашкѣ шлыкъ».

Въ настоящее время за этими и иными разновидностями народнаго наряда нашимъ ученымъ обществамъ, для пополненія музеевъ, приходится гоняться съ трудомъ. Многіе уже, какъ выражается самъ народъ, и прозѣвали, а что еще остается на виду, на все тò надо, что называется, смотрѣть въ оба. Всякія преобразованія и улучшенія послѣднихъ десятилѣтій, въ самомъ дѣлѣ, всколебали коренную народную жизнь до самаго дна, доведя ее даже до такихъ видимыхъ мелочей. На смѣну старинныхъ завѣтныхъ шляпъ вышелъ даже въ глухія деревни городской щеголь-картузъ съ лакированнымъ свѣтлымъ ремешкомъ и шелковой ленточкой. Вмѣстѣ съ нимъ появилась, вмѣсто балалайки, гармоника въ рукахъ франта при жилеткѣ, дождевомъ зонтикѣ, серебряной цѣпочкѣ красносельскаго издѣлія и въ смазныхъ скрипучихъ сапогахъ. Вспомнилась мужичья шляпа какъ разъ въ то самое время, когда «Спирьки», «Стрѣлочки» и самыя плоскія «частушки», коротенькія, но безобразныя, выступили на смѣну смолкающей не во-время, но, повидимому, въ очередь—безподобной народной пѣсни.

Къ изумленію, уберегается еще въ обычаяхъ прародительская стрижка волосъ «въ скобку», на подобіе буквы П, когда ножницы обрубаютъ волоса

въ серединѣ лба, а затѣмъ опять прямо по затылку кругомъ всей головы, обойдя уши для того, чтобы они были закрыты волосами. Надо ушамъ быть прикрытыми, чтобы не зябли, если больше полугода стоитъ холодное время, точно такъ же какъ по той же причинѣ выгоднѣе на рубахахъ и полушубкахъ запахивать грудь косымъ воротомъ, чѣмъ распашнымъ прямымъ (усвоеннымъ малороссами и бѣлоруссами). Впрочемъ, коренные русскіе люди, болѣе дорожащіе стариннымы обычаями и обрядами и придерживающіеся старой вѣры стригутся все еще «подъ дубинку» въ отличіе отъ господской стрижки по-польски или по-нѣмецки съ косымъ проборомъ и висками и отъ солдатской «подъ гребенку»: гладко, насколько захватятъ казенныя ножницы. Подъ айдаръ — круглая казачья стрижка, обрубомъ, не въ скобку, подъ чубъ или верховку. Подъ Нижнимъ по Волгѣ, вопреки обычаю, макушки не стригутъ, и самый способъ называютъ «ардаромъ». Старовѣрскій способъ требуетъ обруба волосъ ровнаго кругомъ всей головы и при этомъ простригаютъ макушку, т. е. «гуменцо», что дѣлалось встарь на «постригахъ», когда отрокамъ княжескимъ наступалъ возрастъ возмужалости. Это производится до сихъ поръ при посвященіи священнослужителей. Старовѣры упорно вѣруютъ, что такой пріемъ облегчаетъ достиженіе благодати свыше при молитвенныхъ возношеніяхъ и земныхъ поклонахъ, черезъ открытое темя прямо въ голову.

ПРИВѢЧАТЬ.

Насколько цѣны и важности придается народомъ обычаю привѣтовъ и въ какой мѣрѣ они обязательны и требовательны во всемъ множествѣ подходящихъ, неожиданныхъ и обязательныхъ, случаевъ, можетъ служить рѣзкимъ доказательствомъ обращеніе среди грамотныхъ въ народѣ особыхъ записей въ видѣ образцовъ и руководствъ. Ихъ можно встрѣчать отдѣльными статьями въ различныхъ письмовникахъ, издаваемыхъ московскими книгопродавцами для обученія вѣжливости и хорошему тону. Нѣкоторыя записи представляютъ собою любопытные кодексы старинныхъ нравовъ, и въ этомъ смыслѣ они имѣютъ большую этнографическую и историческую цѣнность. Жители городовъ, конечно, въ особенности понуждались въ этихъ указаніяхъ для изъявленія доброжелательства и ласковыхъ словъ, столь драгоцѣнныхъ для добраго сосѣдства и дружелюбныхъ отношеній. На это досужая городская жизнь даетъ множество поводовъ и открываетъ широкій просторъ въ различныхъ бытовыхъ случаяхъ.

Одинъ изъ такихъ сборниковъ, какъ памятка про себя и замѣтки про свой домашній и общежительный обиходъ, написанъ былъ жителемъ ярославскаго города Мышкина еще въ 1779 г. и случайно отысканъ П. Н. Тихоновымъ. Онъ напечаталъ этотъ сборникъ въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1888 г. и въ немъ 4 страницы принадлежатъ именно этому отдѣлу «привѣтствій».

Иностранцамъ больше всего бросался въ глаза обычай взаимныхъ привѣтовъ и добрыхъ поже-

ланій при встрѣчахъ. Такъ, напримѣръ, уже при Петрѣ I живописецъ Бруэнъ, посѣтившій Москву, свидѣтельствуетъ: «Русскій, входя въ домъ другого, не переступитъ порога, не перекрестившись разъ пять передъ иконою и не прошептавъ: «Господи, помилуй меня», или иногда: «Даруй, Господи, миръ и здравіе живущимъ въ семъ домѣ». Послѣ сего обряда начинаются обоюдные поклоны, а наконецъ и разговоръ». И далѣе: «Когда они потчуютъ своихъ друзей, то таковое начинается обыкновенно съ десяти часовъ утра и продолжается до часу пополудни, когда всѣ расходятся для отдыха по домамъ», и т. д. [1]).

Этотъ же иноземецъ своеобразно засвидѣтельствовалъ и о русскомъ гостепріимствѣ и хлѣбосольствѣ, которое равно было свято и въ убогихъ хижинахъ, какъ и въ царскихъ палатахъ. «Чистосердечно думаю, пишетъ этотъ Бруэнъ,—что въ цѣлой вселенной нѣтъ двора, особенно столь пышнаго, какъ россійскій, гдѣ бы частный человѣкъ могъ найти такой хорошій пріемъ, о коемъ воспоминаніе глу-

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ обычаямъ московскаго царскаго двора въ привѣтахъ царемъ подданныхъ существовала разница. Такъ, напр., желая оказать высокую милость ласковымъ словомъ, царь спрашивалъ свѣтскихъ людей «о здоровьѣ», а духовныхъ «о спасеніи». Царь Алексѣй привѣчалъ протопопа Аввакума при встрѣчѣ вопросомъ: «каково, протопопъ, поживаешь?»—и шапку-мурманку бывало приподнималъ. А послѣ того всѣ бояре челомъ да челомъ: «благослови-де насъ, и помолися о насъ». Согласно Мышкинскому сборнику, священника изстари привѣтствовали однимъ словомъ: «священствуй!»—Кто возвращался отъ него съ исповѣди, того встрѣчали привѣтомъ: «поздравляю, избавясь отъ грѣховнаго бремени!» А ему совѣтуется (въ Сборникѣ) отвѣчать: «Грѣшенъ я, опять принимаюсь грѣшить. О, невоздержность!» и проч.

боко врѣзалось въ моемъ сердцѣ». Петръ поручилъ Меншикову представить этого рѣдкаго художника вдовствующей царицѣ Прасковьѣ и тремъ своимъ племянницамъ, дочерямъ царя Ѳедора, съ которыхъ просилъ написать портреты. Вотъ каковъ былъ пріёмъ: «Когда я подошелъ къ царицѣ, то она меня спросила, знаю ли я по-русски? — на что князь Александръ отвѣтилъ отрицательно. Потомъ государыня велѣла наполнить маленькую чарочку водкою и предложила оную собственноручно сему вельможѣ, который, опорожнивъ, отдалъ въ руки прислужницѣ, а сія, наполнивъ еще водкою, подала царицѣ, которая предложила ее мнѣ. Она также поднесла намъ по рюмкѣ винограднаго вина, что повторено было и тремя малолѣтними княжнами. Послѣ сего большой бокалъ былъ наполненъ пивомъ, который царица сама подала князю Александру, а сей послѣдній, отвѣдавъ нѣсколько, отдалъ его прислужницѣ. Та же самая церемонія была и со мною, и я также, поднесши сосудъ къ губамъ, отдалъ его назадъ: ибо при семъ дворѣ, какъ я узналъ послѣ, нашли бы весьма неучтивымъ, еслибы кто осмѣлился опорожнить послѣдній стаканъ пива, предлагаемый хозяиномъ или хозяйкою». Впослѣдствіи, когда художникъ началъ работу, ему пришлось убѣдиться въ полномъ радушіи: «каждое утро съ усиленными просьбами мнѣ предлагали различные напитки и закуски, а нерѣдко оставляли обѣдать, угощая даже мясомъ, хотя это было во время поста. Въ продолженіе дня нѣсколько разъ потчивали меня виномъ и пивомъ», и т. д.

Я принялся-было въ одно время собирать эти привѣтствія, какъ настоящія мимолетныя крылатыя слова, и всматриваться во все ихъ разнообразіе, но

въ томъ и другомъ случаѣ и счетъ потерялъ, и утомился въ поискахъ и погонѣ. Впрочемъ, большую часть этого сборника я успѣлъ разъяснить и напечатать въ десяти нумерахъ дѣтскаго журнала «Задушевное Слово».

Вотъ, напримѣръ, какія возможны сцены, когда употчиванные гости прощаются съ хлѣбосольными хозяевами:

— На хлѣбѣ—на соли, да на добромъ здоровьѣ!— заводитъ одинъ.

Ему отвѣчаютъ хозяева.

— Дай Богъ съ нами пожить да хлѣбъ-соль поводить.

Бойкій гость подхватываетъ:

— Что въ Москвѣ въ торгу, то бы вамъ въ дому.

Находчивый хозяинъ спѣшитъ отблагодарить:

— Въ долгій вѣкъ и добрый часъ (т. е. и вамъ-де тоже).

— Дай тебѣ Господи съ нашей руки да куль муки!

— Ваши бы рѣчи да Богу въ уши!

— Прощенія просимъ!

— На свиданье прощаемся. Живите Божьими милостями, а мы вашими.

— Путь вамъ чистый!

— Счастливо оставаться!

Затѣмъ хлопнула дверь и хозяева остались одни въ домѣ, а гости разъѣхались.

Въ самомъ дѣлѣ, подобное явленіе въ народномъ обиходѣ и въ живой рѣчи чрезвычайно знаменательно, какъ неизмѣнный вѣковой обычай, не имѣющій подобія ни у одного изъ другихъ народовъ бѣлаго свѣта. Начинаясь въ глубокой древности, добрые привѣты встрѣчаютъ простого русскаго че-

ловѣка со дня его рожденія. Забывались старые, перерабатывались на новые и придумывались свѣжіе, сообразно новѣйшимъ обычаямъ, но не покидались вовсе и не ослабѣвали. Къ былинному привѣту, обросшему, такъ сказать, мохомъ: «Богъ тебѣ помочь, оратаюшко, съ края въ край бороздки пометывати, пеньё-коренье вывертывати, пахать, да орать, да крестьянствовати!»—присосѣдилось: «чай да сахаръ милости вашей!» Сказавши себѣ, что «ласковое слово лучше мягкаго пирога», нашъ народъ съумѣлъ разнообразить и подсмѣнять самое любимое и наиболѣе прочихъ распространенное, извѣстное на всемъ лицѣ православной земли русской, привѣтствіе «Богъ нà-помочь».

Еще въ самомъ раннемъ возрастѣ грудному младенцу сказываются эти ласковые привѣты и добрыя пожеланія. Когда ребенокъ, освободившись отъ пеленокъ, потягивается и улыбается, — ему спѣшатъ пожелать и сказать:

— На шутà потягуши, на тебя поростуши.

Когда моютъ ребенка въ банѣ, обязательно приговариваютъ:

— Вода-бъ книзу, а самъ бы ты кверху.

Надѣвая рубашку, пришептываютъ:

— Сорочкѣ бы тонѣть, а тебѣ бы добрѣть.

И заговариваютъ заученымъ зарокомъ, полученнымъ отъ ворожей, — когда спрыскиваютъ водой отъ лихого взгляда, — отъ сглаза:

— Съ гуся вода, съ лебедя вода, а съ тебя, мое дитятко, вся худоба на пустой лѣсъ, на большую воду.

На комъ видятъ обнову, тому говорятъ:

— Платьице-бъ тонѣло, — хозяюшка-бъ добрѣла (или: «дай Богъ износить, да лучше нажить!»).

Исходя изъ того простого практическаго убѣжденія, что добрый привѣтъ покоряетъ сердца, нашъ народъ нашелся въ ласкательныхъ пожеланіяхъ на всякій случай, гдѣ только видитъ трудъ, и, точно предчувствуя его неудачу, поощряетъ работающаго намекомъ на то, откуда слѣдуетъ ожидать удачу. На починный добрый привѣтъ возвращается такой же благодарственный отвѣтъ. На то и другое требуется сметка, подготовка обученіемъ не всегда по книжкамъ или писанымъ тетрадкамъ, а по общепринятому навыку, со словъ и мимолетныхъ образчиковъ. Про деревенскій обиходъ изъ числа пожилыхъ женщинъ и особенно изъ бойкихъ вдовъ вырабатываются истинные префессора по находчивости въ привѣтѣ, — кажется, даже до настоящихъ импровизацій. Обрядовая нужда (крестильная, свадебная, похоронная и т. д. въ безконечность) предъявляетъ сильное и неизбѣжное требованіе на мастерицъ этого рода, которыя и являются въ формѣ свахъ для веселыхъ и бойкихъ приговоровъ, въ формѣ повитухъ для руководства сложными пріемами, обязательными для ребенка и роженицы, и въ видѣ плачей или плакальщицъ для горькихъ причитаній и воплей, по найму, на могилкахъ по погостамъ.

Иная изъ такихъ опытная, находчивая и, что называется, присяжная выйдетъ на деревенскую или сельскую улицу и начнетъ ласкаться, показывать свое досужество и доказывать мягкое, доброжелательное сердце даже до излишествъ болтливаго языка. Встрѣтилась съ сосѣдкой: «легки ли, дѣвушка, твои встрѣчи?» — и отвѣту не ждетъ, не нуждается (бываютъ и такіе привѣты и не для однихъ ненаходчивыхъ и неприготовленныхъ). Идетъ дальше: те-

шетъ домохозяинъ сосновое бревно, ухнетъ, ударитъ топоромъ и отрубитъ щепу: «сила тебѣ въ плечи!» — отвѣта также не требуется или довольно и «спасиба» (спаси Богъ и тебя, а славу Богу лучше всего). Иному: «Богъ на̀-помочь!» Другому: «Весело рабо-та̀ть!» Навстрѣчу гонятъ корову съ поля: «Сто тебѣ быковъ, пятьдесятъ мериновъ: на рѣчку бы шли да помыкивали, а съ рѣчки шли — побрыкивали». На рѣкѣ бьетъ валькомъ прополосканное бѣлье младшая невѣстка изъ сосѣдней избы: «бѣленько!» — услышитъ и она короткое привѣтствіе. Дѣтки ея тутъ же подлѣ ловятъ рыбу на удочку: «клевъ на уду!» и въ отвѣтъ отъ нихъ: «уваръ на ушицу». Набѣжала досужая мастерица на легкое слово и на такую, которая шла бѣлье полоскать. «Свѣженько тебѣ!» — Забѣжала въ ближайшую избу присѣсть на лавочкѣ и на ходу покалякать, разсказать про то, что сейчасъ видѣла и слышала: старшая невѣстка сидитъ за ткацкимъ станомъ и щелкаетъ бердами и челнокомъ: «Спѣхъ за станъ» (или «шелкъ да бумага»).— Отвѣтъ: «Что застала на уто̀къ, то тебѣ на платокъ!» Въ другой избѣ хозяйка печетъ овсяные или яшные блины и стряпаетъ яичницу-глазунью (она же исправница и верещага),—и эту заласкиваютъ пожеланіемъ: «скачки на сковороду!» Иная наѣлась блиновъ до икоты,—ей: «Добромъ — такъ вспомни, а зломъ,—такъ полно!» Хозяинъ вернулся изъ бани, помылся—попарился: «съ легкимъ па̀ромъ!»—и отвѣтъ отъ находчиваго: «здоровья въ голову!» Стали собираться и остальные домашніе тутъ же: «смыть съ себя художества, намыть хорошества!»—и на это благодарный отзывъ: «паръ въ баню,—чадъ за баню!» За нее благодарятъ: «на мыльцѣ, — бѣлильцѣ, на шелковомъ вѣничкѣ, малиновомъ парѣ». Одинъ на-

ливаетъ воду въ чанъ: «наливанье тебѣ!»—Отвѣтъ: «гулянье тебѣ! сидѣнье къ намъ!» Другой ѣстъ въ день Спаса первое яблочко,—перекрестился и выговорилъ: «Господи, благослови, — новая новинка, старая брюшинка». А тутъ на погостѣ же въ церковныхъ рядахъ деревенскій откормленный торговецъ стоитъ у створовъ своей лавки съ дегтемъ, солью, веревками и солеными судаками (твердыми какъ березовыя полѣнья),—человѣкъ нужный (вѣритъ въ долгъ), — какъ его не опривѣтить: «Богъ за товаромъ!» или: «Съ прибылью торговать!» Въ отвѣтъ на первый случай: «Въ святой часъ да въ архангельской!» На второй: «Дай Богъ въ честь да въ радость!» Особенно много сказывается ласковыхъ словъ у хлѣба-соли, при полевыхъ работахъ, и безконечно-неуловимы онѣ при свадебныхъ торжествахъ, гдѣ бываютъ и ласкательныя, и бранныя, и шутливыя.

Шутливые привѣты бываютъ такіе, какъ, напримѣръ, отдыхающему послѣ работы: «вашему сидѣнью наше почтенье!» Чихнувшему говорятъ: «сто рублей на мелкіе расходы!» или: «спица въ носъ невелика, — съ перстъ». На чохъ, впрочемъ, чаще всего говорятъ: «будь здоровъ».

Бываютъ и шутливые отвѣты: «Хлѣбъ да соль!» Отвѣтъ: «Ѣшь да свой!» Привѣтъ охотнику: «Талантъ на майданъ!» — Отвѣтъ: «Шайтанъ на гайтанъ!» (чортъ на подпояску).—«Каково Богъ васъ перевертываетъ?»—Отвѣтъ: «Да перекладываемся изъ кулька въ рогожку». Шутятъ и такими привѣтствіями: «Поздравляю съ плѣшью». И зазываютъ шутливо: «Милости прошу къ нашему грошу со своимъ пятакомъ!» Вездѣ, по пословицѣ: «привѣтъ за привѣтъ и любовь за любовь, а завистливому хрѣну да перцу,— и то не съ нашего стола».

Умѣлый замѣчать свои слабости и шутливо надъ ними острить и подсмѣиваться, русскій человѣкъ и въ данномъ случаѣ не воздержался отъ этой привычки. Онъ сложилъ цѣлую пѣсенку про «Дурня-Вальня», котораго учила мать поклонамъ и ласковымъ словамъ на дорожныя встрѣчи. Онъ все говорилъ невпопадъ, а зато его «били, били — колотили». Сказочка эта въ стихахъ извѣстна всѣмъ воспитавшимся въ деревнѣ съ дѣтства и, судя по множеству разнорѣчій, весьма распространена и многимъ извѣстна.

Такъ какъ на всякіе случаи жизни сложились у народа свои особые привѣты и кто хорошо знаетъ ихъ, тотъ зачастую можетъ по словамъ привѣтовъ узнать, изъ какой губерніи прохожій доброжелатель и даже изъ какой болѣе или менѣе обширной мѣстности. Иначе привѣтствуетъ встрѣчнаго русскій человѣкъ изъ сѣверныхъ губерній, иначе — изъ южныхъ, но вездѣ и у всѣхъ одно сходство: поминать Бога и желать добра. «Не помолившись Богу — не ѣздить въ дорогу», а святымъ именемъ Его желать добра всякому трудящемуся — встрѣчному и поперечному.

Той, которая доитъ корову, въ Холмогорахъ говорятъ: «море подъ буренушку!» (доильщица благодарно отвѣчаетъ: «рѣка молока!»). Таковымъ по Волгѣ желаютъ короче: «ведромъ тебѣ!» а подъ Москвой нѣжнѣе и лучше: «масломъ цѣдить, сметаной доить!» Входя въ лавку, привѣчаютъ купца: «Богъ за товаромъ!» — на Сѣверѣ; «съ прибылью торговать!» — по всѣмъ другимъ мѣстамъ подмосковнымъ, и «сто рублей въ мошну!» — въ Поволжьѣ. По всей Россіи отъѣзжающему: «счастливый путь!» а на Сѣверѣ: «Никола въ путь, Христосъ подорожникъ!» по тому

исконному вѣрованію, что Никола помогаетъ и спасаетъ не только въ морѣ и въ рѣкахъ, но и на сухомъ пути. Въ Сибири кое-что по-своему, а многое и по старой русской привычкѣ.

Въ одно изъ путешествій моихъ по Тобольской губерніи я попалъ съ дороги въ жарко-натопленную избу, когда въ ней собрались такъ называемыя посидѣлки. Хозяйка избы, по сибирскому обычаю, созвала своихъ родственницъ, старухъ и молодыхъ, изъ своей деревни и изъ сосѣднихъ—погостить къ себѣ, посидѣть и побесѣдовать. Ходила сама, просила:

— Всѣмъ дворомъ опричь хоромъ! Хлѣба-соли покушать, лебедя порушать, пироговъ отвѣдать.

Пришла каждая съ прялкой (гребней въ Сибири нѣтъ) и со своимъ рукодѣльемъ. Работаютъ здѣсь на себя—по сибирскому обычаю, а не не хозяйку—по великорусскому. Когда всѣ собрались, у хозяйки уже истопилась печь. Когда гости немного поработали,—накрыли столъ и поставили кушанье все разомъ, что было въ печи. Отошла хозяйка отъ печи, отвѣсила длинный поклонъ въ поясъ, во всю спину, да и спѣла рѣчисто и звонко съ переливами въ голосѣ:

— Гостюшки-голубушки! Покидайте-ко прялочки, умывайте-ко рученки! Не всякаго по имени, а всякому челомъ. Бью хлѣбомъ да солью, да третьей любовью.

Кушаньевъ подали вдоволь. Тутъ были неизмѣнные сибирскіе пельмени, которыми тамъ заговляются и разговляются. Были пшеничные блины и оладьи, одни на яичныхъ желткахъ, другія — на яичныхъ бѣлкахъ, блины гороховые, оладьи варенныя, лапша съ бараниной, пирогъ съ осердіемъ (или легкимъ), пирогъ рѣпной, пирогъ морковный, россійская драчона, которая въ Сибири называется кар-

жовникомъ, молоко горячее, каша яшная и просяная (гречневой въ Сибири нѣтъ), рѣпныя паренки, грибы съ квасомъ.

Угостивши «на доброе здоровье», меня проводили обычнымъ всей св. Руси и вѣковѣчнымъ напутствіемъ:

— Счастливаго пути!

— Добрыхъ встрѣчъ!—подговорилъ кто-то сбоку.

Неровенъ часъ,—на грунтовыхъ дорогахъ всякая бѣда можетъ случиться: настукаетъ бедра и спину на глубокихъ ухабахъ, которые въ Сибири называются нырками; въ иномъ мѣстѣ выброситъ изъ саней; въ лѣсу нахлещетъ лицо сосновыми вѣтками. Лѣтомъ колесо сломается, а починить негдѣ; лошади пристанутъ среди дороги, а смѣнить ихъ нечѣмъ; мостъ провалится: они всѣ такіе непрочные, и т. п. Я сѣлъ въ кошеву. Ямщикъ оглянулся: все ли-де готово, ладно ли усѣлся, не забылъ ли чего?

— Съ Богомъ! отвѣчаю я ему.

— Съ Богомъ—со Христомъ! проговорилъ онъ и ударилъ по лошадямъ.

— Скатертью дорога! подговорилъ кто-то со стороны.

— Буеракомъ путь!—подшутила разбитная дѣвушка изъ гостившихъ и угощавшихся пряхъ.

---

9. РУССКІЙ ДУХЪ.

Нянина сказка «О Царь-Дѣвицѣ» возстаетъ теперь въ памяти, какъ вчера сказанная, а изъ похожденій «Ивана Царевича» припоминаются такія картины:

Выѣхалъ онъ изъ дремучихъ лѣсовъ на зеленые луга и увидѣлъ избушку и въ ней старуха. Сидитъ она на лавкѣ: шелкòвъ кудель точитъ, черезъ грядку прòсни мечетъ; въ полѣ глазами гусей пасетъ, а носомъ въ печи поварýетъ.

Говоритъ она Ивану Царевичу:

— Доселѣ русскаго духу слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынѣ русскій духъ въ-очью является, самъ нà домъ ладомъ.

Вторая старуха на другомъ концѣ въ новой избушкѣ говоритъ по-новому:

— Фу, фу, фу! Досель черный воронъ кости расейской не занашивалъ, а нонѣ кость въ глаза копаетъ (или: въ очи вержетъ)!

Отвѣчаетъ добрый молодецъ не очень вѣжливо, но зато прямо по-русски:

— Дамъ тебѣ поушину, будетъ въ спинѣ отдушина; дамъ въ високъ—посыплется песокъ! Ты бы, старушка, не училась много богатыря спрашивать,— училась бы кормить да поить, на постелю спать уложить.

Если мы этого добраго молодца сказки приравняемъ къ Ильѣ Муромцу былинъ, станетъ ясенъ намъ образъ русскаго колонизатора, ведущаго дѣло съ недобрыми лѣсными силами. Вотъ смѣло пришелъ онъ и открыто заявилъ стариннымъ языкомъ о завѣтномъ обычаѣ,—все то, что между прочимъ составляетъ народный характеръ и духъ въ переносномъ значеніи этого послѣдняго слова. Не погрѣшимъ нисколько, если примемъ слово это и въ томъ значеніи, которое придаетъ ему одна поговорка. Она тоже въ свою очередь выражаетъ иносказаніе, говоря, что «отъ мужика всегда пахнетъ вѣтромъ, а отъ бабы дымомъ». Не только внѣшняя

обстановка, но и потребляемая извѣстнымъ народомъ пища имѣетъ вліяніе на его животный, специфическій запахъ. Поражаютъ обоняніе свѣжаго человѣка всѣ азіатскіе народы, пристрастные къ употребленію чеснока и черемши, но между ними рѣзко выдѣляются евреи отъ цыганъ, и всякій носитъ свой особый запахъ: китайцы и персіяне, киргизы и самоѣды,—въ особенности тѣ, которые усвоили ношеніе шерстяного и мѣхового платья. Въ равной степени вліяютъ и ароматическія приправы къ блюдамъ, и пахучесть господствующихъ растеній страны, и т. п.

Со своей вѣрой, при своемъ языкѣ, мы хранимъ еще въ себѣ тотъ духъ и въ томъ широкомъ и отвлеченномъ смыслѣ, разумѣніе котораго дается туго и въ исключеніе только счастливымъ, и лишь по частямъ и въ частностяхъ. Самыя частности настолько сложны, что сами по себѣ составляютъ цѣлую науку, въ которой приходится разбираться съ усиленнымъ вниманіемъ и все-таки не видѣть изученію конца и предѣловъ. Познаніе живого сокровеннаго духа народа во всей его цѣльности все еще не поддается, и мы продолжаемъ бродить вокругъ и около. Въ быстро мелькающихъ тѣняхъ силимся уяснить живые образы и за таковые принимаемъ зачастую туманные, обманчивые призраки, и, вмѣсто ликовъ, пишемъ силуэты. Счастливы мы лишь энергіей въ усиліяхъ и неустаннымъ исканіемъ той правды, которая однако составляетъ лучшее украшеніе художественныхъ созданій текущаго гоголевскаго періода литературы.

Если мы пойдемъ дальше въ объясненіи того, что значитъ «по-русски», то лишь съ великимъ трудомъ можемъ свести концы: до того своеобразна и

самобытна наша родина! И одѣваемся мы не такъ, какъ другіе, и ѣдимъ не то, что прочіе, и даже носимъ прическу, кланяемся встрѣчному по-своему, а русская печь, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ, печетъ совсѣмъ уже не такъ, какъ до сихъ поръ говорятъ и пишутъ. Не забудемъ при этомъ, что мы переживаемъ то трудное время именно теперь, когда освѣжается и измѣняется весь налаженный строй нашей жизни. Измѣняется не одинъ внутренній бытъ, но и внѣшній обликъ. Та самая прирожденная и коренная старина, которая совсѣмъ недавно, едва не вчера, была у насъ передъ глазами, стала безповоротно уходить въ преданіе. Даже самое консервативное явленіе, какъ народный костюмъ, сдѣлался игрушкою прихотливой моды. Мы стоимъ теперь какъ разъ на томъ круговоротѣ и пучинѣ, гдѣ встрѣтились два противоположныя теченія, и очутились мы на томъ рубежѣ, гдѣ старая изъѣзженная дорога начала уже затягиваться мохомъ и заростать травой, а взрытая новая еще не укатана. Такія мѣста, обѣщая обиліе матеріала для наблюденій, интересны, но самое время переломовъ и переворотовъ, увлекающее новизной явленій, нельзя считать особенно удобнымъ. Еще не видать ничего опредѣлившагося и законченнаго. Лишь кое-гдѣ по стрежу рѣки рябятъ сильныя струи, текущія въ упоръ и на встрѣчу, а на полотнѣ дороги засвѣтлѣли мѣстами уже накатанныя, но еще пока свѣжія колеи.

НЕТОЛЧЕНАЯ ТРУБА.

Вмѣстѣ съ трубами, изъ которыхъ выходитъ дымъ столбомъ и коромысломъ, припоминается еще какая-то необычная «труба нетолченая», когда въ самомъ дѣлѣ бываютъ только: деревянныя досчатыя, битыя глиняныя да кладенныя кирпичныя трубы. Между тѣмъ упомянутое выраженіе довольно употребительно. Гдѣ много народу, — говорятъ: «народу — нетолченая труба!» и хотя говорятъ такъ всѣ, но тѣмъ не менѣе неправильно, скрадывая одну гласную букву и обезличивая ходячее выраженіе въ повальную безсмыслицу. Впрочемъ, въ живомъ разговорѣ такой пріемъ — дѣло нерѣдкое и бывалое. Говорятъ же вмѣсто «безъ вымени», — безъ имени овца баранъ; не до «обѣдни, коли много. бредни» (вмѣсто «обредни» — отъ обряжаться, наряжаться: и къ шапочному разбору не попадешь, если начнешь протираться да румяниться, передѣваться да охорашиваться, и проч.). Говорятъ: «вотъ тебѣ, Боже, что намъ негоже», перетолковывая по-своему коренную малороссійскую поговорку: «отъ тоби, небоже! (убогій, нищій) що намъ негоже» и т. п. Такихъ примѣровъ злоупотребленія извращеннымъ словомъ можно насчитать десятки.

Если мы въ указанномъ словѣ возстановимъ скраденный скороговоркой гласный звукъ, поставивъ его на подобающее мѣсто между двумя согласными, то выйдетъ труба «нетолоченая». Съ этимъ словомъ уже можно примириться и его объяснить.

Въ народномъ языкѣ «толочить» значитъ то же, что «торить» путь и дорогу, проходъ и проѣздъ одинаково въ людской тѣснотѣ и въ сугробномъ

или непроѣздномъ мѣстѣ. Если, по обычаю и закону старины, узка въ коренныхъ русскихъ городахъ улица, то съ подручнаго и наглазнаго образца почему таковая не труба? Если кровь бѣжитъ ручьемъ, а привычно говорятъ, что она бьетъ изъ жилы трубой, то почему же, когда на улицѣ праздникъ, народу, запрудившему ее такъ, что и конца края не видно, не валить на встрѣчу той же трубой, шумной толпой? Сквозь нее не только не протискаться, да и не пробить ее, что называется, пушкой. Надо много труда и ловкости, чтобы проторить или «протолочить» себѣ сквозь народную стѣну путь! А затѣмъ уже конечно—«гдѣ торно, тамъ и просторно».

СЛОВО И ДѢЛО.

Настоящая рѣчь не о дѣлахъ и поступкахъ коварныхъ и лживыхъ или лѣнивыхъ и разсѣянныхъ людей, у которыхъ слово расходится съ дѣломъ и выходитъ изъ того или злонамѣренный обманъ или досадная неудача. Вспомнилось это «крылатое слово», нѣкогда грозное въ слитной грамматической формѣ, страшное своими послѣдствіями, а теперь превратившееся въ легкую и невинную шутку. Въ смыслѣ юридическаго термина оно упразднено почеркомъ царственнаго пера. Ненавистное слово перестали говорить, хотя «дѣло» еще долгое время оставалось въ полной силѣ. Оно изъ рукъ страшнаго, жестокаго и могущественнаго «князя папы Ромадановскаго (при Петрѣ) тайкомъ передано было (Екатериною II) (по личному сознанію того самаго человѣка), — въ руки, въ надежныя руки «ничтожнаго, низменнаго

человѣка» — мстительнаго и злого Шешковскаго. Лишь въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія начали забывать это крылатое слово, и самые документы о немъ заброшены на полки и валяются въ углахъ государственнаго архива... Крылья подрѣзаны, хвость выщипанъ, острый и наносившій смертельные удары клювъ сгнилъ и отвалился,—но тѣмъ не менѣе оно господствовало въ православной Руси около ста лѣтъ. Стало быть объ немъ можно теперь къ слову вспомнить и кое-что спопутно разсказать.

Вылетало грозное крылатое слово, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ мелкая птичка воробей—тамъ, гдѣ ему доводилось свободнѣе или казалось привольнѣе, но обычно предпочитало оно городскія площадки, бойкія торговыя мѣста, людныя улицы,—вообще всякія мѣста народныхъ сходбищъ. Это во всякомъ случаѣ выходило по той причинѣ, что слову необходимо было на полетѣ оглядываться и зорко высматривать: имѣются ли на лицо неглухіе люди, лишніе свидѣтели и притомъ въ «достодолжномъ количествѣ».

Упадало «крылатое слово» на чью-нибудь бѣдную головушку, вцѣплялось крѣпкими когтями, долбило стальнымъ клювомъ, распускало изъ-подъ крыльевъ мелкихъ пташекъ, милыхъ дѣтушекъ, оперенными и навостренными. Знали они куда сѣсть и кого клевать, однако такъ, что эти жертвы валились на землю истерзанными трупами, изуродованными до неузнаваемаго въ человѣческомъ тѣлѣ образа и подобія Божья.

До того это слово прижилось на Руси и приладилось къ нравамъ, что, смолкнувшее здѣсь, по сю сторону Уральскаго хребта, оно продолжало орать во все широкое горло по площадямъ и бойкимъ мѣстамъ въ Сибири. Тутъ и тамъ оно выговаривалось

озлобленными или непутёвыми людьми, такими, кому нечѣмъ было поступаться и нечего жалѣть. Выкрикивалось сдуру и спьяна, нерѣдко отъ праздности и скуки, зачастую подъ вліяніемъ личныхъ неудовольствій, въ видѣ мщенія или вслѣдствіе безвыходно-тяжелаго житья, для развлеченія и впечатлѣній.

«Слово и дѣло» до Петра проявлялось весьма рѣдко и всегда по убѣжденію: изъ любви къ царю, государству и вѣрѣ. Когда укрѣплялись разныя нововведенія и порождали собою недовольныхъ,—сказывались страшныя слова на сочинителей и распространителей въ народѣ подметныхъ тетрадокъ, сочиняемыхъ монахами и старовѣрами, въ родѣ посланій и толкованій протопопа Аввакума съ товарищами. Петровскія преобразованія увеличили число недовольныхъ и усилили количество виновныхъ, особенно къ концу царствованія Петра, когда возростала и самая правительственная подозрительность, свидѣтельствуя о великихъ опасностяхъ, мнимыхъ и дѣйствительныхъ. Въ народѣ воспиталась и окрѣпла страсть къ доносамъ до такой степени, что указъ 1714 года принужденъ былъ ограничить значеніе «слова—и—дѣла», опредѣляя ихъ дѣлами, касающимися государева здоровья и высокомонаршей чести, бунта и измѣны. Сказавшіе или написавшіе роковое выраженіе, обрекавшіеся до того на смертную казнь, застращивались великимъ наказаніемъ, разореніемъ имущественнымъ и ссылкою въ Сибирь, на каторгу. Въ слѣдующемъ году указъ облегчалъ доносчикамъ подходы: они могли идти прямо ко двору государеву, объявлять караульному сержанту. Этотъ обязанъ былъ представлять челобитную самому царю. Однако доносчики продолжали во множествѣ докучать царю, «не давая по-

кою вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ» и не смотря на страхъ жестокихъ наказаній. Въ 1722 году обязали священниковъ объявлять объ открытыхъ имъ на исповѣдяхъ преднамѣренныхъ злодѣйствахъ, а челобитчиковъ съ «государственными великими дѣлами» дозволено принимать и во время божественнаго пѣнія и чтенія. Съ годами значеніе нашего «крылатаго слова» возросло до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, какіе видимъ при Аннѣ Ивановнѣ, руководимой Бирономъ. Въ Сибири для ссыльныхъ и каторжныхъ оно явилось соблазномъ: выпустившихъ его съ устъ на вольной вѣтеръ освобождали навремя отъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ.

Объявившаго за собою «государево слово» немедленно отдавали сержанту и вели пѣшкомъ за 400—600 верстъ въ Иркутскъ: держали крѣпко и только къ случаѣ изнеможенія сажали на подводу. Многіе болтали изъ желанія получить награду, иные разсчитывали, во время пути, на утечку въ лѣсъ и неизвѣстность, иные прямо спекулировали съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ завелись первыя и настоящія тюрьмы. Одинъ солдатъ выкричалъ такое: «въ бытность мою за окіаномъ-моремъ нашелъ я мѣсто рожденія крупнаго жемчуга и три мѣста тумпазныя». Монахъ говоритъ за собою такое великихъ государей и святительское дѣло: «поставлена церковь безъ святительскаго благословенія и въ ней убился человѣкъ; промышленный человѣкъ привезъ съ моря руду серебряную, и тое руду плавилъ и изъ той руды родилось серебро». На судѣ оказалось, что руда не серебряная, а старца побили шелепами, чтобы «впредь не повадно было инымъ такія затѣйныя слова говорить и никакихъ великихъ государей дѣлъ не заводить». Одинъ каторжный сказывалъ товари-

щамъ: «непріятель идетъ на Россію: у китайцевъ войска собираются, мунгалы ружья приготовляютъ» (а монголы облаву дѣлали на лосей). Другой каторжный болтаетъ въ кухнѣ: «поднимается на нашего государя иноземецъ; у того иноземца силы до 600 тысячъ, а у нашего до 250-ти тысячъ». Глупыя рѣчи праздныхъ болтуновъ у каторжной печи приняты за «государево слово» и потребовали «дѣла»: допросовъ, пытки, суда и осужденія.

Наступилъ новый вѣкъ и повелись иные порядки. Въ 1817 году крестьянинъ Ермолаевъ за непристойныя рѣчи приговоренъ былъ къ наказанію плетьми. Рѣшено было вырвать ему ноздри, поставить повелѣнные знаки и сослать на каторгу. Императоръ Александръ вырыванье ноздрей отмѣнилъ для всѣхъ, а приговореннаго простилъ, по объявленіи ему приговора. Ссыльный на работѣ при казенномъ зимовьѣ, придя въ избу, бросилъ топоръ, рукавицы и шапку, и изругался. Будучи спрошенъ: «кого ругаетъ?» отвѣчалъ: «тѣхъ, кто безвинныхъ ссылаетъ». Государь рѣшилъ оставить этого ссыльнаго «въ нынѣшномъ положеніи, но безъ наказанія». Третій ссыльный забылъ въ рудникѣ лопату, товарищъ сталъ помогать розыскивать ее, приставникъ замѣтилъ: «ты исправь прежде государеву работу, а потомъ ищи мужичью лопату». У оговореннаго сорвалась съ языка брань, за которую его посадили подъ строгій караулъ въ оковахъ и стали ждать приговора изъ сената. Государь Александръ I повелѣть соизволилъ: «освободить отъ законнаго наказанія, подтвердя ему, чтобы впредь постарался исправиться» и т. д.

ПѢСНИ ИГРАТЬ.

Когда бродилъ я во Владимірской губерніи въ Вязниковскомъ уѣздѣ по офенскимъ деревнямъ, для изученія быта и для сбора искусственнаго словаря этихъ бродячихъ торгашей, пришлось недѣли двѣ прожить въ селѣ Хо̀луѣ, гдѣ пишутъ иконы яичными красками. Меня начала тамъ одолѣвать скука. Я повадился ходить на мельницу на рѣкѣ Тезѣ, гдѣ молодой парень мельникъ, проторговавшійся на мелкомъ товарѣ, охотливо за штофъ пива сказывалъ офенскія слова новыя и исправлялъ прежде пойманныя и записанныя. Разъ онъ пожалѣлъ меня:

— Ты что въ кабакъ не зайдешь? Скучно тебѣ! А тамъ чудесно пѣсни «играютъ». Теперь офени, передъ Нижегородской ярмаркой, домой поплелись: какихъ только пѣсенъ они изъ разныхъ-то мѣстовъ не натаскаютъ! Другъ дружку перебиваютъ; другъ передъ дружкой хвастаются. Разсчетъ получили — имъ весело. Сходи въ кабакъ!

На этотъ разъ впервые остановилось мое вниманіе на странномъ выраженіи «играть пѣсни», когда онѣ въ самомъ дѣлѣ поются. Слышалось это выраженіе и прежде, но, по обычаю, безсознательно пропускалось мимо ушей, хотя, въ этой упорно-неизмѣнной формѣ, оно настойчиво повторялось всюду въ иныхъ мѣстахъ.

Когда архангельскій Сѣверъ развернулъ свою многообразную и многострадальную жизнь и потребовалъ вдумчивыхъ наблюденій, напросилась и пѣсня, тогда еще тамъ не совсѣмъ испорченная. Мѣстами въ видѣ обрывковъ она была на устахъ и въ дѣйствіи,

вызывая игру и требуя движеній. Хотя къ балалайкѣ успѣла уже, для голосовой поддержки, пристроиться привезенная съ Апраксина рынка гармонія, но еще можно было слышать въ перебоѣ ея хриплыхъ тоновъ сиповатые звуки извѣковной дуды—«сипоши», которая въ Поморьѣ такъ и называлась («сиповкой»).

Первая «игра пѣсенъ», которую довелось наблюдать, были «вечерковыя» или, по времени года, святочныя. Въ тѣсной и душной полутемной избѣ разыгрывался «заинька», сохранившійся съ глубокой старины, заманчивый своей классической простотой, повсюдный и любимый до докучливости, немудреный напѣвомъ, небогатый вымысломъ: «гдѣ ты былъ—побывалъ?» Что бы ни разсказывалъ про него отвѣтный хоръ, взявшіяся за руки пары молодцовъ и дѣвушекъ неустанно кружились; при конечномъ стихѣ кружились еще быстрѣе, подпѣвали возможно скорѣе и живѣе, почти бормотали. За «заинькой» играли «старицу». На сцену выходила дѣвушка и садилась въ кругу хоровода. Парень ходилъ кругомъ и пѣлъ: «вкругъ я келейки хожу, вкругъ я новыя хожу,—младу старицу бужу: спасеная душа, встань,—встань: къ заутренѣ звонятъ, на сходъ говорятъ». Старица отвѣчаетъ съ цѣлымъ хоромъ: «не могу я встать, головы поднять: голова моя болитъ, грудь-сердечушко щемитъ».

А вотъ когда пѣвецъ разсказалъ ей, что миленькій идетъ, гостинцы несетъ,—она вскакиваетъ съ мѣста и поетъ вмѣстѣ съ хоромъ: «Ужъ и встать-было мнѣ, поплясать-было мнѣ». Затѣмъ снова быстрое круженіе и веселый приплясъ въ видѣ новгородскаго «бычка», подмосковной «барыни», малороссійскаго «журавеля» и всероссійской «камаринской». И эта «старица» кончалась поцѣлуями. Та-

ковъ же и «Голубь», съ однимъ различіемъ, что стоящія другъ противъ друга пары цѣлуются всѣ вмѣстѣ одновременно. Да такова и почтенная болѣе голубкой стариной «Какъ со вечера цѣпочка горитъ». Эта пѣсня начинается плавнымъ пѣніемъ, а кончается круженьемъ, щелканьемъ языкомъ, свистами и топаньемъ каблуками, когда дѣвица рѣшилась сойти съ терема, соблазнившись тѣмъ, что «на улицѣ сушохенько, въ переулочкѣ темнехенько, что башмачки не стопчутся и чулочки не смараются.»

Съ такими любовными играми, какъ съ самыми поцѣлуями, на которые, по пословицѣ, «что на побои нѣтъ ни вѣсу, ни мѣры», можно было бы не кончить, если бы эти самые обрядовые и открытые знаки любви и привѣта не приводили прямо къ своей цѣли. Близость мясоѣда, пригоднаго, по досугу своему, для свадебъ, объясняетъ и оправдываетъ старинный обычай. На смѣну его выступаетъ цѣлый рядъ настоящихъ «дѣйствъ» со сговора до вѣнца, полное сценическое представленіе съ начала до конца, когда «играютъ свадьбу». Здѣсь только однѣми пѣснями и объясняется символическое значеніе свадебныхъ обрядовъ, а зато и эти самыя пѣсни не столько разнообразны, сколь чрезвычайно многочисленны. И здѣсь уже ясно видится несомнѣнный, бережно сохраненный слѣдъ до-христіанскаго обряда, потребовавшаго такъ же, какъ и всѣ, пѣсенной помощи. Воспѣваютъ любовь въ весеннихъ хороводахъ, и въ старинныхъ (теперь полузабытыхъ и даже изуродованныхъ) можно было видѣть представленіе полной деревенской свадьбы съ выборомъ невѣсты и отдѣльно жениха, съ послѣдующими семейными раздорами и разсчетами. И «сѣяли просо», чтобы разыграть заключительную сцену похищенія, «умыканья»

невѣсты, какъ драматическій бытовой эпизодъ: онъ до сихъ поръ не утратилъ во многихъ коренныхъ русскихъ мѣстностяхъ своего доисторическаго значенія. И «плавала по морю бѣлая лебедушка, плѣняя сизаго селезня», чтобы справлялъ весенній хороводъ свою вѣковую службу для выбора невѣсты, заплетался бы плетень на союзъ да любовь, и завершался, запечатывался невинными и откровенными поцѣлуями, это согласіе суженой на зимнихъ вечёркахъ, чтобы вступить затѣмъ въ цѣлый рядъ «свадебныхъ игръ». Для этихъ предвѣнечныхъ дѣйствъ народномъ языкѣ и нѣтъ уже иного названія. Безуспѣшно истомились здѣсь благочестивые ревнители вѣры, искоренявшіе языческіе обряды, проповѣдники живого слова и составители Кормчей книги, воспрещавшей дьявольскія пѣсни и бѣсовскія игрища [1]). Тѣмъ не менѣе, свадебныя недѣли и теперь заключаются языческой «масляницей», съ катаньемъ цѣлыми поѣздами и заключительнымъ сожиганіемъ чучелы. Таково положеніе пѣсеннаго дѣла въ Великороссіи. Когда привелось перенести наблюденія въ болѣе древній и совершенно противоположный русскій край, какова Бѣлоруссія, оказалось не только то же самое, но и въ болѣе цѣлостномъ и обширномъ

[1]) Извѣстная, даже слишкомъ популярная игра пѣсни, или вѣрнѣе, сочиненнаго романса «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» съ хлопаньемъ въ ладоши сидящихъ другъ противъ друга на полу, въ подражаніе ударамъ веселъ, съ атаманомъ, расхаживающимъ между рядами и прикладывающимъ кулакъ къ глазу при разговорѣ съ есауломъ о погонѣ,—доказываетъ то же стремленіе къ изображенію пѣсеннаго смысла въ лицахъ. Къ сожалѣнію, излюбленная пѣсня эта—не народная, и самое представленіе, придѣланное къ ней —вышло изъ солдатскихъ казармъ по слѣдамъ «Царя Максимиліана».

развитіи. Оказались въ лицахъ и «женитьба Терешки», и выдача невѣсты за немилаго, и макъ на горѣ, требующія сценическаго представленія, или, что называется тамъ, «танòкъ (пляска, танецъ). Когда зажинаютъ хлѣбъ и когда отжинаютъ его, совершаются полныя священнодѣйствія, сопровождаемыя переодѣваньями и цѣлымъ цикломъ пьесъ, которыя и пріурочиваются къ обычному времени и играются только тогда и низачто ни въ какое другое. Тамъ даже и письменныя записи, со словъ знающихъ, чрезвычайно затруднены именно тѣмъ, что бѣлоруссъ становится въ тупикъ при требованіи пѣсни въ сухомъ пересказѣ. Онъ понять не можетъ, чтобы пѣсню можно было снять съ голоса и вести ее разсказомъ, какъ сказку, да притомъ еще такъ, что при этомъ отсутствуетъ вся приличная и обязательная обстановка: хоровая поддержка и образное пояснительное представленіе въ лицахъ. Доводится не выслушивать съ глазу на глазъ, а прислушиваться, выжидая поры-времени, когда вживѣ и въявѣ развертываются живыя картины въ движеніи и дѣйствіи въ той веселой обстановкѣ, которая обрисовывается словами великорусской пословицы: «пѣсни играть,—не поле орать».

СЪ ХОЗЯИНА НАЧИНАТЬ.

Таковъ обычай при угощеніяхъ водкой и всякими крѣпкими напитками на всемъ безконечномъ протяженіи православной Руси,—похвальный обычай, требуемый вѣжливостью и приличіемъ. Русская подлинность его и вообще древность происхожденія сомнительны, какъ и обычай чокаться, заимствован-

ный у европейцевъ. Въ старину на Руси пили круговую: изъ одной чаши медъ, изъ одной чарки зелено вино, при чемъ какъ будто даже вѣжливо было доказывать небрезгливость и побратимство, подобное «изъ одной печи хлѣбъ ѣсть, изъ одной чашки щи хлебать» и т. п. Чокались, т. е. постукивали, тихо поколачивая хрупкими вещами, чокались кружками съ давней старины, а со введенія христіанства, чокались пасхальными красными яичками. Начали постукивать рюмками, стаканами и бокалами, когда принимались пить за здоровье другъ друга, за присутствующихъ и отсутствующихъ, за умершихъ и имѣющихъ родиться, «за всѣхъ и за вся православныя христіаны». При этомъ чокнутся и поцѣлуются, а стало быть и побратаются, т. е. подружатся братски на̀ вѣкъ. По этимъ поводамъ и та большая стопа, и та ендова, изъ которыхъ поочередно пили, называлась «братиной» и «побратиной».

Побратимство въ старину, и въ нашемъ народѣ, дѣлалось нешутя и обставлялось важными обрядами: обыкновенно молились въ избѣ — передъ иконой, въ чистомъ полѣ (какъ сказываютъ былины про богатырей)—на восходъ солнца, либо на тѣльникъ (шейный крестъ). Затѣмъ обнимались и давали другъ другу зарокъ на вѣчную дружбу и клятву на взаимную помощь во всѣхъ подходящихъ случаяхъ жизни. Затѣмъ мѣнялись крестами и дѣлались «крестовыми», какъ бы родными братьями. Обычай этотъ твердо держался не такъ давно и былъ святъ и нерушимъ, какъ мы уже имѣли случай доказать и разсказать.

Обычай чокаться между прочимъ объясняютъ тѣмъ желаніемъ, чтобы всѣ пять чувствъ принимали участіе при дружеской выпивкѣ и пожеланіи

здоровья и всякихъ успѣховъ. Четыре чувства обязательно участвуетъ, какъ зрѣніе, обоняніе, вкусъ и осязаніе. Недостаетъ мѣста для участія съ товарищами пятому живому чувству — слуху. Чокъ въ бочокъ его выручаетъ, примиряетъ съ прочими и оправдываетъ передъ ними.

Удобно чокаться и побратимить въ тѣхъ случаяхъ, когда каждый свою чарку держитъ, изъ своей чашки пьетъ (какъ старовѣры-федосеевцы). Какъ же поступать, когда на всѣхъ одна чарка и наливаетъ ее самъ хозяинъ и подноситъ первому гостю? Всегда этотъ упирается, зная обрядъ и порядокъ, и охотно чванится, и притворно ломается, отстраняя наружной стороной кулака правой руки налитой сосудъ, кланяясь и прося «начинать съ хозяина». Только старинные остряки улавливали тотъ моментъ, когда уламывался спѣсивый и протягивалъ уже руку: неожиданно и быстро опрокидывали они на лобъ себѣ «стыдливую рюмку», разсчитывая на скрытное, но несомнѣнное легкое неудовольствіе отъ шутливаго обмана. Конечно, при этомъ всякій счелъ бы себѣ въ обиду и, въ лучшемъ случаѣ, нашелъ бы неприличнымъ, если бы хозяинъ наливалъ и потчивалъ его «черезъ руку», т. е. оборотя кулакъ пальцами кверху (что̀ неприлично).

Хотя «чокаться» и коренное русское (по звукоподобію) слово, но есть основаніе предполагать, что обычай «начинать съ хозяина»—не старинный русскій, а произошелъ въ болѣе позднія времена,—по крайней мѣрѣ, въ народѣ подслушана нижеслѣдующая историческая легенда.

Петръ Великій сидѣлъ разъ въ одной незнакомой компаніи и спросилъ сосѣда справа:

— Ты кто такой?

— Я—дворянинъ такой-то.

— А ты?—спросилъ онъ сосѣда слѣва.

Тотъ оказался такимъ же дворяниномъ. А какъ спросилъ онъ третьяго, то и получилъ въ отвѣтъ, что этотъ не только не дворянинъ, а даже воръ. Царь Петръ отозвалъ того вора и сказалъ ему:

— Будь ты моимъ братомъ и поѣдемъ вмѣстѣ.

— Куда же намъ ѣхать?

— Поѣдемъ въ государевъ домъ: тутъ казны невѣдомо чтò. На возахъ ее не увезешь.

Воръ разсердился и сказалъ:

— Какъ же ты, братецъ, Бога не боишься?—Кто насъ поитъ и кормитъ и за кѣмъ мы слывемъ, и хочешь ты на него посягнуть. Я знаю, куда лучше ѣхать:—поѣдемъ къ большому боярину. Лучше взять у него, а не у государя.

Пришли они къ «большому» боярину, богатому и спѣсивому.

— Постой, говоритъ воръ:—я пойду во дворъ и послушаю, что тамъ говорятъ.

Вернулся онъ и сказываетъ:

— Нѣтъ, братъ, дурно говорятъ: хотятъ звать завтра царя кушать, и хотятъ водку дурную и злую подносить. Не хочу никуда ѣхать, домой пойдемъ.

Царь и спрашиваетъ:

— Гдѣ же, братецъ, намъ съ тобой видѣться?

— Увидимся завтра въ соборѣ.

Какъ они пришли въ соборъ, такъ и увидалъ воръ, что царя просятъ кушать, и услыхалъ, что онъ велѣлъ просить и того человѣка-побратима своего. Его стали просить, и неспѣсивый поѣхалъ со всѣми вмѣстѣ.

Говоритъ воръ царю:

— Первую чарку станутъ подносить,—ты ее безъ меня не пей.

Когда стали подносить, то царь и сказалъ:

— Я прежде хозяина умирать не хочу: пущай прежде хозяинъ самъ попробуетъ—выпьетъ.

Какъ только хозяинъ выпилъ, то его и разорвало.

«Знать, съ этова-то первыя-тѣ чарки прежде хозяина и не пьютъ».

Такимъ образомъ попробовалъ заключить свой разсказъ воронежскаго гарнизона елецкаго полка бывшій сержантъ Михайло Петровъ, въ 1744 году, на тему: «первой чарки прежде хозяина никогда не пьютъ: какову чашу нальешь и выпьешь, такову и гости». Слыхалъ онъ отъ старыхъ людей то (что мы сейчасъ также услыхали), а самого Первова, за такія продерзостныя слова, били кнутомъ и, съ вырѣзаніемъ ноздрей, послали въ Сибирь на житье вѣчное. Не слушай народныхъ легендъ, а тѣмъ паче не пересказывай ихъ. Сказалось крылатое горячее «слово», и свершилось мучительное кровавое «дѣло».

Екатерина II сказала запретительное слово на «слово—и—дѣло» и однимъ этимъ подвигомъ могла бы заслужить историческую память и уваженіе потомства. 19-го октября 1762 года объявленъ всенародно всемилостивый указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Ненавистное израженіе, а именно «слово и дѣло», не долженствуетъ значить отнынѣ ничего, и мы запрещаемъ не употреблять онаго никому. А если кто употребитъ отнынѣ въ пьянствѣ или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ наказывать тотчасъ такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники».

ПОДАВАТЬСЯ ПО РУКАМЪ.

Братъ брату головой въ уплату.
Пословица.

— Подавайся по рукамъ!—скажетъ одинъ въ смыслѣ добраго совѣта и утѣшенія человѣку, потерпѣвшему какую-либо неудачу, впавшему въ бѣду или въ особенности испытавшему горе.—Что же дѣлать: надо было сообразоваться со своими силами, предвидѣть печальный исходъ и быть осмотрительнымъ и т. п.—подавайся по рукамъ (чужимъ):

— Легче будетъ волосамъ (твоимъ)!—доскажетъ другой: либо самъ совѣтникъ, либо за него (невольно и непремѣнно) свидѣтель выговоренной жалобы и сѣтованій.

Цѣльная пословица въ указанной формѣ извѣстна всѣмъ, прошедшимъ суровый искусъ прежняго воспитанія со школьной скамьи, какъ руководящее наставленіе на тѣ случаи, когда озлобленный учитель или строгій инспекторъ хваталъ за чубъ и начиналъ таскать изъ стороны въ сторону за волосы. Облегченному способу «подаваться по рукамъ, чтобъ легче было волосамъ», научилъ, конечно, школьный опытъ, а пословица все-таки дошла изъ глубокой отечественной старины, откуда и взята напрокатъ. Между прочимъ, въ семинаріяхъ, ремесленныхъ мастерскихъ и другихъ заведеніяхъ, включительно до трактировъ, гдѣ вообще производится выучка деревенскихъ мальчиковъ, эта наука такъ и называлась «натаскиваньемъ».

Во времена младенчества народа, при разбирательствѣ споровъ и тяжебъ, для выясненія темнаго

смысла исковъ, прибѣгали къ первобытному способу по закону: «кто сильнѣе, тотъ и правѣе». Противники хватали другъ друга за волосы и кто первымъ перетягивалъ, тотъ и признавался правымъ (отсюда и поговорка: въ полѣ двѣ воли—кому Богъ поможетъ). Въ Москвѣ сохранилось преданіе и указывается мѣсто на берегу рѣчки Неглинной (скрытой теперь въ трубѣ), гдѣ соперники, при свидѣтеляхъ (послухахъ) изъ добрыхъ или лучшихъ людей и подъ наблюденіемъ судныхъ мужей (въ родѣ присяжныхъ засѣдателей), рѣшали споръ проявленіемъ физической силы въ потасовкѣ. Одинъ становился на правомъ берегу узенькой рѣчки, второй на лѣвомъ. Наклонивъ головы, они хватались за волосы. При этомъ, по преданію, побѣжденный обязанъ былъ взять соперника на спину и на закоркахъ перенести его черезъ рѣчку: этимъ и кончались всякія претензіи и прямыя взысканія. Противники должны были выходить на битву рано утромъ, натощакъ, какъ бы на присягу, надѣвъ на себя доспѣхи, т. е. желѣзныя латы и шишаки. Они обязаны были сражаться одинаковымъ оружіемъ: большею частію ослопами или дубинами. Людямъ слабымъ или неумѣлымъ въ бояхъ дозволялось приглашать наймитовъ или наемныхъ бойцовъ, не разбирая того, что боярину доводилось биться съ какимъ-либо холопомъ или купцу съ черносошнымъ мужикомъ или скоморохомъ. Такъ и говорятъ пословицы: «въ полѣ съѣзжаются, такъ родомъ не считаются» (а дерутся), и «коли у поля сталъ, такъ бей наповалъ», а судебный уставъ указывалъ: «а досудятся до поля (если нечѣмъ рѣшить тяжбу, какъ Божьимъ судомъ, то пусть и дерутся), да не ставъ у поля помирятся» (т. е. допускается и мировая). Такъ выражается и

поговорка: «до поля воля, а въ полѣ по неволѣ» (т. е. если вышелъ на мѣсто поединка, то уже и дерись, хотя бы только даже и за святые волоса). Если кто былъ убитъ на поединкѣ, то его противникъ получалъ лишь одни доспѣхи убитаго и лишался всякаго другого удовлетворенія. Стало быть, въ искахъ было прямое побужденіе щадить жизнь своего противника, что доказывается и указаннымъ выше стараніемъ уравновѣсить силы соперниковъ. Для соблюденія законныхъ условій при поединкахъ всегда обязаны были (по Судебнику Грознаго) присутствовать: окольничій, дьякъ и подъячій. Въ пользу ихъ, какъ и въ пользу казны, взималась пошлина.

Еще Псковская Судная грамота доказываетъ стремленіе законодательства по возможности ограничить и смягчить судебные поединки. Потому болѣе легкая форма, кажущаяся намъ теперь забавною и едва вѣроятною и выразившаяся потасовками, имѣла основаніе удержаться въ обычаяхъ народа. Она съумѣла просуществовать даже до того времени, когда отмѣнены были (въ 1556 году) поединки, а дѣла велѣно рѣшать по обыскамъ. На мѣстѣ московскаго «поля» построена была бояриномъ Салтыковымъ каменная церковь Троицы, въ 1657 году, существующая до сихъ поръ въ такъ называемомъ Китаѣ-городѣ, у Никольской улицы, и именуемая въ церковныхъ актахъ «Троицею въ Старыхъ Поляхъ». Предполагая, что если были старыя поля, то должны быть и новыя, т. е. другія мѣста, отведенныя для поединковъ, стараются искать ихъ въ названіяхъ другихъ церквей, забывая, что, черезъ сто лѣтъ по уничтоженіи поединковъ, мѣсто ихъ уже имѣли полное право называть «старымъ полемъ». При этомъ, конечно, впадаютъ въ ошибки, увлекаясь и смѣши-

вая мѣста судебныхъ полей съ дѣйствительными полями, т. е. пашнями, засѣянными хлѣбомъ или безлѣсными незастроенными равнинами, лежащими за городомъ. Тѣ и другія присущи были обширной Москвѣ, сложившейся изъ множества слободъ и деревень. Такова церковь Георгія, названная «на Вспольѣ» за то, что очутилась какъ разъ на окраинѣ, на выгонѣ, гдѣ начинались околица и поля и кончалась группа жилищъ за Москвой-рѣкой, на Ордынкѣ. Такова же и по той же причинѣ и тамъ же улица Полянка. Другой—Георгій на Вспольѣ за Никитскими воротами, гдѣ теперешній Арбатъ, еще во времена царя Алексѣя скудно населенный и отдѣлявшійся отъ города огромнымъ пустыремъ, носилъ прямое названіе «Поля». Третья церковь Екатерины на Вспольѣ, близъ Серпуховскихъ воротъ, тоже была на выгонѣ. Затѣмъ ни о какомъ храмѣ въ новыхъ поляхъ ни въ актахъ не упоминается, ни въ народныхъ прозваніяхъ не указывается. Нѣкоторые изслѣдователи подозрѣваютъ еще мѣсто поединковъ въ Бѣломъ-Городѣ, у церкви Пятницы Параскевы, что въ Охотномъ ряду. Можетъ быть это и такъ (хотя и не имѣется на то прямыхъ доказательствъ). Для кулачныхъ боевъ, какъ особаго вида забавъ, восходящихъ до глубокой древности, въ Москвѣ отведено было также отдѣльное мѣсто на Старомъ Ваганьковѣ. Бились же на кулачки (одинъ на одинъ, стѣна на стѣну и сцѣплянкой—свалкой) въ Китаѣ, въ Бѣломъ каменномъ городѣ и въ Земляномъ городѣ (въ послѣднемъ даже на нашей памяти у Яузскаго моста). Царь Михаилъ Ѳедоровичъ прогналъ отсюда бойцовъ и указомъ запретилъ народу ходить на Старое Ваганьково смотрѣть, какъ бьются знаменитые бойцы казанскіе, тульскіе и калужскіе.

Изъ ихъ среды выдѣлились и прославились: Алеша Родимый, Тереша Кункинъ, Никита Долговязый, братья Подходкины и Зубовы. Замѣчательно, что и самое названіе мѣстности, въ противорѣчіе нынѣшнему ея назначенію, какъ кладбища, происходитъ отъ слова ваганиться (сохранившагося на Сѣверѣ), что значитъ: играть, шутить, шалить и проч.

ПРОЮРДОНИТЬ И ПРОЮЛИТЬ.

Точно также затребованное для объясненія слово проюрдонить въ смыслѣ (согласномъ и съ толкованіемъ Даля) проиграть (либо въ карты, либо въ кости) и вообще безпутно промотать — не является выраженіемъ безъ смысла, корня и почвы. Вѣроятно, корень слова лежитъ въ азартной игрѣ юрдонъ, которая въ веселое царствованіе Екатерины Второй сначала появилась при дворѣ, а затѣмъ распространилась повсюду вмѣстѣ съ макао, штосомъ, мушкой (а ля мушъ: кто первымъ поймаетъ), марьяжемъ (отсюда выраженье «марьяжиться»), и проч. Былъ ли юрдонъ похожъ на нынѣшнюю юрдовку, за давностью лѣтъ, теперь опредѣлить трудно. Нашъ авторитетный толковникъ Даль сомнѣвается въ иноземномъ происхожденіи этого выраженія, находя въ словахъ юрить, юра и юръ сродство съ юлить, юла и заподозрилъ участіе въ словѣ чудского корня юръ (башка). Говорятъ въ одинаковомъ смыслѣ и безразлично проюрдонить и проюлить, что указано и Далемъ со ссылкою на костромской говоръ. Во всякомъ случаѣ, если слово проюрдонить остается въ подозрѣніи, то «проюлить» уже не подлежитъ сомнѣнію въ своемъ русскомъ происхожденіи, будучи хорошо

извѣстнымъ въ смыслѣ игорнаго занятія, даже въ Сибири за Байкаломъ, въ тамошнихъ каторжныхъ тюрьмахъ. Здѣсь, на досугѣ, за глазами сторожевого бдительнаго надзора, людьми сильныхъ страстей ведется безконечная и азартная игра самодѣльными картами и костями. Въ играхъ второго сорта играетъ главную роль юла, вертушка, съ гранями по ребру и цифрами, замѣсто костей. Ее вертятъ двумя пальцами, играя на деньги (по объясненію самого же Владиміра Ивановича Даля). Не такъ давно, на нашей памяти, эти юлки вертѣлись, юлили гранями одна за другой, пущенныя сильной и опытной рукой на столикахъ въ восемь клѣтокъ майданщиками или мошенниками на всероссійскихъ ярмаркахъ. Теперь, расчистивъ на тюремныхъ нарахъ мѣсто отъ казенныхъ полушубковъ и собственной рвани, бросаютъ эти юлы тюремные люди, загадывая просто на четъ и нечетъ по самому простому способу: надо торопиться и оглядываться. Съ картами больше возни и опасностей, и притомъ, когда ихъ отберутъ, дѣлать новыя и долго, и трудно. Юлу не такъ жалко и отдать надзирателю и легче ее спрятать; къ тому же, и сдѣлать новую не велика хитрость. Попадется въ праздничномъ приваркѣ для арестантскаго стола говяжья кость, либо принесетъ ее со стороны сердобольный человѣкъ,—ее распиливаютъ крученой суровой ниткой, постоянно смачивая ее въ растворѣ золы и березоваго угля. Одинъ пилитъ, другой подливаетъ щелокъ, чтобы нитка не загорѣлась и не разорвалась. Садясь съ готовой юлой за игру, ведутъ ее, какъ и всѣ гуляющіе на свободѣ азартные игроки, особеннымъ счетомъ, съ условными выраженіями, какъ и у клубныхъ игроковъ въ лото и бостонъ: у юлки 9 очковъ—это лебедь, 11—лебедь съ пудомъ, 5—

пѣтушки, 4—чеква, и т. д. Тамъ же, въ этихъ же каторжныхъ тюрьмахъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ за Байкаломъ, мнѣ разсказывали слѣдующее (что я и записалъ въ свое время, въ 1860 г., и напечаталъ въ своей книгѣ «Сибирь и каторга»): «Здѣсь деньги на вино и вещи сбываются тѣмъ бывалымъ тюремщикамъ, которые вышли изъ тюрьмы на такъ называемое пропитаніе и на краю заводскаго селенія, въ особой слободкѣ, обзавелись домкомъ-лачужкой, а въ ней и юрдовкой, т. е. заведеніемъ, удовлетворяющимъ всѣмъ арестантскимъ нуждамъ и апетиту на вино, харчи и игру. Вещи, сбываемыя сюда всегда въ наличности, уходили, хотя и на наличныя деньги или на обмѣнъ ухо на ухо (товаръ за товаръ), уходили, разумѣется, далеко ниже своей стоимости, напримѣръ, шинель, цѣнимая въ казнѣ въ 2 рубля 17 коп., отдавалась въ юрдовкахъ за 75 коп. и самое большое за полтора рубля». Вообще слѣдуетъ сказать, что гдѣ только ни производились работы каторжными, вездѣ имѣлись обязательно на выгонѣ, гдѣ-нибудь въ оврагѣ, эти слободки. Имъ, по установившемуся повсемѣстно обычаю, непремѣнно присвоивалось названіе «юрдовокъ», по тѣмъ же законамъ, по какимъ придается имя всякимъ городскимъ улицамъ, переулкамъ, площадямъ и т. д. Нѣкоторымъ юрдовкамъ удалось превратиться въ цѣлыя селенія съ сохраненіемъ этого названія, къ сожалѣнію, неизвѣстнаго В. И. Далю, и, вслѣдствіе этого, не занесеннаго имъ въ его изумительно-полный и точный словарь. Еще одна коротенькая замѣтка. Извѣстно, что игры въ карты стали входить въ моду при дворѣ въ царствованіе Анны Іоанновны. Любимцы государыни, Биронъ и Остерманъ, играли на крупныя суммы

съ иностранными послами. Играли въ то время преимущественно въ «фаро» и «квинтичъ». При Петрѣ III упоминаются: «ломберъ»—игра, выдуманная въ Испаніи и называвшаяся, въ сущности, «гомберъ» (hombre — тѣнь), такъ что только «по ошибкѣ» мы до сихъ поръ говоримъ «ломберный», а не «гомберный столъ»—«кадрилія», пикетъ, контра, «панфилъ» (въ простонародіи—«филя», «простофиля» или «дурачки»).

ДЕНЬГИ ВЪ СТѢНУ.

Въ архангельскихъ краяхъ, именно около Холмогоръ, извѣстное выраженіе «давать въ стѣну деньги», вездѣ во всѣхъ прочихъ мѣстахъ давно исчезнувшее, да и здѣсь болѣе памятное лишь въ началѣ текущаго столѣтія. Оно упоминается въ грамотѣ, писанной полууставомъ на пергаментѣ и хранившейся въ соловецкой монастырской ризницѣ. Этотъ актъ выданъ былъ около 1470-хъ годовъ третьему преемнику преподобнаго Зосимы, игумену Іонѣ (Івону) отъ господина государя Новъ-города, отъ всѣхъ пяти концовъ на вѣчѣ, на Ярославовомъ дворѣ, за восемью вислыми свинцовыми печатями: владыки, посадника, бояръ, степенныхъ тысяцкихъ и проч. Этимъ документомъ предоставлялось обители преподобныхъ Зосимы и Савватія право на вѣчное владѣніе всѣми Соловецкими островами, въ предупрежденіе обидъ отъ новгородскихъ боярскихъ людей и «корельскихъ дѣтей» (т. е. жителей). Въ грамотѣ, между прочимъ, сказано: «А кто имѣетъ наступитися на тѣ островы черезъ сію жалованную вели-

каго Нова-городу грамоту, и той дастъ великому Нова-городу сто рублевъ въ стѣну». По объясненію автора «Описанія Соловецкаго монастыря», изд. архимандритомъ Досифеемъ, въ 1836 году, «древнее присловье давать въ стѣну деньги или собирать деньги въ стѣну не вышло еще изъ памяти холмогорскихъ поселянъ-старожиловъ около посадныхъ волостей. Сими словами означается у нихъ окладъ денежный или тягло, относимое на счетъ государственной казны, что надлежитъ взыскать безъ упущенія и заплатить непремѣнно». Полное довѣріе къ этому объясненію нѣсколько поколеблено въ прошломъ году сообщеніемъ нашего извѣстнаго ученаго дѣятеля и неутомимаго изслѣдователя Сѣвера, основательно изучившаго бытъ лопарей, нашего консула въ норвежскомъ Финмаркенѣ Д. Н. Островскаго, въ одномъ изъ засѣданій Этнографическаго отдѣла Географическаго общества. У лопарей, издавна считающихся христіанами, въ ихъ погостахъ, въ стѣнахъ церквей и часовенъ, нашъ любознательный консулъ находилъ вбитыми въ бревна серебряныя монеты — по большей части рубли и полтинники, сохранявшіеся нетронутыми, повидимому, съ очень давнихъ временъ. На одномъ строеніи онъ насчиталъ, приблизительно, до четырехъ сотъ рублей. Обветшалость цѣлаго часовеннаго строенія и прогнившія стѣнныя бревна въ труху и пыль указывали время, когда слѣдовало свободно и безъ труда вынимать вбитыя деньги и на нихъ сооружать новые дома молитвы. Такое буквальное и наглядное осуществленіе древняго выраженія прямѣе всего указываетъ на спеціальное назначеніе извѣстной подати въ пользу исключительно однихъ церковныхъ

зданій,—и это въ цѣлой тысячѣ верстъ отъ города Холмогоръ.

Совершенно противоположное значеніе указанному очень старинному выраженію имѣетъ то, которое недавно придумано и какъ новое крылатое слово, вылетѣло опереннымъ лишь въ послѣднее время, почти вчера. Оправдываетъ себя полтиной за рубль и меньшею единицею плутъ-купецъ, припрятавшій капиталъ и, мошенническимъ ловкимъ способомъ желающій расплатиться со своими обманутыми кредиторами. Этотъ пріемъ въ настоящіе дни на столько общеизвѣстенъ, что не обязываетъ ни на какія дальнѣйшія толкованія, которыя въ достаточномъ избыткѣ даютъ разбирательства дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ въ нашихъ окружныхъ судахъ и палатахъ. О нашемъ старорусскомъ способѣ взыска долговъ посредствомъ «правежа» упомянуто въ другой статьѣ.

ПОДЪ БАШМАКОМЪ.

Подчиненіе мужа женѣ, характеризуемое этимъ выраженіемъ, очевидно заимствованнымъ съ чужого языка (какъ думали съ одного изъ западныхъ), въ формѣ переводнаго («подъ туфлей»), въ настоящее время разъяснено извѣстнымъ профессоромъ Д. И. Иловайскимъ инымъ путемъ и способомъ. «Башмакъ,—пишетъ намъ историкъ,—слово татарское и обозначаетъ вообще обувь, сдѣлавшуюся у насъ въ извѣстномъ своемъ видѣ принадлежностью спеціально женской обуви. Въ дополненіе къ этому объясненію напомню обычай восточныхъ, т. е. азіятскихъ деспотовъ повергать на землю побѣжденнаго

и плѣннаго государя и предводителя и наступать на него ногою въ знакъ своей полной надъ нимъ власти. Откуда и у насъ сохраняется выраженіе «быть подъ пятою», т. е. «быть подъ игомъ».

ПОДЪ ИГОМЪ.

Иго—собственно перекладина въ родѣ висѣлицы, употреблявшаяся съ древнѣйшихъ временъ, и, говорятъ, примѣнена была впервые римлянами къ побѣжденнымъ самнитянамъ. Обезоруженные побѣжденные, снявши доспѣхи, вереницею подходили подъ перекладину, утверждаемую у кресла торжествующаго побѣдителя, который возсѣдалъ на немъ въ это время, любуясь позоромъ враговъ. Съ нихъ впослѣдствіи, въ ближайшія и нынѣшнія времена, взамѣну ига, начали брать контрибуціи въ разныхъ формахъ, начиная съ денежной. Въ древней Руси иго татарское требовало также денежныхъ податей, но знаменовалось также еще такъ называемою ханскою «басмою», присылавшеюся изъ Орды на Русь, которую князья наши должны были встрѣчать съ почетомъ и знаками особаго вниманія. Что такое была эта басма, нашимъ историкамъ до сихъ поръ не было въ подробностяхъ извѣстно... Карамзинъ зналъ только то, что это была ханская грамота съ печатью. Д. И. Иловайскій говоритъ, что нашимъ историкамъ осталось неизвѣстнымъ сообщеніе польскаго историка Нарбута, сдѣланное еще въ 1840 г.

Нарбутъ сообщаетъ, что какой-то любитель старины, знакомый съ письменностью литовскихъ татаръ, нашелъ въ одной ихъ рукописи, написанной

арабскими буквами на татарскомъ языкѣ съ примѣсью литовско-русскаго нарѣчія, слѣдующее объясненіе интересующаго насъ предмета: «Ханская басма была ничто иное, какъ деревянный ларчикъ, двѣнадцати дюймовъ въ длину и пяти въ ширину, наполненный растопленнымъ воскомъ, который окрашивался въ тотъ или другой цвѣтъ, смотря по желанію хана. На этой восковой массѣ, пока не совсѣмъ застывшей, оттискивалась ханская стопа прямо давленіемъ босой ноги. На такой оттискъ клалась подушечка, сшитая изъ дорогой матеріи и набитая, пропитанною запахомъ мускуса, хлопчатою бумагою. Ларчикъ закрывался высокою крышкою и завертывался въ шелковую матерію, затканную золотомъ и серебромъ. Для пути его вкладывали въ кожаный мѣшокъ, который вьючился на богато убраннаго и покрытаго пурпуровою попоною верблюда. Этого верблюда велъ особо для того назначенный чиновникъ, а для стражи и почета его окружали двѣнадцать ханскихъ знаменоносцевъ или улановъ».

ВЪ СОСѢДЯХЪ.

Пословичное правило совѣтуетъ жить миромъ съ тѣми людьми, которые поселились домами рядомъ, бокъ-о-бокъ, дворъ-о-дворъ, стѣна-объ-стѣну или межа-съ-межой и зовутся въ болѣе частыхъ случаяхъ сосѣдями (или вѣрнѣе сусѣдями, сосѣдящими вмѣстѣ) или шабрами (по испорченному старинному лѣтописному отъ сяберъ, сябръ). Примѣненіе похвальнаго правила обезпечивается давними законами, нигдѣ не записанными, но всѣми обязательно

соблюдаемыми. Чтобы быть и слыть добрымъ сосѣдомъ, конечно, не слѣдуетъ нарушать границъ чужой собственности: не захватывать своими строеніями или огородными грядами сосѣдской земли. Это прежде и главнѣе всего. Затѣвая на своемъ участкѣ новыя постройки, всякій обязанъ помнить святое правило—не стѣснять сосѣда ничѣмъ. Для этого каждый огораживается заборомъ или плетнемъ; устанавливаетъ грани и кладетъ на нихъ клейма, которыя служатъ и знаками собственности, и знаками происхожденія. Не только нельзя зарыть вырытую имъ, для просушки земли, канаву, но и свою надо направить такъ, чтобы она не подмыла амбара, не затопляла сосѣдскаго огорода. Опытный и совѣстливый человѣкъ не рѣшится прорубить дверь не только изъ своей избы, но и изъ сарая во дворъ къ шабру и не дерзаетъ не только прогонять здѣсь свой скотъ на пастбу или водопой, но и самъ осмѣливается проходить по чужимъ владѣніямъ, ради сокращенія пути и иныхъ уважительныхъ причинъ, не иначе, какъ съ разрѣшенія. Онъ въ правѣ требовать мѣста для прохода только въ такомъ случаѣ, когда другого пути нѣтъ. Когда надобятся для общаго пользованія дороги, улицы и переулки, всякій обязанъ отъ своего участка отрѣзать требуемое количество земли и притомъ соблюдать, чтобы проѣздное или прогонное мѣсто не было тѣсно. Можно закрыть этотъ путь, если онъ никому не нуженъ и если нашелся другой, который можетъ удобно его замѣнить. Хозяйкамъ изъ давнихъ временъ указано не бросать сору на чужой участокъ и не позволяется даже ссыпать золу подъ сосѣдскимъ заборомъ. Кто проведетъ къ себѣ воду изъ общественнаго источника и этимъ его изубожитъ,

тому, по мірскому приговору, достанется плохо: велять все передѣлать изъ новаго по старому и заплатить денежный штрафъ. Что̀ каждый выбралъ себѣ и огородилъ свое излюбленное мѣсто, тѣмъ и владѣй, какъ знаешь, но безъ стороннихъ ущербовъ, помня одно, что если сосѣдъ дрова рубитъ, то насъ не разбудитъ. Святое правило, изжитое вѣками и добытое долговременнымъ опытомъ, прямо говоритъ: «не купи двора, купи сосѣда». Онъ не запретитъ брать изъ своего колодца воду для питья даромъ и разбѣ, на случай порчи сруба или журавля, попроситъ пособить починкой, изъ совѣсти. Онъ вообще явится первымъ на помощь съ топоромъ или могучимъ плечомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одному невозможно справиться и т. п. Конечно, эти коренныя и другія подобныя имъ и многочисленныя правила установились не сразу, а послѣ множества ссоръ и пререканій, слѣды которыхъ въ обиліи встрѣчаются въ старинныхъ актахъ юридическаго характера, открывая обширное и любопытное поле для ученыхъ изслѣдователей. Жалобами и спорами установлялось то могучее начало общиннаго права, которымъ сильна и крѣпка наша Русь. Каждый при своемъ является вмѣстѣ со всѣми, на общемъ дѣлѣ, неодолимою силою.

Входя въ область такъ называемаго обычнаго права, сосѣдскія права занимаютъ въ немъ одно изъ обширныхъ мѣстъ и по разнообразію своему представляютъ благородный матеріалъ для обширныхъ ученыхъ изысканій и бытовыхъ народныхъ картинъ. Понадобятся объясненія межевыхъ законовъ обычнаго права и земельныхъ порядковъ, скажется разница между заборомъ, изгородью и прясломъ, обнаружится удивительное искусство кресть-

янъ невооруженнымъ глазомъ, при помощи одного топора, проводить, напримѣръ, черезъ лѣса межевыя линіи, чуть ли не верстовыя и притомъ съ поразительною точностію, и т. д. Сосѣдятъ русскіе люди не только съ деревенскими свояками и сватами, а «суть князи муромскыи и рязанскіи (татары) въ сусудѣхъ», говоря лѣтописнымъ выраженіемъ. Покупая же сосѣда, т. е. приселяясь къ инородцамъ, наши переселенцы дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ съ осмотрительностью и осторожностью: такъ, напримѣръ, при заселеніи богатыхъ оренбургскихъ степей, въ концѣ прошлаго вѣка, наши, привычные и повадливые безъ разбора ко всякому сосѣдству, неохотно сосѣдились съ башкирами, у которыхъ господствуетъ племенная страсть къ конокрадству. Съ другими, какъ съ лопарями и вотяками, охотно братались наши люди, мѣняясь тѣльными крестами и называясь крестовыми братьями, сестрами, съ зарокомъ вѣчной дружбы и взаимной помощи при нуждѣ и т. п.

Если углубиться больше въ этотъ живой вопросъ, выяснится крупная разница въ крестьянскихъ хозяйствахъ: великорусскихъ общинныхъ и бѣлорусскихъ подворныхъ. Въ послѣднихъ запахиваніе чужихъ полосъ продолжается годами и представляется явленіемъ заурядным, вызывающимъ множество тяжбъ. Каждый домохозяинъ изъ племени кривичей, дреговичей и древлянъ заботится всецѣло о своемъ лишь благосостояніи. Желаніе однихъ привести въ извѣстность межи разрушается всегдашнимъ несогласіемъ другихъ. Вопреки всероссійскому общинному строю деревенской жизни, здѣсь не только въ обществѣ, но и въ семьяхъ все стремится къ отдѣльному, независимому другъ отъ друга

самостоятельному быту. Община давно здѣсь исчезла и слабые слѣды ея лишь тускло выражаются въ единственномъ остаткѣ славянской старины—въ толокахъ или помочахъ — обычаѣ, примѣняемомъ въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и въ Великороссіи. Ни о круговой порукѣ, ни о какихъ земельныхъ передѣлахъ и о прочемъ здѣсь не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, послѣ продолжительныхъ стремленій къ обезземеленію крестьянъ мѣстными панами.

ОТЪ НАВАЛА РАЗЖИВАЮТСЯ.

Въ торговлѣ (московской по преимуществу) слово «навалъ» получило особенное своеобразное значеніе: зовутъ довольно обычный купеческій пріемъ въ сдѣлкахъ съ иногородними оптовыми покупателями, состоящій въ томъ, что, сверхъ зауcловленнаго, стараются навязать лишнее, по большей части залежалое. Такой разсчетъ основанъ на томъ, что въ глухихъ мѣстахъ на темныхъ людей всякій товаръ разойдется, если приложить къ тому старанье и умѣнье. Весь товаръ идетъ на кредитъ, а навальной уже сверхъ сыта, а чтобы оптовой покупщикъ не упрямился пріемомъ, для этого имѣются въ Москвѣ давно приспособляемые пріемы въ разнообразныхъ угощеніяхъ по трактирамъ, загороднымъ гулянкамъ и инымъ увеселительнымъ мѣстамъ, чтобы затуманить глаза въ то время, когда лавочные молодцы накладываютъ и упаковываютъ товаръ. Многіе отъ этого навала успѣли разориться, о чемъ въ особенности отлично помнятъ, точно и подробно знаютъ сибиряки и указываютъ имена. Опу-

щая значеніе постановленнаго въ заголовкѣ выраженія въ московскомъ смыслѣ, Даль даетъ свое, говоря: «наваль (въ пословицѣ) понимается въ значеніи навала покупателей, а не товара: коли толпа, народъ валитъ валомъ, — разживаются отъ бойкаго сбыту, почему и бойкое, торное мѣсто купцу дорого, а насиженое на бою, куда заборщики валятъ по привычкѣ, вдвое дороже». Припоминая, что собирателю пословицъ приходилось отбиваться отъ такихъ строгихъ судей, по приговору которыхъ весь сборникъ не былъ допущенъ въ печать, смягченное толкованіе было вынужденно (въ оправдательномъ отвѣтѣ оно и приведено). На самомъ же дѣлѣ оба явленія очевидны и дѣйствительны въ практической жизни, а стало быть въ равной степени надобятся и годятся обѣ приведенныя причины наживы отъ наваловъ.

ДАВАТЬ СЛАЗУ.

Во всѣхъ тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда на малое много охотниковъ, желающихъ пріобрѣсти предлагаемое или продажное и потому представляются затрудненія разойтись по миру—по согласію, издавна установился своеобразный обычай. Зародился онъ на деревенскихъ базарахъ и вообще на мѣстахъ торговыхъ сходокъ и сдѣлокъ, гдѣ зачастую, говоря книжнымъ терминомъ, спросъ превышаетъ предложеніе. На привозный товаръ, особенно на самый ходовой и вѣрный, какъ напримѣръ, хлѣбное зерно, набирается цѣлая толпа покупателей. Большею частью это — продувные, опытные и ловкіе барышники, за многочисленностью и разнообразіемъ, получившіе

множество прозваній. Они устанавливаютъ цѣну, усердно торгуясь и безжалостно притѣсняя продавца. Наиболѣе ловкіе до такой степени сбиваютъ цѣну, что всякому чрезвычайно выгодно дать ее и нажить барыши. Какъ извернуться, чтобы не обидѣть сосѣдей и товарищей по промыслу? Съ ними, по пословицѣ, доведется дѣтей крестить. Придумали такъ, чтобы рѣшеніе вопроса, безъ раздраженія до брани и драки и безъ неизбѣжныхъ послѣдующихъ упрековъ, предоставить судьбѣ или жребію. Послѣдній и является въ формѣ ломанаго гроша или другой мѣдной монеты, съ натиснутой зубомъ щербинкой и т. п. Жребій каждаго бросается въ шапку, въ ней встряхивается и вынимается. Чей первымъ попался подъ руку, тотъ и указалъ на счастливаго владѣльца: за нимъ или товаръ при куплѣ или тотъ подрядъ на какую-нибудь наемную работу, которая соблазнила сотни людей, но понуждалась лишь въ десяткахъ. Удачникъ обязанъ откупиться отъ товарищей, которымъ не посчастливило, чтобы не было имъ напраснаго и обиднаго разочарованія: онъ долженъ отъ себя внести условленную сумму. Послѣдняя опредѣляется еще раньше гдѣ-нибудь въ кабакѣ и даже выдается на руки тому, кто окажется опаснымъ либо по задорному нраву, либо по толстому карману, либо по упрямству и стойкости въ своихъ намѣреніяхъ. Его необходимо отвлечь отъ торговъ, чтобы отсталъ, не набивалъ цѣны или, въ крайнемъ случаѣ, готовъ былъ охотно передать, по жеребьевому обычаю, взятую имъ работу или порядокъ.

Эта мошенническая сдѣлка, зародившаяся на грязныхъ сельскихъ площадкахъ, перенесена была даже въ высокія и свѣтлыя залы зданія Правительствую-

щаго Сената и не такъ давно практиковалась тамъ, когда сдавались съ торговъ питейные откупа, быстро обогащавшіе многихъ и ловко спаивавшіе народъ. Въ этихъ случаяхъ отсталое достигало до десятковъ тысячъ рублей, особенно, когда охотились на дѣло люди съ огромными связями, титулованными именами и сильными денежными залогами. Этотъ способъ устраненія опаснаго и лишняго соперника отъ соблазнительнаго подряда или даже и просто отъ такого дѣла, которое даетъ голодному хотя малыя средства къ пропитанію, называется различно — именно потому, что онъ многообразно и повсюдно примѣняется. Говорятъ: «далъ отсталаго», «взялъ отступное», получилъ «сламъ», далъ «слазъ» Послѣднее слово (т. е. слазъ) наиболѣе употребительно, хотя, повидимому, и наименѣе понятнымъ образомъ объясняетъ внутренній смыслъ свой. Но это только повидимому. Въ сущности, это слово, дѣйствительно, родилось на постоялыхъ дворахъ, въ ямщичьихъ кругахъ, но на сенатскихъ торгахъ оно предпочиталось всѣмъ другимъ, однороднымъ и болѣе вразумительнымъ. Оно же понравилось и современнымъ подрядчикамъ на всевозможныя казенныя и общественныя работы, когда являются на торги зачастую люди безъ гроша въ карманѣ, особенно евреи, составившіе изъ этого дѣла особый мошенническій промыселъ. Теперь безъ нихъ уже ни одни торги не обходятся и иные юркіе люди этими плутовскими пріемами не только кормятся, но и наживаютъ изрядныя деньги.

Густой толпой накидывались извозчики-троешники на пришедшаго сѣдока, желавшаго ѣхать въ длинную путину отъ мѣста до мѣста такъ, чтобы больше уже нигдѣ не торговаться и не искать новыхъ же-

лающихъ везти, не подвергаться неожиданнымъ, безвыходнымъ и обиднымъ притѣсненіямъ. Одинъ изъ толпы выдѣлялся—это рядчикъ: онъ и торговался, запросивши впередъ невѣроятную цѣну. Сбавляя съ нея съ упорствомъ по четвертаку и по полтинѣ, онъ истощалъ терпѣніе нанимателя и достигалъ того, что послѣдній платилъ двойную сумму, противъ попутчика, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ въ томъ же тарантасѣ. Самъ рядчикъ не ѣздилъ, — онъ только устанавливалъ цѣну по общему закону во всѣхъ сдѣлкахъ подобнаго рода «торговаться одному, а конаться (метать жребій) всѣмъ». Поѣдетъ съ сѣдоками тотъ, кто ухватился послѣднимъ за самый конецъ палки и веревки, а всѣмъ остальнымъ привелось «слазить» съ козелъ, уступать свое мѣсто, и за то получать отступное, «слазъ», всегда деньгами, и никогда выпивкой. Эта послѣдняя сдѣлка на вино не будетъ уже отступнымъ, а зовется «срывомъ», взяткой, именемъ литокъ (литка), стариннаго могорца (могорецъ), переименованнаго теперь въ магарычъ (чаще употребительный при продажѣ лошадей). Магарычи обычно пропиваются, и если они выпиты, то и дѣло покончено; если же кого послѣ нихъ взяло раздумье, тотъ уже опоздалъ. Говорится также: «кто о барышахъ, а кто о магарычахъ; и «барышъ барышемъ, а магарычи даромъ», потому что и здѣсь, какъ и при другихъ крупныхъ сдѣлкахъ, иные наметавшіеся въ ярмарочныхъ и базарныхъ торгахъ «съ магарычей такъ же расторговываются», а иные только лишній разъ напиваются. Этотъ же самый слазъ бралъ ямщикъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда являлся единственнымъ соперникомъ, но имѣлъ передъ собою товарища которому везти сподручнѣе, такъ какъ онъ обрат-

ной, а потому сговорчивый. Выгоднѣе для этого охотника «дать слазу», оставить себѣ хоть что-нибудь:—все равно надо ему возвращаться порожнякомъ, и притомъ совершенно даромъ. И маленькая рыбка на этотъ разъ—по пословицѣ—лучше большого таракана.

ЧТО НИ ПОПЪ, ТО И БАТЬКА.

Если суевѣрный народный обычай при встрѣчѣ со священниками, почитаемой дурнымъ знакомъ, указывающій на нѣкоторыя предосторожности, въ родѣ бросанія щепокъ на слѣдъ и другіе пріемы, народился во времена глубокой древности, то доказанное и выписанное выраженіе несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, хотя также стариннаго [1]). Толковники объясняли намъ, что во времена язычества на Руси, священникъ, какъ представитель новой вѣры, проповѣдникъ христіанства и креститель, могъ быть грознымъ для тѣхъ, которые еще коснѣли въ идолопоклонствѣ. Когда встрѣчный снималъ передъ нимъ шапку, складывалъ руки такъ, что правая рука приходилась на ладонь лѣвой и подходилъ подъ благословеніе, значитъ, правъ человѣкъ: получи благословеніе и ступай своей дорогой. Въ противномъ случаѣ, скажи: кто ты, и во что вѣруешь, и умѣешь ли крестъ класть на лобъ; если же ничему таковому не навыкъ и не научился, — ступай ко властямъ гражданскимъ. Эта

---

[1]) Дурнымъ предзнаменованіемъ служатъ также встрѣчи съ дѣвкой, со вдовой, съ монахомъ, вдовцомъ, холостякомъ, съ пустыми ведрами и т. д.

власть «отдастъ за приставы» и пособитъ духовному клиру пріобщить къ стаду вѣрныхъ новую овцу болѣе надежными и внушительными средствами, чѣмъ устная убѣждающая проповѣдь. Наше крылатое слово относится уже къ тому времени, когда священство сдѣлалось въ народномъ быту настолько обыкновеннымъ и обязательнымъ явленіемъ въ значеніи отдѣльнаго сословія, что народъ почувствовалъ нѣкоторыя неудобства и тяготы, сталъ поговаривать «отъ вора отобьюсь, отъ приказнаго откуплюсь, отъ попа не отмолюсь». Тогда уже спознали, что у послѣдняго «не карманы, а мѣшки», привыкли къ поповскимъ обычаямъ, которыхъ оказалось очень много. «Родись, крестись, женись, умирай—за все попу деньги отдавай»—говорилось съ сердцовъ и запечаталось въ пословичномъ выраженіи. Въ свое время узнались поповскіе глаза завидущіе, руки загребущія и поповы дѣтки непутныя, рѣдко удачливыя, и поповскія замашки и норовъ, который на кривой не объѣдешь. Дошли и до такихъ тонкихъ наблюденій, что выучились узнавать попа и въ рогожѣ; стали отличать не только поповыхъ дочекъ, но и поповыхъ собакъ и курицъ. Познакомились и со вдовой-попадьей, которая всему міру надокучиваетъ, и съ замужней, которая обычно на всѣхъ деревенскихъ пирахъ требуетъ себѣ почетнаго мѣста, тискается впередъ, толкаетъ подъ бока локтями и, не глядя, наступаетъ на ноги, ищетъ мѣста задомъ.

Съ самыхъ древнихъ временъ крѣпостничества и до послѣднихъ дней его издыханія выработались такія взаимныя отношенія рабовъ къ властямъ и начальствамъ всякаго вида: общая покорность въ помѣщичьихъ вотчинахъ земскимъ властямъ, без-

прекословное и быстрое повиновеніе приказамъ земской полиціи, робкое и льстивое обращеніе съ начальниками разныхъ статей, какъ напримѣръ, съ лѣсничими, съ такъ называемыми «водяными» инженерами и прочими чиновниками по многочисленнымъ спеціальностямъ. Чиновникъ видоизмѣнился въ имени: сталъ зваться всѣмъ крестьянствомъ безъ различія «бариномъ». Не только помѣщичьи, но удѣльные и государственные крестьяне начали отличаться, напримѣръ, въ лѣсной Россіи именно тою мягкостью и податливостью въ обращеніяхъ со всѣми властями, которая породила характерную народную черту лукавства, выраженную столь опредѣленнымъ и короткимъ сказомъ: «что ни попъ, то и батька». Тогда народъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ «есть барскій» и свободно позволялъ «вить изъ себя веревки». Выходило во всякомъ случаѣ такъ, что при множествѣ властей, не обузданныхъ въ опредѣленныхъ границахъ въ своемъ значеніи и вліяніи, всякій оказывался бариномъ: кто раньше всталъ, палку взялъ, тотъ и капралъ, или что ни попъ, то и батька. Въ новѣйшія времена, для кого безразлично служить въ томъ или другомъ мѣстѣ, работать, угождать и льстить все равно кому бы то ни было, для такого человѣка, конечно, то же самое, что ни попъ, то и батька, и т. д.

НАЧАЙ.

Я просилъ наборщика набрать, а корректора не исправлять этого слова, стоящаго въ заголовкѣ, на томъ основаніи, что чувствуется въ немъ такое плотное сліяніе начальнаго предлога съ управляемымъ

существительнымъ, каковое сліяніе замѣчается и въ самомъ обычаѣ съ народною жизнью. Изъ двухъ частей рѣчи народилась одна. Это нарицательное имя, означающее всѣмъ извѣстную и для каждаго обязательную установленную подать, родственно, по внѣшней формѣ и внутреннему смыслу, напримѣръ, со словами настолъ (русскій колымъ или плата, полагаемая на столъ за невѣсту), наславленье—сборъ въ рукахъ духовенства, вещественный знакъ благодарности за духовное славленье при посѣщеніи домовъ со крестомъ и св. водою, нахрапъ и нахрапы—взятыя насильемъ взятки и жадно награбленныя состоянія вымогателей, наростъ — деньги, даренныя крестнымъ отцомъ, или то же, что общеупотребительный назубо̀къ и прочее. Всѣ эти старинныя слова, подобно приданому, подушному и т. п., издавна склоняются по всѣмъ падежамъ обоихъ чиселъ. Говорятъ, напримѣръ, смѣло и не оглядываясь на свидѣтелей такимъ образомъ: не жалѣлъ кумъ на̀ростовъ крестникамъ—удареніе на первомъ слогѣ, чтобы не смѣшивать съ болѣзненнымъ возвышеніемъ на живыхъ тѣлахъ,—не жалѣлъ этихъ подарковъ: безъ на̀роста никогда не подходилъ къ купѣли, разсчитывая этимъ привлечь любовь крестнаго сына и на щедромъ на̀ростѣ достигалъ того же и у кумовьевъ. На томъ же основаніи и наше составное слово, удалившееся смысломъ на неизмѣримое разстояніе отъ своего корня (чай—растеніе, а начай—мелкая взятка, плата сверхъ условія или за небольшой трудъ), начинаетъ въ живой рѣчи подчиняться всѣмъ грамматическимъ правиламъ. Кое-гдѣ уже дерзаютъ говорить во множественномъ числѣ; примѣрно такъ: пошли поборы, да взятки, да разные начаи; всѣмъ праздникамъ бываетъ ко-

нецъ, а начаймъ конца нѣтъ и въ годъ приходится раздать на начай столько, что карманъ трещитъ. Хотя отъ начаевъ богатъ не будешь, однако иныя семьи давно уже помаленьку живутъ этими самыми начаями. Стало быть и намъ не только обязательно выдать начай, но можно остаться при этомъ безъ карманныхъ денегъ отъ выданнаго сегодня начай и быть по праву всегда недовольнымъ частнымъ начаемъ [1]). Если, въ самомъ дѣлѣ, ка-

[1]) Въ купеческихъ счетахъ на Волгѣ давно уже значатся «начайныя» деньги, стоящія рядомъ съ наводочными и нахлѣбными. Въ указанномъ же примѣрѣ слѣдую тому же образцу, который указанъ давно установившимся обычаемъ, приложеннымъ къ слову «завтра» (заутро, завтріе), какъ существительному средняго рода. Родительный падежъ будетъ, по желанію, или завтрея, или завтраго, или завтрева (не далѣе до завтрева). А затѣмъ. дательный—день къ вечеру, а работа къ завтрему,—къ тому же времени можно теперь изъ Петербурга и въ Москву попасть,—къ завтрею, завтра, заутру. Когда завтра будетъ? (винительный) — отвѣтъ: никогда. Сегодня не сработаешь—завтреемъ не возьмешь (творительный). Въ творительномъ говорится и такъ: завтримъ, заутромъ; въ предложномъ, стало быть, о завтреѣ, о завтремъ, о заутрѣ. Вообще у завтра нѣтъ конца, между прочимъ, нѣтъ конца и предѣла той свободѣ обращенія съ роднымъ языкомъ простого народа, не стѣсненнаго грамматическими правилами, навязанными въ школахъ. Своеволье (если только имѣемъ право такъ выразиться) доходитъ до изумительныхъ дерзостей. Укажу на одинъ курьезный примѣръ. Знакомое намъ со школьной скамьи изъ устъ учителя русскаго языка личное мѣстоименіе въ родительномъ падежѣ множественнаго числа во многихъ мѣстахъ, среди мѣщанскаго купеческаго и крестьянскаго люда принято за существительное имя и дерзостно склоняется на разные лады, конечно, въ значеніи «не моего, чужого», принадлежащаго другимъ. Говорятъ: иха, ихо, а потому, ихова, ихой, ихому, иху, ихи, ихимъ, ихихъ, ихими. Затѣмъ, конечно, по послѣдовательности усвоеннаго привычкою правила: ихніи, ихна, ихно, ихнова, ихному, ихну, ихни, ихнихъ, ихнимъ,

жется страннымъ склоненіе этого слова въ единственномъ числѣ, то, минуя бытовое явленіе, когда эти поборы часты, многочисленны и мелки, мы всетаки не должны забывать, что это слово новое, создавшееся почти на нашей памяти. Оно еще не обдержалось такъ, чтобы могло гнуться и склоняться по грамматическимъ правиламъ подобно тому, какъ, съ явною смѣлостію и рѣшительностью, продѣлываютъ то же и съ такимъ же составнымъ существительнымъ «заграница», когда стали туда почаще ѣздить и интересоваться ею даже и тѣ темные люди, которымъ извѣстна была до тѣхъ поръ лишь одна Бѣлая Арапія. Свободные въ обращеніи съ роднымъ языкомъ, какъ вѣтеръ въ полѣ, коренные русскіе люди съ природнымъ, стариннымъ давно уже не церемонятся. Напримѣръ, молоко въ нынѣшней формѣ своей проводится на сѣверѣ Россіи по всѣмъ падежамъ множественнаго числа, вопреки запрета всѣхъ нашихъ грамматикъ, прославившихся противорѣчіями, недописанными законами и недодѣланными правилами. Тамъ твердо увѣрены, что молоки бываютъ разныя, другъ на друга мало или совсѣмъ не похожія: прѣсное и квашеное или кислое, топленое и парное, простокваша и варенецъ, творогъ, сметана и сыры,—вообще всѣ молочные продукты, имѣющіе одно общее названіе «скоповъ». Вотъ почему и ѣдетъ смѣло и рѣшительно на архангель-

---

ихными, и т. д. Это, впрочемъ, то же самое, что «ейный» петербургскихъ кухарокъ, у которыхъ замѣчается особенная наклонность уродовать родной языкъ — говорить: «уседчи», вмѣсто ушелъ, т. е. въ замѣну прошедшаго времени всѣхъ залоговъ глагола говорить причастіями и дѣепричастіями прошедшаго времени.

скій базаръ подгородная баба и дерзко и безсовѣстно кричитъ на всю площадь, предлагая свой товаръ въ разнородныхъ сортахъ и во множественномъ числѣ любому учителю и ученику гимназіи.

Слово «начай» дѣйствительно новое, но составленное по тому же старому закону, какъ хлѣбъ-соль, да еще и съ челобитьемъ ради спасиба. Оно лишь въ серединѣ нынѣшняго столѣтія дерзнуло счастливо посоперничать и съ притворною ласковостью, и съ обманомъ подсмѣнять завѣтную и старинную «наводку, наводочку, навино». Годъ, когда началось повальное московское чаепитіе, съ точностью опредѣлить трудно: говорятъ, что вскорѣ «послѣ француза» получила свое начало трактирная жизнь и дикіе, домосѣдливые купцы начали посѣщать театры, отдавшись обоимъ развлеченіямъ съ неудержимымъ увлеченіемъ и охотою. Измѣнились люди до того, что давно уже въ Великороссіи сложилась поговорка, что «нынѣ и пьяница наводку не проситъ, а все начай». Исключеніе представляютъ два родственные народа: бѣлоруссы и малоруссы, за которыми, въ числѣ многихъ древнихъ привычекъ, осталась и эта просьба, высказываемая откровенно и напрямикъ,—«на горилку». На большихъ дорогахъ, вблизи племенныхъ границъ, эта просьба ямщика, обращаемая къ проѣзжему, смѣло засчитывается въ число этнографическихъ признаковъ таковыхъ границъ. Такъ, напримѣръ, по Псковской губерніи все проситъ «начаекъ». Въ Витебской и Смоленской тотъ же почтовый ямщикъ, почесывая спину и въ затылкѣ, выпрашиваетъ на прощанье «навино». Почтовая «наводка» сдѣлалась даже обязательною, закономъ установленною прибавкою (отъ 5 до 10 коп.), для ѣдущихъ даже по казенной надобности, осво-

божденныхъ отъ платы шоссейной и за экипажъ (по 12 коп.). Право это до того всосалось въ плоть и кровь ямщиковъ на всемъ пространствѣ русской земли, что отказъ считается невѣроятнымъ и вызоветъ непріятныя сцены. Обѣщанная прибавка къ наводкѣ навѣрное обѣщала ускоренную ѣзду, а приведенная въ исполненіе по пути натурой тѣшила и веселой пѣсней и острыми прибаутками и приговорами. Насколько скудна деревня и велика деревенская нужда, можно видѣть изъ того разнообразія указаній, которымъ нȧскоро и счетъ подвести нельзя. Со всѣхъ ногъ мчатся босоногіе ребятишки отворять проѣзжимъ ворота, выходящія на деревенскія поля, а если ворота изъ деревни на выгоны остаются незапертыми и даже сняты съ петель, и нѣтъ даже такой работы, тѣ же ребята гурьбой стоятъ у вереи и ждутъ подачки, что сбросятъ: пряники, баранки, мѣдныя копѣечки, орѣхи. Не догадался запастись всѣмъ этимъ проѣзжій,—смѣлые бранятся, малые во всю глотку ревутъ и всетаки бѣгутъ слѣдомъ въ подпрыжку, пятки сверкаютъ.

Въ однихъ мѣстахъ, какъ въ той же Новгородчинѣ, прямо, безъ всякихъ обиняковъ просятъ на хлѣбушко: — подавайте этимъ, ради Христа Самого подавайте; своего хлѣба не хватило имъ далеко до Николы зимняго, а привозный и продажный купить совсѣмъ не на что. Въ мѣстахъ посытнѣе просятъ на калачики—на сладкій кусъ, на пшеничныя баранки; на Кавказѣ и за Кавказомъ—на кишмишъ. Краснымъ дѣвицамъ даютъ на орѣшки, горничнымъ — на помаду, барышнямъ либо на булавки, либо на перчатки; солдатамъ на табачокъ и т. д. Складываютъ правую руку въ горсточку и вытяги-

вають ее во всю длину навстрѣчу прохожему малыя дѣти, прося на орѣшки, гдѣ ихъ нѣтъ, и на пряники, гдѣ ихъ пекутъ, да не даютъ даромъ. Суютъ руку и взрослые, говоря еще проще: «прибавь на бѣдность». Часто услышишь: «подайте на погорѣлое», хотя послѣдніе бываютъ двухъ сортовъ: правдивое и лживое. А иной «Абросимъ совсѣмъ не проситъ, а дадутъ—не броситъ»: ему, пожалуй, ужъ и не такая великая нужда въ милостыни, да отъ дарового не велятъ отказываться, если уже расходилась милостивая и не оскудѣвающая рука дающаго.

Степенный старикъ съ окладистой бородой, съ подвѣшеннымъ на груди планомъ храма и со внушительнымъ видомъ, выпѣваетъ: «будьте вкладчики въ церкву Божію, на каменно строенье» (на кабацкое разоренье — подсмѣиваются остряки). Молодой парень съ длинной палкой отъ собакъ и съ блюдечкомъ, накрытымъ шелковой тряпицей, для доброхотныхъ даяній, проситъ «на благовѣстное колоколо». Подачки или подарковъ просятъ даже на свадьбахъ: «на шильце, на мыльце, на кривое веретено». Выраженіе «шильцемъ и мыльцемъ» вошло даже въ поговорку о тѣхъ людяхъ, которые, по бѣдности, пробиваются кое-какъ, но не выпускаютъ изъ рукъ ничего подходящаго и ничѣмъ не пренебрегаютъ. Малые нищіе молятъ «на хлѣбецъ копѣечку», большіе «для праздника Господня: тѣлу во здравіе, душѣ во спасенье отъ своихъ трудовъ праведныхъ». Это очень длинно и нараспѣвъ, и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ надо надокучать, чтобы разжалобить, надо долго пѣть, чтобы обратить вниманіе. Въ архангельской тайболѣ, въ самыхъ глухихъ и совершенно безлюдныхъ мѣстахъ, ветхіе старики-кушники, неспособные за увѣчьемъ или старостью

къ работѣ, и отъ долгаго житья въ пустынномъ одиночествѣ даже разучившіеся говорить, мозолистую правую руку, сложенную корытцемъ, протягивали мнѣ со словами: «не сойдетъ ли что съ твоей милости?» Тутъ уже нѣтъ опредѣленнаго вида нужды, ибо все нужно, ничего нѣтъ, кромѣ общественной курной избы. Этому, что ни дашь—все ладно: яичко ли, недоѣденный пирогъ. Здѣсь, пожалуй, за деньгами не очень гоняются, ничему онѣ не послужатъ, потому что и купить негдѣ и нечего въ этой мертвой лѣсной пустынѣ. Остался одинъ, не помнящій добра желудокъ, который и проситъ хлѣбушка, а въ прочихъ желаньяхъ не на чемъ остановиться, все неизвѣстно, а былое забыто и замерло. Тутъ все ясно, а потому и коротко. Въ населенныхъ мѣстахъ нужда болтлива: она проситъ распѣвая и длинными стихами и коротенькою складною рѣчью, всегда уныло и протяжно. Придуманы праздники и съ ними установлено, когда и о чемъ просить: яичка и сыровъ на Пасху, ветчинки и колбаски на Рождество, блиновъ на могилахъ. Къ этимъ временамъ приложены длинные стихи, распѣваемые въ Бѣлоруссіи особыми артелями такъ называемыхъ волочебниковъ, въ Великороссіи мальчиками, разными нищими и т. п. Во всякомъ случаѣ здѣсь нужда мудрена: пошла на всѣ выдумки, хотя на самомъ дѣлѣ истинная нужда скромна и молчалива.

ИЗЪ КУЛЬКА ВЪ РОГОЖКУ.

Мужикъ надралъ лыкъ съ липовыхъ деревьевъ въ маѣ, когда поднимается древесный сокъ, а кора сидитъ слабо, и сдѣлалъ надрѣзъ сверху внизъ. Сокомъ отдирается кора отъ ствола и въ іюлѣ сама отпадаетъ. Собранное лыко до октября кладутъ въ рѣчки или ямы, гдѣ оно очищается отъ верхней коры и клейкаго вещества. Связалъ мужикъ надраное лыко вязками, сложилъ на возъ и свезъ на базаръ. Нашлись у него покупатели. Здѣсь, по давнему обычаю, ждутъ этого добраго и трудолюбиваго человѣка лиходѣи затѣмъ, чтобы запутать простоту и сбить на его товаръ цѣну. Сами ткачи не торгуются, а подсылаютъ бойкихъ молодцовъ. Когда эти установятъ безсовѣстную цѣну, покупщики, стоявшіе въ кучкѣ и въ сторонѣ съ тѣмъ видомъ, что какъ будто вся эта плутня не ихъ дѣло— начинаютъ бросать жеребій. Кому вынется, тотъ и принимаетъ покупку, остальнымъ выдаетъ онъ отступного, каждому по 5, 10, 15 копѣекъ. Промышленный человѣкъ раздалъ это лыко подручнымъ рабочимъ изъ вольныхъ охотниковъ, а то и самъ принялся за выдѣлку, если есть у него своя зимница—большая холодная изба съ небольшими окнами, заложенными соломой. Въ ней стоитъ пыль столбомъ, жаръ, духота и смрадъ, какихъ поискать въ иныхъ мастерскихъ. Тутъ ѣдятъ и спятъ, и время проводятъ такъ, что, выспавшись немного въ сумерки, въ 10 часовъ вечера встаютъ на работу до разсвѣта, когда завтракаютъ, потомъ съ часъ отдыхаютъ и снова работаютъ. Труда много, но издѣлія идутъ на базарахъ за безцѣнокъ. Наживаются,

какъ и всегда и вездѣ, кулаки какъ скупкою и перепродажею рогожъ, такъ и торговлею мочаломъ. Изъ коры стволовъ приготовляется лубъ, изъ коры вѣтвей выдѣлывается мочало, для чего оно раздирается на мелкія ленты. Изъ нихъ на станахъ, стоящихъ посрединѣ зимницъ, ткутъ рогожи разныхъ сортовъ и наименованій тѣмъ же способомъ, какъ и шелковая матерія (съ основой и утокомъ): черезъ большое бедро снуются мочалочныя ленты, концы которыхъ связываются въ одинъ узелъ и натягиваются на деревянную раму; утокъ продѣвается иглой въ 3/4 арш. длины, которая имѣетъ на обоихъ концахъ дыры для вдѣванія лентъ. Изъ двухъ рогожъ большой иглой, согнутой въ дугу, шьется куль: лучшій сортъ—верхи—идетъ въ немъ на покрышку, исподъ составляетъ внутреннюю сторону куля. Это кулье съ хлѣбомъ въ бунтахъ покрывается таевкой, вытканной гораздо длиннѣе и нѣсколько шире. Если изъ прорваннаго крюкомъ или изъ худо сотканнаго и потому всегда легкаго на вѣсъ куля высыпался хлѣбъ на покрышки, то не все ли равно:—на ту же рогожу, но лишь съ худшимъ исходомъ и лишнимъ трудомъ для рабочихъ. Лежалъ хлѣбъ въ зашитомъ кулѣ: хорошо ему было. Высыпался онъ,—и испортилъ все дѣло. Отъ непогоды, подъ дождемъ спрятался по случаю одинъ находчивый возчикъ въ распоротый куль: ему стало немножко ловчѣе, да подняли на смѣхъ товарищи. Насмѣшки обидѣли, онъ прикрылся таевкой, но выигралъ немного: рогожа стоитъ коробомъ, защищаетъ спину, но не прикрываетъ головы, вода течетъ за воротъ, да притомъ надо постоянно запахиваться, потому что тяжелая рогожа лѣзетъ себѣ съ одного плеча на другое. Сдѣлалось не

только не лучше, но даже несравненно хуже, хотя и приличнѣе, по крайней мѣрѣ теперь некому насмѣхаться, потому что всѣ товарищи облачились такимъ же образомъ. Ошибся въ чемъ-либо иной человѣкъ (не рогоженый возчикъ, а, напримѣръ, городской щепетильный житель), разсчитывалъ поправиться, изловчиться, придумалъ новый способъ и снова неудачно: «поправился изъ кулька въ рогожку». Это еще хорошо или такъ себѣ, все около того же, ни хуже, ни лучше, одинаково. Но бываетъ невыносима неудача въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится сказать и самому себѣ (и посторонніе люди съ этимъ вполнѣ согласны): «попалъ какъ куръ во щи» или «отъ дождя да въ воду», или «попалъ изъ огня да въ полымя», и т. д.

НЕ ВСЕ — ОДНО.

Это отвѣтное указаніе тому, кто обычно путается не только въ понятіяхъ, но путаетъ и смѣшиваетъ самыя употребительныя и привычныя слова. Въ послѣднихъ отъ замѣны даже одной только буквы, одного звука выходитъ совсѣмъ другое и вовсе не похожее ни въ представленіи, ни по наружному виду. На это имѣется прекрасный примѣръ въ очень распространенномъ на нижней Волгѣ и въ Оренбургскомъ краѣ съ чужого языка коротенькое выраженіе, усвоенное русскими поселенцами: «То ишакъ, а то ишанъ». И въ Сибири, и на Кавказѣ, и въ томъ же Оренбургскомъ краѣ ишакомъ называется животное конской породы, equus asinus — извѣстный всѣмъ оселъ (въ его прямомъ, а не переносномъ на людскую породу смыслѣ). Впрочемъ мѣстами зо-

вутъ ишакомъ плохую лошаденку, особенно малорослую (маштакъ) да мѣстами онъ же и «лошакъ» и «мулъ» (европейскій), хотя и здѣсь большая разница, зависящая отъ помѣсей. Отъ конскаго жеребца и ослицы — oслякъ, онъ же и мулъ; отъ oслячьяго жеребца и конской кобылы—полуконь или лошакъ; — обычно сами по себѣ животныя эти неплодныя, плодливъ изъ нихъ одинъ оселъ—ишакъ, про котораго русскіе люди говорятъ (въ загадкѣ): «родился—не крестился, умеръ—не спасся, а Христа носилъ». Значитъ, выходитъ такъ, не ради остроумія или на брань: то оселъ, а то иманъ — мусульманское духовное лицо, пользующееся въ своей средѣ полнымъ и глубокимъ уваженіемъ и достаточно доказавшее русскимъ властямъ и деревенскимъ сосѣдямъ особенно-стойкій фанатизмъ въ своей вѣрѣ и издревле прославившійся возбужденіемъ таковаго же въ другихъ святошахъ. Нерѣдко могилы такихъ имановъ служатъ мѣстомъ поклоненія пилигримовъ, какъ священныя, и украшаются прочными каменными памятниками, веселящими утомленный взоръ иногда среди самыхъ глухихъ и отчаянныхъ пустынь въ песчаныхъ степяхъ.

ОТВОДИТЬ ГЛАЗА.

Въ томъ значеніи, въ какомъ понимается это выраженіе въ городскомъ быту и осуществляется на практикѣ болѣе видимымъ образомъ въ чиновничьемъ, младшими надъ начальствомъ, есть уже переносное. Корень его скрывается въ народномъ суевѣріи. Прямой смыслъ—морочить, зачаровать: лѣшій, напримѣръ, отводитъ такъ, что обойдетъ кругомъ, за-

ведетъ въ трущобу и заставитъ безвыходно плутать въ лѣсу. Колдуны и даже знахари (колдунъ—чародѣй и волшебникъ, знается съ нечистой силой, знахарь-ворожей или самоучка-лекарь можетъ прибѣгать къ помощи креста и молитвы)—оба эти молодца умѣютъ напускать навожденіе или мару на глаза. Никто не видитъ того, что стоитъ передъ глазами, а всѣ видятъ то, чего нѣтъ вовсе. Довольно извѣстенъ такой забавный примѣръ.

Невѣдомые мужики ѣдутъ на базаръ и видятъ толпу, глазѣющую на какое-то диво. Остановились они и присмотрѣлись; не уразумѣли сами — стали другихъ разспрашивать. Отвѣчаютъ имъ:

— Вишь ты, цыганъ сквозь бревно пролѣзаетъ, во всю длину. Бревно трещитъ, а онъ лѣзетъ.

Проѣзжіе стали смѣяться:

— Черти-дьяволы! Да онъ васъ морочитъ: цыганъ подлѣ бревна лѣзетъ и кору деретъ. Такъ и ломитъ ее,—вонъ, глядите сами.

Услыхалъ эти слова цыганъ,—повернулся бокомъ къ проѣзжимъ да и говоритъ:

— А вы чего тутъ не видали? Глядите-ко на свои возы: вѣдь горятъ. Сѣно на нихъ горитъ.

Оглянулись проѣзжіе и въ самомъ дѣлѣ видятъ, что горитъ на возахъ сѣно. Бросились они къ своему добру: перерубили топоромъ гужи, отхватили лошадей изъ оглобель и слышатъ, какъ позади ихъ вся толпа, что стояла около цыгана, грохочетъ раскатистымъ хохотомъ. Повернулись проѣзжіе опять къ своимъ возамъ, — какъ ни въ чемъ не бывало: стоятъ возы, какъ стояли, и ничего на нихъ не горитъ. Точно такимъ же образомъ въ народныхъ суевѣріяхъ и предразсудкахъ слѣдуетъ искать объясненія и другихъ крылатыхъ словъ, напримѣръ—

НЕ КО ДВОРУ, —

равносильное не къ рукамъ (не къ рожѣ кокошникъ, не къ рукамъ пироги) выраженіе это происходитъ отъ примѣты, что не всякая лошадь удается, идетъ впрокъ, годится. Глубоко убѣждены всѣ, что напримѣръ, сивая лошадь черноволосому покупателю не ко двору. Соловыхъ и буланыхъ стараются обѣгать, ихъ не любитъ домовой и обижаетъ. Любитъ онъ особенно вороныхъ и сѣрыхъ: чиститъ скребницей, заплетаетъ гривы и хвосты, холитъ, гладитъ, подстригаетъ уши и щетки. На нелюбимую садится, ѣздитъ всю ночь и ставитъ ее въ стойло всю въ мылѣ, послѣ чего животное начинаетъ спадать съ тѣла. Когда очень осерчаетъ, то перешибаетъ у ней задъ, протаскиваетъ въ подворотню, забиваетъ подъ ясли, даже закидываетъ ее въ ясли вверхъ ногами,— лошадь вертится и мотаетъ головой. Это злой кучеръ насыпалъ ей нѣсколько дробинъ въ ухо, зная, что лошадь отъ этой операціи должна околѣть: ушной проходъ у животнаго устроенъ съ такимъ изворотомъ, что дробь не можетъ высыпаться обратно. Эти мошенническія продѣлки кучеровъ, въ зависимости отъ стачки съ барышниками, примѣняются всегда съ тѣхъ случаевъ, когда хозяева не соглашаются обмѣнять или продать лошадь, оказавшуюся не ко двору. У такихъ домовой заплетаетъ колтунъ, расчесать который невозможно, а остричь—опасно. Иная бьется всю ночь, топчетъ и храпитъ: это опять домовой, т. е. кучеръ, ворующій кормъ. На плохомъ корму и не въ холѣ и безъ домового образуется колтунъ. Противъ проказъ этой нѣжити, обыкновенно совершаемыхъ ночью (днемъ неизвѣстно,

гдѣ домовой бродитъ), суевѣрные люди подвѣшиваютъ въ конюшняхъ убитыхъ сорокъ: онъ ихъ не терпитъ. Въ богатыхъ хозяйствахъ держатъ козла: любитъ ли его домовой, умѣетъ ли задабривать или просто боится — неизвѣстно. Извѣстно только то, что въ конюшни забѣгаетъ иногда маленькій звѣрекъ ласочка (ласка, норо̀къ, mustella nivalis) изъ хорьковой породы, зимою вся бѣлая. Она бѣгаетъ по стѣнамъ, залѣзаетъ въ уши и мучительно щекотитъ: лошади потѣютъ и болѣютъ. Она не любитъ козла и отъ него уходитъ, а козелъ—вѣрный слуга вѣдьмѣ, да къ тому же еще никто не видалъ, чтобы домовой, который на всѣхъ ѣздитъ, даже на людяхъ, — когда - либо взнуздывалъ рогатаго козла. Онъ и на конюшнѣ служитъ по подобію человѣка, который всю жизнь шатается безъ дѣла, т. е. служитъ, по пословицѣ, за козла на конюшнѣ. И такимъ людямъ точно также всегда недосугъ: «надо лошадей на водопой проводить».

ЧУЖОЙ КАРАВАЙ.

Старинная пословица говоритъ: «на чужой каравай рта не разѣвай», иногда съ прибавкой, кажется, позднѣйшаго вымысла: «а пораньше вставай, да свой припасай». Смыслъ руководящаго правила первой половины внушителенъ и безъ объяснительнаго совѣта второй. Является здѣсь отчасти странною ссылка на непочатой печеный хлѣбъ, а не на иную снѣдь болѣе вкусную, заманчивую и соблазнительную для всякаго любящаго поѣсть на чужой счетъ и незаслуженно. Не изъ одного же поползновенія

къ созвучію и складной рѣчи выдумалась эта общеизвѣстная поговорка. Каравай въ бытовомъ смыслѣ имѣетъ особенно важное значеніе, несомнѣнно восходящее къ древнѣйшимъ славянскимъ временамъ и сохранившееся въ свадебныхъ обрядахъ малороссовъ и бѣлоруссовъ (въ Великороссіи только коегдѣ въ южныхъ губерніяхъ, напримѣръ, въ Воронежской, Тамбовской, Курской, на Дону).

Выпила дѣвица вина изъ бутылки, принесенной женихомъ, сняла съ себя поясъ, обмотала имъ ту бутылку и въ такомъ видѣ возвратила сосудъ принесшему, — значитъ согласна на бракъ, сдѣлалась невѣстой, подписала контрактъ и, за безграмотствомъ, узелкомъ пояса указала мѣсто печати (въ Великороссіи этотъ обычай замѣненъ посылкою жениху бѣлаго полотенца невѣстина рукодѣлья). Теперь она ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права отказать жениху, который начинаетъ производить затраты, готовясь къ свадебному пиршеству. Бѣлорусскіе волостные суды, въ случаѣ отказа невѣсты, приговариваютъ ея родителей къ денежному вознагражденію жениха, въ размѣрѣ произведенныхъ имъ тратъ: на пропой (угощеніе) родственниковъ; «посажную (свадебную свинью) женихъ закололъ, обручальныя кольца купилъ» (не принимаютъ лишь подлежащими возврату тѣ деньги, которыя употреблены были на подарки самой невѣстѣ). Со дня заручинъ начинается стряпня «каравая» въ обѣихъ семьяхъ: невѣстиной и жениховой. Здѣсь-то сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ вся мистическая часть обряда, до сихъ поръ отстаивающая себя отъ всѣхъ прочихъ церковныхъ обрядовъ. Эти — сами по себѣ, но языческіе символы прежде всего и впереди прочихъ. «Расчиненье» каравая (растворе-

ніе тѣста) имѣетъ видъ особаго священнодѣйствія, гдѣ жреческія обязанности возлагаются на какую нибудь, непремѣнно замужнюю, женщину, причемъ всѣ мужчины удаляются вонъ изъ хаты. Мальчикъ бѣгаетъ по сосѣдямъ и собираетъ гостей[1]). Сажаетъ каравай въ печь не иначе, какъ съ общаго благословенія, мужчина, голова котораго повязана бабьимъ платкомъ. При этомъ поютъ сосѣдки, «каравайницы», особыя «каравайныя» пѣсни, между прочимъ о томъ, какъ бояре печь затопили желѣзными дровами, какъ шелковые дымы вышли и выпекся каравай, какъ колесо. А затѣмъ все это для того, что «у нашего господаря кудрявая голова, ёнъ кудрами потрясе, намъ горѣлки унесе». Такъ какъ это бываетъ въ субботу, всегда наканунѣ вѣнчанья, то на слѣдующій день каравай становится главнымъ символомъ и выступаетъ на первое мѣсто. Въ обоихъ случаяхъ (и у жениха, и невѣсты) каравай выносится изъ чулана или съ гумна на вѣкѣ (крышка на квашнѣ), несется двумя дѣвочками, ставится на столъ передъ сговореными. Каждый изъ нихъ долженъ приложить къ караваю лицо свое и поплакать. Только послѣ того начинается благословеніе родителями. Передъ отъѣздомъ подъ вѣнецъ жениха и невѣсту три раза обводятъ кругомъ стола, и они цѣлуютъ свои караваи, берутъ ихъ въ руки и съ ними выходятъ изъ хаты. Священные хлѣбы эти увозятся въ церковь, кладутся на аналоѣ, а по возвращеніи домой обрядовая возня съ ними все еще

[1]) На Дону, когда сажаютъ каравай въ печь, то все собраніе держится за лопату; свахи освѣщаютъ печь и эти свѣчи, обвитыя лентами, на другой день вручаются жениху и невѣстѣ предъ алтаремъ. Теперь все это стало тамъ забываться и не вездѣ исполняется.

не прекращается. Молодыхъ встрѣчаетъ мать невѣсты, обязательно въ надѣтомъ навыворотъ кожухѣ (шерстью вверхъ) и въ мужицкой шапкѣ для богатой жизни. Начинаютъ расплетать косу, надѣваютъ наметку — уборъ замужней женщины — дѣлятъ каравай такъ, что первые два куска даются новобрачнымъ, а остальные непремѣнно каждому изъ свидѣтелей и участниковъ брачнаго пиршества. Рѣжетъ каравай ребенокъ, а куски раздаетъ гостямъ сватъ.

Для послѣдней цѣли этотъ пшеничный пирогъ печется большимъ: на верхней коркѣ дѣлается крестъ и украшенія въ видѣ птичекъ, свернутыхъ изъ тѣста. Украшаютъ также маленькими вѣнчиками, золочеными бумажками; на вѣточки вѣшаютъ ягоды калины и проч. Калинѣ приписывается также мистическое значеніе и она воспѣвается въ пѣсняхъ въ примѣненіи къ невѣстѣ: «пришелъ часъ, пора и годиночка, — зацвѣла калиночка». «Сгибаю каравай (какъ поется въ пѣснѣ) съ цвѣтками, съ перепелками, съ дорогими маковками». Въ прежнее время съ этимъ караваемъ, завернутымъ въ холстъ, ходили къ пану, къ священнику и къ инымъ почетнымъ лицамъ на поклонъ.

Не безъ намѣренія привелось остановиться на подробностяхъ обычая именно въ силу его символическаго значенія и притомъ замѣчательнаго своею обязательностію во всѣхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи, гдѣ мнѣ ни доводилось разспрашивать и прислушиваться къ описанію свадебныхъ обрядовъ. Вездѣ они поразительно одинаковы; вездѣ каравай, подобно имянниннымъ пирогамъ, масляничнымъ и погребальнымъ блинамъ, родильной кашѣ, святочнымъ колбасамъ и пасхальнымъ яицамъ, играетъ роль священнаго

хлѣба. Обязательно его расчиненіе съ таинственными обрядами и пѣснопѣніями и дѣлежъ также со священнодѣйствіями, подобными переходу отъ вѣнца въ хату черезъ огонь, подобными поджиганью невѣстиной косы двумя свѣчами, сложенными накрестъ и сидѣнью не дежѣ, пріему молодыхъ въ вывороченной шубѣ, выходу новобрачныхъ послѣ отдыха съ полотенцемъ, которое держатъ они за оба конца и т. п. Въ такомъ смыслѣ и религіозномъ значеніи каравай могъ быть принятъ, въ исключеніе передъ прочими яствами, въ пословицу, упрекающую тѣхъ, кто любитъ и привыкъ поживляться чужимъ добромъ, не запасшись собственнымъ трудовымъ. Бѣлорусскій каравай (по пѣснѣ): Самъ Богъ мѣситъ, Пречистая святитъ, Ангелы воду носятъ, Христосъ приступаетъ, хустою (платкомъ) накрываетъ». Во всякомъ же случаѣ обрядъ «каравая», перешедшій въ обычаи христіанскіе, съ ними смѣшавшійся и ими освященный, не утрачиваетъ значенія древнѣйшаго языческаго обряда до-историческихъ временъ. Онъ исчезъ въ Великороссіи подъ извѣстнымъ вліяніемъ наиболѣе энергическаго и усерднаго давленія проповѣдниковъ христіанства и насадителей православныхъ обрядовъ, но сохранился вмѣстѣ со множествомъ другихъ старинныхъ въ Бѣлой и Малой Руси подъ шумокъ долговременной борьбы двухъ исповѣданій, выразившейся уніей[1]).

[1]) В. И. Даль въ своемъ Толковомъ Словарѣ привелъ приговоръ на свадебномъ пиру, когда вынимаютъ каравай: «Мой каравай въ печь перепелкой (небольшой птичкой) изъ печи коростелкой» (т. е. съ припекомъ, значительно покрупнѣе). Указанъ также старинный свадебный чинъ каравайника, обязаннаго, во время свадебнаго домашняго священнослуженія, носить каравай.

Народъ предпочелъ вѣковѣчную старину и дорожитъ ею до сихъ поръ, какъ наслѣдіемъ предковъ тѣхъ «дзядовъ» (дѣдовъ), которыхъ признаетъ олицетворенными, живыми духами и въ честь ихъ повсемѣстно установилъ особые праздники, обставленные многоразличными мистическими обрядами.

По-бѣлорусски выходитъ такимъ образомъ, что, послѣ символическаго закрѣпленія договора поясомъ, женихъ и невѣста получаютъ право жить до вѣнчанія между собою брачно и они уже называются теперь молодыми, т. е. новобрачными. Въ Малороссіи требуется еще отбываніе «весилля»—угощенія, которое также не совпадаетъ съ церковнымъ вѣнчаніемъ, такъ какъ обычай не считаетъ необходимою одновременность двухъ актовъ, принятую великорусскимъ крестьянствомъ. Въ этомъ обстоятельствѣ для Малороссіи заключенъ тотъ важный смыслъ, что бракъ признается цѣлымъ обществомъ, и это признаніе важнѣе церковнаго. Малороссійскому караваю въ данномъ случаѣ придается болѣе глубокое значеніе, чѣмъ первоначальному договору при сговорѣ—значеніе къ тому же и окончательно рѣшающаго права на законное сожительство. Въ Малороссіи такъ и толкуютъ: «хоть по чарци выпить, да караваю зъисты, а усе-таки треба».

ПРИХОДИ ВЧЕРА.

Въ указанномъ смыслѣ насмѣшки, выпрашивающему завѣтную или себѣ нужную вещь дѣйствительно слышится чаще. Въ видѣ же отвѣта должника заимодавцу—рѣдко, развѣ въ формѣ сарказма

при жалобѣ послѣдняго на перваго, котораго онъ и не видалъ, и не засталъ дома, и отвѣта такого слышать не могъ. Такъ какъ завтра все равно, что вчера, то заимодавцевъ обыкновенно потчуютъ должники «завтраками». У такого завтра обыкновенно нѣтъ конца, и отъ такихъ угощеній еще никто, какъ бѣлый свѣтъ стоитъ, не бывалъ сытъ. Собственно же совѣтъ приходить вчера имѣетъ болѣе глубокое и знаменательное значеніе, если углубиться въ безпредѣльное море народныхъ суевѣрій и примѣтъ и припомнить изумительную довѣрчивость и пристрастіе народа ко всему необычайному и чудесному.

Здѣсь все дѣло въ томъ заключается, что проклятый царь Иродъ имѣлъ «двадесять поганыхъ дщерей во едино время. Шествіе творяще святіи отцы по горѣ Синайской и срѣтошася имъ двадесять женъ простоволосыхъ и вопросиша святіи отцы проклятыхъ: «что вы есте за жены, и куда грядете? Отвѣчали проклятіи: мы есмы дщери Иродовы, идемъ родъ человѣческій мучити и кости ломати и зубы скрежетати. — Что имена ваши? Они проклятіи отвѣщали (это—по Нижней Волгѣ): имена наши: царапея, цепонея, скучая, дулея, ищея, шатушка, колея, камнея, чихнея, тандея, знобея и тряска. Надо отбиваться отъ нападенія,—а чѣмъ?— умываться на зарѣ нашептанной водой, отписывать на пряникахъ и ѣсть вѣдомыя знахарями слова (отнюдь нельзя ихъ развертывать — хуже будетъ), можно и на крестѣ на бумажкѣ привязывать. Змѣиной выползокъ цѣлый мѣсяцъ носить —помогаетъ; засохшая лягушка способитъ, кусокъ свиного сала на томъ же крестѣ цѣлитъ: она, проклятая дщерь Иродова, свиньи боится. Прибѣгаютъ и къ силь-

нымъ рѣшительнымъ средствамъ: уносятъ больного въ лѣсъ, завязываютъ надъ головой два сучка березы (боятся Иродовы дщери и этого дерева) и велятъ больному кричать: «дома нѣтъ, — приходи вчера!»[1]). Самъ знахарь приговариваетъ: «покинешь—отпущу, не покинешь—сама сгинешь».

— Стало ли больному лучше, помогло ли?

Планетчикъ сказалъ:—Находка не спроста. Вишь эта болѣзнь не ему сдѣлана; да онъ случайно набрелъ на нее: съ болотной кочки она знать въ него и заскочила. Видно ужъ, сердешный, съ тѣмъ въ землю пойдетъ.

Видя, что ничто не помогаетъ, стали больного «жалѣть», оказывать любовь свою: кто принесъ соленыхъ огурцовъ, кто кислой капусты столько, что здоровому молодцу въ три дня не съѣсть. Начали угождать больному: въ сѣнцы на холодокъ вынесутъ—горитъ онъ, такъ прохолодиться; помогутъ ему составить ноги на полъ и дверь настежъ отворятъ—очень ужъ потъ-то его одолѣлъ: пущай обсохнетъ!

— Впослѣдніе вѣдь! Одна нога у него ужъ, видимое дѣло, въ гробу. Лекарь-то Богъ что ли: вложитъ онъ душу-то, когда она вылетать собралась?

Бываетъ и такъ, что проказникъ домовой, который любитъ щипаться, толкать подъ бокъ и будить ночью, гладить рукой, и проч., но неохотливъ говорить,—вдругъ что-нибудь скажетъ, обычно позоветъ по имени. Кому это почудится, тотъ обязанъ сказать ему (мысленно, чтобы не разсердить

---

[1]) Такой же заговоръ примѣняется и къ чумѣ, во время скотскаго падежа, и во всѣхъ болѣзненныхъ случаяхъ, гдѣ предполагается дѣйствіе живой злоехидной силы.

этого вообще доброжелательнаго старика) любимое его слово, владѣющее для всѣхъ нечистыхъ великою силою:

— Приходи вчера!

ПУСТОБАЙКА.

Выраженіе «приходи вчера», взятое въ прямомъ его смыслѣ, безъ примѣненія въ качествѣ зарока и заклинанія,—не что иное, какъ безсмыслица, безъ толку и значенія. Ею пользуются, между прочимъ, балаганные шуты, разсчитывая на то, что, въ числѣ прочихъ шутокъ-прибаутокъ, она сойдетъ за острое словцо, вызоветъ къ себѣ вниманіе толпы и возбудитъ въ ней смѣхъ, а можетъ, на счастье, и хохотъ. Въ сущности, «приходи вчера» относится къ разряду «пустобаекъ», составляющихъ, вмѣстѣ съ пословицами, поговорками, присловьями и загадками, особый отдѣлъ народныхъ изреченій, довольно богатый матеріаломъ, но скудный смысломъ, и потому стоящій ниже всѣхъ и стоющій дешевле всѣхъ сосѣдей. Въ отдѣлъ пустобаекъ слѣдуетъ отнести и всѣ тѣ изреченія, на которыя потребовались отъ меня объясненія. Ихъ дать нельзя либо потому, что за поисками краснаго слова или яду на остріе насмѣшки они оказались безсмыслицами (какъ «сивый меринъ», который «вретъ»), либо выхваченныя изъ иностранныхъ языковъ они тамъ и корни оставили, и жало завязили. Такова: «свинью подложить», какъ недавно заимствованная для обогащенія языка и крадучись пробирающаяся въ народъ наравнѣ съ родственными ей дворянскими, господскими и взамѣну устарѣлыхъ или набившихъ оскомину и

сильно надоѣвшихъ отъ чистаго оборота на житейскомъ базарѣ. Таковы: подсыпать кому перцу, запустить шпильку, поставить горчишникъ, задать закуску, подвести подъ сюркупъ и проч. Въ деревняхъ взамѣнъ этого слова давно уже пользуются не менѣе безсмысленными. Есть и гораздо лучшія хотя бы потому, что домашнія, а не бременская фальшь, не гамбургская гаванская сигара, не прусское настоящее шампанское изъ Берлина (напримѣръ, «влить кому щей на ложку» или однородное съ заимствованнымъ «всучить щетинку»). На своей родинѣ эти «крылатыя слова» несомнѣнно имѣютъ источникъ и указываютъ то мѣсто, гдѣ они народились и откуда, какъ вольныя птицы, вылетѣли въ міръ Божій, стали порхать и перелетывать по бѣлому свѣту. Такова, между прочимъ, первая, пришедшая на память, «навязать медвѣдя», несомнѣнно заимствованная съ нѣмецкаго и употребляемая въ смыслѣ «одурачить». Одинъ путешественникъ увѣрялъ нѣмцевъ, что онъ видѣлъ въ Польшѣ, какъ два медвѣдя съѣли другъ друга до-чиста. А въ Польшѣ знаменитый враль, Пане-Коханку (Радзивиллъ), разсказывалъ о томъ, какъ самъ онъ изобрѣлъ для ловли тѣхъ же медвѣдей повозку съ острымъ желѣзнымъ дышломъ, которое намазывалось медомъ. Охотливый до этой сласти звѣрь приходилъ и лизалъ все дальше и дальше, налегая на дышло до тѣхъ поръ, пока конецъ послѣдняго не проходилъ цѣликомъ сквозь медвѣжью тушу и не показывался наружу. Тогда гайдуки, спрятанные въ повозкѣ, выходили, навинчивали на остріе гайку, чтобы звѣрь не соскочилъ, запрягали лошадей и отвозили добычу въ мѣстечко Сморгоны.

Въ число домашнихъ, коренныхъ русскихъ пустобаекъ (или, что тоже, «пустоговорокъ» и «приговорокъ») относятся, между прочимъ, тѣ прибаутки и присказки, которыя ищутъ только склада или замерли въ своей первоначальной формѣ, давно утратившей смыслъ. На такія прибаутки охочи были наши недавніе удалые ямщики, помахивавшіе кнутомъ съ веселымъ покрикомъ на лихую тройку, въ родѣ: «по всѣмъ—по тремъ! коренной не тронь, а кромѣ коренной и нѣтъ ни одной». Мотай-де себѣ на-усъ и смекай про себя, сколь мой обинякъ остроуменъ и замысловатъ, сколь въ немъ много скрытаго подъ иносказаніемъ глубокаго смысла и сколь я самъ удалъ и веселъ, чтобы воспользоваться передъ другими правомъ получить прибавку въ казенной наводкѣ, — не на косушку, а на весь полуштофъ. Мастера были на такія «художества» — досужества сбитеньщики, которыхъ въ наше время заставили примолкнуть и не орать по городскимъ улицамъ и площадямъ съ припѣвомъ и вприпляску: «Ульяна—Ульяна, садись-ко ты въ сани, поѣдемъ-ко съ нами, во нашу деревню, — у насъ во деревнѣ много дивъ увидишь: курочку въ сапожкахъ, пѣтушка въ сережкахъ, утку въ юбкѣ, козу въ сарафанѣ, корову въ рогожѣ» и т. п. Горласты и самодовольны были господа-пирожники, тоже извѣстные остряки, любимцы толпы, находчивые на встрѣчные вопросы поперечными отвѣтами. И эти молодцы «съ лавочкой на животѣ» также смолкли и шатаются съ легкимъ приговоромъ козлинымъ голоскомъ: «пироги горячи!» (холодные-то!), или «съ пылу, съ жару!» (въ обѣденную пору послѣ ранней утренней заготовки). Остряки-балаганные старики осматриваются; раешники приговариваютъ сонными

голосами и не дѣйствуютъ такъ, какъ бывало въ недавнюю старину. Благопристойность сохранена и городское благочиніе соблюдено, но языкъ потерпѣлъ большой ущербъ, потерявши источникъ обогащенія. Всѣмъ извѣстно, что изъ подобной болтовни многое поступило въ обиходъ въ значеніи пословицъ и поговорокъ, и также стало нравственной притчей, руководящимъ житейскимъ правиломъ и поученіемъ въ подлинной формѣ народнаго закона. Конечно, «иная пословица не для Ивана Петровича», потому что, по опыту, «не всякая пословица при всякомъ молвится».

Существуютъ въ сосѣдствѣ и недальнемъ родствѣ и такія прибаутки (пустобайки), которыя уцѣлѣли, какъ дорогое достояніе вѣковъ, и съ той самой поры свободны и правы передъ самой строгой цензурой. Онѣ когда-то, въ незапамятныя времена, выдуманы, затвержены и обязательны до сего дня. Таковы сказочныя прикрасы: «въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ», «я тамъ былъ—медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало». Конечно, и эти—«присказка, когда сказка будетъ впереди» получаютъ пословичное значеніе, когда умѣло приспособляются къ тому или другому бытовому случаю и житейскому событію. Все равно: исходятъ ли онѣ отъ мѣстныхъ обычаевъ или зависятъ отъ личныхъ привычекъ людей,—ихъ принимаютъ въ живую рѣчь, какъ пріятныхъ гостей. Народный вкусъ умѣетъ гостепріимно обмыть ихъ, очистить, наскоро принарядить и посадить рядомъ съ испытанными друзьями и давно вѣдомыми знакомыми. Въ кучахъ складныхъ словъ, какъ въ мусорѣ, умѣютъ отобрать то, что годится и про домашній, и про общественный обиходъ. Иныя пусто-

байки прямо входятъ въ тотъ разрядъ и видъ крылатыхъ словъ и мимолетныхъ изреченій, на которыя такъ способны и счастливы французы и которыя, подъ названіемъ каламбура, имѣютъ большой успѣхъ въ обществѣ. Это — игра словъ, съ двоякимъ смысломъ, является, напримѣръ, въ такой народной прибаскѣ: «я въ лѣсъ (влѣзъ) и онъ въ лѣсъ, я за вязъ (завязъ) и онъ за вязъ (за то же самое дерево)».

Именно въ этомъ отдѣлѣ «пустословій» слѣдуетъ искать мѣсто того множества выраженій, которыя, при всѣхъ стараніяхъ въ поискахъ, при всемъ напряженіи въ догадкахъ, совершенно не могутъ быть объяснены, потому что говорятся спуста, прямо съ вѣтру и вздорно.

СКАНДАЧОКЪ.

Иногда вмѣсто того, чтобы сказать про человѣка, поступившаго опромѣтчиво, сдѣлавшаго что-либо на авось, какъ ни попало, или, проще, нàмахъ, говорятъ, что онъ отпустилъ скандачка,—и попался въ бѣду. Въ рѣдкихъ случаяхъ пользуются этимъ словомъ въ ближайшемъ къ настоящему значенію смыслѣ про такихъ людей, которые придумаютъ ловкій оборотъ въ разговорной рѣчи или остроумный пріемъ на выходъ изъ запутанныхъ обстоятельствъ въ общественномъ быту. Тогда говорятъ: онъ «поступилъ съ кондачка», и при этомъ пишутъ слово въ томъ видѣ, какъ оно теперь у насъ напечатано. Здѣсь ошибка явная, по силѣ тѣхъ же укоренившихся обычаевъ, — давать превратныя толкованія окончательно опредѣлившимся въ языкѣ словамъ и выра-

женіямъ. Особенно страдаетъ слово «нарочито», которымъ сплошь и рядомъ замѣняютъ слово «нарочно», гдѣ прямо подсказывается и прилаживается оно въ смыслѣ умышленно, съ намѣреніемъ, тогда какъ нарочитый всегда сохраняетъ свое древнее значеніе (вышедшее изъ обычая) чего-либо отличнаго, значительнаго и даже именитаго. Также точно ошибочно при описаніяхъ въ газетахъ какихъ-либо народныхъ гуляній, благотворительныхъ торжествъ, дѣтскихъ елокъ и т. п. употребляютъ вмѣсто «сласти» (какъ лакомства и сладкія закуски, покупныя вещи фабричнаго издѣлія) — «сладости». Забываютъ, что послѣднее слово обозначаетъ исключительно лишь качество всего сладкаго на вкусъ и то ощущеніе его съ послѣдствіями услады и наслажденія, т. е. всего пріятнаго не только однимъ чувствамъ, но и душѣ. Въ словѣ, вызвавшемъ эту мимоходную замѣтку, нѣкоторые усмотрѣли происхожденіе слова отъ названія духовной пѣсни «кондака» всегда сопровождающей, какъ продолженіе и разъясненіе другой церковной пѣсни въ честь Спасителя, Богоматери и св. праведниковъ—тропаря. Ничего общаго здѣсь нѣтъ, и ни въ какомъ случаѣ даже самаго отдаленнаго смысла заподозрить невозможно. Тропарь есть такая церковная пѣснь, въ которой или излагается образъ жизни какого-либо святого или указывается въ общихъ чертахъ на образъ совершенія какого-нибудь церковнаго праздника. Въ соотвѣтствіе тропарю въ кондакѣ воспѣвается въ краткихъ выраженіяхъ христіанское значеніе подвиговъ святыхъ, славословится Спаситель или Богородица.

Значеніе нашего слова не потребуетъ никакихъ натяжекъ и чрезвычайныхъ поисковъ, если обра-

тимся къ картинамъ народнаго быта, и на этотъ разъ прямо-таки къ русской пляскѣ, во всемъ разнообразіи пріемовъ. Можно плясать чинную великорусскую и разудалаго казачка, ходить голубца и дѣлать малороссійскую метелицу, т. е. становясь попарно въ кругъ, каждой парѣ плясать на три лада бурно. Можно, съ присвистомъ и вскриками, пуститься въ присядку, т. е. опускаясь внезапно на корточки, такъ же быстро вскакивать на вытяжку во весь ростъ. По пословицѣ «и всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ», потому что бываютъ изумительные мастера выбивать ногами штуки и откалывать разныя колѣна. Вотъ такіе-то добрые молодцы и дѣлаютъ «скандачокъ», т. е., ловко и сильно ударяя пяткой въ землю, немедленно затѣмъ вскидываютъ носокъ вверхъ. По этому начальному вступительному пріему уже сразу видать сокола по полету, который несомнѣнно и расшевелитъ стариковскія плечи, и потѣшитъ глаза товарищей и молодицъ. Онъ съумѣетъ за скандачкомъ и ударить трепака, т. е. пустить дробный топотъ обѣими ногами съ мелкимъ переборомъ. Разуважитъ онъ подгулявшихъ зрителей всласть, по самое горлышко, и артистическими колѣнами въ присядку съ вывертами и прискоками, для которыхъ, впрочемъ, еще не выработано опредѣленныхъ пріемовъ и точныхъ законовъ, по примѣру бальныхъ или театральныхъ танцевъ.

ИГРАЙ НАЗАДЪ.

Извѣстно, что въ нашемъ богатѣйшемъ языкѣ существуютъ десятки названій иносказательнаго смысла, нѣжныхъ—ласкательныхъ и грубыхъ—укорительныхъ, которыя усвоены любимому народному напитку. Напивается также каждый по-своему, сообразно съ характеромъ, званіемъ и даже ремесломъ. Говорятъ: сапожникъ настукался или накуликался, портной наутюжился или настегался, купчикъ начокался, приказный нахлестался, чиновникъ нахрюкался, музыкантъ наканифолился, нѣмецъ насвистался, лакей нализался, баринъ налимонился, солдатъ употребилъ, либо нагрѣлся. Если всякій другой разночинецъ можетъ наторопиться, то солдатъ, въ должное и дозволенное время, имѣетъ право и подгулять. Съ одной такой компаніей служивыхъ одинъ разъ такъ и случилось. Послѣ пріятельскаго угощенія она набрела на скрипача-цыгана и заставила его играть. Игралъ онъ долго—усталъ. Пришло время гулякамъ расплачиваться. Самый богатый далъ гривну. Музыканту показалось мало, и онъ варомъ присталъ къ нему, чтобы прибавилъ еще пятакъ, объявляя, что:

— Одинъ камаринскій больше стоитъ, а я сыгралъ его десять разъ.

— Нѣтъ у насъ ни гроша, хоть всѣ карманы выворoти. На̀ вотъ — испытай самъ! А коли лишку сыгралъ, такъ самъ давай намъ сдачи: играй камаринскаго на пятакъ назадъ!

СТАРЫЙ ВОРОБЕЙ НА МЯКИНѢ.

Князь Кутузовъ молвилъ слово,—
Хоть нескоро, да здорово:
—Старый воробей!

(Изъ патріотической пѣсни Отечественной войны).

Опытную птичку воробья, пожившаго годъ другой и налетавшагося по Божьему свѣту, не приманишь на тѣ кучи, гдѣ сложена ворохомъ мякина (она же пелева и полова, древне-славянское и евангельское плевелы),—не обмануть птички этимъ призрачнымъ видомъ сжатаго и сложеннаго въ скирды хлѣба. Въ мякинѣ нечѣмъ воробью поживиться: это—хлѣбный колосъ, избитый цѣпами въ мелкую труху, отъ котораго самымъ усерднымъ образомъ отвѣяно съѣдобное зерно хлѣбныхъ злаковъ. За послѣднимъ именно и гоняется эта маленькая домашняя птичка, отличающаяся кратковременною жизнію и торопливостью истратить свой жизненный порохъ. Этимъ хлѣбнымъ зерномъ она и жива. Въ Сибири, до прихода русскихъ, воробей былъ неизвѣстенъ; съ покореніемъ же этой страны земледѣльческимъ русскимъ народомъ и съ заведеніемъ въ ней пашенъ, прилетѣлъ и этотъ повадливый воръ, вооруженный опытомъ и острымъ глазомъ, привыкшимъ отличать хлѣбныя скирды отъ мякинныхъ вороховъ. Въ хлѣбородныхъ мѣстахъ этотъ воръ притомъ же докучливъ и настолько многочисленъ, что потребовалъ мистическихъ заклинаній, признанъ проклятой птахой, породилъ особую легенду о своемъ происхожденіи отъ чертей и въ

Малороссіи приравненъ къ жидамъ. Тѣмъ не мѣнѣе, воробей счастливѣе многихъ людей, которымъ приходится—по пословицѣ—«сѣять хлѣбъ, а ѣсть мякину», «ходить по солому, а приносить мякину», примѣшивая ее въ опару въ такомъ избыткѣ, что выпеченный хлѣбъ кажетъ комкомъ грязи, поднятымъ на проѣзжей дорогѣ, а потребленный въ пишу производитъ у непривычныхъ людей острыя желудочныя колики и другія болѣзни. Такова, между прочимъ, судьба бѣлоруссовъ, питающихся такъ называемымъ «пушнымъ» хлѣбомъ, который колетъ ротъ, языкъ и горло, но скудно питаетъ. «Все едино — что хлѣбъ, что мякина»—въ отчаяніи говорятъ тамъ и въ другихъ безхлѣбныхъ мѣстностяхъ русскаго Сѣвера въ тѣ времена, когда совсѣмъ нечего ѣсть, и стучится въ дверь и лѣзетъ во всѣ окна настоящая голодовка: «чѣмъ бы ни обмануть, только бы набить брюхо».

Голодный молодой воробей на мякину, по неопытности, сядетъ,—старый пролетитъ мимо. Старая крыса почти никогда не попадаетъ въ мышеловку. Рѣдкій счастливецъ излавливалъ стараго ворона и даже старую форель. «Стараго моржа-казака не облукавишь»—увѣряютъ архангельскіе поморы, промышляющіе на Новой Землѣ. Причина чрезвычайно прозрачна и можетъ остановить вниманіе лишь по нижеслѣдующему обстоятельству.

ЛИСОЙ ПРОЙТИ.

Такъ говорятъ про хитраго, изворотливаго человѣка, съ неожиданною ловкостью умѣющаго обойти явную и неминучую бѣду.

Всѣ старинные путешественники по полярнымъ странамъ, въ одно слово, какъ будто сговорившись, разсказываютъ о глупости—даже столь всѣмъ извѣстнаго по своей хитрости звѣрка—лисицы. Разсказы ихъ основаны на тѣхъ наглазныхъ фактахъ, что лисицы всегда попадали въ руки изъ самыхъ незамысловатыхъ, грубаго устройства, ловушекъ. При этомъ попадала не одна, а по нѣскольку: звѣрокъ смотрѣлъ любознательно во всѣ глаза, когда передъ нимъ охотникъ налаживалъ пасти и сѣтки, и клалъ съѣдобную приманку. Какъ только онъ уходилъ, лисица тотчасъ попадала въ западню либо головой, либо быстрыми и сторожливыми мягкими лапами. Бывали случаи, что въ теченіе четырехъ часовъ въ одной ловушкѣ находилось до пятнадцати лисицъ. Однако, тѣ счастливыя времена прошли давно, остались едва вѣроятныя преданія,—въ нынѣшнія времена (какъ говорятъ) «народъ хитеръ сталъ». Не столько человѣкъ успѣлъ изловчиться въ измышленіяхъ хитрыхъ западней и въ заметаніи своихъ живыхъ и пахучихъ на чуткій носъ звѣря слѣдовъ, сколько выучилось быть осторожнымъ всякое животное. Много пало искусившихся звѣрей, какъ искупительныхъ жертвъ прежде, такъ что оставшимся въ живыхъ теперь осталось одно только—очень поумнѣть. Такъ и сбылось.

Въ самомъ дѣлѣ, для чего же и лежитъ приманка, какъ не для того, чтобы ее съѣсть? Для чего же

протянута эта проволока, приложены стойкомъ и накось щепки и палки, на какія и глазамъ смотрѣть страшно? Вотъ въ одномъ мѣстѣ навѣшаны сѣти, болтаются по вѣтру концы толстыхъ и тонкихъ веревокъ. Сколько лѣтъ и зимъ приходилось бѣгать по этимъ дремучимъ лѣсамъ, по веселымъ и свѣтлымъ перелѣскамъ, а такихъ невиданныхъ диковинокъ никогда не приходилось примѣчать. Все кругомъ внушаетъ сильное подозрѣніе, и звѣрь бѣжитъ прочь, какъ бы говоря про себя: «хоть я вижу и чую, что ты зовешь меня въ гости и угощеніе выставилъ напоказъ,—и я очень люблю мясо и ѣсть хочу до тошноты, а не пойду: поймаешь, задавишь и шкуру сдерешь».

Лиса въ самомъ дѣлѣ на ходу постоянно держитъ носъ противъ вѣтра, знаетъ переулки и закоулки, входы и выходы: все это она твердо удержала въ памяти по наслѣдству или съ тѣхъ поръ, какъ довелось однажды подвергнуться опасности. Теперь, когда и самыя дикія захолустья облюдѣли и ожили, этотъ цѣнный звѣрь къ неизвѣстнымъ предметамъ приближается медленно, что называется—на цыпочкахъ, и недовѣрчиво обнюхиваетъ издали, по вѣтру: каждый шагъ для него подозрителенъ. Лису теперь можно поймать только на незнакомую ей приваду. Если же какую она разъ попробовала,—къ той не подойдетъ никогда. Она доучилась до того, что умѣетъ притворяться мертвой: охотникъ думаетъ, что положилъ лисицу на мѣстѣ, а между тѣмъ она у него на глазахъ вильнула хвостомъ и—улизнула.

КАНИТЕЛЬ ТЯНУТЬ.

Изъ нагрѣтой штыковой мѣди,—да и изъ благородныхъ золота и серебра,—вытягиваютъ проволоку и изъ нея, ухвативъ клещами и плавно подергивая, не спѣша и съ великимъ терпѣніемъ, позываютъ силою на себя, волочатъ нити и бити: и тонкія проволочки, вытянутыя въ длину и кругло утонченныя (это—нити) и затѣмъ сплющенныя, до возможной тонины, а потому плоскія (это—бити). Послѣднія-то и называются канителью, которая, съ равнымъ блескомъ и успѣхомъ, навивается въ фортепіанахъ и арфахъ на басовыя струны и употребляется на офицерскія эполеты и для вышиванія по сафьяну, сукну и бархату. Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ канитель погодилась на церковныя ризы, то и надо полагать, что искусство тянуть ее перешло къ намъ, вмѣстѣ съ Христовой вѣрой, изъ Греціи, по крайней мѣрѣ, мастерили ее въ тѣхъ городахъ, гдѣ много было святыни, монастырей и церквей, какъ въ Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ. Когда Москва побѣдила и ослабила всѣ города на Руси, канительное дѣло перешло все сюда. Въ первопрестольной и въ ближайшихъ къ ней шести селахъ четырехъ уѣздовъ (Московскаго, Бронницкаго, Подольскаго и Богородскаго) оно свило себѣ прочное гнѣздо. Малыя кустарныя заведенія ручными воротами тянутъ проволоку мелкими нумерами, а плющатъ большія фабрики. Работаютъ обыкновенно коннымъ приводомъ канитель крупныхъ нумеровъ.

Фабричному производству этихъ издѣлій минуло уже сто лѣтъ (первая фабрика, основанная около 1770 года, существуетъ до сихъ поръ) и, въ срав-

неніи съ иностраннымъ, наше далеко превосходитъ, да и самыя издѣлія широко распространяются. Въ особенности большое требованіе на московскую канитель заявляютъ на нижегородской ярмаркѣ азіатскіе купцы и серебряную въ большомъ количествѣ завозятъ въ самую даль — въ Индію. Стало быть, и въ самомъ дѣлѣ тянули канитель столько лѣтъ — и не зѣвали. Впрочемъ, десять лѣтъ тому назадъ, оборвались тѣ именно нити и бити, которыя шли въ дальнюю Индію: спросъ страшно упалъ и перепугалъ. Давай справляться по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ — и г. Алексѣевъ, первый московскій канительный фабрикантъ, дошелъ до корня бѣды, ни ближе, ни дальше, какъ у французовъ въ Ліонѣ и у нѣмцевъ въ Нюренбергѣ. Придумали тамъ новый способъ и довели канитель до 40 пробы и непомѣрно удешевили, а наружный видъ сохранили такой же. Купилъ москвичъ новыя машины — и наладилъ дѣло. Теперь не только возстановился прежній спросъ, но и нѣсколько поднялся. Съ той поры клещи и вороты остались только у кустарей, и медленная работа, при которой волочебнымъ нитямъ, кажется, и конца края нѣтъ, скоро перестанетъ служить притчею во языцѣхъ и стоять въ числѣ насмѣшливыхъ поговорокъ. Довольно, на замѣну его про обиходъ, и того уподобленія, чисто деревенскаго и народнаго, которое примѣняется къ человѣку, медленно говорящему или вяло работающему, что онъ дѣлаетъ это такъ, «какъ клещами на лошадь хомутъ натягиваетъ».

ПОСЛѢ ДОЖДИЧКА ВЪ ЧЕТВЕРГЪ.

По объясненію И. М. Снѣгирева («Русскіе въ своихъ пословицахъ») на славяно-германскомъ Сѣверѣ четвергъ былъ посвященъ Турову или Громову дню (Thurstag). Въ этотъ день этому суровому богу, называемому славянами Перуномъ, молились о дождѣ. Проповѣдь Христовой вѣры обезличила языческую святость самаго дня и обезцвѣтила вѣрованія въ стариннаго бога. Обо всемъ несбыточномъ стали говорить въ смыслѣ вышеприведеннаго выраженія.

ЗАТРАПЕЗНЫЙ.

Еще на нашей памяти, вплоть до пятидесятыхъ годовъ, обучавшіяся въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ дѣти бѣднаго провинціальнаго духовенства ходили въ халатахъ, носившихъ названіе: «затрапезныхъ». Эти халаты представляли собою узаконенную обычаемъ и, кажется, обязательствомъ форму для всѣхъ семинаристовъ, исключая лишь тѣхъ, у которыхъ родители были побогаче. Тѣ имѣли возможность одѣвать дѣтей или въ шинели, или въ нанковые длиннополые сюртуки до пятъ, или, какъ острили сами семинаристы, «по сіе время». Это обстоятельство пришло мнѣ на память въ виду недавно встрѣченнаго объясненія слова «затрапезный», именно тѣмъ, что подобныя хламиды всего чаще можно было встрѣчать за монастырскими обѣдами въ трапезахъ. Отсюда же и самое названіе перенесено на всякое платье изъ матеріала самаго дурного

качества, поношенное, измятое и истрепанное, дозволительное только въ монастырскихъ стѣнахъ и терпимое лишь въ семинарскихъ классахъ, на плечахъ бѣдныхъ учениковъ или же мастеровыхъ мальчиковъ. Извѣстный М. М. Сперанскій въ подобной затрапезѣ пришелъ въ ворота Александро-Невской лавры учиться, а потомъ въ ту же лавру въ торжественной процессіи привезенъ былъ на погребеніе графомъ, знаменитымъ сановникомъ, какъ крупная историческая личность, обезсмертившая свое имя огромными трудами, каковы: «Полное собраніе законовъ Россійской имперіи» и систематическій «Сводъ Законовъ». Эта рѣзкая противоположность въ его замѣчательной жизни послужила, между прочимъ, темою для надгробнаго напутственнаго слова.

Какъ бы то ни было, объясненіе слова «затрапезный», не смотря на указанную легкость въ изысканіи корня—въ этомъ смыслѣ невѣрно. Произошло названіе вовсе не отъ того платья, которое носили семинаристы или въ какое одѣвали бывшіе помѣщики своихъ крѣпостныхъ, содержа ихъ въ затрапезныхъ или застольныхъ покояхъ. Это—просто матерія пестредь или пестрядина, или прямо «затрапезъ, затрапезникъ», получившая свое названіе отъ фамиліи купца Ивана Затрапезникова, которому Петръ Великій передалъ основанную имъ фабрику въ г. Ярославлѣ. Передалъ ее царь въ поощреніе способностей и полезной дѣятельности, подобно тому же, какъ это сдѣлалъ съ Никитой Демидовымъ, получившимъ отъ него уральскій Невьянскій заводъ и т. п. Фабрика изготовляла пеньковую грубую и дешевую ткань, пригодную для тюфяковъ, рабочихъ халатовъ, шароваръ и т. п.

Столь различное примѣненіе пестреди въ общежитіи вызвало и разнообразные ея сорты. Эта пестрая или полосатая, чаще всего съ синими полосами, ткань въ торговлѣ до сихъ поръ носитъ разныя названія отъ нитокъ основы: третная, гдѣ одна нитка основы бѣлая, а двѣ синія; половинчатая: двѣ нитки синія и двѣ бѣлыя; погоняйка — въ одну нитку рѣдкими полосками, самая грубая; пу́танка—вся въ полосатыхъ крапинкахъ; тяжина, въ которой утокъ идетъ наи́скось, не образуя прямой рѣшотки, какъ вообще принято. Есть еще скворцовая (по цвѣту), наволочная, рубашечная и проч. Съ этой тканью отчасти соперничаетъ и ее подсмѣняетъ голландскій тикъ съ косыми нитками и тоже полосатый,— повидимому, образецъ и родоначальникъ нашего прославленнаго православнаго затрапеза.

Интересна судьба самой фабрики, живописующая нравы того времени. По смерти хозяина ею заправлялъ зять, майоръ, до совершеннолѣтія наслѣдника. Мужъ сестры этого мальчика возымѣлъ намѣреніе воспользоваться его состояніемъ и оттѣснить свояка. Съ этой цѣлью онъ укралъ шурина отъ учителя, накупилъ ему голубей и сталъ всячески развращать его всѣми пороками праздности. Мальчикъ бѣгалъ по улицѣ въ шутовской одеждѣ, игралъ съ фабричными въ бабки, а когда этого недоростка управляющій-зять отправилъ въ Ригу учиться, интригующій зять опять его выкралъ. Для пущаго успѣха онъ склонилъ на свою сторону тещу: полоумную, вздорную бабу, постоянно пьянствовавшую со своими фабричными до того состоянія, что приходила въ неистовство: бросалась ножами, кусалась. Дошло дѣло до властей. Коммерцъ-коллегія приняла сторону того зятя, который имѣлъ свою шелковую фа-

брику и, конечно, средства, чтобы подкупить судей. Сенатъ перерѣшилъ дѣло и наказалъ коллегію неожиданнымъ, рѣдкостнымъ по тѣмъ временамъ, способомъ: опредѣлилъ взыскать штрафъ въ 500 рублей.

ДЕНЬ ИНОХОДИТЪ.

Эта пословица «день иноходитъ, да два не ходитъ», примѣняемая къ хорошимъ, но загульнымъ мастерамъ, требуетъ нѣкотораго поясненія, такъ какъ самое выраженіе очень мѣтко и образно.

Первое слово взято отъ ходы́ лошади, т. е. ея выступки и побѣжки, которыя бываютъ, какъ извѣстно, разныхъ видовъ. Это—либо шагъ, т. е. простой переступъ ноги, равный шагу человѣка, самая тихая побѣжка; либо это рысь, когда конь поднимаетъ ноги на̀крестъ,—лѣвую переднюю и затѣмъ тотчасъ же правую заднюю и такъ далѣе въ очередь: либо въ притруску—мелкой рысцей, либо часто и размашисто—большой крупной рысцей. Либо, наконецъ, лошадь ходитъ ѝноходью, когда обѣ ноги одного бока заноситъ вмѣстѣ, выкидываетъ разомъ, иногда съ переваломъ и перебоемъ, въ три ноги,—ни въ тѣхъ ни въ сѣхъ: ни рысь, ни иноходь. Съ такой ходой, какъ иноходь,—красивой перевалкой съ боку на бокъ—знатоки не мирятся и говорятъ: «иноходецъ въ пути не товарищъ». Это не всегда годная къ работѣ лошадь, а чаще всего щегольская, т. е. совершенно такая, что «день ходитъ, а два со двора не сходитъ», точь-точь, какъ говорятъ о пьяницахъ, въ трезвомъ видѣ всегда исправныхъ и работящихъ. Да и къ однимъ ли пьяницамъ примѣнимо это вы-

раженіе; не заключается ли въ немъ отчасти знакомая черта характера вообще всякаго рабочаго человѣка, особенно по сравненію съ мастеровыми изъ нѣмцевъ?

ЗА ПОЯСЪ ЗАТКНУТЬ.

Не смотря на всѣмъ извѣстную простоту и ясность этого выраженія, употребляемаго иносказательно въ смыслѣ быть доточникомъ или мастеромъ своего дѣла, — самое значеніе пояса невольно останавливаетъ насъ для кое-какихъ замѣтокъ. Мы не исторію пишемъ, а потому не будемъ говорить о томъ, какъ въ отмщеніе за позоръ и безчестье по поводу сорваннаго пояса на свадебномъ великокняжескомъ пиру (съ Василія Косого) поднялась война, имѣвшая слѣдствіемъ сверженіе съ престола побѣжденнаго великаго князя Василія Васильевича Темнаго. Словомъ, мы не будемъ объяснять историческаго значенія русской подпояски, такъ какъ за нею есть и другія достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли найти и указать, даже въ настоящее время, хотя бы на одного простого русскаго человѣка, вышедшаго изъ деревенской среды, который не имѣлъ бы на себѣ подпояски или пояса? Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда городскіе обычаи заставляютъ надѣвать нѣмецкое платье, деревенская привычка, скрытно для постороннихъ наблюдательныхъ глазъ, остается нерушимою и святою. Святымъ считается это непремѣнное обязательство въ силу того, что при святомъ крещеніи всякій православный младенецъ опоясывается, при молитвѣ о препоясаніи силою, ленто-

чкой или шнуркомъ по рубашкѣ. Ходить безъ пояса по рубахѣ считается основнымъ и тяжелымъ грѣхомъ, хотя и допускается въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ неимѣніе опояски сверхъ кое-какой мужской верхней одежды, напримѣръ кушака или подпоясника, т. е. ремня съ наборомъ или пряжкою. Отсутствіе этой туалетной принадлежности возбуждаетъ у самыхъ простыхъ людей серьезное недоумѣніе и вызываетъ искренція насмѣшки. Ни одна догадливая и любящая мать не пуститъ своего парнишку, разсѣяннаго и необрядливаго, безъ пояса на улицу въ силу издавна укоренившагося повѣрія о порчахъ сглазу. И по пословицѣ «разсыпался бы дѣдушко, кабы его не подпоясывала бабушка». У русскихъ людей, наиболѣе преданныхъ завѣтамъ старины, какъ, напримѣръ, у раскольниковъ, этотъ обычай получаетъ даже строгое мистическое значеніе. Такъ, при молитвѣ, налагая истовый размашистый крестъ во всю длину вытянутой руки, нельзя класть этого знамени поперегъ, т. е. опускать ниже пояса. За крестнымъ знаменемъ слѣдуетъ и малый началъ или поклонъ святымъ иконамъ опять-таки поясной, т. е. во всю спину. Увѣряютъ при этомъ, что въ старыхъ людяхъ, особенно принадлежащихъ безпоповщинскимъ сектамъ, сохранилось повѣріе о дѣленіи человѣческаго тѣла на двѣ половины: верхнюю — чистую, гдѣ помѣщается душа и сердце, и нижнюю — нечистую, гдѣ орудіе плоти: «всѣ мы попоясъ люди, а тамъ — скоты». Во всякомъ случаѣ каждая русская женщина имѣетъ поясъ, шерстяной, шолковый, бумажный или плетеный нитяный домашняго дѣла, поверхъ сарафана, а въ жаркое лѣтнее время, при спѣшныхъ работахъ въ полѣ, поясъ переносится прямо на рубаху. Заткнувши за этотъ поясъ

полу рубахи, съ боку, работающая, какъ волъ и сильная русская женщина еще съ большею легкостію, съ усердіемъ и безъ помѣхи, отправляетъ свой честный трудъ по-истинѣ въ потѣ лица своего. Даже и самая крестьянская нужда и деревенское горе являются въ наглядномъ представленіи не иначе, какъ подпоясанными, хотя бы на этотъ разъ и лычкомъ. По длинной до самыхъ пятъ бѣлой рубахѣ подпояска, на лѣвомъ плечѣ серпъ, въ рукѣ ведерко съ квасомъ, подъ правой мышкой охапка сжатыхъ колосьевъ,— вотъ и жнея. Обѣ рукавицы, заткнутыя обоими большими пальцами за кушакъ спереди и кнутъ, круто заткнутый съ боку, немного взадъ,—вотъ и удалый ямщикъ, поблекшій уже на красивомъ фонѣ картинъ русскаго быта, стираемый съ лица земли оберъ-кондукторами и изгоняемый кочегарами въ засаленныхъ и чумазыхъ блузахъ. Топоръ назади, наискось по спинѣ, закрѣпленный въ петлѣ кушака, означаетъ плотника, примѣтнаго и Петербургу раннимъ утромъ съ восходомъ солнца и вечеромъ передъ закатомъ его: нарубился, натесался, заложилъ топоръ за поясъ такъ, что лопасть съ лезомъ и обухъ съ проухомъ пришлись снизу кушака, остріемъ къ землѣ, а деревянное топорище просунулось вверхъ къ лѣвому боку,—плотникъ теперь пошелъ спать и отдыхать. Обязательный обычай и пріемъ при употребленіи подпоясаннаго одѣянія, конечно, вызвалъ и такіе промыслы, которые удовлетворяютъ этимъ насущнымъ потребностямъ. Не говорю о кушакахъ, для которыхъ на Руси, въ разныхъ мѣстахъ, мастеровъ очень много, но и такая мелочь, какъ узенькіе пояски, обратила на дѣло ремесла очень многихъ. Очень славятся пояски тагайскіе изъ симбирскаго села этого имени и промзинскіе той же

губерніи Алатырскаго уѣзда (указаній на другія мѣстности мы не имѣемъ). Богатыя семьи покупаютъ шерсть, прядутъ, красятъ и потомъ раздаютъ бѣднымъ женщинамъ на домъ для плетенья. Такой шерстяной поясъ продается не дороже двухъ копѣекъ. Но ничего не можетъ быть пріятнѣе покупки на монастырскомъ праздникѣ или цѣннѣе подарка знакомой богомолки, удостоившейся сходить къ соловецкимъ угодникамъ или кіевскимъ чудотворцамъ,—именно въ видѣ подобнаго пояска,—издѣлія монашескихъ чистыхъ рукъ. Какъ извѣстно и видно изъ вышеприведеннаго указанія, эти руки отбили отъ мірянъ промыселъ издѣліями столь нужнаго и распространеннаго предмета. Въ большихъ монастыряхъ продажа поясовъ составляетъ изрядную статью дохода, крупнѣе всѣхъ для кіевскаго Михайловскаго монастыря съ мощами Варвары великомученицы. Эти пояса въ особенности почитаются въ народѣ вмѣстѣ съ мѣдными и серебряными колечками, полежавшими у мощей въ ракѣ святой: ими богомолки, въ свою очередь, весьма съ выгодою поторговываютъ, не безъ обычныхъ обмановъ поддѣлками. Особенно заманчивы и прекрасны на дѣвичій взглядъ шелковые пояски съ вытканными молитвами — рукодѣлье женскихъ монастырей; «по поясу-то пояски, а по поясќамъ-то поясочки (полоски) и слова молитовки нанизаны! И сколько тутъ много всякой благодати и спáсенья?»

СПУСТЯ РУКАВА.

Такимъ чрезвычайно распространеннымъ выраженіемъ либо хвастаются въ виду легкой и хорошо знакомой работы, либо исполняютъ обыкновенную или трудную неохотно, небрежно, кое-какъ, чтобы только сбыть ее съ рукъ и убѣжать. «Бѣгать же съ засученными руками»—совсѣмъ ужъ ничего не дѣлать, а просто суетиться, зачастую мѣшая настоящимъ дѣлателямъ. Не попало для разъясненія это изреченіе въ рядъ другихъ, потребовавшихъ по личному убѣжденію или по подсказу постороннихъ лицъ,—не попало въ первое изданіе этой книги по своей простотѣ и очевидному смыслу. Рецензентъ ея указалъ на это обстоятельство, какъ на существенный пропускъ, предупредивъ замѣчаніемъ, что выраженіе обязано своимъ происхожденіемъ исторіи и что здѣсь подразумѣвается «древняя одежда съ длинными, спускавшимися до земли рукавами, заимствованная отъ татаръ» [1]). На это могу сказать въ тонѣ самого рецензента «пора перестать вѣрить» или, лучше сказать, злоупотреблять ссылками на татаръ и ихъ вліяніе въ разнообразныхъ заимствованіяхъ, воплотившихся въ русскую рѣчь и народный бытъ. «Отошла пора татарамъ на Русь ходить», — говоритъ историческая пословица, примѣ-

[1]) А терликъ (несомнѣнно монгольское слово) — самая употребительная и обычная одежда удѣльныхъ князей и московскихъ царей? Кашинскій князь пробѣжалъ мимо Твери въ одномъ только такомъ терликѣ — халатѣ, похожемъ на узкій кафтанъ, почти бозъ сборовъ. Но онъ былъ узкій и имѣлъ короткіе рукава, даже и впослѣдствіи въ одеждахъ московскихъ царей изъ Дома Романовыхъ.

нимая въ настоящее время, когда позднѣйшія изслѣдованія отбили у татаръ не только много словъ, яко бы отъ нихъ полученныхъ, а между ними оказались половецкія, а кнутъ даже нѣмецкимъ, но еще большее число обрядовыхъ частностей въ жизни, до затворничества женщинъ включительно. Длинныя рукава мы видѣли въ зимнее время и на Амурѣ у манчжуръ и китайцевъ, выдумавшихъ мѣховыя маленькія наушнички, но еще незнакомыхъ ни съ рукавицами, ни съ перчатками. Озябли руки, китаецъ спустилъ загнутый рукавъ и грѣется. Неужели нужно было придти татарамъ на Русь, чтобы научить бороться съ лютыми морозами, оберегая зябкія конечности? Старинныя «теплуги», хотя бы въ видѣ шубы, а въ особенности полушубка, наиболѣе удобнаго для работъ, сшитаго въ обхватъ и покороче, имѣютъ въ рукавахъ ту особенность, что они кроятся узкими, но длинными или, говоря обычнымъ выраженіемъ народнымъ, долгими. Дѣлается такъ съ расчетомъ на запасъ для набора въ сборки къ плечамъ (въ полушубкахъ) или чтобы засучивать отвертывая края (въ шубахъ). Накатанныя и засученныя рукава не мѣшаютъ работѣ ни въ лѣсу съ топоромъ, ни съ ухватомъ у печки. Отработалъ, спустилъ рукава, сталъ отдыхать. На рукавицы (кожаныя голицы съ шерстяными варяжками) нѣтъ прямыхъ указаній въ древнихъ актахъ, но «перстатыя» рукавицы (перчатки) привозились изъ-за границы, какъ видно изъ договоровъ съ ганзейскими нѣмцами. Коренной русскій сарафанъ (встарь бывшій мужскою одеждою) у женщинъ потребовалъ на рубахахъ длинныхъ рукавовъ во весь станъ и тоже для набора въ сборки ради удобствъ, а для красоты женскія рукава шьются широ-

кими. Таковою изображена на картинѣ, приложенной къ Святославову Сборнику, сама княгиня, и та женская фигура, которая изображена на новгородской иконѣ въ часовнѣ Варлаама Хутынскаго. Такіе же вздутые рукава рубахъ при безрукавныхъ тѣлогрѣяхъ и шугаяхъ на борахъ сзади, представляютъ безспорное русское одѣяніе, какого нельзя уже нигдѣ больше встрѣтить. При всей наклонности къ подражаніямъ подъ увлеченіемъ модой, при всей слабости къ заимствованіямъ, исторически доказаннымъ борьбою духовенства и властей съ нововведеніями въ обычаяхъ и одеждѣ, не все взято у татаръ, не все можно имъ приписывать. Даже крутой и настойчивый Петръ Великій принужденъ былъ уступить. Такъ, напримѣръ, одѣвая Русь въ нѣмецкое платье голландскаго покроя,—сибирскимъ жителямъ, «ради ихъ скудости», дозволилъ онъ оставаться въ прежнемъ платьѣ.

ТУРУСЫ НА КОЛЕСАХЪ.

Про иныхъ ловкихъ людей говорятъ такъ, что они умѣютъ подъѣзжать «турусами», «подпускать турусы», т. е. подправлять лестью медоточивыя искательныя рѣчи, пристигать ими неприготовленныхъ и неосторожныхъ врасплохъ. «Нести же турусы на колесахъ»—значитъ уже городить всякій вздоръ и болтать попустому, потому что «турусами» называется также сонный бредъ, обыкновенно безсвязный и пустяшный. Въ первомъ же значеніи это слово для объясненія своего отправляетъ насъ въ тѣ стародавнія времена, когда еще не былъ изобрѣ-

тенъ порохъ и на войнѣ не были приспособлены огнестрѣльныя оружія. Дѣйствовали стрѣлами въ открытомъ полѣ и стѣнобитными машинами, когда защищающіеся уходили отсиживаться въ города, окруженные рвами и огороженные бревенчатымъ тыномъ, сверху заостреннымъ. Въ чистомъ полѣ противъ вражескихъ стрѣлъ русскіе витязи надѣвали доспѣхи, состоявшіе изъ желѣзной кольчатой брони (кольчуги), а иногда изъ досчатыхъ латъ (папорзи). Головы охраняли желѣзными шлемами въ видѣ воронки, а шеи—колчужной сѣткой. Про всякой случай имѣли они на рукѣ большой деревянный щитъ, окованный желѣзомъ и обтянутый сыромятной кожей — широкій сверху и съуженный книзу и притомъ окрашенный въ любимый русскій красный («червленый») цвѣтъ. Когда разстраивались и ослаблялись непріятельскіе ряды войскъ тучами стрѣлъ и затѣмъ слѣдовалъ неизбѣжно рукопашный бой,— пускались въ дѣло обоюдо-острые мечи, даже «харалужные» (т. е. изъ восточной вороненой стали), копья, или сулицы, сѣкиры или боевые топоры и, наконецъ, ножи, которые даже у всякихъ изъ простого народа открыто имѣлись всегда при себѣ либо за поясомъ, либо припрятанными за голенища. Когда непріятели облагали осажденный городъ и прекращали самую возможность сообщенія его съ окрестностями, пускались въ ходъ стѣнобитныя машины или «пороки». Изъ однихъ метали большіе камни и бревна, изъ другихъ зажигательные снаряды, чтобы тѣми и другими производить въ городѣ разрушеніе и пожаръ. При неудачахъ противъ стойкихъ прибѣгали къ хитрымъ машинамъ въ видѣ досчатыхъ башенъ съ отверстіями на бокахъ, поставленныхъ на низкихъ и толстыхъ колесахъ. Эти-то туры или турусы, столь извѣстные средневѣковой

рыцарской Европѣ, знакомы были и монголамъ, завоевавшимъ Русь. Точно также темною ночью, послѣ безпрерывныхъ во всѣ сутки приступовъ, подкатывали они ихъ подъ самыя стѣны, и еще съ большимъ успѣхомъ пускали въ осажденныхъ тучи стрѣлъ, и еще съ вящщимъ удобствомъ приставляли къ стѣнамъ лѣстницы и лѣзли прямо въ городъ. На деревянные русскіе города монголы пришли уже тогда, какъ выучились брать большіе азіятскіе, укрѣпленные глиняными и каменными стѣнами, а не удобосгораемыми бревнами, какъ всѣ наши русскіе. «Устремишася къ монастырю со всѣхъ сторонъ, съ лѣстницы, и со щитами, и съ «тарасы на колесѣхъ». Противъ этихъ подвижныхъ укрѣпленій придумано было особое орудіе. Вотъ что мы прочитали въ «Ковенскихъ губернскихъ Вѣдом.»: «Мѣсяца три тому назадъ, во время дождей, оползла часть возвышающагося надъ Нѣманомъ громаднаго кургана, извѣстнаго подъ названіемъ «горы Гедимина». Въ размытой дождями глинистой почвѣ найдено любопытное средневѣковое желѣзное орудіе, рѣдко встрѣчающееся даже въ музеяхъ. Это — желѣзный болтъ, вѣсомъ около двухъ фунтовъ, яйцевидной формы, съ пирамидально выкованнымъ острымъ концомъ и выровненнымъ квадратнымъ тупымъ. Самый болтъ имѣетъ въ длину около двухъ вершковъ, въ діаметрѣ — болѣе полутора вершка. Изъ тупого конца идетъ желѣзный стержень, длиною около четырехъ вершковъ. Болтъ этотъ, по опредѣленію нѣкоторыхъ знатоковъ средневѣковаго военнаго быта, предназначался для метанія и разбиванія подвижныхъ досчатыхъ укрѣпленій, примѣнявшихся, преимущественно, при осадѣ замковъ, а также при полевыхъ военныхъ дѣйствіяхъ».

НИ ДНА—НИ ПОКРЫШКИ

является въ значеніи шуточной брани въ Россіи; въ Сибири же совѣтуютъ принимать пожеланіе это не за легкую шутку, а въ самомъ строгомъ смыслѣ зложеланія. Тамъ разумѣютъ подъ дномъ гробъ съ неотъемной крышкой, будетъ ли онъ сколоченъ изъ досокъ, какъ у православныхъ, или окажется выдолбленной колодой, какъ у безпоповщинскихъ старовѣровъ, или «домовиной»—такой же однодеревой долбленой колодой, которую любятъ и православные въ сѣверныхъ лѣсныхъ губерніяхъ, не смотря на то, что употребленіе колодъ запрещено закономъ. Эту домовину, въ шутку называемую тамъ деревяннымъ тулупомъ, привычно сулятъ вору или обидчику («возьми себѣ на домовину»). Разумѣя завѣтъ всегда думать о смерти, вѣрующіе люди, особенно старухи, заранѣе шьютъ себѣ саваны и запасаютъ гробы: саваны прячутъ на днѣ сундука, гробы — на чердакахъ или подволокахъ. Соблюдаютъ при этомъ лишь то повѣрье, чтобы гробъ былъ вмѣру, по росту, ибо если окажется не въ мѣру великъ— быть въ домѣ новому покойнику. Такимъ образомъ, заданное выраженіе, по сибирскому толкованію, оказывается самымъ злымъ пожеланіемъ—именно быть похороненнымъ безъ гроба, умереть безъ покаянія и возвратиться въ лоно матери-земли безъ обрядового честнаго погребенія. У малороссовъ замѣняется оно одинаковымъ по смыслу: «щобъ тебе поховали на растанькахъ». А разстани или распутье, т. е. перекрестокъ, гдѣ сходятся нѣсколько дорогъ, — и въ Великороссіи недоброе мѣсто: на немъ любятъ шалить черти (въ Бѣлоруссіи они играютъ здѣсь въ

видѣ особыхъ духовъ «вихрей»). Здѣсь встарину хоронили самоубійцъ, казненныхъ преступниковъ и злодѣевъ всякаго рода, по словамъ одной старинной пѣсни: «промежъ трехъ дорогъ, промежъ тульской, рязанской, владимірской».

АЛЛИЛУЙЯ.

«Несетъ такую аллилуйю, что уши вянутъ», говорятъ по привычкѣ и по завѣту отъ прежнихъ людей и удивляются неприличію выраженія. Между тѣмъ въ Тамбовской и Пензенской губерніяхъ сохранилось слово «алала, алалуя», что означаетъ всякую чепуху, безсмыслицу и даже сонныя грезы, ночной бредъ спящаго. Въ ходу также глаголъ алалыкать—невнятно говорить, картавить, т. е. объясняться либо съ пригнуской, либо съ пережовкой—мямлить; «алалуить» же означаетъ, въ прямомъ смыслѣ, — болтать вздоръ [1]. Ясно, что здѣсь въ говорѣ спутаны совершенно различныя понятія,—явленіе, нерѣдко замѣчаемое въ живой рѣчи, основанное на соблазнѣ созвучій. Но какъ объяснить бранныя слова халдей и халда—однозначущія и въ равной мѣрѣ обращаемыя бранныя прозвища (въ первомъ случаѣ къ мужчинамъ, во второмъ — къ женщинамъ) вообще къ людямъ безстыжимъ и грубымъ, горланамъ на-міру и наглецамъ въ компаніи?

[1] Вмѣсто аллилуйя говорятъ еще и «ахинею», что означаетъ тотъ же вздоръ, чепуху, безсмыслицу, нелѣпицу, бредни, чушь, аллу—въ прямомъ значеніи (по объясненію В. И. Даля) и пошлости, глупости—въ переносномъ.

Приписывать ли случайности, основанной на одномъ лишь необъяснимомъ созвучіи, или отправляться за поисками въ историческія справки? Извѣстно, что греки и римляне, спознавшись съ жителями междурѣчья Тигра и Евфрата (Месопотаміи), именно занятаго издревле Ассирійскимъ и Халдейскимъ царствомъ, не взлюбили ихъ и слово «халдей» обратили въ бранное и укоризненное. Это слово у цивилизаторовъ древняго міра обозначало понятіе шарлатана—звѣздочета и кудесни́ка. Халдеи—изобрѣтатели астрономіи, какъ искусства по звѣздамъ предсказывать будущее, въ то же время держались вѣры въ демонизмъ, и послѣдній вызвалъ сильное развитіе въ Халдеѣ колдовства или магіи.

ХАЛДЕЙ.

Въ Россіи слово «халдей» сдѣлалось всенародно извѣстнымъ, и ненавистнымъ и обратилось въ крѣпко-ругательное, вѣроятно, отъ того обычая, личнымъ свидѣтелемъ котораго былъ иностранецъ Олеарій (Адамъ, голштинецъ, извѣстный ученый), имѣвшій случай два раза посѣтить Московію. Онъ записалъ между прочимъ такой странный обычай: За восемъ дней до Рождества Христова и до Крещенья по улицамъ бѣгали люди и подпаливали прохожимъ бороды тѣмъ особеннымъ огнемъ, который получается отъ вспыльчиваго корешка травы плавуна (Lycopodium). Особенно нападали они на крестьянъ, пріѣзжавшихъ въ Москву въ торговые дни. Впрочемъ кто хотѣлъ могъ за копѣйку откупиться отъ подобнаго ущерба и великой обиды. «Ихъ зовутъ халдеями (пишетъ

Олеарій), потому что они изображаютъ тѣхъ служителей царя Навуходоносора, которые разжигали печь вавилонскую для трехъ еврейскихъ отроковъ. Въ Крещенье ихъ окунали въ прорубь и такимъ образомъ очищали ихъ отъ халдейства (и оскверненія себя масками и костюмами)«. Въ поясненіе извѣстія Олеарія слѣдуетъ замѣтить, что это очевидно были добровольцы, а не тѣ пѣвчіе, которые въ это же самое время принимали участіе въ церковномъ чинѣ, называвшемся «Печнымъ дѣйствомъ», происходившимъ на утрени въ недѣлѣ св. Отецъ (за недѣлю или двѣ до Рождества) въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ, въ Новгородѣ—у Софіи.

«Халды́-балды́ и ха̀лды-ба̀лды» какъ пустословіе и одновременно праздношатательство, съ наибольшею охотою относитъ нашъ народъ и по сейчасъ къ тому бродячему племени, которое старается прославить себя и тѣмъ и другимъ (ворожбой и брехней) и которое явилось къ намъ изъ той же южной Азіи и живетъ подъ именемъ цыганъ. Еще при патріархахъ халдеями назывались потерянные и безшабашные люди, которые потѣшали толпу и въ святочное время надѣвали хари, не считая позоромъ для себя бѣсовскія дѣйствія. Ихъ, какъ сказано уже, по окончаніи святокъ, всякій годъ крестили въ Іорданѣ, какъ вновь вступающихъ въ число православныхъ. Отсюда и неисчезнувшій до сихъ поръ обычай наряжавшимся на святкахъ окунаться въ крещенскихъ прорубяхъ, а встарину самое право наряжаться почалось не иначе, какъ съ патріаршаго благословенія.

НИ БЕЛЬМЕСА.

Лѣнивый школьникъ ни «бельмеса» не смыслитъ очень часто, т. е. въ прямомъ переводѣ на русскій языкъ—«ни аза въ глаза», и еще прямѣе и точнѣе—«ничѣмъ ничего», т. е. даже самой первой азбучной буквы: «азъ, да увязъ, да не выдрахся» — какъ привычно острили старинные семинаристы. Хотя къ слову «бельмесъ» и прилажена настоящая поговорка «не смыслитъ не бельмеса, а суется бѣсомъ», тѣмъ не менѣе, слово не наше, а заимствовано отъ татаръ, гдѣ этимъ именемъ честятъ всякаго неучадурня и болвана, ничего не смыслящаго. Въ Турціи это слово также цѣликомъ годится въ отвѣтъ не говорящему по-турецки, когда изъ словъ его ни одно не понятно. Тамъ «бель-месъ» прямо значитъ—«не понимаю». Въ планъ настоящей работы, по множеству уважительныхъ причинъ, не могло войти объясненіе тѣхъ вращающихся въ языкѣ словъ, которыя взяты съ иностраннаго цѣликомъ или, по требованію русскаго языка и народнаго вкуса, перестроены такъ, что потеряли свой прирожденный обликъ. Вотъ хотя бы, напримѣръ, слово шарманка. Кто бы могъ думать, что названіе этого музыкальнаго инструмента зависитъ не отъ тѣхъ ширмочекъ, изъ-за которыхъ обычно выскакиваетъ съ палкой и сердито покрикиваетъ пресловутый хохотунъ и драчунъ Петрушка, а отъ нѣмецкой пѣсенки. Съ нею явились заморскіе нищіе впервые, и незатѣйливый романсикъ такъ пришелся по вкусу нашимъ бабушкамъ и дѣдушкамъ, что потребовался русскій переводъ, до сихъ поръ пользующійся всероссійскою извѣстностью. Нѣмецкая пѣсенка извѣстна

подъ заглавіемъ «Scharmante Catherine» (почему во всей Польшѣ и на югѣ Россіи самый инструментъ называется еще проще—«Катеринкой»). На русскомъ языкѣ эта пѣсня томно и нѣжно докладывала о томъ, что «Во всей деревнѣ Катенька красавицей слыла, и въ самомъ дѣлѣ дѣвушка какъ розанчикъ цвѣла; прекрасны русы волосы по плечикамъ вились и всѣ удалы молодцы за Катенькой гнались», и т. д. Въ этой области изслѣдованій интересны не только сами передатчики и распространители, но и самый способъ передачи и передѣлки чужихъ словъ. Подобная задача иного характера, и ее, несомнѣнно, исполнятъ другіе, могущіе и знающіе. Попробую, впрочемъ, сдѣлать нѣсколько указаній изъ этой области «чужеземныхъ переводныхъ крылатыхъ словъ».

КРАСНАГО ПѢТУХА ПУСТИТЬ,

въ смыслѣ совершить поджогъ, объясняется заимствованіемъ. У нѣмцевъ этому выраженію буквально соотвѣтствуетъ «den rothen Hahn aufstecken» и малороссійское «червоного півня пустить». У насъ «подпускаютъ» или прямо-таки «сажаютъ» краснаго пѣтуха на кровлю изъ мести за доносъ или преслѣдованіе преступныхъ дѣяній уличенные, или пойманные, или наказанные злодѣи. Обѣщаніемъ поступить такъ держатъ въ страхѣ и вынуждаютъ молчаніе цѣлыхъ селеній, напримѣръ, шайки конокрадовъ и другихъ мелкихъ воровъ. Поджигаютъ селенія бѣглые съ каторги и мѣстъ поселенія въ Сибири, когда переполнится чаша терпѣнія мирныхъ

жителей отъ частыхъ набѣговъ, кражъ и грабежей этихъ придорожныхъ бродягъ. За пойманныхъ переднихъ мстятъ поджогами задніе, еще гуляющіе на свободѣ. Первымъ дѣломъ проявляетъ свое существованіе на землѣ и въ близкомъ сосѣдствѣ обвиненный въ Сибирь арестантъ, проскользнувшій мимо глазъ тюремныхъ дозорщиковъ на лѣсную волю и прогулку, и т. п. Пѣтухъ издревле у славянъ и скандинавскихъ народовъ служилъ символомъ бога огня, въ умилостивленіе котораго и приносился онъ въ жертву. Остатки этого обычая приношенія, обезличенные и растерянные, говорятъ, существуютъ еще у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и у финновъ. У древнихъ германцевъ пѣтухъ также былъ посвященъ громовержцу Тору.

КАКЪ КАМЕНЬ ВЪ ВОДУ

(по-польски и по-украински также точно, слово-въ-слово) бросаетъ дѣло неудачный и вышедшій изъ терпѣнія, послѣ тщетной борьбы съ препятствіями, и ежедневно погружается въ глубокій и живительный сонъ сильно истомившійся рабочій человѣкъ. Онъ опускается на ночное ложе, какъ ключъ или топоръ на дно. Иной человѣкъ, отъ всякихъ неудачъ въ жизни и отъ своихъ прегрѣшеній и личныхъ недостатковъ, «пропадаетъ, какъ камень на дно упадаетъ». Нужно ли этому образному выраженію искать начала (какъ уже сдѣлали нѣкоторые) въ языческихъ временахъ и вести его отъ символическаго обряда бросать камень въ воду при заключеніи мира съ врагами? Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняли ученые наши. Да и вообще слѣдуетъ ли

дѣлать напряженныя усилія для объясненія такихъ словъ, которыя ясны сами по себѣ [1])?

ГАЛИМАТЬЯ.

Жилъ себѣ въ Парижѣ врачъ, обладавшій необыкновеннымъ даромъ смѣшить своихъ больныхъ въ такой степени, что вынужденный смѣхъ служилъ освѣжающимъ и зачастую цѣлительнымъ лекарствомъ. Пріѣдетъ онъ, насмѣшитъ и уѣдетъ, не оставивъ ни клочка рецептовъ. Между тѣмъ больной уже почувствовалъ облегченіе, обрадовался, похвастался передъ знакомыми, всѣхъ удивилъ и соблазнилъ. Докторъ — по имени Галли Матьё — вошелъ въ моду и получилъ обширную извѣстность и практику. Его стали приглашать нарасхватъ, и, конечно, затруднили ему личныя посѣщенія: надо было придумать новый способъ. Онъ сталъ, вмѣсто себя, разсылать своимъ паціентамъ печатные листки, въ заголовкѣ которыхъ стояло его имя, а подъ нимъ разнообразные остроты и каламбуры. Отсюда производятъ обы-

[1]) Другое дѣло такія выраженія, какъ, напримѣръ, употребительный въ г. Болховѣ (Орловск. губ.) такой совѣтъ: «безъ козла съ узла» — это значитъ въ покупкѣ или при продажѣ будь рѣшительнѣе, чтобы другой не подвернулся и изъ-подъ носу не унесъ бы вещь, тебѣ очень нужную, или самъ купецъ не раздумалъ бы и не попятился. Попадаются и такіе поразительные случаи, какъ въ Архангельскѣ, гдѣ поговариваютъ до сихъ поръ: «день ушелъ между чахи и ляхи», т. е. и не знаю куда, ни въ тѣхъ — ни въ сѣхъ, безъ дѣла, ни туда — ни сюда, и не видалъ, какъ ушелъ и въ самомъ дѣлѣ, какъ древній кіевскій князь Святополкъ Окаянный, про котораго говоритъ лѣтопись, что онъ «ушелъ между Чехи и Ляхи», и въ Кіевъ больше не возвращался.

чай называть безсвязный и безсмысленный вздоръ, словесную чепуху именемъ и фамиліей оригинальнаго и счастливаго цѣлителя душъ и тѣлесъ. Впрочемъ, у народа для пустослововъ, вздорныхъ болтуновъ, умѣлыхъ городить такую чепуху, отъ которой вянутъ уши алалой (по звукоподражанію, какъ уже сказано раньше, отъ алалыкать или картавить, нечисто произносить буквы и слова), имѣется и на это слово, подобно многимъ другимъ потускнѣвшимъ отъ долговременья, иное толкованіе. Оно зависитъ отъ анекдота о французскомъ адвокатѣ, отличавшемся разсѣянностью и скороговоркой. Защищая по обычаю того времени на латинскомъ языкѣ какого-то Матьяса, у котораго украли пѣтуха, онъ называлъ самого кліента пѣтухомъ, говоря вмѣсто Gallus Matthiae — galli Matthias. Предлагается желающимъ на выборъ любое толкованіе.

ЧЕРЕЗЪ ПЕНЬ ВЪ КОЛОДУ.

Кто побывалъ въ охранныхъ или удаленныхъ глухихъ лѣсахъ ради охоты или кто попадалъ въ нихъ случайно заблудившимся, тотъ припомнитъ такія трущобы, въ которыхъ не только не проставишь ноги, но съ понятнымъ страхомъ, въ виду явной опасности затеряться и завязнуть, поспѣшишь обратиться вспять на намѣченную и оставшуюся назади тропинку. Вотъ вырванныя съ корнемъ деревья, костромъ навалившіяся другъ на друга. Это — вѣтровалы. Они давно уже валяются тутъ безъ призора, такъ давно, что, обманчиво прикрытыя корой и обломанными сучьями, представляютъ собою гниль стволовъ, превратившихся въ труху, въ которой вяз-

неть по колѣна и съ трудомъ вытаскивается нога. По этому лѣсному кладбищу безъ изнеможенія нельзя сдѣлать десятка шаговъ. Въ иныхъ мѣстахъ невозможно даже проставить ноги: на вѣтровалы навалились переломленныя пополамъ, яростнымъ налетомъ ураганов, березы и сосны. Это — буреломы. Вершины ихъ уже начали превращаться въ гниль и такую же пыльную и вязкую труху, но стволы отъ корней еще продолжаютъ проявлять нѣкоторые признаки жизни въ рѣдкихъ случаяхъ. Вообще же заглушенные окрестными ломомъ и хламомъ они безнадежно, какъ кости скелета, простираютъ къ свѣту свои высохшія и обезсиленныя вѣтви. И эти непролазныя трущобы и всѣ такія сорные и неопрятные лѣса, эти торчащіе дуплистые пни буреломовъ и сваленныя колоды вѣтроваловъ, дрòмъ да ломъ, доступны лишь всемогущей силѣ и непреоборимой власти напускного огня. Для заблудившагося охотника, для потерявшагося грибовника одинъ исходъ: мучительно шагать, слѣдуя примѣру умѣлаго и привычнаго медвѣдя, черезъ дуплистый пень, и попадать непремѣнно и обязательно въ трухлявую колоду. Захотѣлъ отворотить отъ пня,—налѣзъ на колоду: другого пути нѣтъ, какъ и для тѣхъ, кто привыкъ вяло и неумѣло вести дѣла, тяжело и неохотно приспособляя свою силу къ работѣ, «валять черезъ пень колоду». При всемъ стараніи и напряженіи у нихъ остается, — чтò и въ лѣсу, — тотъ же дромъ и ломъ, дрязгъ и хламъ.

ХОТЬ ТРЕСНИ.

Хоть разорвись, ничего не подѣлаешь; хоть тресни, хоть лопни, а дѣло заканчивай! — внушительно велитъ судьба злосчастному и приказываетъ подневольному и подчиненному суровый хозяинъ или строгій начальникъ, зачастую сами непривычные и неумѣлые производить заказанную работу. Этому суровому приказанію выучилъ едва ли не тотъ хвастунъ, который, посмѣиваясь надъ чужими пчелами, хвалилъ своихъ.

— Ульи тѣ же, а пчелы ростомъ въ кулакъ.

— Какъ же онѣ попадаютъ въ улей, какъ пролѣзаютъ въ узенькой летокъ (или лазокъ)?

— Пищитъ да лѣзетъ. У насъ строго: хоть тресни да полѣзай.

НА-ФЫРО́КЪ И НА ПОПА.

На голомъ перстѣ,—именно, на большомъ пальцѣ правой руки, сгибая его взадъ, дѣлаютъ между обоими сухожиліями ямку: это—соколокъ. Привычные къ употребленію нюхательнаго табаку этой ямкой пользуются какъ табакеркой, насыпая туда чихательнаго зелья ровно на двѣ понюшки и на добрый пріемъ за одинъ разъ. Тѣ, которые носили табакъ въ рожкѣ, нюхали его не иначе, какъ съ этого «соколка», другіе же съ ногтя того же большого пальца, прижатаго къ указательному, и этотъ способъ назывался уже нюханьемъ «на-фыро̀къ».

Въ послѣднемъ словѣ въ грамматическомъ смыслѣ вышла особая часть рѣчи, нарѣчіе, столь своеобраз-

ная и замѣчательная въ нашемъ богатѣйшемъ языкѣ, дѣйствующемъ съ большею правильностью и свободою, чѣмъ всѣ наши казенныя и учебныя грамматики. Въ данномъ случаѣ характерно слитіе союза не только съ существительнымъ именемъ (въ именительномъ, винительномъ и предложномъ падежахъ), но и съ нарѣчіемъ. Образовавшіяся чрезъ такое сліяніе нарѣчія бываютъ не только поразительны, но и знаменательны своею неожиданностью. Такъ напримѣръ, «на-попа», столь употребительное и извѣстное въ средѣ рабочихъ всякаго рода,—значитъ: стойкомъ поставить хоть что-нибудь, торчмя, напримѣръ, товарный тюкъ или квасную бочку. Натощакъ ѣдятъ пироги и ставятъ ихъ на попа: начинкой къ себѣ на видъ, съ намѣреніемъ сдобрить ее сверху подливкой изъ рыбной ухи или мясного супа. Ставятъ на-попа или тѣмъ же торчкомъ рюху уличные мальчишки въ игрѣ «городки или рюшки» выбитую изъ кона деревяшку.

ПИРОГЪ СЪ ГРИБАМИ.

У императрицы Елизаветы Петровны былъ любимый стремянной, человѣкъ атлетическаго сложенія, крѣпкій тѣломъ и духомъ, Гаврила Матвѣевичъ Извольскій, котораго она иногда навѣщала въ его уютномъ жилищѣ, угощалась любимой своей яишницей-верещагой, блинами, домашней наливкой и проч. Она позволяла ему говорить прямо правду, вѣря тому, что Извольскій преданъ былъ ей душой. Это придавало Извольскому извѣстную смѣлость, которая не могла нравиться придворнымъ и могла при

случаѣ простираться до обидныхъ дерзостей и незаслуженныхъ оскорбленій. Елизавета любила также награждать Извольскаго. Разъ, замѣтивъ, что онъ нюхаетъ табакъ изъ берестяной тавлинки, она подарила ему серебряную вызолоченую табакерку устюжской работы съ чернью. Гаврило поклонился до земли, но, взглянувъ на подарокъ, промолвилъ, что лучше бы когда царица пожаловала золотую. Елизавета благосклонно выслушала просьбу и хотѣла уже идти и перемѣнить, но стремянной замѣтилъ, что эта серебряная будетъ у него будничною, а та, золотая, праздничною.

Другой разъ, на имянины этого Гаврилы, императрица прислала ему пирогъ, начиненный рублевиками. Когда онъ благодарилъ за подарокъ, она спросила его:

— По вкусу ли пирогъ съ груздями?

— Какъ не любить царскаго пирога съ грибами, хотя бы и съ рыжиками?

Завистливымъ придворнымъ какъ-то разъ удалось словить этого невоздержнаго на языкъ и зазнавшагося баловня на какомъ-то неосторожномъ словѣ. Вслѣдствіе доноса онъ попалъ не только въ опалу, но, какъ водилось, въ оно строгое время, по выговоренному «слову и дѣлу», — прямо въ страшный Преображенскій приказъ. Тамъ онъ высидѣлъ нѣсколько времени и былъ прощенъ лишь по особому ходатайству своей жены.

Съ той поры, когда хвастались передъ нимъ близостью ко двору, особенно тѣ женщины, которыхъ царица допускала къ себѣ временами, когда, лежа на софѣ или въ постели, любила слушать старинныя сказки или городскія новости,—всѣмъ таковымъ хвастунамъ Гаврило Извольскій сталъ совѣтовать обычнымъ своимъ выраженіемъ:

— Ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами. Не разглашай, что бывалъ во дворцѣ и говаривалъ съ государыней. А не то жилы вытянутъ, въ уголь сожгутъ, по уши въ землю закопаютъ!»

«Такія угрозы, заимствованныя изъ Преображенскихъ и Константиновскихъ застѣнковъ, нерѣдко тогда употреблялись, когда хотѣли кого-либо пристращать» (по свидѣтельству московскаго археолога и бывшаго цензора Ивана Михайловича Снегирева). Стало быть, едва ли не здѣсь въ этомъ анекдотическомъ случаѣ, слѣдуетъ искать нарожденіе нашего, столь всѣмъ извѣстнаго, мудраго пословичнаго совѣта и теперь строго предлагаемаго на подходящій часъ и въ опасное время.

ПОДЪ КРАСНУЮ ШАПКУ.

Только въ недавнее время, какъ запугивающее, выраженіе это стало забываться въ виду всесословной воинской повинности. Дрожь и трепетъ наводило оно, когда обращалось въ особенности къ тѣмъ, которые не освобождены были, какъ дворяне, отъ тяжелой солдатской лямки. Надѣвали шапку не красную, а лишь такую, которая не имѣла козырька, но въ старину дѣйствительно всякій сдатчикъ, ставившій за себя рекрута, обязанъ былъ снабдить его красной шапкой, бердышемъ и прочимъ.

Совсѣмъ еще бодрые съ виду и словоохотливые старики даже и теперь разсказываютъ про недавнія времена рекрутчины, когда отъ суровыхъ тяго-

стей 25-лѣтней тугой лямки солдатчины бѣгали не только сами новобранцы, но и семьи ихъ. Изъ «дезертировъ» составлялись въ укромныхъ и глухихъ мѣстахъ цѣлыя артели дешевыхъ рабочихъ и цѣлыя деревни потайныхъ переселенцевъ (напримѣръ, въ олонецкой Кореліи, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ близъ границъ Финляндіи).

Въ земскихъ домахъ водились стулья, въ ширину аршинъ, въ длину—полтора; забитъ пробой и желѣзная цѣпь въ сажень. Цѣпь клали на шею и замыкали замкомъ. Однако не помогало: бѣгали удачно, такъ что лѣтъ по 15 и больше не являлись въ родныя мѣста.

Объявятъ наборъ, соберутъ сходку съ каждаго двора по человѣку, поставятъ въ ширинки на улицѣ. Спрашиваетъ староста у десятниковъ:

— Дома ли дѣти у этихъ отцовъ?

— Нѣту (скажутъ): въ бѣгахъ.

— Искать надо въ завтрашной день.

Ищутъ день, ищутъ два, ищутъ три, найти не могутъ. Спрашиваетъ у домохозяевъ:

— Гдѣ дѣти?

— Не знаемъ. Не находятся рекруты дома, — сбѣгли. Не знаютъ родители, гдѣ они хранятся.

Спроситъ самъ голова у этихъ отцовъ и рыкнетъ:

— Служба—надо.

— Не знаемъ, гдѣ дѣти—въ бѣгахъ.

— Ступайте нынѣ домой, а завтра приходите всѣ въ земскую: я съ вами распоряжусь.

Приходятъ эти отцы черезъ ночь.

— Ступайте на улицу и сапоги разувайте, и одежду скидайте съ себя до одной рубашки.

И босыми ногами выставятъ отцовъ на снѣгъ и въ морозъ.

— Позябните-ко, постойте: скажете про дѣтей. А если не скажете, не то еще будетъ.

— Не знаемъ, гдѣ дѣти!..

Пошлютъ поснимать на домахъ крыши; велятъ морить голодомъ скотъ на дворахъ. Черезъ три дня посылали какую нибудь сосѣдку скотъ покормить.

— Не знаемъ гдѣ дѣти,—въ бѣгахъ!.. [1]).

Прорубали на рѣкѣ пѣшней прорубь. Отступя саженъ пять, прорубали другую. Клали на шею родителямъ веревку и перетаскивали за дѣтей изъ проруби въ прорубь, какъ пронариваютъ рыболовную сѣть въ зимнія ловли, въ «подледну» (удочки на поводцахъ по хребтинѣ съ наживками или блестками, на навагу, сельдь и проч.).

«И родители на убегъ. И бѣгаютъ. Домà стоятъ пустыми. И скотъ голодомъ морятъ».

Эту пытку можно бы, въ отличіе отъ подноготной, назвать «подледною», но, кажется, уже объ этомъ довольно.

ТУРУ НОГУ ПИШЕТЪ.

Безсмыслица одной очень старинной пѣсни и другой таковой же сказки, смущавшая насъ съ дѣтскихъ лѣтъ и со словъ нянекъ, останется таковою, если отправиться за объясненіемъ къ слову туръ, дикій быкъ, зубръ, нѣкогда водившійся по всей Руси (теперь только на Кавказѣ въ горахъ и въ Бѣловѣжской пущѣ Гродн. губ.), воспѣтыхъ въ былинахъ, и упомянутый въ извѣстномъ завѣщаніи Владиміра Мономаха дѣтямъ. Поется «въ старинахъ»:

---

[1]) Изъ книги г. Барсова «О причитаніяхъ Сѣвернаго края».

«что царь дѣлаетъ?» — Туру ногу пишетъ. Стулъ подломился, царь покатился. Коза пришла: — «Гдѣ коза?»—Въ горы ушла.—«Гдѣ горы?»—Черви выточили. — «Гдѣ черви?» — Птицы поклевали, и т. д. Когда же вспомнимъ, что на Сѣверѣ издавна, а въ Архангельской губ. до сихъ поръ «турòкъ» и «туръ» означаетъ печной столбъ, основаніе котораго, называемое ногой, всегда расписывается красками очень пестро, то выраженіе становится совершенно понятнымъ. Печка обыкновенно складывается изъ необожженыхъ кирпичей на деревянномъ фундаментѣ— этомъ самомъ туркѣ—который и обшивается у богатыхъ крестьянъ досками и раскрашивается всего чаще красной краской фута на два или на полтора отъ пола. Этотъ обычай до сихъ поръ также сохраняется въ Малороссіи. Тамъ женщины не только бѣлятъ свои хаты еженедѣльно внутри и снаружи, но иная искусница еще обводитъ оконца каемками охрой или синькой. По печкѣ особливо она выводитъ узоры, пѣтушковъ и такіе цвѣты, какихъ еще никто не видывалъ.

НАСТОЯЩІЙ КАВАРДАКЪ.

Сытая, обезпеченная жизнь досталась на долю уральскихъ казаковъ, но зато невеселая и тяжелая служба. Не будемъ говорить о несчастныхъ походахъ въ Хиву и Туркменскую степь, кончавшихся изморомъ цѣлыхъ отрядовъ. Достаточно упомянуть о казачьей службѣ на сторожевыхъ постахъ внутри Киргизской и Туркменской степей, чтобы понять тяжелыя невзгоды жизни и походовъ въ необитаемыхъ пустыняхъ. Это, большею частію, степи, по-

крытыя толстымъ слоемъ сыпучихъ песковъ и отдѣльными песчаными холмиками, называемыми барханами, или тѣ же пески въ перемежку съ твердыми солончаками и солеными грязями. Съ трехъ сторонъ облегли эти унылыя мертвыя пространства Землю Уральскаго войска, вдоль которой протекла богатая рыбой рѣка Уралъ,—по старому Яикъ—золотое донышко. Онъ-то и кормилецъ всего войска. Изъ-за него, въ теченіе 250 лѣтъ, казаки не нуждались въ обработкѣ полей и хлѣбопашествѣ на земляхъ, которыя оказались чрезвычайно плодородными, производящими наилучшую во всей Россіи пшеницу.

Придя сюда, вотъ уже триста лѣтъ тому назадъ, казаки расположились селеніями преимущественно на берегахъ Урала съ притоками. Здѣсь отсиживались они отъ хищныхъ кочевниковъ и отсюда производили удалые набѣги въ степь для устрашенія и наказанія туркменъ, хивинцевъ и киргизовъ. Тревожная боевая жизнь научила отвагѣ, переѣзды по необитаемой голодной степи—осторожности не только противъ живого и дерзкаго врага, но и противъ того, который подкрадывается незамѣтно и тихо, но бьетъ также навѣрнякà и кладетъ на-смерть послѣ долговременныхъ и мучительныхъ страданій. Этотъ врагъ—голодъ, отъ котораго не всегда въ силахъ спасти и гостепріимный киргизъ, будучи самъ полусытымъ и круглый годъ въ проголоди.

Отправляется ли казакъ на долгій срокъ сторожевой службы въ степь, ѣдетъ ли онъ разыскивать скотъ, который либо самъ отшатился, либо отогнали киргизы,—во всякомъ случаѣ уралецъ безъ съѣстныхъ запасовъ не пускается. Между этими припасами едва ли не главное мѣсто занимаетъ неизмѣнный кавардакъ—ломти красной рыбы (всего чаще

ѳсетра), просоленные и провяленные на горячемъ солнышкѣ и имѣющіе большое подобіе съ балыкомъ. Они нарѣзываются ремнями исключительно для домашняго потребленія и въ продажу не поступаютъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на свою глухую неизвѣстность, въ своемъ мѣстѣ и въ нужное время, кавардакъ служитъ великую, неоцѣнимую службу. Запихнетъ его казакъ на походѣ въ рукавъ и, не слѣзая съ коня, сытъ и доволенъ. Кавардакъ пища и лакомство и веселый собесѣдникъ неграмотнаго человѣка, лучше всякой газеты, подобно тѣмъ, которыми являются, для оставленныхъ дома казачекъ, арбузныя и подсолнечныя сѣмечки. Онъ же служитъ за газету и книгу и подсмѣняетъ бесѣду, когда все переговорено и въ глухой степи нѣтъ ни малѣйшихъ поводовъ къ обмѣну мыслями. Ѣдетъ казакъ — и грызетъ кавардакъ. Онъ же, да еще развѣ пѣсня про удалые подвиги, коротаетъ и докучное время, и томительный путь, но, очевидно, не онъ, въ своемъ настоящемъ невинномъ значеніи, принятъ въ разговорный языкъ въ извѣстномъ условномъ смыслѣ.

Мы (не казаки, а городскіе жители) привычно называемъ этимъ неподходящимъ словомъ всю ту безтолочь, раздоры и ссоры, которые развели и замутили искусно пущенныя въ оборотъ сплетни, и всю ту хлопотливую суетню отъ безтолковыхъ и ѳпрометчивыхъ распоряженій, которая кончается такими пустяками, что въ нихъ и не разобраться. Какъ бы въ поясненіе такой мути и путаницы въ дѣлахъ человѣческихъ,—во многихъ мѣстахъ варятъ настоящій кавардакъ въ родѣ болтушки. Въ нее, какъ въ солянку, годится всякая всячина, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше, наудалую, что выйдетъ: лукъ

и толченые сухари, соленый судакъ и свѣжая рыба. Въ густой и мутной болгушкѣ, когда станешь ѣсть,— ничего не разберешь, кромѣ хруста на зубахъ песку, который также полагается въ числѣ приправъ и принадлежностей этого невзыскательнаго бурлацкаго варева, невкуснаго и свареннаго въ разсчетѣ лишь на привычные и голодные желудки. На Волгѣ кавардакомъ зовутъ ловцы пшенную кашу, которую, къ нашему великому удивленію, варятъ тамъ съ рыбой, въ явное доказательство, что русское горло, что бердо: долото проглотитъ.

СБУХТЫ-БАРАХТЫ.

Кто поступаетъ такъ, какъ понравилось ему на первый взглядъ, безъ всякаго предварительнаго обсужденія, не имѣя никакой надобности и безъ всякой опредѣленной цѣли, — у того, конечно, очень часто выходятъ безтолочь и неудачи. Смыслъ такихъ поступковъ объясняется короткимъ словомъ «зря», сокращеннымъ изъ «назря», на глазъ, на зрѣніе, какъ глянулъ или глянулось, или какъ понравилось, такъ и сдѣлалъ. Впрочемъ, въ нашемъ языкѣ, богатомъ на всякаго рода эпитеты до поразительной роскоши, существуютъ и для объясненія того же понятія другія однозначущія выраженія человѣческихъ дѣлъ и поступковъ. Таковы: на-обумъ, опрометчиво, какъ ни попало, безтолково, ни съ того— ни съ сего и т. д.,—все-таки, выходитъ «зря», что головой въ «копну» и «спустя рукава». Но если уже очень силенъ порывъ «на-обумъ» и слишкомъ печальны послѣдствія, то говорятъ о поступкѣ «сбухты-барахты». Кто-то придумалъ какую-то бухту,

назвалъ ее Барахтой, но до сихъ поръ мы не встрѣчаемъ еще такого знатока и бывальца, который указалъ бы намъ, гдѣ находится и какого моря часть представляетъ собою эта бухта Барахта. Никому, какъ и первому автору этого выраженія, не отказано въ правѣ и возможности необдуманно говорить «съ дуру, что съ дубу», или, что одно и то же, поступать «сбухты-барахты» и, въ самомъ дѣлѣ, при несчастномъ случаѣ, биться руками и ногами, какъ упавшіе въ воду: «бухъ и барахты». «Не поглядѣлъ въ святцы да бухъ въ колоколъ», а потомъ и барахтайся, возись, оправдывайся и оправляйся. Для барахтанья достаточно подручной и спопутной рѣчонки, а грудныя дѣти умѣютъ это дѣлать, на утѣшеніе родителямъ, и на мягкой перинкѣ.

СИЛА СОЛОМУ ЛОМИТЪ.

Подъ соломой мы привычно разумѣемъ остатки, въ видѣ стеблей, отъ обмолоченнаго хлѣба всякихъ сортовъ и представляемъ ее себѣ не иначе, какъ цѣлымъ ворохомъ, непремѣнно кучей, сгребенной лопатами въ горку, въ рыхлую груду. Отсюда охапками или тѣми же ворохами солома берется на подстилку и на крыши, на шляпы и другія плетенья разнаго рода, на поташъ и даже на подпояску сноповъ. Вынутый изъ «соломы» одинокій сухой стебелекъ, отъ котораго отбитъ колосъ и годится лишь въ зубахъ поковырять, называется «соломиной». Для надлома ея не требуется никакой силы и смѣшно было бы вспоминать это слово и говорить объ немъ. Ни въ какомъ случаѣ мы не имѣемъ права подозрѣвать нелѣпицы или темнаго смысла

въ изреченіи, которое народъ твердо установилъ въ пословицу, обычно выработанную житейскимъ опытомъ. Если бы онъ желалъ выразить смѣшную безсмыслицу, то сказалъ бы точно и правильно: «сила соломину ломаетъ». Между тѣмъ говорится вѣковѣчная правда, равно извѣстная и испытанная всѣми народами міра: «ломитъ сила солому»,—т. е. могучее и властное побѣждаетъ слабое, хрупкое и ломкое. «Сила все ломитъ» (а не ломаетъ) — говоритъ общеупотребительная поговорка. Ломать, переламывать можетъ и слабая рука новорожденнаго младенца, но ломить и ломиться въ состояніи лишь увѣренная въ себѣ крѣпкая сила, она напираетъ, валитъ налегая, опрокидывая и руша въ сборѣ, скопомъ. Къ тому же слѣдуетъ помнить о томъ, сколько надобится человѣческихъ усилій, чтобы, пройдя всѣ степени земледѣльческаго труда, добыть, про домашній обиходъ, ворохъ соломы. Сколько мужественнаго геройскаго терпѣнія требуется для того, чтобы, послѣ трудовъ праведныхъ имѣть возможность и право подостлать соломки, чтобы на ней отдохнуть, поваляться и выспаться. Силою одного человѣка это можно сдѣлать, но обычно требуется на такія работы соединенный трудъ, помочь или толока. Послѣ работы испытаются: и ломота въ спинѣ, особенно когда жнутъ на корню выспѣвшій хлѣбъ и сажаютъ его для просушки въ овинахъ,—и ѣдкая боль въ рукахъ и плечахъ, и истома во всемъ тѣлѣ, когда на токахъ отбиваютъ спѣлое зерно и добываютъ солому и мякину, т. е. высохшіе стебли и избитые цѣпами колосья. «Нивка—нивка!—отдай мою силку!»—отчаянно кричатъ суевѣрныя бабы, катаясь по жнивью, когда кончатъ вязать послѣдній снопъ и завязываютъ ему бороду.

Некуда больше идти за объясненіями: если и жилъ-былъ на свѣтѣ извѣстный царь-горохъ, то про царицу-солому еще нигдѣ не слыхать ни въ сказкахъ, ни въ пѣсняхъ, ни даже въ загадкахъ. Ни миѳологическія и историческія, ни бытовыя и юридическія, ни всякія другія справки не представляютъ выхода для толкованій, заподозрѣннаго въ безсмыслицѣ изреченія инаго, кромѣ приведеннаго сейчасъ.

ДО ПОЛОЖЕНІЯ РИЗЪ.

Это выраженіе извѣстно было еще въ началѣ прошлаго столѣтія. Такъ, посланный въ Московскую губ. при Екатеринѣ I въ 1726 г. графъ Матвѣевъ на ревизію для выясненія вопроса о томъ, сколь тяжела для крестьянъ подушная подать, писалъ между прочимъ, что въ Суздалѣ онъ пробылъ долго. 24 ноября, въ день имянинъ императрицы угостилъ всякаго чина людей 70 человѣкъ «до положенія ризъ». Выйдя, по всему вѣроятію, изъ-за монастырскихъ стѣнъ, за которыми не были рѣдкостію крайности такого рода послѣ грубыхъ развлеченій, для міранъ изреченіе это было понятно по тѣмъ двумъ праздникамъ положенія ризъ: Богородичной (2 іюля) и Господней (10 іюля), которые чествовались сооруженіемъ храмовъ этого названія.

НЕ БЫВАТЬ СКОРЛАТОМУ БОГАТОМУ.

— Тому щеголю, который изысканно и богато, не по средствамъ наряжается, тратится на дорогую одежду. Эта очень древняя пословица получила началовъ

то время, когда на Руси сукна были рѣдкостью и очень дороги,—особенно это французскаго дѣла сукно краснаго цвѣта. Платье изъ него было въ такомъ почетѣ, что его передавали по завѣщанію и заносили въ духовныя записи. Такъ поступилъ Иванъ Даниловичъ Калита, оставившій сыну, «скорлатное портище» и Иванъ Ивановичъ «опашень скорлатенъ». Владиміръ Васильковичъ, купивъ въ 1286 г. село Березовичи, далъ между прочимъ 5 локотъ такого же скорлата. Опашень же былъ не иное что, какъ долгополый широкій кафтанъ, съ широкими, но короткими рукавами. У московскихъ царей шитъ онъ былъ изъ золотной матеріи, надѣвался поверхъ становаго кафтана у мужчинъ. Нашивали его и царицы. Слово это сохранилось кое-гдѣ и донынѣ. Это собственно scarlatum, écarlate, scharlach или также по-русски «шарлахъ», яркій багрецъ.

«Скурлатами немилостивыми» (по знакомому созвучію) называются въ русскихъ былинахъ шайки разбойниковъ, палачи, — и послѣдніе несомнѣнно по искаженному имени Малюты Скуратова и со временъ неистовыхъ дѣяній опричнины.

ЕМЕЛИНА НЕДѢЛЯ.

Болтуна и враля, принявшагося за свое привычное и досадное ремесло, слушатели останавливаютъ, когда онъ сильно и бойко развяжетъ языкъ,—выраженіемъ, «ну, мели, Емеля, твоя недѣля!» Породилъ ее, очевидно, обычай, издревле установившійся въ крестьянскихъ хозяйствахъ, особенно во многосемейныхъ, держащихся старинныхъ уставовъ и прадѣдовскихъ порядковъ — работать по очереди, въ

сроки, всѣмъ бабамъ-невѣсткамъ и взрослымъ дочерямъ-невѣстамъ. Эти занятія уряжаетъ либо свекровь, либо, за ея смертію, старшая невѣстка, занимающая въ семьѣ должность большухи-закащицы. Большею частію каждая изъ младшихъ работаетъ по-недѣльно. По-недѣльно бабы стряпаютъ, мелятъ крупу и зерно на ручныхъ жерновахъ.—«Вотъ ты, баба, зерна мели,—говоритъ мужъ женѣ:—а много не ври, а мели хоть день до вечера!» По-недѣльно бабы смотрятъ за коровами, доятъ ихъ и сливаютъ молоко, и т. д. Это объясненіе, конечно, не отрицаетъ права и не отнимаетъ возможности искать его и въ очередяхъ отправленія церковныхъ службъ и духовныхъ требъ соборными священниками въ городахъ и большихъ селахъ. Издревле они правятъ требы недѣльными «чредами». Въ самомъ словѣ «треба», по толкованію В. И. Даля, не только заключается смыслъ отправленія таинства и священнаго обряда, но предполагается связь со словомъ «требити», т. е. очищать отъ всякія скверны плоти и духа, какъ требятся плевелы, когда вѣютъ хлѣбъ. Что же касается до значенія очереди въ смыслѣ чреды, то она обязательна не только священникамъ, но и архіереямъ для засѣданій въ Святѣйшемъ Синодѣ. Собственно же для священниковъ, по давнему народному обычаю, нѣтъ череды только лишь на мельницѣ: когда священникъ или дьяконъ привезутъ свой хлѣбъ, мельникъ старается поставить ихъ на очередь прежде всѣхъ другихъ, ожидающихъ помола. Для этихъ установленъ другой законъ, точно и безпрекословно соблюдаемый въ деревняхъ и ясно высказанный пословично: «не попалъ въ свой чередъ, такъ не залѣзешь впередъ»; «жить на ряду,—вести череду» и «чей чередъ, тотъ

и беретъ». Эти правила неохотно соблюдаются лишь въ большихъ городахъ и особенно въ столичныхъ, противъ чего недавно придуманы и приняты такъ называемые «хвосты» въ театральныхъ и желѣзнодорожныхъ кассахъ, и т. п.

НИ ВЪ ЧОХЪ, НИ ВЪ ЖОХЪ (НЕ ВѢРЬ).

1. ЧОХЪ.

«На чохъ здравствуй!»—поздравляй, желая добраго здоровья тому человѣку, который, невольнымъ образомъ, напряженно чихнулъ: таковъ обычай, повсемѣстный въ Россіи. Онъ исчезъ лишь въ большихъ городахъ и въ средѣ интеллигентныхъ обществъ, гдѣ не только выговорено, но и примѣнено къ дѣлу твердое убѣжденіе, что «на всякой чихъ не наздравствуешься». Свято соблюдаемый въ селахъ и деревняхъ обычай старины примѣнимъ не только къ людямъ, но и по отношенію къ животнымъ, напримѣръ, къ лошадямъ, вызывая оригинальное исключеніе. Чихнувшему коню слѣдуетъ поздравствовать, но тотчасъ же и обругать, напримѣръ, такъ: «будь здорова, чортъ бы тебя дралъ».

Съ глубокой древности чиханье считалось извѣстнаго рода знаменьемъ. Полагается чихать во время и кстати. Чиханіе съ полночи до полудня признается вреднымъ. Точно также нехорошо чихать за столомъ. Съ полудня до полночи, напротивъ, чиханье—хорошій знакъ. Особенно же много обѣщаетъ оно, когда при совѣщаніи оба собесѣдника чихнутъ одновременно.

У насъ этотъ непокинутый обычай успѣлъ уже подвергнуться насмѣшкѣ, выразившейся непонятными привѣтами и отвѣтами. Чихнувшему говорятъ: «салфетъ вашей милости!»—находчивый привычно отвѣчаетъ на это: «красота вашей чести!» Въ прошломъ вѣкѣ, когда въ языкъ ворвалось множество странныхъ выраженій, даже въ средѣ высшаго и фешенебельнаго общества говорилось тамъ серьезнымъ тономъ, — теперь этотъ привѣтъ посылается въ шутку. Удерживался этотъ языкъ, и этотъ привѣтъ, по заимствованію, въ средѣ лакейскаго сословія, когда еще прокармливалось оно богатыми барами, во время крѣпостного права. Охотнѣе теперь желаютъ послѣ чиху такъ: «сто рублей на мелкіе расходы!» Теперь болѣе убѣждены въ томъ, что «въ чохъ, да въ жохъ, да въ чотъ нельзя вѣрить», а потому и придумано такое бранное пожеланіе: чохъ нà вѣтеръ, шкура нà шестъ, а голова—чертямъ въ сучку играть!»

---

2. ЖОХЪ.

Жохъ—это въ дѣтской уличной игрѣ положеніе бабки или козанка (части ноги животнаго подъ щеткою, такъ называемый путовой суставъ) хребтикомъ кости вверхъ, противоположное кòнкѣ (бабка, подброшенная съ руки кверху и упавшая на землю правымъ бокомъ называется ницка, а лѣвымъ — плòцка). Этимъ способомъ подбрасыванія костей гадаютъ не только на очередь игры (конаются), но и на счастливую удачу и несчастный случай, какъ въ четъ и нечетъ, въ орлянку и т. п. азартныя игры. Въ послѣднемъ случаѣ счастье говоритъ надвое: орелъ и рѣшотка, или по дру-

гимъ условнымъ выраженіямъ копье, когда монета ляжетъ личной стороной (тотъ выигралъ и беретъ деньги съ кону) и рѣшето, когда ляжетъ никой, ничкой вверхъ (проигралъ всю ставку). Эта любимая игра простого народа, обычная на всѣхъ базарахъ, полицейскими мѣрами мало-по-малу вытѣснена съ площадей и заперта въ темныхъ закоулкахъ и на задворьяхъ. Въ старину, и притомъ въ самую отдаленную, борьба съ жохомъ и чохомъ велась духовными лицами съ церковныхъ каѳедръ и при помощи рукописныхъ посланій и поученій. Суевѣрный обычай причисленъ былъ къ кощунскимъ и строго преслѣдовался наравнѣ съ чернокнижьемъ вѣрующихъ «въ роженіе мѣсяца, и въ наполненіе (полнолуніе) и въ ветохъ (ущербъ) и въ преходня звѣзды, и во злые дни и часы». Извѣстно одно изъ малыхъ поученій второй половины XVI в., когда вѣра въ звѣздозаконіе и планеты особенно развилась на Руси одновременно съ натискомъ латинскихъ новизнъ въ русскую жизнь, литературу и искусство, когда появились альманахи, планидники и другія гадательныя книги астрологическаго содержанія.

Поученіе, обличающее болѣе древнюю вѣру въ жохъ и чохъ, сопоставляетъ ее съ вѣрою въ недобрыя встрѣчи по пути, и во птичій грай («встрѣчная и чеховая прелесть невѣрныхъ языкъ»). Почиталась недоброю встрѣча со священникомъ и дьякономъ, и съ нищими еще гораздо ранѣе, чѣмъ появились поученія и осталась таковою до нашихъ живыхъ временъ. Встрѣча съ духовными лицами почиталась несчастною съ тѣхъ временъ, когда языческая Русь, не всегда увѣщаніемъ, а чаще насиліемъ, обращалась въ христіанство и принудительно крестилась

въ водѣ и сгонялась въ церкви. Несмотря на то, что, по словамъ поученій, во священной чинъ посвящались дѣлатели непостыдные, правящіе слово истины, неразумные люди гнушались встрѣчъ съ таковыми, отворачивались и даже бранили «въ то время многимъ поношеніемъ». Впрочемъ время, видимо, измѣнило это послѣднее суевѣріе, какъ и относительно нищихъ: встрѣча съ монахомъ теперь полагается въ числѣ счастливыхъ, а съ нищимъ и того болѣе, можетъ быть оттого, что первая случается рѣже, а послѣдняя такъ часта и обычна, что притупляетъ вниманіе и ослабляетъ всякую опасливость. Также исчезло въ народѣ и суевѣрное значеніе встрѣчъ со свиньей и конемъ лысымъ, т. е. имѣющимъ долгое бѣлое пятно въ шерсти на лбу (круглое называется «звѣздочка»). Встрѣчи со свиньей опасаются только продавцы раковъ, убѣжденные опытомъ въ томъ, что запахъ свиной ихъ убиваетъ, т. е. они засыпаютъ.

ПО СХОДНОЙ ЦѢНѢ.

Г. Никольскій на-короткѣ и какъ бы мимоходомъ объясняетъ это изреченіе, производя его отъ сходней. «Сходни въ лавкѣ (говоритъ онъ), съ которыхъ запрашивающій въ три-дорога торговецъ ворочалъ, набивавшаго цѣну, покупателя». Это остроумное объясненіе было бы убѣдительно, если-бъ при лавкахъ дѣйствительно существовали ноизбѣжные и обязательныя сходни. Пока извѣстны въ торговыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ помногу разъ въ день сходятся въ цѣнѣ и расходятся: полки и прилавокъ — держать запасные и раскладывать на показъ затребованные товары, да необходимъ еще развѣ навѣсъ,

чтобы не выгорали отъ солнца крашеныя матеріи. Впрочемъ изъ Москвы вышли на Русь самыя мудреныя выраженія, начало и корень которыхъ только и можно найти тамъ. При очисткѣ грязнаго и запущеннаго Китай-города, во время пребыванія императрицы Елизаветы, у торговыхъ рядовъ оказались скамьи, каменные приступки и другія постройки, загромождавшія пространство и препятствовавшія проѣзду. Ихъ велѣно сломать, а погреба засыпать. Не на этихъ ли приступкахъ при уходѣ покупателя, чтобы не упустить его, купецъ сказывалъ крайную цѣну. Она получила наименованіе сходной, не всегда такой, которая была для купца подходящей, а такой, чтб была покупателю по карману, не то чтобы и дешевая, а скорѣе безобидная: пришелся товаръ пб вкусу и плата за него не дороже прошлогодней и за такую именно цѣну покупали знакомые люди. Въ настоящее время въ Москвѣ домовладѣльцы называютъ «сходомъ» доходъ отъ квартиръ, а торговцы, передающіе насиженное торговое помѣщеніе другимъ, продолжаютъ платить «за выходъ», т. е. выдаютъ извѣстнаго размѣра премію. У Даля, въ словарѣ, ни этого слова, ни схода въ указываемомъ значеніи нѣтъ, но есть объясненіе столь употребительныхъ на всѣхъ морскихъ и рѣчныхъ пристаняхъ «сходней»—подвижныхъ мостковъ, сколоченныхъ изъ досокъ съ перилами и набитыми брусками.

ГЛУПАЯ БАБА И ПЕСТУ МОЛИТСЯ.

Пословица народилась отъ побасенки, какъ одна старуха вздумала помолиться Богу въ церкви. На селѣ она съ роду не бывала и, встрѣтивъ на пути мельницу, приняла ее за храмъ Божій: къ тому же и на мельницахъ она съ роду не бывала. Знавала только поповъ, которые наѣзжали, по указнымъ праздникамъ, «со славою». Приводилось и ей давать имъ «отсыпного»: мукой, крупой, пшеномъ; откупалась и печенымъ хлѣбомъ, свѣжими яйцами, и т. п. Спрашиваетъ она бородатаго старика, всего выпачканнаго мукой: «Не вы ли попы будете»?—Мы.—«А гдѣ у васъ тутъ Богу помолиться»? Онъ ей указалъ на толчею:—Вотъ тутъ! А въ ней, по обычаю, ходятъ на рычагахъ деревянные бойцы—песты, да постукиваютъ, и все себѣ толкутъ, не уставая и не останавливаясь, по указанному издревле закону: «пестъ знай свою ступу». Глупая баба и помолилась песту: больно ужъ онъ сильно ворочаетъ и словно бы и самъ шепчетъ какую-то молитву, подсказываетъ и облегчаетъ.

Такой же путь для розысковъ объясненія темныхъ пословицъ въ народныхъ сказкахъ, притчахъ, разсказахъ и побасенкахъ указываютъ и прочія родственныя намъ племена. Между прочимъ мнѣ привелось встрѣтиться въ Бѣлоруссіи съ очень распространенною пословицею, очень напонятной съ перваго раза, но нашедшею полное и ясное объясненіе въ сказкѣ. Говорятъ: «пускай тотъ середитъ, кто вверхъ или на небо глядитъ». Оказывается, что шла себѣ путемъ-дорогой лисица и нашла поджаренную говядину, а подлѣ налаженную желѣзную пасть. До-

гадавшись, что это ловушка, она не притронулась къ мясу, а дождалась медвѣдя. Спрашиваетъ его: «куманекъ-голубчикъ, ѣлъ ли ты что-нибудь сегодня?»—Нѣтъ, кумушка-голубушка, не случилось.—«Ну, пойдемъ, я сведу тебя въ такое мѣсто, гдѣ хорошая пища лежитъ. Сама бы я съѣла, да сегодня середа: вѣдь я католичка». Подвела лиса медвѣдя къ той говядинѣ. Лишь только онъ сунулся къ ней, какъ желѣзо обхватило его поперекъ и подняло кверху. Лисица взяла кусокъ и съѣла. Медвѣдь съ навѣсу говоритъ: «кумка-голубка, вѣдь у тебя сегодня середа».—Эхъ, кумокъ-голубокъ, нехай той серадзиць, кто у гору (вверхъ) глядзиць!»

НЕ ВО́ ВРЕМЯ ГОСТЬ.

Извѣковный прадѣдовскій законъ велитъ всякаго пришедшаго въ домъ, хотя бы и незваннымъ, посадить и зачесть дорогимъ гостемъ, а если найдутся въ домѣ запасы, то и угостить. Запасливость впрочемъ не обязательна; требуется лишь радушіе, ласковое слово, добрая бесѣда: «не будь гостю запасливъ,—будь ему радъ». Конечно, пріятно, если пожаловалъ добрый человѣкъ въ то время, когда въ домѣ скопились запасы, и обидно и досадно, если онъ посѣтитъ въ то безвременье, когда скопленное и храненое все до остатка истреблено. А то недоброе, съ сердцо̂въ выговоренное изреченіе, что не во время (пришедшій) или незванный гость хуже татарина, явно народилось въ живой рѣчи въ тѣ времена, когда Русь находилась подъ татарскою властью. Покорители не щадили побѣжденныхъ и еще Плано-Карпини, посѣщавшій татарскіе улусы въ XIII вѣкѣ,

замѣтилъ въ этомъ народѣ непомѣрную гордость, ярко высказывавшуюся презрѣніемъ ко всѣмъ другимъ народамъ, страшную жадность, скупость и свирѣпость: убить человѣка имъ ничего не стоитъ. Всякій татаринъ, если ему случится пріѣхать въ подчиненную страну, ведетъ себя въ ней, какъ господинъ: требуетъ всего, чего только захочетъ. Наши лѣтописи полны разсказовъ о притѣсненіяхъ татарскихъ баскаковъ и о жадности ханскихъ придворныхъ. Вообще насиліе у нихъ преобладало надъ обманомъ даже въ торговлѣ. При встрѣчѣ и столкновеніи съ такими степными нравами Монголіи, какіе сохранились въ татарахъ до конца ихъ историческаго поприща, русскіе люди невольно, съ грознымъ принужденіемъ, привыкли всякаго татарина, пришедшаго въ домъ, считать властнымъ гостемъ, всегда незваннымъ и всегда не во̀-время. Извратилось понятіе о гостѣ и самое хлѣбосольство утратило добрыя черты, когда съ появленіемъ татаръ во многомъ измѣнились самыя условія жизни и произошло огрубѣніе нравовъ. Дикому произволу и неудержимой разнузданности этихъ новыхъ хозяевъ Русской земли нѣкоторыми нашими историками (какъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ) приписывается небывалое явленіе въ бытовомъ строѣ народной жизни—затворничество женщинъ, и у достаточныхъ классовъ постройка теремовъ. Въ условія, на которыхъ татары принимали въ подданство какой-нибудь народъ (по завѣщанію Чингизъ-хана) входило между прочимъ—брать десятаго отрока или дѣвицу, отвозить ихъ въ свои кочевья и держать въ рабствѣ. На этомъ-же сильномъ правѣ, конечно, основались и злоупотребленія. Вотъ почему зажиточные люди стали запирать женъ и дочерей, будучи

вынуждены обычаями самихъ татаръ, считавшихъ все на Руси своимъ, увозить чужихъ женъ и похищать дѣвицъ. Съ извращеніемъ и порчею нравовъ, объ руку съ ними, естественнымъ образомъ охладѣли мягкія отношенія къ гостю и рѣзко измѣнились самыя представленія объ немъ. Стали говорить: «Гость на дворъ и бѣда на дворъ; гости навалили, хозяина съ ногъ сбили; и гости не знали, какъ хозяина связали; краюшка не велика, а гостя чортъ принесетъ—и послѣднюю унесетъ», и т. д. почти всѣ въ этомъ смыслѣ.

ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ ПОХМѢЛЬЕ.

Съ первыхъ князей русскихъ идетъ слава о пирахъ и наклонности весело проводить время, пить и пировать. Съ княжескихъ съѣздовъ для замиренья послѣ споровъ и распрей за удѣлъ, со свадебныхъ пиршествъ доносится до насъ веселый откликъ старины, какъ живой и вчерашній, со вспышками на ссоры и перебранки и съ полною готовностью идти въ драку, драть бороды и ломать ребра. Въ своемъ мѣстѣ объ этомъ было говорено съ достаточною подробностью; на этотъ разъ останавливаемся здѣсь собственно въ виду такого стариннаго обычая. Гости, приглашенные на пиръ (именно на пиръ, а не на обѣдъ, послѣ котораго обычно и начинались пиршества) обязаны были платить за честь быть приглашенными. Самому хозяину угощенія, при дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, было недорого, а у воеводъ и это было приноснымъ или даровымъ. Они-то въ особенности и отличались подобнымъ гостепріимствомъ (дѣйствовавшимъ напр. для московскаго

купечества до дней гр. Закревскаго). «Если нѣмецкій купецъ приглашается на такой пиръ (пишетъ С. М. Соловьевъ), то знаетъ, какъ дорого обойдется ему эта честь». Это «похмѣлье» въ переносномъ смыслѣ значенія тягостнаго состоянія духа, какъ болѣзненнаго явленія послѣ чрезмѣрнаго злоупотребленія крѣпкими напитками, усугублялось, кромѣ траты здоровья и силъ, еще и матеріальными лишеніями. Заздравныя чаши, какъ и до сихъ поръ на крестьянскихъ свадьбахъ, и на крестинахъ чарки, требуютъ денежнаго вклада на румяна молодой, на зубокъ новорожденному и т. под., а на это и почтенная старина была изобрѣтательна: «Первую пить—здраву быть, вторую пить—себя веселить», и т. д. По пословицѣ «не всякому Савелью веселое похмѣлье; ваши пьютъ, а у нашихъ съ похмѣлья головы болятъ». Да такъ и въ пѣснѣ поется: «что не жалко мнѣ битаго—грабленнаго, только жаль-то мнѣ добраго молодца похмѣльненькаго»!

ВЗЯТКИ ГЛАДКИ.

Отъ воеводъ и подъячихъ невольно навязывается этотъ прямой и легкій переходъ къ недоброму обычаю, съ которымъ ведется борьба еще со временъ Судебника Ивана Грознаго, когда современная взятка называлась еще «посуломъ», по старинному смыслу этого слова, а не по нынѣшнему [1]),—словомъ, когда взятки еще не были гладки, т. е. можно было ихъ брать. Для просителя они были посуломъ, для пріемлющаго—взяткой, за которою еще царь Борисъ сѣкъ дьяковъ и возилъ по городу съ повѣшеннымъ на

[1]) На нынѣшнемъ посулѣ, по народной поговоркѣ, «что на стулѣ: посидишь да и встанешь».

шею незаконнымъ приносомъ: деньгами въ мѣшкѣ, мѣхомъ, соленой рыбой, съ чѣмъ виноватый попадется. Другой иностранецъ видалъ, какъ, во избѣжаніе подозрѣній, подвѣшивали взятки къ иконамъ, а деньги всовывали въ руки вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ при христосываньи. Обязательно сложилась на Руси поговорка, что «на Москвѣ дѣла даромъ не дѣлаютъ». А сюда шло все, что подойдетъ и, конечно, чѣмъ сами богаты. Монастыри несли и везли пироги, цѣльныя рыбины, ведра рыжиковъ, маканыя сальныя свѣчи и даже рѣзные гребни («да съ молодымъ подъячимъ да съ дьячимъ племянникомъ въ погребѣ выпоено церковнаго вина на семь алтынъ). Устоялся обычай издавна и стоялъ на своемъ основаніи крѣпко именно потому, что всякій служащій продолжалъ смотрѣлъ на свое дѣло, какъ на кормленіе. Выработался даже способъ давать взятки: придя къ дьяку въ хоромы, не входя (наказывалъ взяточникъ—стольникъ своему слугѣ), прежде развѣдай: веселъ ли дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко и грамотку отдай. Приметъ дьякъ грамотку прилежно, то дай ему три рубля, да обѣщай еще. А куръ, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ». «А къ Кирилѣ Семенычу не ходи: тотъ проклятый все себѣ въ лапы забралъ. Отъ моего имени Степки не проси (а сходи къ нему): я его, подлаго вора, чествовать не хочу. Понеси ему три алтына денегъ, рыбы сушоной да вина, а Степка—жадущая рожа и пьяная». Лучшей характеристики стариннымъ взяточникамъ придумать нельзя. И затѣмъ зачастую писали всѣ: «и чѣмъ мочно, хотя займи, а подъячаго почти», а остаются и понынѣ взятки гладкими у тѣхъ, кому дать нечего и для тѣхъ, кто не даетъ ничего.

ТОЛКЪ ВЪ МОЛОКѢ.

Извѣстную поговорку, обращаемую къ невѣжѣ, самоувѣренному и самонадѣянному, но не способному разумѣть истину въ ея настоящемъ смыслѣ,— поговорку: «знаешь толкъ, какъ слѣпой въ молокѣ», Даль объясняетъ такой прибауткой или анекдотомъ: Вожакъ покинулъ на-время слѣпого. «Гдѣ былъ?— Да вотъ молока похлебалъ. «А что такое молоко?»— Бѣлое да сладкое. «А какое такое бѣлое?» — Какъ гусь. «А какой же гусь?» Вожакъ согнулъ локоть и кисть клюкой и далъ ему пощупать.—Вотъ какой! «А знаю!» И по этому слѣпой понялъ, какое бываетъ молоко.

ХОРОШО-ТО МЕДЪ СЪ КАЛАЧОМЪ.

Эту хвастливую поговорку Даль объясняетъ также побасенкой или «прибаской» (какъ онъ называетъ). Одинъ хвастался: «Хорошо-то медъ съ калачомъ», а другой спрашиваетъ: «А ты ѣдалъ?» — Нѣтъ, не ѣдалъ, да лѣтось братъ въ городѣ побывалъ, такъ тамъ видалъ, какъ люди ѣдятъ.

РАЗСУДИ—ТОПОРОМЪ РАЗРУБИ.

Судились кузнецъ съ мясникомъ: одинъ другого чѣмъ-то обидѣлъ. Придумали каждый задобрить судью: Одинъ сковалъ топоръ, другой быка отвелъ:

Пришли на судъ. Первымъ заговорилъ кузнецъ.

— Господинъ судья, разсуди насъ, какъ топоромъ разруби.

А мясникъ свое говоритъ:

— Нѣту, братъ: тутъ дѣло быкомъ претъ.

ТРЯСЕТСЯ, КАКЪ ОСИНОВЫЙ ЛИСТЪ.

Осина или дрожащій тополь, въ исключеніе съ прочими деревьями, снабжена нѣкоторою особенностію въ строеніи листового черешка. Черешокъ листа длинный, часто длиннѣе чѣмъ пластинка, и широко сплюснутъ. У мѣста соединенія черешка съ пластинкой находятся большею частію двѣ железки, какъ это бываетъ и у многихъ изъ прочихъ видовъ тополя. Такое устройство листового черешка причиною, что отъ малѣйшаго вѣтерка или движенія въ воздухѣ листъ начинаетъ дрожать. Такъ объясняется это явленіе ботаниками. Народъ твердитъ свое, слѣпо вѣруя преданіямъ предковъ и не наводя справокъ о томъ, растетъ ли въ Св. Землѣ этотъ видъ изъ подсемейства ивовыхъ и большого отдѣла сережчатыхъ растеній, — народъ упрямо вѣруетъ, что на этомъ деревѣ повѣсился Іуда-предатель. Съ тѣхъ поръ осина, со всѣмъ нисходящимъ потомствомъ, во всѣхъ странахъ свѣта была неправедно проклята. При этомъ забыли, что она приноситъ сравнительно съ другими древесными породами наибольшую человѣчеству пользу, особенно нашему русскому. Въ деревняхъ изъ нея вся домашняя посуда, а въ городахъ даже и та бумага, на которой печатаются эти строки.

ДОРОГО ЯИЧКО КЪ ХРИСТОВУ ДНЮ.

Все хорошо вѣ-время, и едва ли настоитъ надобность объяснять эпитетъ яичка тѣмъ мелкимъ историческимъ фактомъ, что въ XV вѣкѣ во Псковѣ

архіепископскій намѣстникъ бралъ съ крестьянъ, игуменовъ, поповъ и дьяконовъ по новгородской гривнѣ за великоденное яйцо. Если уже соображать старинную цѣнность не матеріальную, а нравственную, то несомнѣнно дороже стоило не псковское, а московское яицо временъ царскихъ, когда этого рода пасхальные дары жаловались по выбору: инымъ золоченыя, другимъ простыя красныя; иному по три, другимъ по два и по одному (младшимъ). Немногіе бывали осчастливлены яицами, росписными по золоту яркими красками въ узоръ или цвѣтными травами, «а въ травахъ птицы и звѣри и люди». Московскому патріарху каждогодное великоденное яицо стоило, кромѣ разныхъ матерій, три сорока соболей и ста золотыхъ. Подешевле обходились лишь «приносъ» или «даръ» именитому человѣку Строганову, представителю цѣлаго края Россіи: онъ обыкновенно подносилъ государю и царевичу по кубку серебряному, по портищу бархата золотнаго, по сороку соболей и наконецъ каждому члену царскаго семейства извѣстное число золотыхъ.

Для задачи объясненія ходячихъ выраженій и крылатыхъ словъ гораздо важнѣе значеніе напр. «новоженой куницы»,—платы за вѣнчаніе, по необыкновенной живучести съ первыхъ вѣковъ исторіи до нынѣ. Названіе цѣннаго пушного звѣрка въ этомъ смыслѣ кое-гдѣ сохранилось до сихъ поръ, что очень знаменательно. Учрежденіе этой подати въ казну удѣльныхъ князей — очень древнее, одновременное съ «полюдьемъ» и «погородьемъ», тѣми данями и дарами, которые собирали князья во время объѣздовъ своихъ волостей для вершенья судныхъ дѣлъ. Эти дани упоминаются еще въ XII вѣкѣ. Потомъ это названіе исчезаетъ, но куница до сихъ поръ не забы-

лась въ народѣ. Въ Бѣлоруссіи всякій женихъ, кромѣ свадебныхъ угощеній, обязанъ «годзиць куницу», т. е. платить священнику за вѣнецъ. Это исполняютъ сваты, обязанные, сверхъ того, непремѣнно поднести матушкѣ-попадьѣ пѣтуха. Можетъ быть въ очень отдаленную и глухую старину, когда мѣха пушныхъ звѣрей замѣняли деньги и были «кунами»— ходячею размѣнною единицею, куница или цѣнность ея полагалась мѣрою при покупкѣ въ домъ работницы. И это могло быть повсемѣстнымъ обычаемъ. Теперь же въ Великороссіи куница вспоминается еще при свадебныхъ обрядахъ, но старинный прямой и безраздѣльный смыслъ ея совершенно утраченъ. По старинному напр. на нашей памяти величали новобрачныхъ пожеланіемъ (около Галича):

Кунья́ шуба до́-полу,
Божья́ милость до́-вѣку.

Сваты приходятъ въ невѣстинъ домъ «не за куницей, не за лисицей, а за красной дѣвицей». Кое-гдѣ просятъ выкупомъ за невѣсту куницу да еще и лисицу (по пристрастью къ созвучіямъ) съ придаткомъ золотой гривны да стакана вина. Дружки, въ приговорахъ своихъ, также безразлично приплетаютъ сюда еще соболя («поваръ—батюшка, повариха—матушка, встань на куньи лапки, на собольи пятки», и т. д.). Въ сѣверо-западной Россіи народъ гораздо послѣдовательнѣе и тверже въ старыхъ памятяхъ и завѣтахъ. Такъ напр. тамъ вездѣ значеніе куницы перенесено и на самое заявленіе священнику о желаніи вѣнчаться. Куницу мириць или годзиць являются цѣлой гурьбой, и потомъ хвастаются: «ужъ хвала табѣ Господзи, куницу помирили и запывидза (запоины, пропоины невѣсты) пошла». Во время крѣпостного права куницей изстари назывался также

выкупъ у пана-владѣльца невѣсты вольнымъ человѣкомъ, избравшимъ крѣпостную дѣвицу, которая такимъ образомъ выходила въ чужую вотчину, и за нее давали деньги. Священнику за вѣнецъ не всегда платятъ наличными деньгами, а иногда разсчитываются и работой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. Витебской губерніи) слово куницу также забыли (говорятъ «попа мирицъ»), но смыслъ сохранился, и сейчасъ можно слышать это старинное выраженіе цѣльнымъ на окраинахъ той же губерніи, смежныхъ съ губерніями: Смоленской и Могилевской. Надо надѣяться, что изреченіе это и здѣсь затеряется, когда окончательно исчезнутъ всѣ слѣды крѣпостного быта и потускнѣетъ объ немъ представленіе.

ИЗЪ ПОЛЫ ВЪ ПОЛУ.

Передается ли старшинство въ семьѣ, старѣйшинство или главенство въ дѣловомъ предпріятіи, право на расправу и всякаго рода распоряженій и приказаній непосредственно изъ рукъ въ руки, изъ полы въ полу. Въ послѣднемъ буквальномъ смыслѣ поступаютъ на основаніи обычнаго права, вмѣсто подписи контракта и нотаріуса, при куплѣ-продажѣ. Покупщикъ и продавецъ ударили по рукамъ, хлопали ладонями—значитъ установили цѣну. Остается передать проданное (напр. корову, лошадь и т. под.), въ руки покупателя. Накрываютъ правую руку угломъ подола и берутъ за поводокъ (веревку у коровы, недоуздокъ у лошади — узда не продажная, какъ у русскихъ людей, такъ и у кочевниковъ въ особенности). Прикрытою рукою сдаетъ продавецъ, таковою же принимаетъ покупатель. Актъ купли-

продажи вошелъ въ полную силу. Затѣмъ слѣдуетъ обычный могарычъ—спивки, слитки со счастливаго или удачливаго покупателя.

ПУСКАТЬ ПЫЛЬ ВЪ ГЛАЗА—

или, что одно и то же, мотать изъ тщеславія пріобрѣтенное или наслѣдственное имущество, жить шире наличныхъ средствъ, хвастаться, надувать и морочить, щеголяя всякими способами,—московскій археологъ И. М. Снегиревъ пытается объяснить это выраженіе историческимъ примѣромъ. Онъ приводитъ его изъ сочиненія Рафаила Барберини, бывшаго въ XVI вѣкѣ свидѣтелемъ въ Москвѣ одного тяжебнаго поединка, когда соперники бились въ полѣ (у церкви Троицы, что «у старыхъ поль»,—нынче просто «въ Поляхъ»). Бились, какъ извѣстно, въ доспѣхахъ: и тотъ, кто далъ взаймы деньги, и тотъ, который отрекается и не хочетъ платить. При этомъ Барберини сообщаетъ, что очень смѣшенъ былъ способъ вооруженія тяжущихся: «доспѣхи ихъ такъ тяжелы, что, упавши, они не въ силахъ бываютъ встать». Въ такомъ-то вооруженіи оба сражаются до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не признаетъ себя потерявшимъ поле. «Мнѣ разсказывали, что однажды случилось литвину имѣть подобный поединокъ съ москвитяниномъ. Литвинъ никакъ не хотѣлъ надѣть на себя все вооруженіе, а взялъ только нападательное оружіе, да еще украдкой захватилъ мѣшочекъ съ пескомъ и привязалъ его къ себѣ. Когда дѣло дошло до боя, онъ бѣгалъ легко и прыгалъ изъ стороны въ сторону около москвитянина, который, по причинѣ тяжелаго ору-

жія, едва могъ медленно двигаться. Улучшивъ время, литвинъ искусно подскочилъ къ нему и пустилъ въ отверстіе наличника щепоть песку (какъ у нѣмцевъ по пословицѣ: «Sand in die Augen zu streun»), такъ что ослѣпилъ его, и въ это самое время желѣзнымъ топоромъ началъ ломать на немъ оружіе. Москвитянинъ, не могши ничего видѣть, призналъ себя побѣжденнымъ, и литвинъ остался побѣдителемъ. Послѣ этого случая, москвитяне не стали уже позволять иностранцамъ вступать съ ними въ подобные поединки».

ЧѲРТУ БАРАНЪ.

Во всѣхъ концахъ Россіи, не исключая Бѣлоруссіи, самоубійцамъ пріурочивается вѣковѣчное прозвище «чорту баранъ», въ которомъ чувствуется и то презрѣніе, какое глубоко вкоренилось въ народномъ убѣжденіи по отношенію къ этимъ преступникамъ, и сказывается та основа повѣрья, изъ которой выродилось это живое крылатое слово. На самоубійство, какъ и на множество другихъ преступленій, помимо доброй воли и порченой природы, натравливаетъ нечистая сила или дьяволы, черти всякаго рода и всегда «нѐжить». Въ этомъ случаѣ чортъ творитъ зло въ личныхъ расчетахъ, но по особому приказу и прямому указанію верховнаго своего начальника — сатаны, не смотря на то, что иногда цѣль наущенія, повидимому, ничтожна. Въ данномъ случаѣ покусившійся на свою жизнь, наказывается какъ бы временнымъ превращеніемъ въ животное для того, чтобы черти на томъ свѣтѣ до сорокового дня могли ѣздить на немъ неустанно

или возить на немъ воду. Человѣкъ, такимъ образомъ, доброхотно самъ себя принесъ, вмѣсто обѣтнаго и обрядового барана, въ жертву подземнымъ богамъ, злой и нечистой силѣ. По глубокому народному вѣрованію, она одна является здѣсь основной причиной неумолимаго грѣха, толкая въ воду, накладывая на шею петлю и подвѣшивая трупы на деревья въ укромныхъ лѣсныхъ мѣстахъ и на балкахъ холостыхъ строеній по задворкамъ: бань, овиновъ, амбаровъ и проч. Въ Бѣлоруссіи при этомъ твердо укоренилось даже такое повсемѣстное вѣрованіе, что того человѣка, который вынулъ изъ петли удавленника и хотя бы оживилъ его, всю жизнь во время сна будетъ преслѣдовать таинственный голосъ, нашептывая: «зачѣмъ ты его спасъ; зачѣмъ ты его увелъ отъ насъ?» За то принято народомъ за правильный законъ всюду, хотя и хоронить самоубійцъ на кладбищахъ, но гдѣ-нибудь въ углу и поодаль отъ прочихъ могилъ. «Чорта потѣшилъ,—изъ себя барана сдѣлалъ—говорятъ въ Новгородской губерніи:—сунулъ голову въ петлю, а чортъ и затянулъ ее; онъ и натолкнулъ на грѣховную мысль, и пособилъ привести ее въ исполненіе». Сорокъ дней умершая душа всякаго человѣка ходитъ по мытарствамъ; непогребенная душа скитается по міру; самоубійца отдаетъ душу чорту и не допуская ее до мытарствъ.

УБИТЬ БОБРА.

Выраженіе это, обращаемое къ неудачливому человѣку, какъ насмѣшка, въ виду пріобрѣтенія имъ дурного, вмѣсто хорошаго, напримѣръ, товара, и

другихъ разныхъ предметовъ до жены включительно, произошло, конечно, отъ того звѣрька, который даетъ на воротники густой мѣхъ. Такая горькая неудача предполагается равносильною тому, какъ если бы, намѣреваясь убить цѣннаго звѣря, хотя бы и рѣчного (castor fiber), не говоря уже о драгоцѣнномъ морскомъ (lutra), — довелось убить свинью. Такъ между прочимъ поступили калязинцы: они свинью за бобра купили, и за то эту неудачу, какъ забавный случай обратили имъ въ вѣковѣчную насмѣшку, въ видѣ присловья. Обманъ темныхъ людей поставленъ такимъ образомъ въ зависимость отъ тѣхъ серебристыхъ волосковъ, которые увеличиваютъ цѣнность морского звѣрька, но ничего не стоютъ въ видѣ щетины домашняго животнаго. Извѣстенъ анекдотъ, какъ глупый денщикъ, изъ усердія и услужливости, выщипывалъ изъ воротника своего барина-офицера эту красивую особенность мѣха на томъ соображеніи, что самъ баринъ выщипывалъ такія же сѣдинки изъ своихъ волосъ на головѣ и бакенбардахъ. Въ доказательство того, что именно рѣчной бобръ далъ поводъ къ сочиненію выраженія, служитъ то обстоятельство, что нѣкогда въ Россіи бобры водились почти вездѣ и о бобровыхъ гонахъ упоминается во всякой владѣнной записи. Теперь ихъ нѣтъ нигдѣ, за самыми ничтожными исключеніями кое-какихъ рѣкъ въ бѣлорусскихъ и пинскихъ болотахъ, какъ съ свою очередь сдѣлался рѣдкостнымъ драгоцѣнный камчатскій бобръ, особенно тотъ, который ловится около мыса Лопатки у камня Гаврюшкина. Цѣна ему на мѣстѣ, въ невыдѣланномъ, а лишь просоленномъ видѣ, въ послѣдніе года была очень высока, начинаясь съ 600 р., и въ виду того, что бобръ того же вида, но пой-

манный на Командорскихъ островахъ, на сѣверной оконечности острова Мѣднаго, у такъ называемаго Боброваго камня, стоитъ всего 150—200 руб.

ХОТЬ СВЯТЫХЪ ВОНЪ УНОСИ.

Иногда говорится такъ при случаяхъ совершенно противоположнаго и непохожаго смысла, а «святыми» въ полное согласіе весь русскій народъ называетъ тѣ иконы, которыя ставитъ на тяблѣ (особой полочкѣ) и держитъ въ кіотахъ, чтитъ и бережно охраняетъ. Староверы, несомнѣнно, по обычаю предковъ, почтеніе къ этимъ живописнымъ изображеніямъ Спасителя, Богоматери и святыхъ угодниковъ довели даже до крайности (напримѣръ, прикрѣпляя занавѣси и задергивая лики отъ всѣхъ приходящихъ православныхъ. Впрочемъ, во многихъ мѣстахъ завѣшиваются иконы во время пиршествъ, пляски и другихъ развлеченій; нельзя сидѣть въ шапкѣ, свистать: все это большой грѣхъ.

Иконокочитаніе во всей Руси простирается съ древнѣйшихъ временъ до того, что если и существовалъ (еще до Грознаго) иконный рядъ въ Москвѣ и ими «торговали», продавая на деньги, тѣмъ не менѣе этотъ терминъ къ иконамъ непримѣнимъ, а замѣненъ словомъ «мѣнять, вымѣнивать». Когда въ 1540 г. псковичи усумнились въ пріобрѣтеніи принесенныхъ на продажу «старцами-переходцами изъ иныхъ земель» изображеній Николы и Пятницы «на рѣзи въ храмцахъ» (изваянныхъ изъ дерева въ кіотахъ), новгородскій владыка самъ молился на эти иконы, передъ ними молебенъ пѣлъ, проводилъ до рѣки Волхова на судно, а

псковичамъ наказалъ эти иконы у старцевъ «вымѣнять» и встрѣтить ихъ соборно. Понятіе о Богѣ и куплѣ очевидно не совмѣщается въ умѣ нашего народа, какъ не совмѣщалось оно и во времена язычества. Изстари же ведутся и особые привѣты и приспособлены разные пріемы въ соотвѣтствіе почитанію иконъ, называемыхъ и «святынею» и «Божьимъ милосердіемъ». «Честь да мѣсто—Господь надъ нами—садись подъ святые!»—привѣчаютъ гостя, и «кладутъ» подъ святые умирающаго, въ живѣ обмытаго и одѣтаго въ саванъ. Если таковой больной поправляется, выздоравливаетъ отъ тяжкой болѣзни, про него говорятъ, что онъ «изъ-подъ святыхъ всталъ». Зато говорятъ также и на-двое «хоть святыхъ вонъ выноси»: про тѣхъ, которые врутъ не въ мѣру, «и святыхъ выноси и самъ уходи», и про безтолковый гамъ и крикъ на міру въ замѣну обычнаго «поднялся содомъ»: пусть св. иконы не видятъ грѣховныхъ людскихъ развлеченій и не слышатъ свиста пустодома. И дѣйствительно, выносятъ прежде всего святыя иконы на случай пожарнаго бѣдствія въ деревняхъ, и при переходѣ изъ старой избы во вновь построенную, и т. д. Объединявшая Москва, забирая подъ свою высокую руку обезсилѣвшіе удѣльные города, этимъ же способомъ пользовалась, какъ чрезвычайно ловкимъ политическимъ пріемомъ. Все нижнее тябло въ иконостасѣ большого Успенскаго собора украшено таковыми иконами палладіумами изъ разныхъ русскихъ странъ, какъ побѣдными трофеями. Къ числу таковыхъ относятся также и колокола, о чемъ я уже имѣлъ случай упоминать въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь, вѣроятно, и начало вышеприведенному и повсюду распространенному изреченію.

НЕ ВЪ БРОВЬ, А ПРЯМО ВЪ ГЛАЗЪ.

Общеизвѣстное изреченіе это можно было бы обойти безъ разъясненія, тѣмъ болѣе, что и пословицы наши на большую часть имѣютъ недоброе свойство «колоть не въ бровь, а прямо въ глазъ». Не столько личная привычка искать начала въ историческихъ событіяхъ, сколь требовательность со стороны вынуждаетъ иногда останавливаться на такихъ намекахъ, которые могутъ быть и сомнительны, но болѣе или менѣе освѣщаютъ самый предметъ и придаютъ жизненный смыслъ ходячему выраженію. Такова между прочимъ на указанную тему легенда, сохранившаяся у казаковъ и разъясняющая такъ называемый «второй паекъ». Вотъ какъ записана она въ «Терскихъ Вѣдомостяхъ».

«Въ стародавнюю пору у Грознаго Царя Ивана Васильевича была война съ татарами. Долго воевали они, но война ничѣмъ не кончилась. Вотъ татарва и говоритъ Грозному Царю:

— Не будемъ больше воевать, а вотъ мы вышлемъ бойца, а вы, русскіе, своего высылайте. Если нашъ богатырь побьетъ вашего, то всѣ вы наши рабы, а коли вашъ побѣдитъ, то мы будемъ вѣчными рабами русскихъ.

Подумалъ Грозный Царь и согласился. Выходитъ съ татарской стороны великанъ саженнаго роста и хвалится надъ русскими:

— Кто, молъ, такой явится, что со мной вступитъ въ бой великій: убью его, какъ собаку поганую.

Глубоко вознегодовалъ Грозный Царь за такую похвальбу нескромную и рѣшилъ примѣрно нака-

зать злого татарина. Сдѣлалъ онъ кличъ по всей рати... Долго не находилось охотника. Грозный Царь началъ уже сердиться. Но вотъ нашелся одинъ,— такъ, небольшой казачишка. Идетъ къ государю, въ ноги кланяется и говоритъ:

— Царь-батюшка, не прикажи казнить,—дозволь, государь, слово вымолвить.

Приказалъ Грозный Царь встать, приказалъ слово сказать.

— Я даю свое слово,—говоритъ казачишко,— великій царь, что убью этого поганаго татарина каленой стрѣлой, прямо въ правый глазъ; если-жъ этого не сдѣлаю, то воленъ Ты, государь, въ моей жизни...

Вышелъ онъ на поле ратное, навелъ тетиву на тугомъ лукѣ и угодилъ стрѣлой татарину чуть повыше глаза праваго, прямо въ бровь. Повалился злой татаринъ, а казачишко бросилъ лукъ и стрѣлы и пустился въ бѣгъ... Царь послалъ гонцовъ за нимъ... Привели его къ государю.

— Ты что же бѣжишь, вѣдь ты же убилъ врага лютаго,—говоритъ Грозный Царь.

— Да, царь,—батюшка, врага-то я убилъ, да слова своего не выполнилъ: попалъ не въ глазъ, а въ бровь, и стыдно стало мнѣ явиться предъ твои очи государевы.

— Я прощаю тебя,—говоритъ Грозный Царь,— и хочу наградить тебя за такую услугу немалую!

— Спасибо, государь, что ты хочешь дать радость твоему рабу недостойному. Вотъ моя просьба къ тебѣ. Я не буду просить многаго, а коль возможно, то пусть женѣ моей, когда я на службѣ, идетъ второй паекъ, а коли будетъ Твоя милость, то и всѣмъ женамъ казачьимъ.

Возговорилъ тогда царь-батюшка, повелѣлъ давать второй паекъ всѣмъ женамъ казачьимъ, да прибавилъ:

— Пусть будетъ паекъ этотъ на вѣки вѣчные неизмѣннымъ, поколь будетъ стоять Земля Русская.

Съ тѣхъ поръ и получаютъ казаки второй паекъ».

КОНЦЫ ВЪ ВОДУ.

Это изреченіе стараются объяснить также историческимъ путемъ, приписывая Грозному новый способъ казней, смирявшихъ заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ новгородцевъ. Толкуютъ такъ: съ камнемъ на шеѣ велѣлъ царь бросать гражданъ въ рѣку Волховъ и, стало быть, на днѣ его хоронилъ концы мученій жертвъ и успокоивалъ свою мятежную совѣсть. Играли ли камни тутъ какую-либо роль — сомнительно. Точныя извѣстія показываютъ лишь то, что обреченныя на потопленіе жертвы отвозились привязанными къ санямъ къ Волховскому мосту. Съ него и бросали въ рѣку мужчинъ. Женъ и дѣтей со связанными руками и ногами свергали съ другого какого-то высокаго мѣста. Младенцевъ привязывали для той же цѣли къ матерямъ. Камней, очевидно, на шеяхъ не было, потому что дѣти боярскія и стрѣльцы обязаны были ѣздить на челнокахъ по Волхову и прихватывали баграми, кололи копьями и рогатинами и усиленно погружали такимъ способомъ на дно рѣки. Такъ дѣлалось ежедневно въ теченіе пяти недѣль. Несмотря на такую доступную справку, одинъ изъ толковниковъ счелъ нужнымъ сослаться еще на времена бироновщины, и на основѣ преданій повторилъ разсказъ о такомъ же способѣ

казней, производимыхъ однако втайнѣ, чтобы скрыть слѣды. Сообщеніе вѣроятное, но оно не имѣетъ за собою точно провѣренныхъ историческихъ данныхъ хотя бы по мемуарамъ иностранцевъ.

КАНДРАШКА ХВАТИЛЪ.

Постигъ внезапный и даже роковой смертельный ударъ, по предположенію историка С. М. Соловьева, какъ обиходное выраженіе господствуетъ со временъ Булавинскаго бунта на Дону въ 1707 году. Бахмутскій атаманъ «Кандрашка» Булавинъ (Кондратій Афанасьевъ), избравъ себѣ въ шайку Ивашку Лоскута, Филатку Никифорова и иныхъ гулящихъ людей (человѣкъ съ 200) убилъ князя Долгорукова, офицеровъ и солдатъ. «И старшинъ также хотѣлъ побить, но не засталъ, потому что, въ однихъ рубашкахъ выскочивъ, едва ушли. И они, воры, за ними гоняли и за темнотою ночи не нашли, потому что розно разбѣжались».

СНЯВШИ ГОЛОВУ,—

по волосамъ не плачутъ въ смыслѣ, что если стряслась большая бѣда и посѣтило крупное горе, то уже излишне тосковать о мелочныхъ непріятностяхъ. Впервые будто бы примѣнилъ это народное изреченіе, въ свое утѣшеніе, Петръ Великій, убѣдившись, фактомъ измѣны Мазепы, въ невинности казненнаго имъ доносчика на гетмана полтавскаго полковника Искры. Царь скорбѣлъ и раскаявался, и, когда убѣдился въ справедливости доносовъ Кочубея и Искры, приказалъ Мазепу проклинать. Митрополитъ кіевскій съ двумя архіереями первымъ

исполнилъ это повелѣніе въ Глуховѣ. Затѣмъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ Стефанъ Яворскій, въ сослуженіи архіереевъ и въ присутствіи высшихъ чиновъ, трижды возгласилъ: «измѣнникъ Мазепа за клятвопреступленіе и за измѣну великому государю буди анаѳема!» Прочіе архіереи пропѣли трижды «буди проклятъ!»

МЕЖЪ ДВУХЪ ОГНЕЙ.

То мучительное или томительное состояніе, когда затрудненъ человѣку выходъ изъ стѣсненнаго и затруднительнаго положенія, также стремятся оправдать историческимъ путемъ, уподобляя равносильному унизительному положенію удѣльныхъ князей— въ Ордѣ. Ихъ приводили къ хану не иначе, какъ очищенными и освященными всемогущимъ стихійнымъ началомъ — огнемъ. Проходилъ князь къ ханской ставкѣ между двумя зажженными кострами. Но насколько основательно и требовательно и въ этомъ случаѣ искать историческаго объясненія здѣсь, а не въ обиходныхъ случаяхъ, напримѣръ, лѣсныхъ пожаровъ, когда опытъ учитъ для ихъ обезсиленія и прекращенія напускать встрѣчный огонь? Имѣть неосторожность попасть между двумя огненными стѣнами — тоже не изъ веселыхъ положеній.

Съ такими усердными розысками, основанными на легкой подозрительности, можно дойти до сомнительныхъ толкованій (и это на лучшій конецъ), если не до простой и безцѣльной забавы (—на худшій). Въ числѣ подобныхъ толкованій могутъ оказаться и такія:

«Праздновать трусу» — не какому-нибудь злому духу (или подчиняться безпокойному неестествен-

ному настроенію души), а уподобляться польскому полковнику Струсю, котораго разбилъ на голову Launinъ съ Пожарскимъ 22-го октября 1612 года.

Конечно, «въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не пойдешь»,—это всякому понятно изъ практики жизни, и для того вовсе не нужно стариннымъ монастырямъ получать свои судебныя права. Довольно знать, какимъ уставомъ направляется жизнь: живетъ ли инокъ своимъ особымъ хозяйствомъ или общежительнымъ, иначе «богораднымъ». Во всякомъ случаѣ объясненіе подобныхъ общепонятныхъ изреченій можно сдѣлать и скучнымъ, и приторнымъ.

При другихъ объясненіяхъ можно въ самомъ дѣлѣ очутиться межъ двухъ огней: кого, напримѣръ, слѣдуетъ разумѣть подъ куликомъ, которому далеко до Петрова-дня: болотную ли птицу, или пьяницу-работника, который любитъ куликать, т. е. не кричать куликомъ, а опиваться виномъ. Какъ здѣсь разобраться?

«Согнуть въ три погибели»,—значитъ не иначе, какъ такимъ мучительнымъ способомъ, который практиковался при пыткахъ и прямо доводилъ до смерти: привязывали къ ногамъ голову; въ веревку ввертывали палку и начинали накручивать ее до такой степени, чтобы голова пригнулась къ ногамъ безповоротно и вплотную. Тутъ можно добиться только того лишь, чтобы сосчитать дѣйствительно три «погибели» въ смыслѣ «пòгибовъ» тѣла, а не доказать неизбѣжность архивныхъ справокъ на всякіе подходящіе случаи, гдѣ приходится опираться на сходствѣ словъ или на созвучіяхъ.

Съ превращеніемъ важной работы въ праздную забаву достигнешь того, что, вопреки пословицѣ у всякаго словца не дождешься конца.

КОНЕЦЪ.

DATE DUE			